

МАРКСИЗМ

современность

Международный
теоретический и
общественно-
политический
журнал

№1-2 (22-23)
2002

Выходит с 1995 года
Периодичность
издания
1 раз в квартал

Учредитель:
Союз коммунистов
Украины

Журнал зарегистрирован в
Мининформ Украины
22 сентября 1997 г.
Регистрационное
свидетельство
КВ №2861

© Редакционно-издательский
совет журнала "МиС"

СОДЕРЖАНИЕ

НАВСТРЕЧУ 85-Й ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Заседание Петербургского комитета РСДРП(б)
30 мая (12 июня) * 3

О.С. Шенин

Ленин и современность 11

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

И.А. Муратова
Евгений Варга

Не марксистская реликвия, а руководство к действию. 14

Организация промышленности и земельный вопрос в
Венгерской Советской республике 23

Павлидис Периклис
А.В. Харламенко

Бюрократизм и социалистические перевороты XX века. 34

А.В. Климова

Какое нам дело до Латинской Америки? Статья первая. 39

Л.Л. Васина

Трансформация общественного сознания к религии
и церкви в последние годы. 49

К выходу очередного тома МЭГА 58

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

Антон Баумгартен

Антиимпериализм или «антиглобализм»? (Размышления
над колыбелью еще одного движения российской левой) 59

КОММУНИСТЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Резолюция 16-го съезда Коммунистической партии Греции (ККЕ)
«Об антиимпериалистическом, антимонополистическом,
демократическом Фронте» 70

Семинар коммунистических партий Европейского региона Брюссель, 8-9 февраля 2002 г.

Информационное сообщение. 76

Брюссельская Декларация 9-го февраля 2002 г. «Борьба с
империалистической глобализацией и защита
социалистической Кореи» 76

Встреча Балканского Антинатовского Центра Салоники, 23- 24 марта 2002 года

Информационное сообщение 77

Призыв к балканским народам, к народам всего мира: Нет
расширению НАТО! Прага - ноябрь 2002. По боевому
встретим встречу в верхах ЕС. Салоники - июнь 2003. 77

Редакционно-издательский совет

Ажибекова К.А.
Гарифуллина Н.Х.
Китанович Б.
Коларов В.
Косолапов Р.И.
Мартенс Л.
Рубикс А.П.
Тюлькин В.А.
Чикин В.В.
Шенин О.С.

Редакционная коллегия

Арсеенко А.Г.
Будило А.И.
Игнатович В.Н.
Мазаров В.Н.
Пихорович В.Д.
(зам. главного редактора)
Степанова Н.А.
Суименко Е.И.
Яброва Т.И.
(главный редактор)

Семенова Н.Г.
(лит. редактор)

Ефанова И.М.
(технический редактор)

Малиновская И.В.
(перевод и ред. англ.)

Семенова Г.Е.
(перевод и ред. нем.)

Адрес редакции:

01015 г.Киев-15
а/я 28

Типография
«КВАРЕЛ»

11-й Международный Коммунистический Семинар, Брюссель, 2-4 мая 2002 г.

Информационное сообщение	79
Экономический кризис и кризис империализма. Резолюция 11-го Международного коммунистического семинара.	79
Три основных противоречия в современном мире и роль национальной буржуазии. Доклад представителя Коммунистической партии рабочих и крестьян Пакистана (СМКР) на Международном коммунистическом семинаре.	84

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Информация о 3-й Европейской встрече профсоюзов «Совместная деятельность против капитала»	87
---	----

УРОКИ БОРЬБЫ И ПОРАЖЕНИЙ

<i>Людо Мартенс</i> <i>Н. Гарифуллина</i>	Контрреволюция и революция в XXI веке.	88
<i>В.А. Сапрыкин</i>	«Родина социализма обязана возродить его». Беседа с Генеральным секретарем ЦК Компартии Чехословакии Мирославом Штепаном	95
	Контрреволюция в СССР (социальный смысл, исторические особенности, движущие силы, последствия)	108

СОБЫТИЯ. ФАКТЫ КОММЕНТАРИИ

<i>А.Глебов</i>	Результаты парламентских выборов на Украине	126
-----------------	---	-----

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА

<i>В.В. Терещук</i>	НАТО – угроза человечеству!	131
---------------------	---------------------------------------	-----

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Эпизоды героической борьбы коммунистов в годы фашистской оккупации и гражданской войны в Греции (К 50-летию расстрела народного героя Греции, члена ЦК КПГ Никоса Белоянниса и его товарищей)	140
---	-----

НАУКА И КУЛЬТУРА

<i>Е.А.Козлова</i>	Ангажированное искусство: вклад Латинской Америки.	143
--------------------	--	-----

О КНИГАХ И АВТОРАХ

<i>В.Д. Пихорович</i>	Кара-Мурза как зеркало русской контрреволюции. Полемические заметки по поводу книги С.Г.Кара-Мурзы «Советская цивилизация»	154
<i>Л.А.Берест</i>	Мутантный «марксизм» (теоретический фельетон)	161

К 90-ЛЕТИЮ ВЫХОДА В СВЕТ ПЕРВОГО НОМЕРА ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

<i>В. И. Ленин</i>	К десятилетнему юбилею «Правды»	166
<i>И. Сталин</i>	К десятилетию «Правды»	166
<i>М.И.Калинин</i>	Детище рабочего класса.	168

Точка зрения редакции не обязательно совпадает с точкой зрения авторов опубликованных материалов. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Материалы могут подвергаться сокращению без изменения по существу. Ответственность за подбор и правильность цитат, фактических данных и других сведений несут авторы публикаций.

НАВСТРЕЧУ 85-Й ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Заседание Петербургского комитета РСДРП(б) 30 мая (12 июня) *

Экстренное заседание ПК 30 мая, назначенное на 6 часов вечера.

Собрание открывается в 7 часов 20 минут при 23, во время заседания увеличившихся до 30 человек ¹.

Присутствуют: от Выборгского района – П.А.Залуцкий, В.Скрябин [В.М.Молотов], [И.Ф.]Кодацкий, [В.М.]Черезов, [М.О.]Плетнев, [М.И.]Калинин, [М.Я.]Лацис-Николаев (Дядя); от Василеостровского района – [С.З.]Розовский, [В.А.]Иванов; от 2-го Городского района – [М.М.]Харитонов; от Колпинского района – [И.Н.]Стуков; от Московского района – Эглит ², [С.М.]Гессен; от Нарвского района – Б.Козловский **, [В.И.]Невский, [А.Л.]Шильман, [В.]Володарский, [М.]Горелик; от Невского – [В.Б.]Винокуров, [А.Н.]Слуцкий, [С.Я.]Багдатьев; от Петербургского района – [С.П.]Прохоров, [Н.В.]Смирнов; от Пороховского района – [Р.]Абрамович *** и [М.П.]Томский; от Латышского района – Юрт Дыллз; от Финского союза – [И.А.]Рахья; от Литовской организации – [З.И.]Алекс; от Сестрорецкого района – [Н.А.]Кубяк; от Военной организации – [Н.И.]Подвойский; от Эстонской организации – [Ю.]Самп ****.

Не представлены районы: 1-й Городской, Рождественский, Шлиссельбургский, Литейный, Группа с[оциал]-д[емократии] Польши и Литвы.

Председателем избирается Скрябин.

Обсуждается порядок дня, предложенный Исполнительной комиссией ³:

- 1) Доклад Исполнительной комиссии.
- 2) Экстренные дела районов.
- 3) Орган ПК.
- 4) Взаимоотношения ПК и ЦК.
- 5) Текущие дела.

Орган ПК решено обсуждать 2-м пунктом порядка дня.

Тов. Харитонов предлагает внести в порядок дня вопрос об юношеской организации – ввиду того, что юноши могут подпасть под влияние других партий, что сейчас к ним уже проник либерал и пользуется большим влиянием среди них ⁴.

Тов. Рахья считает, что этот вопрос не должен обсуждаться на экстренном заседании Петербургского комитета, пусть Исполнительная комиссия сделает подробный доклад следующему очередному заседанию ПК.

Предложение тов. Харитонova отвергается.

Тов. Лацис предлагает внести в порядок дня и высказаться по вопросу о слиянии экстерриториальных национальных районов с территориальными ввиду важности совместной согласованности в работе района и ввиду обращения со стороны некоторых национальных групп к

* Редакция продолжает публикацию малоизвестных документов периода подготовки Октябрьского вооруженного восстания 1917 г. Начало см. «МиС» №3-4(20-21) 2001 г.

** В документе Козловский отнесен к Московскому району, карандашом исправлено на Нарвский.

*** В документе ошибочно напечатано «Прохоров»; карандашом исправлено на «Абрамович».

**** Последние три слова вписаны карандашом.

Выборгскому району с предложением слияния.

Тов. Самп* просит подождать с обсуждением этого вопроса, так как Эстонская организация, запрашивавшая о слиянии Выборгский район, сама еще не решила утвердительно этого вопроса.

Тов. Лацис снимает свое предложение.

Тов. Стуков предлагает выяснить отношение ПК и ЦК к контрреволюционным действиям правительства в последнее время: например, о расформировании полков.

Тов. Самп* поддерживает предложение тов. Стукова о внесении в порядок дня обсуждения этого вопроса. Решив принципиально вопрос, можно поручить Исполнительной комиссии войти в ЦК для согласованности выступлений с ним.

Тов. Томский находит, что практические шаги в этом направлении относятся к компетенции ЦК.

Тов. Стуков соглашается с тов. Томским, но считает необходимым, чтобы Петербургский комитет вынес свое мнение по данному вопросу.

Решено вопрос о контрреволюционных шагах правительства обсудить вместе с обсуждением экстренных докладов районов.

Порядок дня, предложенный Исполнительной комиссией, принимается.

I.

Тов. Бокий делает доклад Исполнительной комиссии. На другой день после заседания Петербургского комитета Исполнительная комиссия, согласно постановлению ПК, выработала резолюцию о разгрузке Петрограда. Резолюция была напечатана в «Правде» ⁵, но последний пункт: «ПК предлагает рабочим немедленно поднять вопрос о разгрузке на всех заводских собраниях, вынося резолюции протеста» – «Правдой» напечатан не был.

Точно та же не напечатала «Правда» и выдержек из протокола очередного заседания ПК, посланного в «Правду» на другой день после заседания ПК, из-за «сухости» изложения. Несмотря на протест секретаря и обещание редакции «Правды» напечатать выдержки из протокола на следующий день, они оказались ненапечатанными до сегодняшнего дня.

Исполнительная комиссия решила снова сформировать агитаторскую коллегию при ПК. Попытка распределения агитаторов по районам оказалась неудачной. Прикомандированные к районам агитаторы целиком вошли в работу районов, и у ПК не осталось агитаторов для обслуживания крупных и важных митингов и собраний. Исполнительная комиссия решила образовать центральную агитаторскую коллегию из 10-15 человек – свободных и оплачиваемых партийцев. Эти лица будут обслуживать все крупные и важные митинги, читать лекции, а в районах они могут вести только агитаторские школы.

Исполнительная комиссия, считая, что запросы масс уже не удовлетворяются митинговой агитацией, находит своевременным перенести центр тяжести с митингов на

* Фамилия вписана карандашом.

лекции. Лекции должны быть платные, так как касса ПК почти пуста. Платные лекции с избытком покроют расход на оплату лекторов. Решено дело оплаты поставить таким образом: если лекцию устраивает район и приглашает лектора от Петербургского комитета, то 50% поступает в район и 50% – ПК; если лекцию устраивает Петербургский комитет, то весь доход с лекции в пользу ПК.

Проектируемая таким образом агитаторско-лекторская коллегия почти сформировалась. 31-го мая созывается учредительное собрание коллегии совместно с Исполнительной комиссией, на котором распределяются роли.

В пятницу, 23 мая, было собрание реформирующейся милиции, на которое был делегирован тов. Рахья. Для помещения ПК во дворце Кшесинской дана отсрочка до 5 июня. Бюро Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов постановило требовать от Временного правительства отведения для партийных организаций и профессиональных союзов двух дворцов (предполагается Аничкин дворец и Ксениинский институт⁶). При благоприятном отношении Временного правительства ПК предполагает устроиться совместно с профессиональными союзами (в Ксениинском институте).

В четверг назначено собрание Информационного бюро с интернационалистами. Представителем туда идет от нас тов. Володарский.

Шлиссельбургский район заявил о своем желании образовать самостоятельный комитет. Туда был командирован т. Томский. Организация в Шлиссельбурге маленькая, около 80 человек, и т. Томскому удалось убедить товарищей слиться с нашей районной организацией, существующей на динамитном заводе близ г. Шлиссельбурга.

По тождественному заявлению об образовании отдельного Охтенского района, куда войдут Большая Охта, Малая Охта, деревня Исаковка, предложено ему слиться с Пороховским районом.

Для правильного и однообразного ведения отчетности в ПК и в районных комитетах Исполнительная комиссия предполагает в ближайшем будущем созвать собрание районных секретарей⁷ и, где таковые имеются, бухгалтеров и казначеев. Тов. Рахье поручено ознакомить собрание с ведением простой бухгалтерии.

Ввиду того, что представитель ЦК не явился, решено вторым вопросом порядка дня обсуждать экстренные доклады районов.

II.

Тов. Т о м с к и й оглашает резолюцию Пороховского Совета рабочих и солдатских депутатов:

«Исполнительный комитет препровождает вам нижеследующую резолюцию, принятую на заседании его 22-го сего мая:

Обсудив деятельность большевистского течения социал-демократической рабочей партии в местном районе и принимая во внимание:

а) что деятельность эта среди малосознательных рабочих масс района вносит крайне дезорганизующее влияние и способствует контрреволюционному движению;

б) что при создавшемся положении практическая и организационная работа в местных общественных организациях является невозможной;

в) что дальнейшая работа в сказанных организациях возможна только при условии признания и подчинения большевиков платформе Совета рабочих и солдатских депутатов, -

Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских

депутатов Пороховского района совместно с представителями от местных заводских и продовольственных комитетов, войсковых частей, крестьянских организаций и обществ потребителей рабочих единогласно постановили:

1) Потребовать от большевиков Пороховского района в кратчайший срок признания и подчинения платформе Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

2) В случае отказа от выполнения такого требования – сложить с себя все работы по ведению дел в перечисленных выше организациях района и предложить товарищам большевикам взять эту работу на себя.

3) Всем товарищам, освобождающимся от работы в общественных организациях, приступить к усиленной организации рабочих масс местного района.

О вышеизложенном постановлении довести до сведения Петроградского и местного Совета рабочих и солдатских депутатов, а также местного комитета социал-демократической рабочей партии большевиков.

Председатель Исполнительного комитета Я.Аносовский.

Члены (следуют подписи).

Секретарь Цыпленков».

Большевики получили жандармские бумажки с вызовом явиться для объяснений.

На заседании Пороховского Совета рабочих и солдатских депутатов т. Либер приветствовал от имени Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов почин Пороховского Совета рабочих и солдатских депутатов и рекомендовал другим Советам подражать этому шагу. Либер перенес вопрос из плоскости юмористики на принципиальную плоскость: должен ли всякий, входящий в Совет, член проводить платформу Совета? При утвердительном решении этого вопроса ставится вопрос об изгнании большевиков из Совета, где их меньшинство.

Тов. С т у к о в приводит аналогичный случай в Колпино, где наряду с увеличением продуктивности работы большевиков начался поход на них со стороны социалистов-революционеров. Под влиянием социалистов-революционеров рабочие потребовали ухода большевиков из Колпинского Совета Р и СД. Местная эсеровская организация призывает массы бороться с большевиками вплоть до насилия: обструкции на собраниях, срывания плакатов и воззваний, угрозы избиения и пр. Замечается нарастание контрреволюционного настроения, имеющего корни в среде колпинских рабочих, являющихся полупролетариями, не порвавшими связи с деревней. С нарастающим контрреволюционным движением масс приходится считаться как с фактом.

Тов. З а л у ц к и й, исходя из того положения, что рабочие не заинтересованы в контрреволюции, а малосознательны, считает необходимым противопоставить нарастающему течению усиление агитации – устной и письменной пропаганды, организацию чтений и лекций.

Тов. В о л о д а р с к и й предлагает ребром поставить вопрос об отношении Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов Петрограда к резолюции Пороховского Совета. В случае отрицательного отношения к позиции Пороховского Совета в наших руках будет орудие самозащиты, в противном случае мы имеем решительные основания для ведения кампании против такой постановки вопроса.

Тов. С к р я б и н стоит за необходимость строгой организованности, согласованности и продуманности ведения такой кампании. Вопрос должен быть обсужден по району.

Тов. А б р а м о в и ч заявляет, что кампания против

большевиков поднята с верхов, рабочие протестуют против нее, требуют переизбрания Совета, но Совет считает себя поставленным революционным народом и не желает переизбрания.

Тов. Лацис предлагает в те районы, где обнаруживаются течения против большевиков, направлять наивозможно больше партийных сил для пропаганды в массах.

Тов. Харитонов находит, что нельзя на митингах бросать меньшевикам и социалистам-революционерам огульные обвинения, надо указывать на конкретные факты, например, съезд партии социалистов-революционеров⁸, письмо Ларина⁹ и др. Для борьбы с нападками на нас меньшевиков, социалистов-революционеров необходим орган, тесно обслуживающий местную жизнь.

Тов. Стуков думает, что враждебное отношение к большевикам есть не только продукт несознательности масс. Первое революционное настроение масс прошло, начинается подлинное выявление физиономии различных слоев населения. В широких слоях населения антибольшевистская агитация имеет объективную почву.

Тов. Слуцкий предлагает воздержаться от оценки момента до выяснения позиции Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Положение в Невском районе таково, что не дают совсем говорить большевикам на митингах – свистят. Лекции, дающие чисто фактический материал, – лучшее средство против митингового «свистульного» настроения.

Тов. Калинин видит новый момент в обострении фракционной борьбы. «Правда» ведет резкую обвинительную линию, и потому, что она обвиняет по праву, ждаты пощадят от противников нельзя: вор не пощадит того, кто его называет вором. Способом защиты против поднятой компании может быть ловкость политики на месте. Кампанию надо использовать в своих интересах: например, собрать ту мастерскую, которая выбрала в Совет большевика, и спросить ее, как должен поступить их представитель в Совете в ответ на требование изменить свою политическую линию. Свистки массы на митингах можно остановить ловкостью оратора: нужно умение в подходящий момент показать свою лояльность и выявить противника в плохом свете. Не нужно зарываться и надо давать компенсацию меньшинству. В такой район, как Колпино, надо послать работников «политиков».

Прения прекращаются.

Принимается резолюция¹², выработанная тт. Томским и Залуцким: «Петербургский комитет, заслушав и обсудив доклад представителя Пороховского района, а равно и резолюцию Исполнительного комитета Пороховского района, а равно и резолюцию Исполнительного комитета Пороховского районного Совета рабочих и солдатских депутатов от 22 мая, одобренную районным Советом 24 мая, констатирует:

1) что резолюция Исполкома Пороховского районного Совета Р и СД содержит в себе не только обычную травлю против нашей партии, но чудовищное требование к партии отказаться от своей политической платформы;

2) что официальный представитель Исполкома Петроградского Совета Р и СД Либер, одобрив от имени Петроградского Исполкома эту недопустимую резолюцию, очевидно превысил свои полномочия, ибо Исполнительный комитет Петроградского Совета Р и СД до сих пор не прибегал к карательным мерам стеснения свободы агитации социалистических партий.

Ввиду этого Петербургский комитет постановляет:

1) вменить в обязанность своим представителям в Исполнительном комитете Петроградского Совета Р и

СД запросить Исполнительный комитет об его отношении к политически бестактному и формально незаконно-му требованию Пороховского Совета Р и СД;

2) предложить Пороховскому районному комитету партии с своей стороны запросить Исполком Петроградского Совета Р и СД о его отношении к данному факту, выпустив в то же время листок к рабочим с разъяснением всей нелепости и антидемократичности подобного требования».

Тов. Лацис доказывает, что предстоящие выборы в Выборгскую районную думу будут носить крайне ожесточенный характер борьбы с другими партиями, так как освободившиеся силы из других районов будут двинуты в Выборгский район. Выборы назначены на 3, 4 и 5 июня¹³. До сих пор Выборгская районная организация вела паразитическую политику: она использовала собрания, созываемые другими политическими партиями. Результаты нашей работы еще трудно предвидеть, определенно можно только сказать, что пулеметный полк будет голосовать за нас.

Тов. Калинин заявляет, что в Лесном районная дума будет создана, но не известно еще о времени выборов.

Собрание предлагает всем районам организовать помощь тем районам, где не было еще выборов в районные думы¹⁴.

Тов. Стуков рассказывает о волнениях на колпинских заводах в связи с военно-подоходным налогом. Рабочие восприняли лозунг «ни копейки на войну» так, что отказываются платить этот налог. На попытку администрации собрать этот налог посредством вычетов рабочие отвечают желанием бороться против налога вплоть до стачки. Колпинский район желал бы знать, как смотрит ПК на взимание этого военно-подоходного налога, принятого в порядке ст. 87-й¹⁵.

Тов. Харитонов находит, что позиция колпинских рабочих неверна. Если не платить военно-подоходного налога, то не следует логически вообще платить налоги. Не платить военно-подоходного налога равносильно отказу идти в солдаты.

Тов. Калинин называет отказ от платежа налогов не социал-демократическим, а анархическим актом.

Тов. Стуков заявляет, что как бы ни назвать отказ от платежа налога, но есть факт, с которым приходится считаться, а ввиду того, что военно-подоходный налог, принятый в порядке ст. 87-й, не является законным налогом (все законы, принятые в порядке ст. 87-й, кроме этого, отменены), против проведения в жизнь этого налога надо бороться.

Собрание поручает Исполнительной комиссии выяснить вопрос о военно-подоходном налоге, выслушав подробный доклад по этому вопросу т. Стукова.

III.

Тов. Томский делает доклад хозяйственной комиссии. – Согласно постановлению Петербургского комитета представить в недельный срок доклад о технической стороне постановки органа ПК, Исполнительная комиссия выделила из своей среды хозяйственную комиссию, состоящую из тов. Томского и тов. Володарского. Когда хозяйственная комиссия приступила уже к своим работам, Исполнительная комиссия получила от ЦК предложение не издавать своего органа, а удовлетвориться определенным количеством столбцов в двух газетах, которые будет издавать ЦК. В редакции большого органа Петербургскому комитету предлагается иметь своего представителя с совещательным голосом, а в редакции малого – популярного ЦО – представитель ПК будет иметь решаю-

щий голос. При редакции ЦО Петербургскому комитету предлагается образовать комиссию прессы из представителей районов.

Исполнительная комиссия, встав на формальную точку зрения, вынесла следующую резолюцию:

«Выслушав предложения Центрального Комитета о создании двух органов, Исполнительная комиссия на основании старого решения Петербургского комитета о создании собственного органа поручает хозяйственной комиссии продолжать свою работу по подготовке такового».

После этой резолюции Исполнительной комиссии хозяйственная комиссия вступила в переговоры с тов. Шведчиковым¹⁶. Последний сообщил, [что] положение «Правды» в «Сельском вестнике»¹⁷ крайне неустойчиво, почему надежды, что петербургский орган можно будет печатать в типографии «Сельского вестника», нет. «Труд» может представить для петербургского органа малую машину, которая не имеет фальцовки. Ставить ручную фальцовку дорого, и работа ручной фальцовкой будет производиться медленно, что особенно неудобно для удовлетворения иногородних подписчиков. Малая машина в типографии «Труд» печатает только 8 тысяч экземпляров в час. Для тиража в 50 тысяч такая машина может напечатать газету только к часам 11-ти (5 – 11). Вопрос с бумагой можно разрешить, организовав общую комиссию для всех изданий нашей партии.

Ставить отдельную экспедицию для России сложно и дорого; если иметь общее помещение с Центральным органом, то обойдется на 40% дешевле. Тов. Шведчиков соглашается дать штат опытных экспедиторов, которые помогут поставить экспедицию. При печатании 60 тысяч номеров номер обойдется 1300–1400 рублей, т.е. около 3 копеек отдельный номер. Для организации дела необходима сумма 15 000–20 000 рублей. Хозяйственная комиссия надеется, что со всеми препятствиями можно будет уладить. С денежной стороны нам помогут, как всегда, рабочие Петрограда. Назначенное на понедельник собрание хозяйственной комиссии «Правды» не состоялось.

Тов. Ленин¹⁸ заявляет, что желание Петербургского комитета иметь свой отдельный орган явилось для Центрального Комитета новинкой. Является непонятным, почему возник этот вопрос как раз в то время, когда налаживается своя типография, когда начали налаживаться договоры с междурайонкой для привлечения т.Троцкого к изданию популярного органа.

На Западе в столицах или крупных промышленных центрах органы местные и центральные не разделяются. Из-за растраты сил такое разделение вредно. Отдельный от Центрального органа орган ПК нецелесообразен. Петербург, как отдельная местность, не существует. Петербург – географический, политический, революционный центр всей России. За жизнью Петербурга следит вся Россия. Всякий шаг Петербурга является руководящим примером для всей России. Исходя из этого положения, жизнь ПК нельзя сделать местной жизнью.

Почему не принять предложения ЦК об образовании комиссии прессы? В истории печати на Западе, там, где существовали такие комиссии, бывали, конечно, недоразумения между редакцией органа и комиссией, но они возникали исключительно на почве принципиального ведения органа. Какие же принципиальные политические мотивы для конфликта у ПК и ЦК? Независимо от своего желания орган ПК всегда будет руководящим органом партии.

Опыт с постановкой своего отдельного органа быстро убедит * ПК в невозможности замкнуться в местную жизнь. ЦК не отрицает необходимости иметь для нужд

Петербургской организации значительное место в газетах. ЦК не отрицает нужды в популярном органе для разъяснения широким массам наших лозунгов. Но постановка популярной газеты сложна и требует большого опыта. Поэтому-то ЦК и привлекает к участию в постановке популярной газеты т.Троцкого, сумевшего поставить свой популярный орган – «Русскую газету»¹⁹.

В истории Запада вопрос о популярном органе [не стоял] так остро, как у нас. Уровень масс на Западе поднимался ровнее благодаря культурно-просветительной работе либералов среди них. В таких странах, как Чехия и Богемия, популярные органы есть. Задачи популярного органа – поднимать читателя до понимания руководящего партийного органа. Если мы не поставим популярного органа, массу возьмут другие партии и будут с ней спекулировать. Популярный орган по типу не должен быть местным, но ввиду затруднений в почтовых отправлениях он, по необходимости, будет обслуживать главным образом Петербург. Для достижения правильного обслуживания местных нужд ПК должен оформить себе желательное место в редакции органа²⁰.

Тов. Слуцкий соглашается с т. Лениным, что питерская жизнь является руководящей для всей России. Но т. Ленин не прав, когда отрицает в питерской жизни присутствие чисто местных интересов. Центральный орган дает и будет давать место только для той части вопроса, которая имеет общероссийское значение. Например, «Правда» печатает о стачке прачек, но не печатает о расценках ** и только то, что интересно с общероссийской точки зрения. По примеру Донецкого бассейна и другие города могут получить общероссийское руководящее значение. Но из этого не следует, что все стороны жизни этого города получают такое значение. Мы не ставим вопрос, чья будет редакция, а ставим вопрос о том, кого будет обслуживать орган. Мы признаем, что политическая линия должна быть едина, для чего необходим контакт между ПК и ЦК. Разногласий между ПК и ЦК нет. Но если бы они существовали, то отсутствие своего органа у ПК не устранило бы этих разногласий. Если рассуждать таким образом, то ввиду возможных разногласий следует упразднить отдельное существование Петербургского комитета.

Тов. Рахья говорит, что у нас есть популярный орган – «Солдатская Правда». Вопрос о необходимости иметь свой орган для ПК ясен: 1) проводить кампанию согласованно всеми районами можно только при посредстве своего органа; 2) привлечь к разработке возникшего вопроса местной жизни массу можно только в своем отдельном органе; 3) имея свой отдельный орган, можно легче и лучше поставить агитационную работу; 4) комиссия прессы не будет гарантией, что все запросы местной жизни найдут простор в Центральном органе. Бояться трений нечего: трения будут зависеть исключительно от ЦК. Если ЦК будет давать определенные, не допускающие двух толкований резолюции, трений не будет.

Тов. Калинин удивляется, почему ЦК так отрицательно отнесся к желанию ПК иметь свой орган. Потребность в органе, освещающем местные нужды, так велика, что выпущенный эсерами Выборгский орган имел успех²¹. Для удовлетворения своих специфических местных нужд организация должна быть автономна. Пример меньшевиков с «Рабочей Газетой» не дает нам основания для отказа от своего отдельного органа. Если ЦК боится колебаний ПК, то ведь и у самого ЦК бывают колебания. Взять пример «Правды». Вначале «Правда» вела одну

* В протокольной записи – «разубедит».

** Далее, до точки, вписано сверху текста карандашом.

политику. Приехали тов. Сталин, Муранов, Каменев и повернули руль «Правды» в другую сторону²². До приезда тов. Ленина работал в «Правде» коллектив, после его приезда он уснул. Не будет иметь значения коллектив при редакции и в будущем. Бояться разногласия нечего: представитель ЦК в редакции петербургского органа будет осведомлять редакцию о позиции ЦК. Желание отдельного органа не есть стремление к сепаратизму.

Тов. Абрамович думает, что на местах должен быть популярный орган, который отучит массы читать буржуазные газеты. «Правда» не освещает местных вопросов.

Тов. Стуков соглашается с доводами, приводимыми членами ПК, и думает, что необходимо иметь две газеты: утреннюю и вечернюю, чтобы давать в вечерней газете освещение событий, происшедших за день.

Тов. Молотов утверждает, что конфликта и разногласий между ПК и ЦК нет. Разногласие только в политической постановке вопроса. Для нашего революционного времени опыт Запада с одним органом в центрах имеет мало доказательности. При таком взбудораженном состоянии масс целые десятки газет будут иметь распространение. Пусть «Солдатская Правда» будет популярным ЦО. В Питере результатом работы дореволюционной «Правды» есть десятки тысяч читателей, тянувшихся к большевикам. До руководящего органа партии они не доросли, а популярный орган их уже не удовлетворит. Наш петербургский орган и должен будет обслуживать главным образом этот промежуточный этаж петербургского населения. Наш орган должен оживлять, вдохновлять, создавать и учить работников. Задачи комиссии прессы абстрактны. Что касается литературных сил, то свой орган создаст нам новые литературные силы. Если у нас есть разногласия с ЦК, то только потому, что «Правда» вовремя не успевает ухватить возникновения разногласий.

Прения ограничиваются 10 минутами.

Тов. Володарский говорит, что работа Петербургской организации не обслуживается и не освещается «Правдой». Необходим местный популярный орган, который поднимет толщу питерских рабочих. Если между ПК и ЦК есть разногласия, то ЦК не может их подавлять, он должен дать им возможность нормально развиваться. Но разногласий нет. Для избежания их должен быть контакт между ЦК и ПК. Нужно заранее сталкиваться в важных случаях. ЦК оторван от местной жизни, чему служит доказательством резолюция ЦК о разгрузке. Толщу питерских рабочих может поднять только орган, близко стоящий к нуждам массы. Трудно представить, как будет размещен материал ПК в двух газетах ЦК. Если т.Троцкий согласен поставить популярный ЦО, почему он не может поставить наш петербургский орган. В отношении ЦК к вопросу о самостоятельном органе ЦК можно усмотреть желание ЦК наложить руку на работу ПК.

Тов. Невский думает, что «Солдатская Правда» может быть только ЦО, потому что все вопросы, затрагиваемые в ней, имеют общероссийское значение. Всякая резолюция питерских рабочих ставится исходной точкой для всей России. Разногласия в органах будут широко использованы врагами. «Правда» не удовлетворяет широких запросов масс. «Солдатская Правда» тоже поставлена далеко не идеально в этом отношении. Солдаты, например, просят телеграмм. Без рассказа и без стиха популярная газета существовать не может. Для того, чтобы орган приблизить к питерским массам, необходимо в редакцию привлечь силы из районов.

Поднятый вопрос о прекращении прений отклоняется.

Тов. Залуцкий не соглашается с т. Лениным, что опыт истории печати Запада может служить нам уроком.

В период войны Центральный орган Германской социал-демократической партии сыграл реакционную роль. Если бы Берлин имел свою газету, она острее ставила бы вопросы, и, может быть, было бы избегнуто много ошибок. Необходимость в популярной газете сознается всеми. Но кто может говорить с питерской массой? Петербургский комитет масса знает и между ними есть взаимопонимание.

Если мы организация не распыленная, а организующая, то мы сумеем поставить свой популярный орган не хуже т.Троцкого.

Разногласий между ЦК и ПК не было даже тогда, когда ЦК был за границей, тем более их не может быть, когда ЦК находится под боком у ПК. Если мы сумеем поставить свой отдельный орган – это будет большой плюс для местной работы. Как бы мы ни разрешили сейчас вопрос о своем органе, мы будем возвращаться к нему всякий раз, когда ЦО не сможет удовлетворить наши нужды.

Тов. Харитонов, как и на очередном заседании ПК, высказывается за совместный орган ПК и ЦК, в котором для нужд ПК будет отведено определенное количество страниц. Ссылка т.Залуцкого на «Форвертс» неудачна, так как «Форвертс» имел частных хозяев. Принципиальных мотивов для разногласий между ЦК и ПК нет, но разногласия может быть, и она всегда будет использоваться врагами. Для единства политической линии желательна одна редакция. Не всегда ЦО является правее местных, пример – орган областной организации социалистов-революционеров. Популярный орган необходим, в нем должны быть телеграммы и должен быть вечерний выпуск. Петербургский орган не предохранит нас от колебаний, и большее значение имеет районный орган, чем петербургский орган. Всероссийская [партийная] конференция в острых политических вопросах поручила брать руководство работой в Питере в руки ЦК.

Тов. Иванов находит, что дело только в словах – центральный орган или петербургский орган. Центральный орган не может мешать творчеству. Для массы только потому нужна другая газета, что она не понимает «Правды». Общий орган, который будет пусть без петербургской хроники, лучше ответит потребностям широких масс. Пусть большой орган будет ЦК, а маленький – ПК и ЦК.

Прения прекращаются, предоставляется только слово тов. Черезову, как не говорившему.

Тов. Черезов находит, что во избежание травли необходима общая редакция.

Тов. Ленин²³. – Прения дали наглядное подтверждение тезисов, выдвинутых мной. Зачем две социалистические газеты? Будто нужна газета для среднего элемента между сознательным рабочим и населением мало-сознательным. Ссылка на Берлин и Петроград есть ссылка на общие условия. Меня упрекали в разногласии, тов. Калинин говорит: «нам нужна гарантия от шатаний ЦК». Я жалею, что ЦК не принял резолюцию по поводу шатаний и в ПК и в ЦК. См[отрите] блок с социалистами-революционерами и прочими на муниципальных выборах.

Будет ли иметь решающий голос комиссия прессы? Ведь здесь раздавался голос об упразднении ПК. За кем хотите удерживать руководящую нить: – за ПК или за ЦК? В Берлине назрел раскол, потому у них иные, не столь мирные разговоры, как у нас. Говорилось здесь об издании районами своих органов, но только по незнанию трудности постановки органов. Спросите у «Солдатской правды» – у них по этому вопросу большой пессимизм. И говорить об умножении газет теперь легкомыслие. Нельзя ставить вопрос так и говорить о якобы угнетении Петербургского комитета. Здесь говорят: линия поведения ПК должна быть полевее, но это опасно, ибо это зна-

чит погибнуть, быть же чуть-чуть поправее – значит уцелеть. От колебаний вправо, что было 21 – 22 апреля, мы спаслись как партия. Теперь же ПК говорит, что основываем газету, а ЦК пусть контролирует. Этот опыт нежелателен. Если же мы хотим взять Троцкого, то его взгляды мы знаем. Наконец, он литературная крупная сила. Вы говорите: он шатался, но ведь есть известные меры шатаний и колебаний. Вы говорите: почему плохо, если ПК будет вести под руководством ЦК свой орган, то это отвечает принципу демократического централизма. Нельзя базироваться на недовольствии, которое вы испытывали в течение нескольких недель, не имея возможности отпечатать в «Правде» вашего материала. Нет места. Мы будем издавать большую газету не потому, что нам хочется много писать. Инцидент в Кронштадте²⁴ несомненно принес вред партии. Вот почему необходим контроль.

Орган ПК надо ставить как орган центральный. Литературных сил у нас очень мало, а вы говорите об издании двух – трех газет. Ведь если это не удастся, то ответственность все же ляжет на ЦК. Такая уж привычка содалась – приписывать влияние ЦК, а не местному комитету. Мнение же, что ЦК будет плохо относиться к статьям ПК, ни на чем не основано. ЦК боится разногласий с ПК потому, что он ответственный. Мы ходим на вулкане. Таковы объективные внешние условия. Расстрел нашей партии всегда возможен. Это надо ожидать. Мы стоим накануне «Июньских расстрелов»²⁵. Если вы недовольны линией поведения ЦК, докажите, в чем именно ее неправомерность. Предлагаю Петербургскому комитету мотивировать так:

«Предполагая, что ЦК будет мешать ПК помещать его статьи и оказывать давление, мы желаем оставить за собой право дискуссий».

Сделаем опыт с расширением центрального органа, и тогда следите. Вынесите резолюцию по отношению к ЦК и, наконец, перенесите этот вопрос на предстоящий съезд.

Тов. Томский. – Уже 12 лет тому назад этот вопрос поднимался, когда ЦК занимался исключительно принципиальными политическими вопросами и мало уделял времени практической работе. Дело не в поведении и в поправении, дело в том, кому быть руководителем – ПК или ЦК. ЦК интересуется явлениями и статьями только общеполитического характера и мирового значения. Работой же в Петербургском комитете ЦК не руководит или руководит неудачно. Когда ЦК вмешивался в практическую деятельность ПК, то он поступал как кустарь. Дело не в проведении нашей особой линии. При двух органах, вы говорите, будет параллелизм. Единомыслие не значит трафаретность. Вы пишете не русским языком и не все понимают ваше писание. На ком хотите поставить популярный орган? На Троцком? – это кит, который шатается и туда и сюда. Мы не доверяем ЦК только в том, что он может подойти практически к вопросам. У нас, пекистов, есть свой опыт. Принципиальные разногласия с вами возможны. Мы хотим иметь свой голос, влияние и не играть роль бедной родственницы при ЦК. Отводя принципиальные позиции тов. Ленина в сторону, ибо это недоумение, я буду говорить о местной политической жизни. Нам полемика с Плехановым не важна. Пусть он умирает. Практически, если нас эсеры пощипали, то мы должны себя отстаивать, ибо не должны считаться, сколько после таких щипков останется у нас организованных сотен товарищей. Мы должны не на словах, а в печати освещать несправедливые поступки в том или ином районе. А вы ваши принципиальные положения проверяйте на практике, на опыте. Это лозунг самого тов. Ленина. Интересно, как товарищи от ПК с совещательными голо-

сами попробуют убедить в редакции центрального органа тт. Ленина и Зиновьева? Пусть лучше и не пробуют. Такое влияние не имеет для нас никакого значения. В провинции «Правду» читают как принципиальный орган, но не как популярный.

Возвращаясь к прежним временам, вспомним, что наличность пресс-комиссии свелась в конечном счете ни к чему. См издание «Вперед»²⁶.

Задачи нашей газеты на прошлом собрании ПК были ясно выражены. Нашим мелким жизненным статьям не найдется места и в вашей большой «Правде», как и в маленькой. Если вы станете на точку зрения тов. Ленина, опыт покажет вам, что вы, пекисты, наивны и добродушны. Наша, ПК, газета привлечет силы и работников из районов, ибо они будут отражать жизнь местных нужд. Вас, ЦК, мы приглашаем с решающим голосом, но наше влияние там обеспечено, так как орган будет наш. Не бойтесь, мы вас не подведем и из Пороховского района, например, не сделаем второго Кронштадта. Не сепаратизм, а сама жизнь толкает нас на издание самостоятельного органа. Часто из районов приходится слышать претензии: почему то не напечатано или другое. Конечно, наша популярная газета не ответит на вопросы о хронике города, о музыке и пр. Практическая жизнь, только, нас вынуждает к изданию самостоятельного органа.

Предлагаю подтвердить свое старое решение по этому вопросу.

Тов. Ленин читает свои резолюции:

Первая резолюция:

«ЦК ставит две газеты в Питере: ЦО и популярную, с одной редакцией. ПК получает совещательный голос в редакции ЦО и решающий – в органе популярном. ЦК отводит определенное число столбцов в обеих газетах на обслуживание местных интересов чисто местного значения».

Вторая резолюция:

«ПК постановляет принять участие в обеих газетах, которые ставит ЦК, на тех условиях, которые ЦК предлагает, и приложить все усилия, чтобы полнее и шире обслужить нужды местной работы и разработать детальнее общепартийную линию. Имея основания опасаться, что ЦК или назначаемая им редакция может чересчур довериться расходившимся с большевизмом товарищам интернационалистам, что ЦК стеснит свободу и самостоятельность местных товарищей, что ЦК не даст им влияния, соответствующего руководителям местной работы, ПК выбирает комиссию для формулировки точных гарантий прав ЦК в местном отделе обеих газет».

Голосуются: за – 12 голосов, против – 15, воздержавшихся – 2.

Тов. Ленин делает фактическое заявление:

«По поводу ссылок тов. Томского на комиссию прессы из рабочих в 1906 году и полную неудачу ее я заявляю, что эта ссылка фактически неверна и что эта комиссия при газете «Вперед»²⁷ (которую вел А.А.Богданов и др.) приносила несомненную пользу»²⁸.

Голосуются вопрос о пересмотре постановления предыдущего очередного заседания ПК о необходимости иметь свой петербургский орган.

За пересмотр 14 голосов и против пересмотра 14 голосов.

Голосуются и принимается резолюция²⁹:

«Обсудив предложение ЦК не издавать отдельного петербургского органа, а удовлетвориться определенным количеством столбцов в двух газетах, которые предполагает издавать ЦК, причем в редакции большого руководящего органа Петербургскому комитету предлагается иметь своего представителя с совещательным голосом,

а в редакции малого популярного органа – представителя с решающим голосом и [в] комиссии прессы с совещательным³⁰, ПК предлагает районам: 1) обсудить и высказать свое мнение о желательности организации самостоятельного органа ПК; 2) свои решения представить в

недельный срок в Исполнительную комиссию как материал для ближайшего очередного заседания ПК».

Заседание ПК закрывается в 11 часов 40 минут.*

ЦГАИПД, ф.1, оп.4, д.40, л.1-15.
Подлинник, машинопись.

Примечания

¹ В голосовании участвовали 29 человек. В перечне присутствовавших не отмечены и выступавшие на заседании В.И.Ленин, Г.И.Бокий, В.Володарский.

² Р.Г.(Е.) Эглит (1881-1954) – рабочий, член РСДРП с 1905 г., член ПК в 1913 г.

Известен еще Эглит Ян Христофорович – подпоручик 186-го латышского стрелкового полка, член РСДРП с 1912 г.; в январе 1918 г. был комиссаром полка и сводного батальона при Смольном, где помещался Совнарком.

³ В протокольных материалах заседания сохранилась машинописная копия «Доклад[а] Исполнительной комиссии к заседанию ПК 30.V:

Резолюция о разгрузке.

Опущен последний пункт: «ПК предлагает рабочим немедленно поднять вопрос о разгрузке на всех заводских собраниях, вынося резолюции протеста».

Орган ПК.

Хоз[яйственная] комиссия. Володарский и Томский. Существуют ли разногласия? – возможны. Характер б[ольшой] и мал[ой] газет.

Агит[аторская] коллегия. Выделить Центр[альную] агит[аторскую] кол[легию] из

10-15 человек. В районах ведет школы. Главное – обслуживание; крупные, важные митинги и чтение лекций (перенес[ение] центра тяж[ести] с мит[ингов] на лекции). Если организовал район, то 50% в ПК; если ПК, то – весь доход.

Володарский, Лисовский, Молотов, Евдокимов, Антонов, Марков, Арский, Харитонов, Слуцкий (Соловей), Томский, Федоров (ЦК по согл[асованию]).

Милиция. – Рахья.

Помещение –

Военно-обяз. (зачеркнуто)

ЦК. – 1) Предл[ожить] ЦК, чтобы в Петрограде распределение лекторских и агитаторских сил производ[илось] через ПК.

2) Допустить предст[авителя] ПК с совещательным голосом в ЦК; о всех заседаниях ЦК извещать секретаря ПК.

3) Типография.

Отчетность. – Созыв секрет[арей] и казначеев. – Рахья.

Информ.бюро. – Володарский.

Охтенский район. – Поруч[ить] Пороховской район.

Шлиссельбургский комитет – 80-20-30+500 в Дуброве.

В среду 10 час. собрание агитаторов и Исполнительной комиссии.

В пятницу 6 час. собрание организаторов.

ПК просит районы доставить все издания.

Ревизионная комиссия.

Расформирование дивизий». – ЦГАИПД, ф.1, оп.1, д.39, л.16.

⁴ Очевидно, имеется в виду П.Г.Шевцов см.: *Гр.Дрязгов*. На пути к комсомолу. Очерки движения рабочей молодежи в 1917 году в Петрограде. 2-е изд. Л., 1924; Ленинское поколение. Статьи, воспоминания, очерки, материалы и документы по юношескому пролетарскому движению в Ленинграде. Вып. 1 (1916-1917 гг.). 2-е изд., 1925; *Дианин С.* Революционная молодежь в Петербурге. 1897-1917 г. Л., 1926.

⁵ Резолюция о разгрузке была опубликована в «Правде» 25 МАЯ 1917 г.

⁶ Аничковский дворец – ныне Дворец творчества юных. Ксениинский женский институт с 1894 по 1917 г. располагался в Николаевском дворце; после Октября здесь – Дворец труда.

⁷ Собрание районных секретарей, бухгалтеров и казначеев при ПК РСДРП(б) об отчетности в партии состоялось 29 июня 1917 г.

⁸ Какой съезд эсеров имеет в виду М.М.Харитонов – неясно.

⁵ (18) апреля 1917 г. Петроградская конференция партии социалистов-революционеров вынесла резолюцию по аграрному вопросу: передача всей земли трудящимся народам путем социализации всего земельного фонда с санкцией Учредительного собрания.

В конце мая 1917 г. проходил Всероссийский съезд партии социалистов-революционеров, отметивший, что земельный вопрос разрешит лишь Учредительное собрание, что по вопросу о 8-часовом рабочем дне «в настоящее время можно говорить только об удвоенной плате за время свыше 8 часов /труда/». На заседании съезда 29 мая (11 июня) по вопросу о коалиционном правительстве Н.Д.Авксентьев заявил: «Совершенно не нужен революционный путь, чтобы получить эту власть».

В конце же мая 1917 г. в Петрограде проходила Северная областная конференция партии социалистов-революционеров, принявшая резолюцию против сепаратного мира, за сохранение армии в боеспособном состоянии, за мир без аннексий и контрибуций, за сплочение в рядах Временного правительства социалистической группы, могущей справиться с укреплением завоеваний революции. – См.: «Известия Петроградского СР и СД», 1917, № 73, 24 мая (6 июня); Первый легальный ПК, с.123.

⁹ Очевидно, имеется в виду «Письмо в редакцию» Ю.Ларина, опубликованное в «Новой жизни» 28 мая (10 июня) 1917 г. В нем говорилось:

«Позвольте заявить, что напечатанный в «Рабочей газете»¹⁰ 27 мая призыв от имени комитета Петроградской организации меньшевиков никогда комитетом не обсуждался и не одобрялся, да и не мог бы быть одобрен, ибо рекомендуется голосовать, между прочим, за списки, включающие «Единство»¹¹.

Прошу меньшевиков-интернационалистов поэтому не считать указанную рекомендацию действительной и голосовать только за интернационалистов, а о происхождении упомянутого, якобы от имени комитета Петроградской организации (меньшевиков), призыва предложить произвести расследование в ближайшем же заседании комитета (30 мая).

...Прибегаю к посредству «Новой жизни», ибо «Рабочая газета» ведет себя последнее время так постыдно, что нежелательно обращаться туда даже с фактическими сообщениями.

Член комитета Петроградской организации меньшевиков. Ю.Ларин (М.Лурье)».

* ... «в 11 час. 40 мин.» вписано карандашом..

¹⁰ «Рабочая газета» – ежедневная газета меньшевиков; выходила в Петрограде с 7 (20) марта по 30 ноября (13 декабря) 1917 г.; с 30 августа (12 сентября) – орган ЦК РСДРП(м). Поддерживала Временное правительство; Октябрьскую революцию встретила враждебно.

¹¹ Группа «Единство» организационно оформилась в марте 1917 г., объединяла в 1917-18 гг. правых меньшевиков-оборонцев, бывших ликвидаторов и др. Кроме Петрограда, организации группы «Единство» существовали в Москве, Баку и др. городах. Руководящую роль в ней играли Г.В.Плеханов и бывшие ликвидаторы А.Ф.Бурьянов и Н.И.Иорданский. Группа «Единство» безоговорочно поддерживала Временное правительство. Организационно группы распалась летом 1918 г. В Петрограде издавала газету «Единство».

¹² Резолюция была опубликована в газ. «Правда» № 72, 3 (16) июня 1917 г.

¹³ Большевики одержали на выборах крупную победу. Из 58 942 человек, участвовавших в выборах, 34 003 голоса были поданы за большевиков (37 гласных); блок меньшевиков и эсеров получил 19 701 голос (22 гласных), кадеты – 4071 (4 гласных), группа народных социалистов, трудовиков и группа Чернова 861 (гласный). Председателем районной управы избран большевик Л.М.Михайлов (Политикус). – См. Правда, 1917, № 77, 9 (22) июня; Большевики Петрограда в 1917 году, с.266.

¹⁴ Постановление опубликовано в газ. «Правда» № 72, 3 (16) июня 1917 г. В нем говорилось: «З. Выслушав заявление тов. Лациса о том, что предстоящие выборы в Выборгскую районную думу сосредоточат на себе внимание всех политических партий, которые двинут в Выборгский район все свободные силы, собрание предлагает всем районам нашей партии организовать помощь Выборгской организации».

¹⁵ Статья 87-я основных законов царской России предоставляла Совету министров право издавать законы без санкции Государственной думы и Государственного совета в период между сессиями.

¹⁶ Константин Матвеевич Шведчиков (1884-1952) – член РСДРП с 1904 г., в 1917 г. – заведующий издательством «Правды», ответственный за организацию всей хозяйственно-финансовой части редакции «Правды» и издательского товарищества «Рабочая печать», созданного большевиками.

¹⁷ Типография «Сельского вестника» находилась здесь же – Наб.р.Мойки, 32. См. подробнее воспоминания К.М.Шведчикова «Минувшие дни» в сборнике «Путь Правды» (материалы и воспоминания). Тверь, 1922 г.; Сазонов И.С. Большевицкая печать Петрограда в 1917 г. Л., 1963, с.16.

¹⁸ Очевидно, В.И.Ленин участвовал в данном заседании ПК только при обсуждении вопроса о печатном органе как содокладчик от ЦК. – См.: В.И.Ленин. Биографическая хроника. т.4, с.292.

¹⁹ «Русская газета» – издавалась в Петербурге с 12 (25) сентября 1904 г. по 11 (24) марта 1906 г. Газета была популярной, ежедневной; номер газеты стоил 1 копейку. В газете участвовали Парвус и Л.Д.Троцкий. Редактором-издателем ее был Н.Ф.Дучинский.

²⁰ См.: Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т.32, с.225-226.

²¹ Какую газету издавали в Выборге в мае 1917 г. социалисты-революционеры, установить не удалось.

²² Имеется в виду статья Л.Б.Каменева «Наши разногласия» в «Правде» от 8 апреля, направленная против Апрельских тезисов Ленина.

²³ Выступления В.И.Ленина на заседании Петербург-

ского комитета 30 мая впервые были опубликованы в 1925 г. в журн. «Красная летопись», № 3 с небольшим предисловием П.Ф.Куделли. Затем полностью, включая «фактическое заявление» (в «Красной летописи» его не было), были опубликованы в 1927 г. в кн. «Первый легальный ПК РСДРП(б)»

В том же, 1927 г. текст первого выступления Ленина – об органе ПК – и предложенные им проекты двух резолюций были напечатаны еще в трех изданиях:

1) в XX, дополнительном (ч.II) томе первого издания Сочинений В.И.Ленина (с.124-125) с указанием: «Печатается по копии протокола экстренного заседания ПК РСДРП(б) 30 мая 1917 г.»;

2) во втором, исправленном и дополненном издании Сочинений Ленина (ред. Н.И.Бухарин, В.М.Молотов, И.И.Скворцов-Степанов), в т.ХХ, без каких-либо изменений с указанием: «Печатается по тексту протоколов заседаний Петроградского комитета РСДРП». В примечаниях (№ 204) к документу отмечено: «Произнесенная Лениным речь печатается по далеко не точной протокольной записи» (Ленин. Сочинения. Т.ХХ. 1917 год. М.-Л., 1927, с.666);

3) в третьем издании Сочинений В.И.Ленина (т.ХХ, 1927, с.447-449) документ перепечатан, как указано, «без изменений» со второго. То же в издании четвертом (В.И.Ленин. Сочинения. т.24. М., 1949, с.501-505 – с указанием: «Печатается по машинописной копии протокольной записи»).

В Биографической хронике В.И.Ленина, т.4 (М. 1973, с.202) отмечено, что на заседании «Ленин выступает в т о р и ч н о, указывая на опасность разногласий ПК и ЦК, на необходимость контроля ЦК РСДРП(б) за деятельностью «партийных организаций». Однако и в пятом, Полном собрании сочинений В.И.Ленина (см. т.32, М., 1974, с.223-228, 237) и в кн.: В.И.Ленин. Неизвестные документы. М., 1999 г. текст в т о р о г о выступления Ленина на заседании ПК 30 мая не напечатан.

²⁴ 16 мая 1917 г. Кронштадтский Совет рабочих и солдатских депутатов постановил большинством 210 голосов против 40 при 18 воздержавшихся взять в свои руки фактическую власть и управление Кронштадтом (буржуазия заволпила тогда о «Кронштадтской республике») и заявил, что Кронштадт не признает Временного правительства.

²⁵ 11 июня 1848 г. генерал Кавеньяк подавил восстание рабочих в Париже и произвел массовый расстрел их.

²⁶ Имеется в виду легальная большевицкая газета «Вперед», издававшаяся в Петербурге с 26 мая (8 июня) по 14 (27) июня 1906 г. и закрытая правительством (были конфискованы №№ 1, 2, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15 и 16, а № 17, последний, подлежал уничтожению).

²⁷ Имеется в виду большевицкая массовая рабочая газета «Вперед», издававшаяся в Выборге с 10 (23) сентября 1906 по 19 января (1 февраля) 1908 г. как орган местных комитетов РСДРП (Петербургского, Московского, Пермского, Казанского и др.). «Вперед» имела тесные связи с рабочим читателем.

²⁸ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.32, с.227.

²⁹ Резолюция была опубликована в газ. «Правда» 3 июня 1917 г.

³⁰ В публикации «Правды» эта часть резолюции гласит так: «и пресс-комиссию из представителей от районов с совещательным» голосом.

Публикацию подготовила Т.П.Бондаревская,
главный археограф ЦГАИГД СПб.,
доктор исторических наук

Ленин и современность *

О. С. Шенин **

О Ленине мы вспоминаем не только по юбилейным дням – он присутствует в наших делах, происходящих событиях повседневно. Но только не всегда мы ощущаем, не всегда осмысливаем это незримое присутствие. Ситуация, сложившаяся в мире, стране, коммунистическом движении, в партии, которую мы создаем, настолько сложна и тревожна, что без Ленина, без его помощи разобраться в ней просто невозможно.

Прежде всего необходимо напомнить слова Ленина: *«Только тот заслуживает названия члена партии и создателя рабочей партии, кто внимательно изучает, обдумывает и самостоятельно решает вопросы и судьбы своей партии»*. Владимир Ильич выделил слово «судьбы» – иначе это понять нельзя: от каждого из нас зависит жизнь и смерть нашей партии – от того, насколько верно, глубоко мы сможем оценить обстановку и наметить пути выхода из кризиса. Думается, что это определение сегодня вполне уместно.

Оценка текущему моменту дана на нашем январском Пленуме. Принципиально она не изменилась. Может быть, мы несколько сгустили краски? Отнюдь. И стратегически, и тактически политика режима Путина самоубийственна. Например, американский историк, профессор Нью-Йоркского университета Стивен Козн считает, что «за свои уступки Россия не получила ничего, больше, чем ничего. Ее отношения с администрацией Буша – это не партнерство, которое подразумевает учет интересов друг друга, а исполнение роли помощника («клиента» по выражению Бжезинского), что означает безусловное признание интересов хозяина».

Своими действиями после 11 сентября американский капитализм поставил весь мир перед вероятностью третьей мировой войны (локальные пожары уже полыхают в Афганистане и на территории Палестины; на очереди Ирак). Оказаться с ним в одной лодке губительно для нас. Однако правящий класс нынешней России еще раз показал, что заинтересован не в защите национальной независимости, а в скорейшем вовлечении и закреплении страны в системе империалистических блоков с целью сохранения своего (а в первую очередь, своих хозяев) господства.

Путин усугубил, усовершенствовал либеральный курс внутренней и внешней политики, более искусно маскируя ее неизменную суть социальной демагогией и умиротворяя народ мелкими подачками. (По Ленину *«демагогия худшие враги рабочего класса. Худшие именно потому, что они разжигают дурные инстинкты толпы, что неразвитым рабочим невозможно распознать этих врагов, выступающих ...иногда ...в качестве их друзей»*.) Президент тихой сапой прибирает к рукам все ветви власти, выстраивает в колонну буржуазно-либеральные партии, подчиняет воле Кремля «независимые» СМИ, продолжает подбор прозападных, проамериканских по духу и деятельности политиков.

Запущена хорошо известная схема управления массами: кажущаяся свобода выбора между «правыми» и «левыми», одинаково находящимися на содержании

* Вступительное слово на совещании партийного актива. Горки Ленинские, 13 апреля 2002 года.

** Председатель Совета СКП-КПСС, Первый секретарь ЦК КПС

властей, в заданных системой рамках. Представленные в Думе партии всех политических оттенков, от СПС до КПРФ, так или иначе встроились в систему, приняли игру на поле режима и по его правилам.

Власти все время твердят о наличии неких солидарных интересов индивидуумов, составляющих «гражданское общество», которые и призвана защищать общенациональная структура – государство, стоящее как бы над схваткой и регулирующее отношения между людьми. Об этом точно сказал в начале прошлого века Ленин: *«...Для того, чтобы быть надежным стражем (владычества эксплуататоров)... надо постараться внушить эксплуатируемым, что правительство стоит выше классов, что оно служит не интересам дворян и буржуазии, а интересам справедливости, что оно печется о защите слабых и бедных против богатых и сильных и т.п.»*.

Формы такого социума – это уже дело исторического развития и вкуса – от монархии до «чистой» демократии (как проболтался недавно один из наиболее «заслуженных» либералов, «мы строим общество управляемой демократии»), где всеобщее избирательное право и регулярные выборы якобы гарантируют всем классам участие в выработке оптимальной стратегии общественного прогресса. *«Ограничить марксизм учением о борьбе классов – значит урезать марксизм, исказить его, сводить его к тому, что приемлемо для буржуазии. Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата»*, – писал Ленин в работе «Государство и революция» и далее называл это «оселковым камнем» для истинного понимания марксизма.

Вопрос о государстве и классах является самым чувствительным местом буржуазной апологетики. Его научный анализ приводит к самым неприятным для правящего сословия практическим выводам, и поэтому именно он стал главным объектом атак буржуазных идеологов. При этом они идут двумя путями: или стараются затушевать, замолчать, проигнорировать существование классов в современном капиталистическом обществе, или подать, представить их как сближающиеся, сотрудничающие, неантагонистические.

Разъединение общества на эксплуататорские и эксплуатируемые классы подменяется пропагандой о его разделении на богатых, бедных и «средний класс», причем каждый бедный имеет свободу стать богатым, а это уже прямая классовая лож буржуазии. Утверждают, что в условиях НТР происходит процесс «дезинтеграции» частной собственности, ее «рассеивание» среди различных групп населения; что пролетариат, трудящиеся становятся акционерами, т.е. мелкими собственниками, в силу чего исчезает деление общества на классы и возникает единый «средний класс».

И вновь, как будто через века смотрел Ленин, когда говорил: *«Своим участием в крупном предприятии мелкий вкладчик, несомненно, сплетается с этим предприятием. Кто извлекает пользу от этого сплетения? – Крупный капитал, который расширяет свои операции, платя мелкому вкладчику не более (а часто менее), чем всякому заимодавцу, и будучи тем более независимым от мелкого вкладчика, чем эти вкладчики мельче и раздробленнее... Не бо-*

лее самостоятельным хозяином становится мелкий вкладчик от участия в крупном предприятии, а более зависимым лицом от крупного хозяина.

Не успокоительный филистерский вывод о росте числа имущих вытекает из увеличения числа мелких вкладчиков, а революционный вывод об усилении зависимости мелких собственников от крупных, об обострении противоречия между все более обобществляющимся характером предприятий и сохранением частной собственности на средства производства».

Господствующее положение приобрел ныне финансовый капитал, скрепляющий разнородные предприятия в мощные корпорации, управление которыми требует специальной подготовки и большого практического опыта. Международное движение капиталов в виде займов, кредитов, торговли ценными бумагами, валютных операций и т.д. в 50 раз превышает мировой товарооборот. В ведении крупных собственников осталось распоряжение вкладами, ценными бумагами и акциями.

Но и распоряжение финансовым капиталом также постепенно отчуждается от буржуа: мелкие вкладчики не имеют для этого ни времени, ни информации, а крупные предпочитают поручать это дело специальным банкам или холдингам. Таким образом, фактически капиталисты-собственники превращаются в чисто паразитический класс, утрачивая свойственные им ранее функции организаторов производства. Это «обезличивание» собственности является характерной чертой современного «цивилизованного» общества.

И если у нас названия некоторых гигантов (Уралмаш, КРАЗ) связывают с именами конкретных людей, то это означает лишь первоначальные результаты грабительской приватизации народной собственности, которые, вопреки заявлениям президента, подлежат пересмотру и пересматриваются либо посредством биржи, либо с помощью коррумпированных государственных структур, либо с использованием силы оружия.

Ныне грозную опасность для сохранения территориальной целостности России имеет то обстоятельство, что при одновременной эксплуатации на износ подготовлена к запуску приватизация по частям объектов общенационального значения, естественных монополий – железных дорог и особенно энергосистемы.

Поэтому коренным является вопрос, на который мы должны честно ответить самим себе, партийной и беспартийной массе: приемлема ли для нас идеология «компромисса», идеология совместной – с президентом, с Думой, с Патриархом – борьбы за «сохранение реальной государственности»? Считаем ли мы, что понятие «классовая борьба» должно быть списано в архив, что победа в этой борьбе может быть достигнута на период между выборными кампаниями и в одном или нескольких «отдельно взятых регионах»? Иными словами, считаем ли мы вместе с В.И. Лениным, что революция это – «единственная законная, правомерная, справедливая, действительно великая война из всех войн, как ее знает история»?

Мы отвечаем – да. Понимая, разумеется, что по Ф. Энгельсу «война между классами происходит независимо от того, ведутся или нет действительные военные действия, и она не всегда нуждается в баррикадах и штыках для своего ведения; война между классами не угаснет до тех пор, пока существуют различные классы с противоположными, взаимно сталкивающимися интересами и различным социальным положением». Важнейшей проблемой при этом, как показано выше, является подавление всех попыток сформулиро-

вать четкий классовый интерес угнетенных масс со стороны правящего режима.

Самым старательным помощником властей в этом неблагоприятном деле является наша так называемая оппозиция – «непримиримая и конструктивная». То, что Ленин говорил про деятелей из Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, таких как Чхеидзе, Церетели, Степков: они «грозят, усовещивают, заклиняют, умоляют, требуют, провозглашают», – полностью относится к нынешним – из Государственной Думы. Называть режим «элитой национальной измены» и одновременно призывать к компромиссу с ним – образец двуличия в политике. И вполне логичен крах этой беспринципной и трусливой политики – события 3 апреля в Думе – «антикоммунистический переворот», «буря в стакане воды».

Когда кто-то критикует политический курс КПРФ со ссылкой на публичные высказывания ее лидеров, те обычно отвечают, что об этом надлежит судить не по их словам, может и не всегда удачным, а по документам партии. И хотя такой подход нам представляется неверным, на этот раз последуем ему, взяв для примера постановление последнего VIII съезда КПРФ от 19 января с.г. В нем, в частности, совершенно справедливо записано, что «в результате... политики властей народ в своей основной части влачит нищенское существование, усиливается духовно-нравственная деградация общества, страна разлагается». Тремя же абзацами ниже читаем, что, оказывается, «в регионах, где к власти при поддержке КПРФ пришли губернаторы-патриоты, нормализуется обстановка, улучшаются условия жизни простых людей»?! Думается, это как раз тот случай, когда комментари излишни.

Ситуация качнулась «вправо» и в Белоруссии, и на Украине, как об этом свидетельствуют итоги выборов. Реакция перешла в наступление и взяла курс на установление диктатуры крупного капитала фашистского толка практически на всей территории СССР под руководством мирового империализма, о чем мы предупреждали еще на XXXI съезде СКП-КПСС.

Одновременно активизация контрреволюции и закономерное поражение соглашательской «опозиции» объективно способствуют консолидации всех прогрессивных сил общества и вплотную ставят на повестку дня вопрос о создании **единого** антиимпериалистического блока.

Необходимо подчеркнуть теоретическую несостоятельность и практический вред утверждений о невозможности устойчивой политической системы на началах единопартийности. Оппоненты, в том числе и с левого фланга общества, обычно говорят, что коммунистическая многопартийность отражает де различную социальную базу партий и якобы способствует выявлению наилучших альтернатив общественного развития.

Однако социальную базу действительно коммунистической партии составляет то подавляющее большинство общества, которое имеет лишь рабочие руки и интеллект (еще оставшийся с советских времен), что в совокупности составляет товар на продажу – рабочую силу. Имеет поддержку масс и наша программная цель – возврат на путь социализма, Советская власть, воссоздание СССР. А при наличии практически единой социальной базы все спорные вопросы вполне решаемы через борьбу мнений, как это уже не раз случалось в нашей истории.

Все события последних лет доказывают абсолютную правильность нашего размежевания с оппортунистами. И опять трудно сказать лучше, чем сказал Ленин ровно

100 лет назад: *«оппортуниста трудно поймать какой бы то ни было формулой: он легко подпишет всякую формулу и легко отступит от нее, так как оппортунизм состоит именно в отсутствии сколько-нибудь определенных и твердых принципов... Окончательный разрыв революционного направления с оппортунистическим вызван не «организационными» какими-либо обстоятельствами, а именно желанием оппортунистов упрочить самостоятельную физиономию оппортунизма и продолжать вносить в умы путаницу»...*

Насущнейшим для нас является такой вопрос, который, уверен, волнует всех нас: что мы должны делать в **стратегическом** плане, когда, несмотря на явное ухудшение внешнего и внутреннего политического, экономического, социального положения страны и народа, ситуация весьма далека от революционной, когда наша партия представляет собой на политической арене весьма малую величину? Снова мы обращаемся к Ленину:

«Достаточно совсем маленькой партии, чтобы повести за собой массы. В известные моменты нет необходимости в больших организациях.

Но для победы надо иметь сочувствие масс».

Ответ, данный Владимиром Ильичом, подталкивает к дальнейшим поискам верных решений. «Сочувствие масс» – это, прежде всего, классовое сознание. Мы твердо усвоили, что *«классовое политическое сознание может быть принесено рабочему только извне, то есть извне экономической борьбы, извне сферы отношений рабочих к хозяевам»*. Но в том-то и дело, что это *извне*, в нынешних условиях почти полностью оккупировано силами, враждебными трудовому народу, враждебными фактически всей стране – я имею в виду, конечно, глобальную систему промывания мозгов, растления душ и тел, систему, включающую абсолютное большинство средств массовой информации, захватывающую важнейшие области культуры – театр, кино, музыку, литературу. В этом наша главная трудность, но в этом таятся и серьезные предпосылки

нашей победы, ибо есть возможность провести четкую линию водораздела между теми, кто встраивается в гибельные структуры, и теми, кто осознает необходимость противостоять им.

Проблема, серьезнейшая проблема заключается в том, что противостояние это ныне очень многие пытаются реализовать на своем, зачастую очень узком участке фронта: кто в сфере продовольственной безопасности, кто в экологической, кто борется за духовность (понимая ее иногда только как следование «божественным» заповедям), кто – против искажения истории. Наша задача в этой ситуации – проводить глубокую теоретическую проработку, опираясь на ленинско-гегелевское понимание человека. В своей «Эстетике» Гегель, которого Ленин, как известно, весьма тщательно и плодотворно изучал, четко сформулировал: *«Если человек не имеет в себе единого центра, то различные стороны его многообразной внутренней жизни распадаются и предстают лишенными всякого смысла»*.

Именно в таком ключе мы должны воспитывать даже не столько массы – на воспитание масс у нас пока нет достаточных сил, – сколько кадры, способные эффективно воздействовать на массы: ученых, журналистов, работников искусства... И прежде всего – самих себя. Вечно живым примером цельного **единоцентричного** человека для нас является Ленин. Это, несомненно, имел в виду Иосиф Виссарионович Сталин, обращаясь к молодежи с вдохновенным призывом, который нам негоже забывать:

«Помните, любите, изучайте Ильича, нашего учителя, нашего вождя.

Боритесь и побеждайте врагов, внутренних и внешних, – по Ильичу.

Стройте новую жизнь, новый быт, новую культуру – по Ильичу.

Никогда не отказывайтесь от малого в работе, ибо из малого строится великое, – в этом один из важных заветов Ильича».

Не марксистская реликвия, а руководство к действию К 100-летию выхода из печати книги В.И.Ленина «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения»

И.А.Муратова

В наше время нередко приходится слышать о том, что коммунисты должны ответить на тот вызов, который бросает им наступающий век. Под этим вызовом обычно подразумевают изменившиеся исторические условия и сложные вопросы, которые связаны с событиями, приведшими к ликвидации социализма в СССР, и последствиями этого для мира в целом. Думается, однако, что главный вызов для коммунистов сегодня – это ленинское теоретическое и практическое революционное наследие, сообразуясь и согласуясь с которым, сверяя по нему свою стратегию и тактику, только и сумеем дать действительно коммунистический практический ответ на требования современности. Ведь полемическое и критическое острие ленинских работ направлено на нас, нынешних коммунистов, в не меньшей, а даже в большей степени, чем на его современников – соратников и противников. Это очевидно для всякого, кто систематически обращается к сочинениям Ленина вообще и к работе «Что делать?» в частности.

Ленинская брошюра была написана в 1902 году, в период разногласий, когда главное внимание российской социал-демократии было устремлено на выяснение и решение внутренних партийных вопросов. Еще недавно, в период с 1894 по 1898 год, социал-демократия была единой идейно и предпринимались попытки добиться также единства практического, организационного (образовать Российскую социал-демократическую рабочую партию). Тогда внимание было поглощено идейной борьбой с противниками социал-демократии, с одной стороны, и развитием практической партийной работы – с другой. Задачи виделись в углублении и расширении практической работы, поскольку тому не было препятствий в неясности каких-либо общих взглядов, принципов и теорий, поскольку тогда еще не существовало затруднения в сочетании политической и экономической борьбы. Между теорией и практикой социал-демократов еще не было того антагонизма, который возник в эпоху «экономизма» – начиная с 1897–1898 годов и по 1902 год – когда резко обострилось несоответствие между теорией, программой, тактическими задачами и практикой социал-демократии. В связи с этим следовало **произвести «расчистку теоретических предпосылок практической работы»**, прежде чем браться снова за ее углубление и расширение. Необходимость *«систематического «объяснения»* со всеми «экономистами» по всем коренным пунктам разногласий потребовала начать *ab ovo* (с самого начала) и разобрать затруднения с точки зрения единственной теории революционного социализма, которая только известна современному человечеству, т.е. марксизма, который часть социал-демократов пыталась сдать в архив на основании буржуазной и оппортунистической критики. Безыдейность и беспринципность привела последних в результате к сотрудничеству с либералами.

Требование «зоркого внимания к теоретической стороне революционного движения пролетариата», призыв к беспощадной критике антиреволюционных тенденций в социалистическом движении были выдвинуты в 1899 году, когда «кризис марксизма» давно уже стоял на очереди дня¹. Результат теоретической борьбы и выход из этого кризиса заключался в окончательном разрыве революционного направления с оппортунистическим. Беззаботность в отношении теории дает горькие практические плоды. Ленин подчеркивает, что «именно во время революции понадобятся нам результаты теоретической борьбы с критиками для решительной борьбы с их **практическими** позициями»².

Таково историческое значение теоретической борьбы искровско-ленинского направления. Но и сегодня ленинская критика «критиков» не только не утратила свою важность, но и стала еще более актуальной. Ведь не для каждого коммуниста сегодня партия и боевая организация революционеров – одно и то же, со всеми вытекающими из этого теоретическими и политическими, организационными выводами. Среди партийцев, то и дело, слышатся голоса – революция, дескать, сегодня не актуальна, революционность и классовость в теории и на практике неуместны. О диктатуре пролетариата: если не отказаться в принципе, то лучше умалчивать, – непопулярно. Обобществление собственности? – тоже не будем напирать, отпугивать, прикинемся своими.

Не нам ли адресовано ленинское требование: **«Исторически и логически всякое революционное направление, если оно только действительно думает о серьезной борьбе, не может обойтись без боевой революционной организации»?** А такая организация возможна лишь если она стоит на твердом теоретическом базисе, руководствуется революционной теорией. Без революционной теории невозможно революционное движение. Великой исторической заслугой считает Ленин то, что народолюбцы, например, постарались привлечь к своей организации всех недовольных и направить эту организацию на решительную борьбу с самодержавием. Ошибку же их он видит в том, что «они опирались на теорию, которая в сущности была вовсе не революционной теорией, и не умели или не могли неразрывно связать своего движения с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества»³.

Не нам ли упрек, что самым грубым непониманием марксизма (или «пониманием» его в духе «струвизма») называет Ленин *избавление* себя от обязанности создать лучшую организацию революционеров. Рабочее движение напротив, «именно *возлагает* на нас эту обязанность, ибо стихийная борьба пролетариата и не делается настоящей «классовой борьбой» его до тех пор, пока эта борьба не будет руководима крепкой организацией революционеров»⁴. «Если мы начнем с прочной постановки крепкой организации революционеров, – счи-

тает Ленин, – то мы сможем обеспечить устойчивость движения в его целом»⁵.

Не встречаем ли мы и теперь того же отлынивания от этой обязанности, которое разоблачал Ленин, и которое теперь возобновляется под тем предлогом, что рабочие апатичны, не ведут борьбу, что сколько-нибудь значительное движение рабочих отсутствует (тем более революционное!), историческая роль рабочего класса становится сомнительной, а посему – не время и для революционных организаций?

Не являются ли рассуждающие таким образом коммунисты сознательными или бессознательными выразителями тех идей, которые Ленин без обиняков называл мещанскими, на разрыве с которыми он настаивал неустанно? Могут ли такие идеи выдвигаться под знаменем коммунистической партийности?

Ленин, требуя окончательного разрыва с мещанскими идеями социализма, подчеркивал их БЕЗУСЛОВНУЮ реакционность, ПОСКОЛЬКУ они выступают в качестве социалистических теорий⁶. Теории идеологов мещанства, выступающих в качестве представителей интересов трудящихся, ПРЯМО РЕАКЦИОННЫ, – в этом пункте Ленин категоричен. «Они замазывают антагонизм современных общественно-экономических отношений, рассуждая так, как будто бы делу можно помочь общими, на всех рассчитанными мероприятиями по «подъему», «улучшению» и т.д., как будто бы можно примирить и объединить. Они – реакционны, изображая наше государство чем-то над классами стоящим и потому годным и способным оказать какую-нибудь серьезную и честную помощь эксплуатируемому населению.

Они реакционны потому, наконец, что абсолютно не понимают необходимости борьбы и борьбы отчаянной самих трудящихся для их освобождения»⁷. У них так выходит, что они и сами все, пожалуй, устроить могут. Рабочие могут быть спокойны. «РЕШИТЕЛЬНО И ОКОНЧАТЕЛЬНО разорвать со всеми мещанскими идеями и теориями – ВОТ ГЛАВНЫЙ ПОЛЕЗНЫЙ УРОК», который Ленин требует извлечь из своего похода против представителей одного из направлений этого сорта мещанско-социалистических идей.

«Легальный», официальный, буржуазный марксизм – явление не только нашего времени. Если сегодня сопоставить такие идеи, особенно полно и рельефно обрисованные Лениным, с современными идеями социализма не только среди социалистов, но и среди коммунистов, то мы убедимся в их мещанском (мелкособственническом) характере, в их принадлежности к тому же сорту идей, на разрыве с которыми настаивает Ленин. А мы обязаны настаивать на этом тем более, чем более доказали они еще в те времена своей тактикой, что «при отсутствии материалистической критики политических учреждений, при непонимании классового характера современного государства, – от политического радикализма до политического оппортунизма один только шаг»⁸.

Но о большинстве нынешних коммунистов не скажешь, что они дискутируют о наболевших вопросах своего движения с той страстью и прямотой, какой замечательна ленинская книга, в свое время вынесшая на открытое обсуждение единомышленников самые острые вопросы рабочего движения. Поразительной близорукостью называл Ленин отношение к полемике и спорам, как к «неприличию». К сведению всех, столь многочисленных и ныне, прекраснородушных противников резкости, непримиримости, полемического задора и проч., он ци-

тировал на обложке своей книги письмо Лассалья к Марксу от 24 июня 1852 г., где подчеркивается то, чего даже не подозревает чиновничья логика, а именно: «...Что партийная борьба придает партии силу и жизненность, что величайшим доказательством слабости партии является ее расплывчатость и притупление резко обозначенных границ, что партия укрепляется тем, что очищает себя...» Именно такому делу размежевания партии социальной революции и демократической партии социальных реформ, а также обострению борьбы революционной социал-демократии с буржуазным социал-реформаторством в социализме и послужил ленинский разбор коренных разногласий движения. Работа «Что делать?» обнаружила глубокое, качественное различие между идеями демократов и социалистов, помогла осознать, что между этими идеями лежит целая пропасть, дала понять неизбежность и настоятельную необходимость полного и окончательного разрыва с идеями демократов. Что «социализмом называется протест и борьба против эксплуатации трудящегося, борьба, направленная на совершенное уничтожение этой эксплуатации», поняли так же ясно, как и то, что чинить и штопать современное буржуазное общество, вместо того, чтобы бороться против него, – основное теоретическое воззрение остающихся на почве данных общественных отношений демократов, которые видят орудие реформ в органе, выросшем на почве этого буржуазного общества и охраняющем интересы господствующих в нем классов, – в государстве. В конечном счете книга содействовала тому окончательному разрыву революционного направления с оппортунистическим, о котором говорилось выше.

«Бесконечным унижением и самооплеванием социализма перед всем миром, развращением социалистического сознания рабочих масс – этого единственного базиса, который может обеспечить нам победу» – назвал Ленин в 1902 году деяния европейских сторонников «партии реформ», понимающих демократию как уничтожение классового господства и сотрудничество классов, внедряющих в социализм буржуазные идеи и элементы.

Закрывая глаза на враждебную противоположность интересов рабочего класса и интересов буржуазии, оппортунистическое течение в социализме и пролетариате развращало социалистическое сознание, опошляя марксизм, проповедуя теорию притупления социальных противоречий, объявляя нелепостью идею социальной революции и диктатуры пролетариата, сводя рабочее движение и классовую борьбу к узкому тред-юнионизму и «реалистической» борьбе за мелкие постепенные реформы. «Это вполне равносильно было отрицанию со стороны буржуазной демократии права на самостоятельность социализма, а следовательно, и права на его существование; это означало на практике стремление превратить начинающееся рабочее движение в хвост либералов»⁹. Разрыв был необходим и неизбежен, иначе – исчезновение революционного социализма.

Четкое обозначение границ революционного марксистского направления в современном коммунистическом движении ныне снова поставлено в повестку дня. Содержание деятельности многих партий, называющих себя коммунистическими, не отвечает этому званию. Это особенно настораживает в условиях, когда трудящиеся выказывают значительное доверие коммунистам несмотря ни на что: ни на то, что вызывают сомнения некоторые партийные лидеры, ни на то, что непоследовательными являются многие политические решения и

действия таких партий. Оправдать это доверие, придать деятельности партии действительно коммунистическое содержание и характер, стать на деле, а не только по названию, коммунистической, – на деле построить революционную организацию – такая задача вырисовывается перед коммунистами в ходе событий.

Теперь снова в ходу идеи и теории, которые «замывают антагонизм современных общественно-экономических отношений», изображая их так, как будто бы делу можно помочь общими, на всех рассчитанными мероприятиями по «подъему», «улучшению» и т.д., как будто бы можно всех примирить и объединить, обо всем договориться. В связи с этим приобретает значение и главный полезный урок, который Ленин требует извлечь из критики этих взглядов, а именно: коммунисты должны РЕШИТЕЛЬНО И ОКОНЧЕЛЬНО разорвать со всеми буржуазными идеями и теориями, не допуская их возрождения под флагом коммунистической партии, должны противопоставить им прямой взгляд на действительность как на буржуазные общественно-экономические отношения и открыто признать, что не может быть поэтому иного пути к социализму, как через рабочее движение.

В условиях, когда спорные вопросы коммунистического движения зачастую не только не ставятся, но замалчиваются, когда разногласия по принципиальным вопросам стараются замаять, затушевать, сгладить, а то и прикрыть, сохраняя неразборчивое, бездумное единодушие, ленинская книга работает как непримиримый критик, который требует систематического объяснения по всем принципиальным пунктам, по всем коренным разногласиям среди коммунистов, ставит неудобные вопросы и дает нелюбезные ответы. Она задает масштаб «более смелой, более крупной, более объединенной, более централизованной, более сплоченной вокруг одного газетного центра работы», по сравнению с той, которая теперь ведется в коммунистическом движении. И сегодня эта книга – испытанный боец, опытный полемист, коллективный организатор, пропагандист и агитатор – сослужит службу в деле формирования революционной организации. Стоит только ее изучить и взять на вооружение ее принципиальные положения.

Слово о революционности

О революции сегодня не хотят и слышать зачастую потому, что революционность долго признавалась лишь на словах, но отсутствовала на деле. Это привело к тому, что иные коммунисты, желая привести в соответствие слова и дела, считают, что о революционности теперь не может быть и речи. Однако, достичь единства слова и дела возможно и другим способом.

Именно два направления, – пишет Ленин – оппортунисты и анархисты, – «не понимают нашей первой и самой настоятельной практической задачи: создать *организацию* революционеров, способную обеспечить энергию, устойчивость и преемственность политической борьбы»¹⁰. Задумайтесь, почему не часто услышишь сегодня от коммуниста, что построение революционной партии – самый болезненный наш вопрос и самая неотложная задача? Выходит, и сегодня немало найдется тех, кто будучи членами коммунистических партий и называя себя коммунистами, все же остаются чуждыми, как и в 1902 г., тому пониманию, что коммунист «должен прежде всего думать об организации революционеров, способных руководить всей освободительной борьбой пролетариата».

Для тех же, кто прежде всего думает и действует в этом направлении, «Что делать?» определяет план широкой революционной работы, план построения боевой партийной организации для ведения такой работы. Скажут, что этот план выработан для совсем другой исторической эпохи. Да, это так. Но этот план содержит ту внутреннюю логику создания революционной партии, без которой она невозможна в любую эпоху.

Постараемся эту логику проследить.

Такая организация, прежде всего, должна стоять на твердом теоретическом базисе: «без революционной теории не может быть и революционного движения». Поэтому особенно своевременно сегодня по-ленински поставить и решить вопрос о теоретической работе партии, поскольку без такой работы движение рискует лишь на словах быть коммунистическим, а значит, не может стать успешным. Итак, первое, на чем настаивает Ленин, это твердое требование «зоркого внимания к теоретической стороне революционного движения пролетариата»¹¹.

Вслед за Энгельсом Ленин настаивает на трех формах классовой борьбы пролетариата: рядом с политической и экономической борьбой он подчеркивает значение теоретической, от которой зависит успешность первых двух. Согласно напутствию Энгельса, рабочее движение должно вести борьбу планомерно во всех трех ее направлениях, согласованных и связанных между собой: в теоретическом, политическом и практически-экономическом (сопротивление капиталистам). В этом, так сказать, *концентрическом* нападении и заключается сила и непобедимость рабочего движения.

Однако эта концентричность, согласованность трех форм классовой борьбы состоит и не в их рядоположенности, и не в их следовании цепочкой, не в порядке: одна за другой, одна после другой. Действительная внутренняя связь их как раз и образует логику строения организации революционной и в программном, и в тактическом отношении, обеспечивает единство революционной теории и практики.

Заметим, что подчеркивание необходимости, важности теоретической работы не означает того, что эта работа ставится на первое место перед практической, – не означает это и того, что вторая откладывается до окончания первой. Такое разделение – сначала одно, а потом другое – характерная черта утопического социализма или тех социалистов, которые не имеют твердого понятия о методе в общественной науке, не овладели материализмом – «единственно научным методом, требующим, чтобы всякая программа была точной формулировкой действительного процесса»¹². Свою задачу такие социалисты видят в том, чтобы создавать «модели» общества (отличного от действительного) и искать пути их внедрения. Тогда естественно, – говорит Ленин, – что для них «практическая работа становится возможной лишь тогда, когда гениальные философы откроют и покажут эти «иные пути»; и, наоборот, когда открыты и показаны эти пути – кончается теоретическая работа и начинается работа «патриотов» – тех, кто должен направить «отечество» по изобретенному пути.

«Совсем иначе обстоит дело, когда задача коммунистов сводится к тому, чтобы быть идейными руководителями пролетариата в его действительной борьбе против действительных настоящих врагов, стоящих на *действительном пути* данного общественно-экономического развития. При этом условии теоретическая и практическая работа сливаются вместе, в одну работу, которую так метко охарактеризовал ветеран германской социал-демократии Либкнехт словами: Studieren,

Propagandieren, Organisieren (Изучать, пропагандировать, организовывать. – Ред.). Нельзя быть идейным руководителем без вышеуказанной теоретической работы, как нельзя быть им без того, чтобы направлять эту работу по запросам дела, без того чтобы пропагандировать результаты этой теории среди рабочих и помогать их организации»¹³.

Такая постановка задачи, считает Ленин, гарантирует идеологов пролетариата от догматизма и сектанства. «Не может быть догматизма там, где верховным и единственным критерием доктрины ставится – соответствие ее с действительным процессом общественно-экономического развития; не может быть сектанства, когда задача сводится к содействию организации пролетариата, когда, следовательно, роль «интеллигенции» сводится к тому, чтобы сделать ненужными особых, интеллигентных руководителей»¹⁴.

Сегодня нередко коммунистами зовутся те, кто приекает теорию марксизма за исключением ее революционного характера и учения о классовой борьбе. **Невозможно отрицать, считает Ленин, «что учение о классовой борьбе – центр тяжести всей системы воззрений Маркса», что «упущение из виду классовой борьбы свидетельствует о грубейшем непонимании марксизма»¹⁵. Невозможно принять теорию Маркса за исключением этого пункта, так как это требовало бы «переделать теорию и выработать понятие о другом капитализме, которому не присущи антагонистические отношения и борьба классов»¹⁶.** Поэтому коммунисты исходят из такого вывода этой теории: «из буржуазного общества может быть только один выход, необходимо вытекающий из самой сущности буржуазного строя, – именно классовая борьба пролетариата против буржуазии»¹⁷, доведенная до общенационального масштаба, до захвата власти, до установления диктатуры пролетариата. Поэтому их политическая деятельность состоит в том, чтобы содействовать развитию и организации рабочего движения, преобразованию разрозненной экономической войны рабочих в сознательную классовую борьбу, направленную против буржуазного режима и стремящуюся к экспроприации экспроприаторов, к уничтожению тех общественных порядков, которые основаны на угнетении трудящегося. Не вместо рабочих, за них и во имя их, – еще раз подчеркнем, – а содействовать развитию и организации сознательной борьбы самих рабочих.

Кто не понимает и не принимает этих ленинских положений, тот либо не коммунист, либо обязан выработать новую теорию вместо марксизма, ведущего к таким неприемлемым выводам.

О сознательности революционного движения пролетариата

Выше говорилось, что в социалистическом сознании рабочих масс Ленин видит единственный базис, который может обеспечить коммунизму победу. В этом вопросе – об отношении сознательности к стихийности – и видит Ленин суть тех разногласий, которые обнаружились среди идеологов в эпоху «кризиса марксизма», отраженного в «Что делать?». Социал-демократия в понимании Ленина есть соединение рабочего движения с социализмом. Содействие развитию классового самосознания пролетариата, организация и сплочение его для политической борьбы против капиталистического строя – в этом видит Ленин работу идеологов рабочего класса. Причем, требование сознательности он предъявляет и к теоретической, и к политической, и к организацион-

ной работе его идеологов. Слабость рабочего движения, – утверждает Ленин, – есть недостаток сознательности и инициативности руководителей-революционеров. Поэтому, по его мнению, разбор этих разногласий представляет громадный общий интерес и заслуживает внимания, т.к. задача коммунистов – не возвышаться над рабочим движением, а *поднимать* его до своей программы.

Сегодня, как и сто лет назад, не каждому коммунисту понятно ленинское положение о том, что социалистического сознания у рабочих *не было, да и не могло быть*. Вновь приходится видеть коммунистов, о которых Маркс говорил, что они видят в нищете только нищету, не замечая ее революционной, разрушительной стороны, которая и ниспровергнет старое общество. Они утверждают, что у нас отсутствуют «проявления» рабочего движения, попытки протеста, выступления рабочих. Это ходячее возражение, говорит Ленин, основывается прежде всего на неудовлетворительном и безобразно узком понимании теории Маркса. В ответ на такие рассуждения он замечает, что только поверхностное знакомство с фактами может внушить идею, что Маркс оперировал над готовым пролетариатом. «Коммунистическая программа Маркса выработана была им еще до 1848 г. ...Социал-демократическое рабочее движение, показавшее всем наглядно революционную и объединяющую роль капитализма, началось двумя десятилетиями позже, когда доктрина научного социализма окончательно сложилась, когда шире распространилась крупная индустрия и нашлись ряды талантливых и энергичных распространителей этой доктрины в рабочей среде. Представляя в неверном освещении исторические факты, забывая о массе труда, вложенного социалистами на придание сознательности и организованности рабочему движению, наши философы сверх того подсовывают Марксу бессмысленнейшие фаталистические воззрения. По его взгляду, будто бы организация и обобществление рабочих происходят сами собой и, следовательно, дескать, если мы, видя капитализм, не видим рабочего движения, так это потому, что капитализм не выполняет миссии, а не потому, что мы слабо еще работаем над этой организацией и пропагандой среди рабочих»¹⁸. Еще хуже, когда от этого возражения об отсутствии рабочего движения приходят к мечтам «о замирении вековой экономической борьбы антагонистических классов». Вместо того, чтобы впасть в маниловщину, надо понять, что следует стремиться придать организованность и сознательность этой борьбе и для этого взяться за коммунистическую работу, – пишет Ленин. Чтобы «прогрессивная работа капитализма» «проявилась» у нас, коммунисты должны энергично взяться за свое дело: разработать подробнее марксистское понимание нашей истории и современной действительности, проследившая конкретнее все формы классовой борьбы и эксплуатации; популяризировать эту теорию, принести ее рабочему, помочь ему усвоить ее и выработать наиболее подходящую в настоящих условиях *форму организации для распространения коммунизма и сплочения рабочих в политическую силу*.

Сознание непримиримой противоположности интересов рабочих всему современному политическому и общественному строю, – то есть сознание социалистическое – не пробуждается в стихийном антагонизме рабочих и хозяев, оно может быть принесено только извне, подчеркивает Ленин. «Исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское, т.е. убеждение в не-

обходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т.п. (тред-юнизм вовсе не исключает всякую «политику», как иногда думают). Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией»¹⁹.

Таким образом, теоретическое учение современного научного социализма возникает совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникает как результат развития мысли у революционной социалистической интеллигенции. Солидаризуясь с К.Каутским, Ленин показывает, что представление, согласно которому рабочее движение само по себе может выработать себе самостоятельную идеологию, глубоко ошибочно. Это совершенно неверно, когда социалистическое сознание представляется необходимым непосредственным результатом пролетарской классовой борьбы. Разумеется, социализм как учение коренится в современных экономических отношениях, как и классовая борьба пролетариата. «Но социализм и классовая борьба возникают рядом одно с другим, а не одно из другого, возникают при различных предпосылках. Современное социалистическое сознание может возникнуть только на основании глубоко научного знания»²⁰.

Наличие вооруженных социалистической теорией революционеров, идеологов, руководителей, их достаточная подготовленность, – необходимое условие социалистического характера рабочего движения, т.к. необходимо развивать политическое сознание рабочего класса до уровня социалистического политического сознания.

Положение о том, что «социалистическое сознание есть нечто извне внесенное в классовую борьбу пролетариата, а не нечто стихийно из нее возникшее», влечет за собой ряд важных выводов.

1. Требование сознательности, предъявляемое к идеологам рабочего движения.

Недостаток сознательности и инициативности руководителей-революционеров, их неподготовленность к исполнению гигантских задач идейного руководства и сплочения рабочих в политическую силу Ленин рассматривает как проявление слабости рабочего движения. В связи с этим он подчеркивает пожелание Энгельса: «В особенности обязанность вождя будет состоять в том, чтобы все более и более просвещать себя по всем теоретическим вопросам, все более и более освобождаться от влияния традиционных, принадлежащих старому мирозерцанию, фраз и всегда иметь в виду, что социализм, с тех пор как он стал наукой, требует, чтобы с ним и обращались как с наукой, т.е. чтобы его изучали. Приобретенное таким образом, все более проясняющееся сознание необходимо распространять среди рабочих масс с все большим усердием и все крепче спланивать организацию партии и организацию профессиональных союзов»²¹.

2. Именно идейное единство обуславливает организационное и практическое единство партии, что способствует сознательности и единству революционной борьбе пролетариата.

С этим связано положение о необходимости соединения революционной марксистской теории с рабочим движением, без чего это движение не становится самостоятельным и революционным, а остается подчиненным буржуазии и в идеологии и практически. В то же время и теория, даже самая революционная, рискует остаться лишь благим пожеланием без соединения с ре-

альной революционной силой.

Но в определенных условиях соединение рабочего движения с социализмом не происходит и вырастает в задачу. Так, – отмечает Ленин, – группа «Освобождения труда» лишь теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению. Основала теоретически – значит добилась марксистского идейного единства, чем подготовила основу для практического, организационного единства революционного движения пролетариата в России.

В разрушении благонамеренной и прекраснородушной лжи буржуазных идеологов о действительности заключается основная теоретическая задача марксизма. «Первая обязанность тех, кто хочет искать «путей к человеческому счастью» – не морочить самих себя, – считает Ленин, – иметь смелость признать откровенно то, что есть. И когда идеологи трудящегося класса поймут это и прочувствуют, – тогда они признают, что «идеалы» должны заключаться ...в формулировке задачи и целей той «суровой борьбы общественных классов», которая идет перед нашими глазами в нашем капиталистическом обществе; что мерой успеха ...является не разработка советов «обществу» и «государству», а степень распространения этих идеалов в определенном классе общества; что самым высоким идеалам цена – медный грош, покуда вы не сумели слить их неразрывно с интересами самих участвующих в экономической борьбе»²². Придать идейность идущей борьбе – вот на чем Ленин считает необходимым строить программу. «Марксизм видит свой критерий в формулировке и в теоретическом объяснении идущей перед нашими глазами борьбы общественных классов и экономических интересов»²³.

Таким образом, вопросы теории вовсе не являются праздными, а теоретические ошибки безобидными. За теоретическими рассуждениями стоят интересы и теория – это представительство интересов, а теоретические различия между доктринами – это представительство различных интересов различных социальных сил. Разница между пониманиями одной и той же действительности приводит в результате к различным на практике системам действия. Теоретическая сторона различия – разное понимание факта господства капитала – влечет за собой различие практическое. Именно из понимания действительности непосредственно вытекает программа действий, и от того, насколько объективно это понимание, зависит какая именно следует из него программа, зависит в конечном счете успешность ее выполнения.

Если идеолог в состоянии понять, что капитализм – не случайность, а прямой продукт всего современного экономического (и социального, и политического, и юридического) строя, складывающегося из борьбы взаимно-противоположных общественных сил, то он найдет выход в развитии классовых противоречий данного экономического порядка; он увидит, что из буржуазного общества нет выхода вне классовой борьбы пролетариата против буржуазии. Против класса обратиться тоже к классу – таков выход. Тогда задачей идеолога будет: служить исключительно одному этому классу, его самостоятельному развитию и мышлению, что не только сокращает существование буржуазного общества ускорением его развития, но и кладет ему конец, укрепляя силу и боеспособность рабочего класса. Там, где повсюду царит капитал, где идет глухая борьба интересов, там и надо «не замазывать, а раскрывать ее, – не мечтать: лучше бы без борьбы, а развивать ее в отношении прочности, преемственности, последовательности и,

главное, идейности»²⁴.

Итак, Ленин настаивает на единстве теоретической и практической сторон революционного социализма. Не соответствие, рассогласование их есть разброд и шатание, расхождение слова и дела. В частности такое явление, как преклонение перед стихийностью рабочего движения, принижение, умаление роли сознательных социалистов в революционном движении пролетариата, а также теоретическое закрепление этого раболепства, Ленин расценивал однозначно как реакционное и требовал беспощадной борьбы со стихийностью в классовой пролетарской борьбе.

Когда теоретические воззрения в главных и основных своих чертах достаточно выяснены, это дает практической стороне социализма возможность устранить недоразумения и взаимное непонимание в деятельности, дает возможность поставить ее на почву классовой борьбы, выяснить политическую программу, приемы деятельности, тактику. В практической деятельности социально-революционное направление в социализме «ставит себе, как известно, задачей руководить классовой борьбой пролетариата и организовывать эту борьбу»²⁵.

Всякое умаление роли сознательных социалистов, руководителей, идеологов, всякая их неподготовленность и неумелость, являются уступкой стихийности и означают тем самым, – совершенно независимо от того, желает этого умаляющий или нет, – усиление влияния буржуазной идеологии на рабочих. Ведь если о самостоятельной, самими рабочими массами в самом ходе их движения вырабатываемой идеологии не может быть и речи, то вопрос стоит *только так*: буржуазная или социалистическая идеология, – подчеркивает Ленин. «Середины тут нет (ибо никакой «третьей» идеологии не выработало человечество, да и вообще в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии). Поэтому всякое умаление социалистической идеологии, *всякое отстранение* от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной»²⁶.

Стихийное развитие рабочего движения идет именно к подчинению его буржуазной идеологии, ибо *стихийное рабочее движение* есть тред-юнионизм, есть «только-профессиональная» борьба, узко экономическая борьба, а это как раз и означает идейное порабощение рабочих буржуазией. Поэтому поклонники стихийности, замечает Ленин, подделываются под неразвитых рабочих. Дескать, рабочий интересуется только борьбой за те требования, которые сулят осязаемые результаты – известная песенка о копейке на рубль. Задача социалистических идеологов, революционеров, коммунистов состоит в *борьбе со стихийностью*, состоит в том, чтобы совлечь рабочее движение с этого стихийного стремления под крылышко буржуазии и привлечь под знамя революционного движения. Если не увлечь рабочих социализмом, то это равносильно предоставлению поля деятельности идеологам, которые тянут рабочее движение по линии буржуазного тред-юнионизма или по линии «поповско-жандармской» идеологии. Сужение экономической борьбы до тред-юнионизма, до тред-юнионистской политики есть навязывание рабочему буржуазной идеологии через стихийность борьбы, через ее бессознательность, безыдейность.

3. Нужна отчаянная борьба со стихийностью! – настаивает Ленин.

Идейное порабощение рабочих буржуазией реализуется через стихийное раздробление рабочего класса между несколькими идеологиями: часть рабочих объеди-

нена профсоюзами, другая – социал-демократическими партиями, третью опекают жандармы в рясах, четвертая увлечена акционерными обществами и т.д., и т.п. Добиться главенства, солидарности рабочих под своим знаменем социалистическая идеология может лишь путем неуклонной борьбы со всеми остальными идеологиями. А такая революционная работа требует широкого размаха, широкой постановки политической пропаганды, агитации и организации. Задача сознательных социалистов – *превратить* тред-юнионистскую политику в социалистическую политическую борьбу, *поднять* рабочих до социалистического политического сознания.

Еще раз об отношении политики к экономике

Из сказанного выше ясно, что «классовое политическое сознание может быть принесено рабочему классу *только извне*, то есть извне экономической борьбы, извне сферы отношений рабочих к хозяевам. Область, из которой только и можно почерпнуть это знание, есть область отношений *всех* классов и слоев к государству и правительству, область взаимоотношений между *всеми* классами»²⁷. Здесь будет уместным напомнить положение марксизма о том, что «всякая политическая борьба есть борьба классовая и что всякая борьба классов за свое освобождение, невзирая на ее неизбежно политическую форму, – ибо всякая классовая борьба есть борьба политическая, – ведется, в конечном счете, из-за освобождения *экономического*»²⁸.

Одним из условий преклонения перед стихийностью в революционном движении служит беззаботность насчет теории вообще, принижение теоретического уровня, неглубокое, порой карикатурное, усвоение марксизма в целом. В частности же это касается вопроса отношения политики к экономике в марксистской теории, выразившееся в представлении о том, что «рабочие должны сначала приобрести экономическую силу, прежде чем думать о политической революции».

И ныне нередко встретишь среди коммунистов вариации на эту тему: у нас еще мало сил, рабочие еще слабы, поэтому социальные революции откладываются «на потом», хотя в принципе как бы и не отвергаются. Теперь снова порой столкнешься среди коммунистов и даже (!) теоретиков с представлением о том, что «политика всегда послушно следует за экономикой» или «экономическая борьба неразрывна с политической», «политика есть надстройка над экономической борьбой, должна вырастать на почве этой борьбы и идти за нею» и т.п. И все это под видом материализма.

Эти положения неверны, если понимать под политической *социалистическую политику*, уточняет Ленин. И верно, если понимать политику *тред-юнионистскую*, т.е. общее стремление всех рабочих добиваться себе от государства тех или иных мероприятий, направленных против бедствий, свойственных их положению, но еще не устраняющих самого этого положения, т.е. не уничтожающих подчинение труда капиталу.

Есть политика и политика. «Очень часто экономическая борьба рабочих бывает связана (хотя и не неразрывно) с политикой буржуазной», – констатирует Ленин. Но признание стихийно вырастающей из самого рабочего движения политической борьбы (вернее: политических пожеланий и требований рабочих) еще не является самостоятельной выработкой специфической социалистической политики, отвечающей *общим* задачам социализма и конкретным условиям. Эта «инстинктивность», т.е. бессознательность (стихийность), иногда является отказом от такой выработки.

Ведь «первыми, случайно попавшимися под руку» средствами борьбы всегда будут в современном обществе тред-юнионистские средства борьбы, а «первой попавшейся» идеологией – буржуазная (тред-юнионистская) идеология.

«Из того, что экономические интересы отдельных классов играют решающую роль в истории, *отнюдь не следует* никакого вывода о первостепенном значении экономической (= профессиональной) борьбы, ибо самые существенные, «решающие» интересы классов могут быть удовлетворены *только* коренными *политическими* преобразованиями вообще, в частности основной экономический интерес пролетариата может быть удовлетворен только посредством политической революции, заменяющей диктатуру буржуазии диктатурой пролетариата»²⁹. Непонимание этого и выразилось в том, что «вместо того, чтобы звать *вперед*, к упрочению революционной организации и расширению политической деятельности, стали звать *назад*, к одной тред-юнионистской борьбе»³⁰.

В этом Ленин видит выражение подавления сознательности стихийностью, которое происходит при отрывочном знакомстве с марксизмом, при оплошности и вулгаризации его. Сознательность революционеров подавлялась стихийностью тех идеологов, которые истолковывали марксизм в духе стихийности тех «средних», «массовых» рабочих, которые поддались доводу, что копейка на рубль и ближе, и дороже, чем всякий социализм и всякая социалистическая политика, что они выдвигают требования и добиваются выгод от своего положения, зная, что борются они не для каких-то будущих поколений, а для себя и своих детей. Ленин замечает по этому поводу, что подобная фразеология – излюбленное оружие западных буржуа, которые говорят рабочим, что «только-профессиональная» борьба есть борьба для самих себя и своих детей, а не для какого-то будущего социализма грядущих поколений. Тред-юнионистское толкование политики проявляется и в сужении борьбы лишь до той, которая «сулит осязательные результаты»; в отбрасывании борьбы, «никаких осязательных результатов не сулящей».

По-ленински ответить на это следует так: и мы, коммунисты, как и все западноевропейские буржуа, хотим втянуть рабочих в политику, но *только не в тред-юнионистскую, а именно в социалистическую политику*. Тред-юнионистская политика рабочего класса есть именно *буржуазная политика рабочего класса*.

В связи с этим интересна мысль Ленина о том, что такое подавление сознательности стихийностью может происходить двояким путем: либо стихийным, либо путем открытой борьбы двух совершенно противоположных воззрений и победы одного над другим. Отсюда напрашивается вывод, что в нашем постсоветском коммунистическом движении также происходит подавление сознательности стихийностью и как раз бессознательно-стихийным путем. Как бы по инерции перетаскивается из прежней хрущевско-брежневской КПСС узость теоретических воззрений, сужение политических и организационных задач, бюрократизация и неревolutionционность партии. Пришедшим на место КПСС партиям не пришлось развиваться и складываться. Происходило не становление и развитие партий революционного типа, а восстановление организаций прежнего образца с перенесением тех или иных привычных форм работы из советского периода в постсоветский. Им достались готовыми и «сознательность» (читай: «привычность»), и уставные нормы, которые не под-

вергались ни сомнению, ни уточнению. И выходит, что на самом деле – это стихийно сложившиеся организации. Мало кто замечает при этом, что происходит подавление сознательности стихийностью, что беззаботность в отношении теории ведет к бессознательности в нашем движении.

Не зря Ленин считал, что все вообще разногласия сознательных социалистов с поклонниками стихийности имеют общий интерес. Центральным пунктом этих разногласий является вопрос о политической борьбе. Poleмика дает «образцы» заблуждений по этому вопросу. Политика не отвергается безусловно. Просто скатываются, сбиваются с социалистического на тред-юнионистское понимание политики, принижают первую до второй. Тот же смысл имеют положения некоторых нынешних коммунистических лидеров о том, что революционная политика не отвергается безусловно, просто рассматривается как несвоевременная, а подходящей ко времени признается политика постепенности и разоблачение антинародного режима.

Во избежание недоразумений Ленин уточняет, что марксисты понимают под экономической борьбой ту «практически-экономическую борьбу», которую Энгельс называл «сопротивлением капиталистам» и которая в условиях легальности получила название профессиональной, синдикальной или тред-юнионистской борьбы. Пробуждение классового сознания и начало профессиональной борьбы служит исходным пунктом распространения социализма. Но лишь при условии правильного использования этих зачатков организацией революционеров они служат началом и составной частью революционной деятельности. При господстве же стихийности они ведут к «только-профессиональной» борьбе и к несоциалистическому рабочему движению.

Следует заметить, что ленинская критика не означает, что надо игнорировать тред-юнионистские задачи, а напротив, проясняет, как *обеспечить* их последовательное выполнение.

Экономическая борьба есть коллективная борьба рабочих с хозяевами за выгодные условия *продажи рабочей силы*, за улучшение условий труда и жизни рабочих. Эта борьба по необходимости является борьбой профессиональной, т.к. условия труда крайне разнообразны в разных профессиях, и, следовательно, борьба за *улучшение* этих условий не может не вестись профсоюзами и профобъединениями. Добиваться осуществления тех же профессиональных требований, того же профессионального улучшения условий труда посредством «законодательных решений и административных мероприятий» – это именно и делают и всегда делали профессиональные рабочие союзы.

Но ничего, кроме борьбы за экономические и социальные реформы, в этом нет. Но тот, кто назвался коммунистом, не может ограничиться этим. Коммунисты на деле «подчиняют борьбу за реформы, как часть целому, борьбе за свободу и социализм»³¹.

Коммунисты обязаны руководить «борьбой рабочего класса не только за выгодные условия продажи рабочей силы, а и за уничтожение того общественного строя, который заставляет неимущих продаваться богачам». **Коммунисты «представляют рабочий класс не в его отношении к данной только группе предпринимателей, а в его отношении ко всем классам современного общества, к государству, как организованной политической силе»**³². Поэтому они не могут ограничиваться экономической борьбой, а должны брать за политическое воспитание рабочего класса, за развитие его политического

сознания. А для этого мало пропаганды идеи о враждебности рабочего класса буржуазному обществу, недостаточно *объяснять* политическое угнетение рабочих, как недостаточно было *объяснять* противоположность их интересам интересам хозяев. Необходимо агитировать по поводу каждого конкретного проявления этого угнетения, как и по поводу проявлений экономического гнета, причем в отношении самых различных классов общества и как оно проявляется в самых разных областях жизни и деятельности.

Воспитание революционной активности масс

«Сознание рабочего класса не может быть истинно политическим сознанием, если рабочие не приучены откликаться на *все и всяческие* случаи произвола и угнетения, насилия и злоупотребления, *к каким бы классам* ни относились эти случаи;» – и притом откликаться именно с социалистической, а не с иной какой-либо точки зрения. «Сознание рабочих масс не может быть истинно классовым сознанием, если рабочие на конкретных и притом злободневных (актуальных) политических фактах и событиях... не научатся **применять на практике материалистический анализ и материалистическую оценку** (выдел. авт.) *всех* сторон деятельности и жизни *всех* классов, слоев и групп населения. ...Самопознание рабочего класса неразрывно связано с полной отчетливостью... не столько теоретических, сколько на опыте политической жизни выработанных представлений о взаимоотношении *всех* классов современного общества»³³. Это ленинское требование *не путать политику с педагогикой* особенно хочется напомнить сегодня тем, кто упорно твердит о непонимании, о бессознательности и неготовности к борьбе современных рабочих, об их испорченности, развращенности, прикормленности и т.п. «Всесторонние политические обличения представляют из себя *необходимое и основное*, – подчеркивает Ленин, – условие **воспитания революционной активности масс**»³⁴.

И наше дело, дело современных коммунистов, поэтому – углублять, расширять и усиливать политические обличения и политическую агитацию. Наше дело – дать побольше того, чего из фабрично-заводского, «экономического» опыта рабочих узнать никогда не может, именно: политического знания. Это знание может приобрести социалистическая *интеллигенция*, которая и обязана, если она не только на словах социалистическая, доставлять его рабочим и притом не в виде только рассуждений, брошюр и статей (которые часто бывают скучноваты), а в виде живых обличений того, что делает в данное время правительство и командующие классы во всех областях жизни, в виде активных откликов и реакций на эти действия. Упреки в пассивности и реакционности рабочих есть только показатель пассивности, бездеятельности и несостоятельности самих идеологов, руководителей, не выполняющих своей роли, сужающих свою деятельность. Отсюда вывод: поменьше претензий к низкой активности масс и поменьше нетребовательности к своей собственной, коммунистической активности, но побольше требовательности к своей роли сознательных революционеров и организаторов. Не руководство экономической борьбой требуется от нас, а непосредственное руководство всесторонней политической агитацией, – вот что превращает профессиональную борьбу в революционное классовое движение. Гораздо больше можно сделать для экономической борьбы, если не сужать своих политических задач до

нужд только-экономической борьбы или только-парламентаризма.

Как видим, ленинская критика из «Что делать?» бьет по всяческим формам *отлынивания* от настоящей обязанности революционеров: организации ведения всесторонней политической агитации, для чего необходимо идти во все классы населения и в качестве теоретиков, и в качестве пропагандистов, и в качестве агитаторов, и в качестве организаторов (ведь «коммунисты поддерживают всякое революционное движение»). И что для этого теоретическая работа должна направляться на изучение всех особенностей социального и политического положения отдельных классов, – в этом Ленин, безусловно, не сомневается³⁵.

Об организационных принципах

Выше уже говорилось о том, что узость организационной работы стоит в несомненной и неразрывной (хотя часто и громадным большинством неосознаваемой) связи с сужением марксистской теории и политических задач коммунистов. Бессознательность ограничивает наш кругозор боязнью отойти от доступного, средне-массового, привычного и традиционного характера и уровня работы партии.

Ленин требует максимума сознательности в организационной работе, показывая, каким образом узость понимания теоретической борьбы связана не только с узким кругозором в политической борьбе, но и с сужением *организационных* задач. При такой узости понимания и практическом преклонении перед бессознательностью «совершенно не нужна, – потому на такой борьбе не может выработаться, – организация революционеров, централизованная, объединяющая в один общий натиск все и всяческие проявления политической оппозиции, протеста и возмущения, организация, состоящая из революционеров по профессии и руководимая настоящими политическими вождями всего народа»³⁶. Не может выработаться, ибо «характер организации всякого учреждения естественно и неизбежно определяется содержанием деятельности этого учреждения»³⁷.

Существование организаций, сознательность которых пасует перед стихийностью; «преклонение перед стихийно складывающимися формами организации, отсутствие сознания того, насколько узка и примитивна наша организационная работа, ...**отсутствие этого сознания**, – утверждает Ленин, – представляет собою настоящую болезнь нашего движения. То, что «это не болезнь упадка, а болезнь роста», – само собою разумеется для Ленина³⁸.

Не такова ли болезнь и нынешнего нашего коммунистического движения? – вывод напрашивается сам собой. В какой степени сознательна сегодня организационная работа коммунистов, не защищают ли порой некоторые партийные руководители и организаторы отсталые, узкие формы организации, произвольно унаследованные нами от КПСС и подправленные, подкорректированные буржуазным законодательством? Определив эту болезнь в движении своего времени, Ленин требовал непримиримой борьбы против отсталости и узости в организационной работе; требовал от *каждого* участника практической работы непреклонной решимости избавиться от этого сужения и работы по старинке.

– Но, – возразят несогласные, – у Ленина речь идет о кустарничестве и его преодолении, а у нас ведь партия со стажем, с историей. – В том то и дело! – ответим. – Идем по проторенной дорожке, строим все по привычке,

не задумываясь, *какая* организация нужна нам теперь. И под кустарничеством Ленин понимал недостаток организации: узкий размах всей революционной работы вообще, практическую неумелость и неподготовленность, отсутствие преемственности и организации отдельных частей работы, бессистемность пропаганды и агитации, и главное – попытки оправдать эту узость и возвести в особую «теорию», т. е. преклонение перед стихийностью. Последнее к тому же неразрывно связано с узким пониманием и теории марксизма, и роли революционеров, и стоящих перед ними политических задач.

Не подобно ли этому желание значительной части партаппарата и части партийцев держаться за наличные и привычные партийные структуры и под них искать социальную базу и электорат? Не подобен ли этому тот чиновничий подход к строению партии и ее работе, который продолжает свирепствовать во внутривнутрипартийной жизни со времен КПСС? Над такими вопросами заставляет нас задуматься сегодня ленинская работа. Она наводит и на размышления о результатах: «Тащиться в хвосте движения, преклоняться перед его стихийностью: в лучшем случае это бесполезно для движения, в худшем – очень и очень вредно», – предупреждает Ленин³⁹.

Решая первую и самую настоятельную практическую задачу: создать *организацию революционеров*, Ленин показывает нелепость и вредность смешения ее с организацией рабочих. Он утверждает: ни одно революционное движение не может быть прочно без устойчивой и хранящей преемственность организации руководителей; чем шире масса, стихийно вовлекаемая в борьбу, составляющая базис движения и участвующая в нем, тем настоятельнее необходимость в такой организации и тем прочнее должна быть эта организация (ибо тем легче всяким демагогам увлечь неразвитые слои массы); такая организация должна состоять главным образом из людей, профессионально занимающихся революционной деятельностью; централизация наиболее конспиративных функций организацией революционеров не обессилит, а обогатит широту, содержательность деятельности целой массы других организаций, рассчитанных на широкую публику и потому возможно менее оформленных и возможно менее конспиративных.

Может показаться, что эти положения выработались и имели значение лишь в самодержавной России. Однако, Ленин настаивал, что они имеют общее значение. О чем свидетельствует ленинская работа 1919 года «Задачи III Интернационала». «Чтобы на деле победить оппортунизм, – писал он, – чтобы на деле помогать революции, надо:

во-первых, всю пропаганду и агитацию вести с точки зрения революции, в противоположность реформам, систематически разъясняя массам эту противоположность и теоретически и практически, на каждом шагу парламентской, профессиональной, кооперативной и т. д. работы. Ни в каком случае не отказываться (за исключением особых случаев, в виде изъятия) от использования парламентаризма и всех «свобод» буржуазной демократии, не отказываться от реформ, но рассматривать их *только* как *побочный результат* революционной классовой борьбы пролетариата.

Во-вторых, надо соединять легальную и *нелегальную* работу. Этому учили большевики всегда... Над этим смеялись герои подлого оппортунизма, самодовольно, превознося «законность», «демократию», «свободу» западноевропейских стран, республик и пр. Нет ни одной страны в мире, самой передовой и самой «свободной»

из буржуазных республик, где бы не царил террор буржуазии, где бы не запрещалась свобода агитации за социалистическую революцию, пропаганды и организационной работы в этом именно направлении. Партия, которая доньше не признала этого при господстве буржуазии и не ведет систематической, всесторонней *нелегальной* работы, вопреки законам буржуазии и буржуазных парламентов, есть партия предателей и негодяев, которые словесным признанием революции обманывают народ.

В-третьих, необходима неуклонная и беспощадная война за полное изгнание из рабочего движения оппортунистических вождей. Партии, которые на словах стоят за революцию, а на деле не ведут неуклонной работы за влияние именно революционной, только революционной партии во всех и всякого рода массовых рабочих организациях, суть партии предателей.

В-четвертых, нельзя мириться с тем, что на словах осуждают империализм, а на деле не ведут революционной борьбы за освобождение колоний (и зависимых наций) от *своей* империалистской буржуазии. Это лицемерие. Это политика агентов буржуазии в рабочем движении.

В-пятых, величайшим лицемерием является типичное для (оппортунистических – ред.) партий явление: на словах признавать революцию и щеголять перед рабочими пышными фразами насчет признания ими революции, на деле же относиться чисто реформистски к тем начинаниям, росткам, проявлениям роста революции, какими являются всякие выступления масс, ломающих буржуазные законы, выходящих из всякой легальности, например, массовые стачки, уличные демонстрации, простоты солдат, митинги в войске, распространение листовок в казармах и в лагерях и т. п.

Если спросить любого (оппортуниста – ред.), ведет ли его партия такую систематическую работу, он ответит вам либо уклончивыми фразами, прикрывающими отсутствие такой работы: неимение организаций и аппарата для нее, неспособность его партии вести ее, либо декларацией против «анархизма» и т. п. А в этом и состоит измена рабочему классу.

...Но только лицемеры или дурачки могут не понимать, что особенно быстрые успехи революции в России *связаны* с долголетней работой революционной партии в указанном направлении, когда годами создавался систематический нелегальный аппарат для руководства демонстрациями и стачками, для работы в войсках, изучались детально приемы, создавалась нелегальная литература, подводившая итоги опыта и воспитывавшая всю партию в мысли о необходимости революции, выработывались вожди масс для подобных случаев и т. д. и т. п.»⁴⁰.

Думается, эти положения Ленина о строении организации революционеров и сегодня могут послужить руководством для коммунистов. По крайней мере, к ним следует выработать сознательное отношение. Только тогда возможно пойти вперед в решении стоящих перед рабочим движением задач.

Ленин неоднократно выражал пожелание, чтобы классиков марксизма поменьше почитали, но зато прилежнее читали, или, лучше, посерьезнее вдумывались в то, что читают. Не декларировать некоторые марксистские положения, а уметь сознательно решать вопросы заранее теоретически с тем, чтобы потом убедить в правильности этого решения и организацию, и партию, и массу – вот что требуется от марксиста, революционера.

Список литературы

1. Ленин В.И. Что делать? Полн. собр. соч., т.6, с.22-23
2. Там же, с.175.
3. Там же, с.135.
4. Там же.
5. Там же, с. 120.
6. Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полн. собр. соч., т.1, с.298.
7. Там же, с. 296.
8. Там же, с. 265.
9. Ленин В.И. Что делать? Полн. собр. соч., т.6, с. 17.
10. Там же, с. 105.
11. Там же, с. 23.
12. Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полн. собр. соч., т.1, с. 308.
13. Там же, с. 309.
14. Там же.
15. Там же, с. 320.
16. Там же, с. 321.
17. Там же, с. 159.
18. Там же, с. 322.
19. Ленин В.И. Что делать? Полн. собр. соч., т.6, с.31.
20. Там же, с. 39.
21. Там же, с. 27.
22. Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г.Струве. Полн. собр. соч., т.1, с. 407-408.
23. Там же, с. 411.
24. Там же, с. 365.
25. Ленин В.И. Задачи русских социал-демократов. Полн. собр. соч., т.2, с. 446.
26. Ленин В.И. Что делать? Полн. собр. соч., т.6, с. 39-40.
27. Там же, с.79.
28. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. К.Маркс, Ф.Энгельс, соч., 2-е изд., т.21, с.309-310.
29. Ленин В.И. Что делать? Полн. собр. соч., т.6, с.46.
30. Там же, с.35.
31. Там же, с.62.
32. Там же, с.56.
33. Там же, с.70.
34. Там же, 71.
35. Там же, с.82.
36. Там же, с.99.
37. Там же.
38. Там же, с.100.
39. Там же, с.52.
40. Ленин В.И. О задачах Ш Интернационала. Полн. собр. соч., т.39, с.103-104.

Организация промышленности и земельный вопрос в Венгерской Советской республике

*Евгений Варга **

Хозяйственный строй Венгерской советской республики не отличался существенно от хозяйственной организации Российской советской республики, хотя мы имели лишь слабое понятие о русских учреждениях, когда создавали в Венгрии советское хозяйство. Изучая русские хозяйственные отношения, я вижу теперь, что различия между русскими и венгерскими условиями основаны собственно на политических и исторических факторах.

С нашей точки зрения, важнейшим является то, что классовая борьба пролетариата в Венгрии не была доведена до конца. Хотя буржуазия, как вообще все прежние господствующие классы, совершенно изжила себя и из-за военных поражений потеряла весь свой авторитет и даже уверенность в своих собственных силах, однако влияние, которое имели среди рабочих правые социалисты и бюрократия профессиональных организаций, все еще продолжало сказываться, не ослабевая. Правда,

коммунистическая партия революционизировала рабочие массы, но она не обладала никакими систематически построенными организациями. Когда вожаки социал-демократии и профессиональных организаций заметили, что массы ускользают от их руководства вследствие агитации коммунистической партии, они повели прежнюю оппортунистическую политику.

Они пошли за рабочими и предложили коммунистической партии совместное введение советского строя. Они сделали это в момент, когда буржуазия, испуганная требованиями Антанты, не хотела брать на себя ответственности за разорение страны и предложила политическую власть социал-демократическим вождям рабочего класса. Так возникла Венгерская советская республика, причем коммунистическая партия не успела построить своих организаций, подобно русским; по установлении Советской власти она даже распустила важнейшие из своих организаций и, объединившись с социал-демократической партией, основала социалистическо-коммунистическую партию. При построении Венгерской советской республики отсутствовал, таким образом, как раз тот фактор, который играет в России решающую роль: организованная коммунистическая партия.

Эти обстоятельства при введении диктатуры пролетариата оказали большое влияние на построение хозяйственных организаций. Так как буржуазия надеялась, что

* Е.С.Варга – председатель Высшего Совета Народного Хозяйства Венгерской Советской республики (1919 г.), профессор, академик, крупный марксистский ученый-экономист, чьи работы в области проблем экономики и политики империализма получили широкую известность, посвящена анализу достижений и трудностей на пути строительства социализма в годы венгерской революции.

Редакция

переход к Советской власти сохранит целостность страны, не было и следа саботажа, получившего в России широкое распространение; все чиновники, инженеры, техники и все дипломированные служащие остались на своих постах, все они называли себя коммунистами. Они не только сами не оставили своих мест, но даже самые реакционные элементы лишь насильственными мерами можно было отстранить от занимаемых ими должностей. Поэтому вполне понятно, что борьба с бюрократией не могла вестись с той же беспощадностью, как в России, где бюрократия оказала Советской власти открытое противодействие. Вследствие этого весь хозяйственный строй Венгерской советской республики носил гораздо более бюрократический характер, чем в России.

Небольшие размеры страны и вполне удовлетворительное состояние транспортных средств также оказали влияние на всю систему хозяйственной организации. В стране, отдаленнейшая часть которой легко достигается по железной дороге в один день, излишне было создавать так много местных хозяйственных учреждений, как в России. Таким образом, можно было интенсивнее централизовать всю хозяйственную жизнь.

То обстоятельство, что учреждение советской республики произошло не в результате открытой революционной борьбы, принесло с собой ту всеобщую тенденцию, что в Венгерской советской республике политическая точка зрения не была так решительно подчеркнута в противовес экономической, как это имело место в России. Можно сказать, что построение хозяйственной системы было проведено в Венгрии более целесообразно и организовано, чем в России, и очень часто в ущерб политическим целям.

I. Социализация финансовых учреждений.

Венгерская советская республика начала с экспроприации всех финансовых учреждений. Будапештские банки были в первое же утро заняты красногвардейцами; мы удалили капиталистических банковских директоров и выбрали финансовыми комиссарами лиц, близко стоящих к пролетариату, из среды организованных банковских служащих. Во главе каждого банка стояло от одного до пяти таких комиссаров. Мы постановили, что никто не может получать из банка более 2000 крон ежемесячно; на вклады и сейфы был наложен секвестр еще согласно постановлению предыдущего правительства Кароли. Советское правительство овладело также Будапештским главным отделением Австро-Венгерского банка, и через несколько дней финансовые учреждения провинции также находились под контролем советов. Все это прошло гладко и без сопротивления.

Экспроприацией финансовых учреждений достигалась двоякая цель. С одной стороны, она не давала возможности буржуазии путем изъятия из банков своих капиталов располагать большими наличными средствами и употреблять их на контрреволюционные махинации. С другой стороны, необходимо было позаботиться о покрытии заработной платы и государственных расходов; нужно было воспрепятствовать перерыву производства из-за недостатка денежных средств. Поэтому мы постановили, что каждое финансовое учреждение, которое было до сих пор банкиром какого-либо промышленного предприятия, обязано выплачивать за счет соответствующего предприятия по чеку, подписанному фабричным комитетом и производственным комиссаром, денежные средства, необходимые для покрытия заработной платы по ведомостям и для приобретения сырья. Таким образом, мы могли достигнуть того, что рабочие уже в субботу

получили недельную плату без задержки, хотя провозглашение диктатуры пролетариата произошло в пятницу.

На фабрики, не располагавшие требованиями ни к одному банку, деньги для покрытия заработной платы доставлялись намеченными из центрального управления финансовыми учреждениями за счет государства.

Во время пролетарской диктатуры мы шли к тому, чтобы уничтожить бесчисленное количество финансовых учреждений. Мы ликвидировали крошечные провинциальные сберегательные кассы и частные и более мелкие банки в Будапеште. Наш план заключался в том, чтобы сохранить лишь три учреждения: Австро-Венгерский банк, центральное управление финансовых учреждений, которое должно было развивать финансовые операции государства, и центральное сельское кредитное товарищество, которое должно было вести денежные дела крестьянства. Ликвидация и сокращение банков подвигались с большим трудом, так как служащие финансовых учреждений боялись, что они после ликвидации потеряют свои должности и будут вынуждены искать новое занятие.

II. Социализация промышленности

Через несколько дней после провозглашения пролетарской диктатуры, 26 марта 1919 года появился декрет советского правительства №9 о переходе всех крупных предприятий в общественную собственность без вознаграждения прежних владельцев. Крупным предприятием считалось каждое предприятие, в котором занято было более двадцати рабочих, или предприятие с числом рабочих меньше 20, но которое, благодаря своей технической оснащённости, квалифицировалось как крупное. Это распоряжение было тотчас же проведено по всей стране, хотя дело обстояло так, что экспроприация большинства предприятий была произведена еще до обнародования этого распоряжения.

Управление обобществленными предприятиями стало задачей рабочих комитетов, которые были избраны во многих местах уже во время переворота Кароли. Рабочий комитет состоял из 3-11 членов, избранных прямым голосованием рабочих, занятых на предприятии. Рабочие данного предприятия имели право в любое время отозвать весь комитет или отдельных его членов и делегировать на их место других.

Важнейшей задачей рабочего комитета было охранять предприятия от хищений или саботажа, продолжать производство, поддерживать трудовую дисциплину и выносить решения по различным вопросам, касающимся рабочих.

Было ясно с самого начала, что невозможно будет предоставить управление производством одним только возникшим таким образом комитетам. Рабочие комитеты находились в слишком большой зависимости от рабочих своего предприятия именно потому, что они избирались этими рабочими и выборы могли быть аннулированы в любое время. Так как участие в рабочем комитете означало освобождение от физического труда, а также влияние и власть, – рабочие комитеты стремились сохранить свои полномочия как можно дольше. Вследствие этого они были склонны при всех обстоятельствах действовать исходя из выгоды рабочих своего предприятия. То же – в вопросах о трудовой дисциплине, о производительности труда, о заработной плате. Необходимо было поэтому позаботиться о том, чтобы на каждом предприятии было лицо, уполномоченное всем пролетариатом, которое должно было защищать интересы всего пролетариата в противовес интересам рабочих отдельного предприятия и наблюдать за самым ведением предпри-

ятия. Этой цели служили производственные комиссары, назначаемые советом народного хозяйства или Народным комиссариатом социального производства. Задачи производственного комиссара состояли собственно в ведении предприятия, в проведении распоряжений высших инстанций, в поддержке трудовой дисциплины и в обеспечении производительности труда. Эти задачи он должен был решать в совместной работе и в согласии с рабочим комитетом. Когда же мнения рабочего комитета и производственного комиссара не совпадали, впредь до решения высших инстанций должно было выполняться предписание производственного комиссара.

Выбор производственного комиссара представлял величайшую трудность. Производственный комиссар должен был, собственно, заменять прежнего главного директора; таким образом, у него была техническая, организаторская, дисциплинарная власть. Каждому ясно, что было очень трудно найти людей, которые отвечали бы всем этим требованиям при данных обстоятельствах, когда методы старой классово-дисциплины не были более пригодны. Дисциплина могла поддерживаться лучше всего рабочими, пользующимися влиянием в массах; но к техническому руководству оказывались способными лишь немногие рабочие. Поэтому на многих предприятиях производственными комиссарами становились инженеры, те инженеры, которые уже прежде принимали участие в рабочем движении и в отношении которых рабочие не были настроены недоверчиво. На других предприятиях комиссарами стали высококвалифицированные рабочие. Во многих местах рядом с производственными комиссарами, избранными из рабочих, работал технический специалист или, наоборот, рядом с уполномоченным для руководства делом специалистом стоял рабочий в качестве контролирующей инстанции.

III. Организация индустриального производства

Экспроприация предприятий является основным условием построения социалистического производства. Но одна только экспроприация предприятий еще не дает того результата, которого ждут рабочие от общественного производства: а именно повышения благосостояния. Чтобы достигнуть этого, необходимо, чтобы производство расширялось, а для этого нужно было покончить с производственной анархией и ввести упорядоченное, планомерное производство. Для подготовки этого процесса в Венгрии служили следующие учреждения:

1. Производственные центры. Организация их походила в главных чертах на организацию русских «центров». Это значит, что все предприятия одной отрасли промышленности ставились под общее центральное руководство. Таково построение возникших при капитализме трестов. Небольшая территория страны и то обстоятельство, что на первых порах не было сильного саботажа, сделали возможным подчинение всех предприятий каждой отрасли промышленности центральному управлению; оказалось излишним деление на непосредственно подчиненные центру крупные предприятия и меньшие предприятия, поставленные в подчинение местным советам народного хозяйства, как это имело место в России. Производственные центры заботились о технической постановке дела, о снабжении сырьем, о распределении рабочих, о проведении возможного объединения предприятий и т.п. Разумеется, четыре с половиной месяцев пролетарской диктатуры было недостаточно для полного построения производственных центров; в большинстве отраслей промышленнос-

ти были лишь разработаны планы.

2. Материальные управления. В первое время всякой диктатуры ощущается большой недостаток различных материалов. Это естественное следствие того факта, что советское правительство вынуждено было уступить старой окостенелой идеологии рабочего класса, находящейся, что советское правительство должно повысить ставки рабочих, особенно широких слоев необученных рабочих. Так как теперь широкие массы пролетариата имеют больше денег, у них появляется стремление покупать всякого рода товары. Буржуазия, видя падение денежных ценностей, также стремится покупать товары по какой угодно цене. Поэтому необходимо прежде всего позаботиться о том, чтобы наличные блага и не только те, которые готовы к непосредственному употреблению (об их распределении мы будем говорить ниже), но и те продукты, которые служат сырьем или полуфабрикатами для дальнейшего производства, попадали путем строго контролируемого систематического распределения в производственный процесс.

Для этой цели мы создали различные материальные управления: угольное, древесное, мебельное и т. д., и т. д. Целесообразным распределением материалов мы обеспечивали, чтобы производство продолжалось прежде всего на тех предприятиях, которые обладали наилучшим техническим оборудованием и на которых поэтому работа была наиболее продуктивна. Строгое руководство распределением материалов было особенно важно при существовании мелкой промышленности.

Компетенция производственных центров и материальных управлений была сначала недостаточно строго разграничена; некоторые учреждения были производственными центрами и одновременно материальными управлениями. Но уже проявлялась решительная тенденция резко отделить ведение производства, входившее в задачи производственных центров от материального хозяйства, которое находилось в компетенции материальных управлений. Сначала и в России не было разделения между ведением производства и распределением продуктов. Теперь же обе эти функции отделены друг от друга.

В начальный период, до построения производственных центров, руководство индустриальным производством падало большей частью на Народный комиссариат промышленности. Однако же, вследствие создания материальных управлений и производственных центров, компетенция этого комиссариата все более суживалась, и его задача должна была быть сведена к верховному управлению производством.

Эти материальные управления, как и производственные центры, работали под руководством соответствующих советов. Рядом с каждым материальным управлением работал совет по распределению материалов, члены которого избирались из тех профессиональных организаций, рабочие которых вырабатывали соответствующие продукты.

Это было необходимо не только в целях правильного распределения материалов, но и для того, чтобы профессиональная организация вместе с материальным управлением несла ответственность перед рабочим классом, когда бывало, что у отдельного предприятия отбирались материалы и предприятие поэтому вынуждено было простаивать. Составленные подобным же образом советы должны были работать наряду с производственными центрами.

3. В отдельных округах были образованы местные советы народного хозяйства. Членами их были товари-

щи, делегированные политическим советом, профессиональными организациями, сельскохозяйственными производственными товариществами, потребительскими обществами и т. д. Из этого окружного совета народного хозяйства должно образоваться хозяйственное управление округа, задачей которого было бы направлять хозяйственную жизнь округа на основании указаний высших властей и следить за добросовестным выполнением и проведением в жизнь их распоряжений.

4. Совет народного хозяйства. Он состоял из 60 членов, а именно из представителей крупных профессиональных организаций, из представителей окружных советов народного хозяйства – по одному от каждого, из представителей производительных и потребительских обществ и президиума. На обсуждение этого совета представлялись все принципиально важные вопросы. Это учреждение существовало вначале и в России, потом оно, как излишнее, было упразднено. В Венгрии этот совет выполнял серьезную и полезную работу: для разработки важнейших вопросов он выделял комиссии и собрал результаты этих работ в ряде монографий.

5. Президиум Совета народного хозяйства. Вначале отдельные хозяйственные ведомства работали самостоятельно в качестве преемников прежних министерств: министерство земледелия – как народный комиссариат земледелия, министерство финансов – как народный комиссариат финансов, министерство торговли – как соответствующий же народный комиссариат и т. д.

Самостоятельность отдельных хозяйственных народных комиссариатов оказалась с течением времени неоправданной, так как в спешной работе переходного времени отдельные народные комиссариаты часто выносили противоречивые постановления и издавали противоречивые распоряжения. Поэтому Съезд Советов постановил все хозяйственные комиссариаты объединить в один орган, в Совет народного хозяйства, так что народные комиссариаты оказались лишь главными отделами Совета народного хозяйства. Всякое хозяйственное распоряжение могло издаваться лишь Советом народного хозяйства. Централизация управления хозяйственной жизнью пошла, таким образом, в Венгрии гораздо дальше, чем в России, где, собственно говоря, нет совета народного хозяйства, так как так называемый совет народного хозяйства ведает лишь делами индустриального производства, а народные комиссариаты земледелия, финансов, путей сообщения и общественных работ стоят, как независимые организации, вне совета народного хозяйства. Венгерский совет народного хозяйства состоял из следующих комиссариатов, являющихся его главными отделами: 1) отдел материального хозяйства, 2) отдел внешней торговли, 3) отдел земледелия, 4) отдел финансов, 5) отдел продовольствия, 6) отдел путей сообщения, 7) отдел общественного производства, 8) отдел контроля, 9) отдел строительных работ, 10) отдел общественных работ.

Четыре председателя Совета народного хозяйства избирались Съездом Советов и являлись одновременно народными комиссарами и членами правительства. Трое из председателей руководили также каждый одним из главных отделов Совета народного хозяйства. Заведующие главными отделами были членами президиума, но не народными комиссарами или членами правительства. Президиум совета народного хозяйства был высшей инстанцией во всех хозяйственных делах страны. Он имел право самостоятельно разрешать все дела; вопросы же, связанные с политикой, должны были ставиться на обсуждение правительства. За свои постанов-

ления президиум был ответственен перед Съездом Советов или же перед исполнительным комитетом.

В своей деятельности Президиуму кроме Совета народного хозяйства помогали два других совета:

а) Совет сельского хозяйства. Ввиду большой важности сельского хозяйства, мы организовали, кроме Совета народного хозяйства, еще отдельный совет сельского хозяйства численностью приблизительно в 40 членов, состоявший из представителей от организаций: сельских рабочих, лесных рабочих, служащих экономий, сельскохозяйственных производственных товариществ, представителей профессиональных организаций, рабочих тех отраслей промышленности, которые тесно связаны с сельским хозяйством, и, сверх того, из представителей потребительских обществ и из привлеченных к делу сельскохозяйственных специалистов. Этот Совет был образован в последний период существования пролетарской диктатуры, почему мы и не можем много сообщить о его деятельности.

б) Высший технический совет, состоявший из лучших техников-специалистов страны и нескольких представителей крупных профессиональных союзов. Его задача состояла в разрешении актуальных технических вопросов. Его буржуазные члены получали месячное содержание, и кроме того предполагалась особая оплата за решение отдельных проблем.

IV. Земельный вопрос

Самая трудная проблема пролетарской диктатуры – это решение аграрного вопроса. Она сложна и в экономическом и в политическом смысле: в экономическом – потому, что обеспечение городского пролетариата необходимыми средствами существования зависит от правильного решения аграрного вопроса; в политическом – потому, что в странах Восточной и Центральной Европы никакое правительство городского пролетариата не может долгое время противостоять последовательному сопротивлению сельскохозяйственного населения. Необходимо, следовательно, вести политику, которая в хозяйственном отношении не только не тормозит производства, а, по возможности, усиливает его, обеспечивает питание городов, – политику, которая в то же время создает в деревне опору для пролетарского режима. Необходимо, стало быть, вести политику, которая привлекла бы на сторону диктатуры пролетариата, по крайней мере, сельскохозяйственных пролетариев и беднейших крестьян и которая сделала бы средние слои крестьян, по меньшей мере, нейтральными в политической борьбе.

На первой стадии диктатуры обеспечение продовольствием армии и города является самой настоятельной и самой трудной задачей. Поэтому в начале всякой диктатуры нужно прежде всего позаботиться о том, чтобы производство шло непрерывно. Перерыв в промышленном производстве наносит большой ущерб, а перерыв в сельскохозяйственном производстве чреват роковыми последствиями. Сельскохозяйственные работы по естественным производственно-техническим условиям периодичны: то, что упущено в определенный момент, невозможно наверстать в пределах того же хозяйственного года. И так как сельское хозяйство производит самые необходимые блага – средства существования, – необходимо прежде всего позаботиться о продолжении производства.

Необходимость обеспечить непрерывность производства оказывает большое влияние на характер экспроприации земельной собственности. Принципиально все земельные владения должны быть экспроприрова-

ны, как и все средства производства, хотя земельная собственность в определенных размерах является не средством эксплуатации, а естественной основой существования при помощи производительного труда. Если отвлекаясь, однако, от этой принципиальной стороны дела, то из практических соображений само собой понятно, что минимальный размер предприятий, подлежащих экспроприации, здесь так же трудно установить, как и в промышленности. Это затруднительно из политических соображений: миллионы мелких фанатиков собственности из мелких крестьян не следует превращать в активных политических противников и толкать в лагерь контрреволюции. Это затруднительно и из хозяйственно-организационных соображений: пролетариат не располагает необходимым количеством сознательных приверженцев, чтобы он мог сразу обойтись без миллионов руководителей сельскохозяйственных предприятий. Это тем более верно, что каждая ошибка здесь может поставить под угрозу снабжение города.

Принципиальную границу для экспроприации здесь так же невозможно установить, как и в промышленности. Это зависит прежде всего от распределения земельной собственности и базирующегося на нем классового расчленения сельскохозяйственного населения, равно как от идеологии последнего. Чем больше доля крупной земельной собственности в общей земельной площади, чем больше в сельском хозяйстве численность пролетариев, абсолютно лишенных земли, чем острее развиты классовые противоречия между крупными земельными собственниками и сельскохозяйственными рабочими, тем прочнее может установиться в деревне диктатура, тем дальше может пойти экспроприация. Напротив, чем равномернее распределена земельная собственность, чем меньше вследствие этого подлинных пролетариев, тем неблагоприятнее ситуация для господства пролетариата, тем осторожнее поэтому должна проходить экспроприация. Мимоходом скажу, что в аграрном вопросе социал-демократический ревизионизм и революционный большевизм резко расходятся. Широко распространенная крупная земельная собственность означает в буржуазной демократической политике феодальную реакцию, аграрную хозяйственную политику, дороговизну средств существования. Отсюда – острые классовые противоречия, благоприятная почва для пролетарской революции. Преобладание мелкой крестьянской собственности означает демократию, слабые классовые противоречия в деревне – неблагоприятную почву для чисто пролетарской революции. Поэтому ревизионисты – за раздробление крупных имений, коммунисты, напротив, – за сохранение последних*.

В Венгрии распределение земельной собственности, как известно, весьма неравномерно. В 1916 году из всей пахотной земли на хозяйства площадью больше 100 иохов (57 гектаров) приходилось 35%. Из всей земельной площади на крупные земельные владения приходился еще больший процент. В той части Венгрии, в которой господствовала Советская власть и которая не была занята врагом, это отношение было еще более не-

* Тот факт, что большевики в России предоставили крестьянам полную свободу в дроблении крупных земельных владений, ничего не меняет в этой принципиальной концепции. Русские большевики находились в исключительно тяжелом политическом положении: при сильно преобладающем крестьянском населении они могли укрепить революцию в деревне только этим путем. Они теперь принимают меры к тому, чтобы организовать остатки крупных имений в советские хозяйства и восстановить крупные предприятия на кооперативной основе.

благоприятно. Соответственно этому в Венгрии имелся совершенно безземельный слой сельскохозяйственных рабочих, численностью около миллиона.

Если не говорить о Румынии и Ирландии, то мы нигде не найдем такого огромного числа безземельных батраков, как в областях старой Венгрии, населенных мадьярами; мы видим здесь сельскохозяйственных рабочих, которые не владеют даже маленьким клочком земли и не обрабатывают для себя даже земли арендованной, а, подобно бездомным промышленным пролетариям, всю жизнь переезжают с места на место.

При таких обстоятельствах можно было в деле экспроприации земли действовать энергично. Декретом 3-го апреля все крупные и средние земельные владения вместе со всем живым и мертвым инвентарем, обязательствами и ипотеками были объявлены экспропрированными безо всякого выкупа. Минимум, не подлежащий экспроприации, в самом основном декрете не был определен. В декрете, предусматривавшем порядок проведения экспроприации земли, был установлен минимум в 100 иохов (57 гектаров)*.

В результате много миллионов гектаров земли, приблизительно 50% всей земельной площади или 35 – 40% пахотной земли, юридически были переданы во владение трудящихся классов.

В Венгрии экспроприация в хозяйственном отношении прошла гораздо более планомерно, чем в России. В России земельные владения, собственно, не были экспропрированы: они без всякого плана были поделены крестьянами между собой, в то время как инвентарь был разграблен и растаскан. Это была не экспроприация, а революционная дележка. Вредные последствия этого факта т. Ленин превосходно показал в своей речи «Борьба за хлеб».

В Венгрии экспроприация крупной земельной собственности прошла без дележки, так что имущество имений осталось нетронутым, а производство не было прервано.

Это ни в малой мере не составляет заслуги венгерских советских работников, а объясняется совершенно различными историческими условиями, в которых совершалась экспроприация в России и в Венгрии. В России крестьяне, и притом под предводительством состоятельных слоев, приняли участие в революции. Поэтому революция соответствующим образом разрешила аграрный вопрос. Крестьяне поделили землю и растаскали средства производства, причем наибольшую долю получили не беднейшие крестьяне, а наиболее состоятельные. В Венгрии не было пролетарской революции в собственном смысле этого слова. Власть за одну ночь перешла в руки пролетариев, так сказать, легально. В деревне вообще было лишь незначительное революционное движение, но не было и вооруженного противодействия. Поэтому юридически экспроприация могла пройти беспрепятственно и могли быть сохранены крупные хозяйства. В России стараются теперь организовать в сельском хозяйстве крупные государственные предприятия. Начиная с осени 1918 года, советское правительство прилагает все больше усилий к сохранению крупных предприятий в виде советских и артельных хозяйств и коммун, несмотря

* Само собой понятно, что выделение владений, не подлежащих экспроприации, на основе размеров земельной площади, было весьма несовершенно: 100 иохов плодородной пахотной земли могут иметь гораздо большую ценность, чем 500 иохов плохой. Однако более ясного определения минимума, чем на основании территориальных размеров, дать нельзя было. Возникшие на этой почве несправедливости должны были быть систематически устранены впоследствии.

на сопротивление крестьян.

Мы подчеркиваем слово «юридически», потому что нужно открыто признать, что экспроприация в большинстве случаев произошла лишь юридически, социально же во многих случаях дело так мало изменилось, что деревенское население часто не имело ясного представления об экспроприации.

Как совершилась экспроприация?

Ввиду стремления не подвергать опасности урожай, прежние служащие имений были в большинстве случаев оставлены на своих местах. Они вели предприятия, как и прежде, только за счет государства. Во многих случаях прежнего владельца оставляли управляющим его экспропрированного имения. Здесь применялся тот же самый прием, который широко практиковался в России при экспроприации крупных промышленных предприятий. Но в то время как в России немедленно начали свою деятельность фабрично-заводские комитеты, которые фактически применяли рабочий контроль, предусмотренная организация соответствующих комитетов в экспропрированных венгерских крупных имениях осталась большей частью на бумаге. И если прежний помещик оставался в качестве государственного служащего управляющим имением, то в социальном отношении пока ничего не менялось. Помещик оставался в прежней господской квартире, продолжал ездить по-прежнему на четверке и заставлял рабочих именовать его по-прежнему «барином». Все изменения заключалось только в том, что он не мог больше неограниченно распоряжаться своим имуществом и что он должен был выполнять распоряжения соответствующего производственного центра. Но из всего этого сельскохозяйственный рабочий замечал очень мало; социальная революция для него лишь постольку имела значение, поскольку он получал значительно более высокий заработок, чем раньше. Все основные социальные нововведения были отложены на осень, т. е. на время, когда они могли бы менее чувствительно отразиться на непрерывности производства.

Если этот образ действий не оправдал себя экономически, то он политически был тем опаснее, что мешал распространению социальной революции на сельскохозяйственных рабочих и отсрочил присоединение сельскохозяйственного пролетариата к революции. Лишь небольшая часть сельскохозяйственных пролетариев поняла значение революции и отдала свою жизнь борьбе, которую вела Красная армия. Глубокая политическая встряска трудящихся масс перед жатвой была бы, конечно, очень опасным смелым предприятием. Если индустриальные рабочие Венгрии при провозглашении диктатуры были недостаточно «зрелы» для руководства промышленными предприятиями, то это тем более относилось к сельскохозяйственным рабочим. Они не имели никакой хозяйственной и общественной выучки; каждый второй был неграмотный; желая превратить землю в свою частную собственность, они были не только не коммунистами, но даже не социал-демократами, так как перед революцией, чтобы не допускать агитации среди сельскохозяйственных рабочих, использовались все средства насилия государственной власти, которая находилась в руках крупных землевладельцев.

С этим сырым, неподготовленным человеческим материалом надо было обращаться очень осторожно, чтобы не подвергать опасности результаты годовичного производства сельского хозяйства. Непрерывность сельскохозяйственного производства была сохранена, но дорогой ценой отказа от политической встряски широких масс сельскохозяйственного пролетариата.

Организационное строительство экспроприированных предприятий предполагалось провести следующим образом.

В отдельных имениях организуются производственные кооперативы. Кооперативы определенной территории объединяются под единым общим руководством. Все производственные кооперативы объединяются «Центральным управлением сельскохозяйственных производственных кооперативов страны», которое подчинено непосредственно Секции земледелия Высшего совета народного хозяйства. Форма производственных кооперативов была принята ввиду социальной отсталости сельскохозяйственных рабочих. Если бы мы просто объявили крупные имения собственностью государства, то требования увеличения заработной платы были бы безграничны и интенсивность труда упала бы до минимума. А взятая нами политика давала нам возможность агитировать за трудовую дисциплину и интенсивность труда тем, что весь чистый доход от имения принадлежит рабочим. Этим самым было также в известной мере удовлетворено стремление сельскохозяйственных рабочих получить землю в собственность. Это казалось также удачным и в политическом отношении, так как мы получили возможность парализовать контрреволюционную пропаганду, утверждавшую, что сельскохозяйственные рабочие только переменили господина, что они вместо слуг «благородного господина графа» стали теперь «слугами городского пролетариата». В материальном отношении эта уступка имела небольшое значение, так как счетоводство всех имений было централизовано. У нас было намерение после достаточного предварительного просвещения деревни открыто объявить экспроприированные крупные имения собственностью государства, а рабочих — государственными служащими, совсем как промышленных рабочих*.

Хозяйственное управление отдельных имений было организовано подобно тому, как это было сделано на фабриках. Непосредственным руководителем производства, соответствующим производственному комиссару, стал теперь назначенный государством управляющий имением. Членами производственного кооператива были постоянные рабочие, а именно батраки, получающие годовую плату, и те свободные рабочие, которые обязывались в продолжение года работать в имении минимальное число дней (120 дней). Члены выбирали производственный комитет с теми же, примерно, функциями, что на крупных промышленных предприятиях. Но так как при слабом общем развитии сельскохозяйственных рабочих и вследствие их консервативной идеологии авторитет управляющего был очень велик, то управляющий, вообще говоря, имел сильный перевес над производственными комитетами, которые к тому же далеко не повсюду были избраны. Сельскохозяйственные производственные комитеты поэтому функционировали в общем лишь формально. Настоящую организационную работу

* Вопрос о том, окажется ли возможным превращение сельскохозяйственных рабочих в государственных служащих и можно ли будет провести социализацию крупных имений без раздела, остался открытым. Многие говорят за то, что венгерские сельскохозяйственные рабочие после основательно проведенной агитационной кампании добровольно приняли бы именно это решение и добровольно отказались от далеко не блестящего существования изолированных мелких крестьян. Для утоления земельного голода деревенской бедноты было бы, быть может, целесообразнее наделение ее парцеллами до одного гектара на человека. Это можно было бы провести и в форме наследственной аренды.

предполагалось провести осенью. Спокойный ход летних работ в сельском хозяйстве, столь важных для обеспечения продовольствием населения, не должен был нарушаться. Но в сельском хозяйстве обнаружались такие же трения между рабочими и администрацией, как и на фабриках, причем устранение этих трений было сопряжено с большими трудностями.

Началась уже работа по организации экспропрированных крупных имений для обеспечения снабжения городского пролетариата, так как на поставку продуктов питания крестьянами нельзя было рассчитывать с достаточной уверенностью. Было сделано все возможное, чтобы поднять производство в экспропрированных крупных имениях. Имевшиеся в недостаточном количестве вспомогательные материалы, уголь, бензин, удобрения и средства производства – машины, плуги и орудия – распределялись в первую очередь между экспропрированными крупными имениями. Существовал план организовать в качестве высоко интенсивных, отчасти огородных хозяйств крупные имения, расположенные вблизи столицы и больших городов. В окрестностях Будапешта уже в первый месяц диктатуры приступили к организации нескольких очень крупных огородных хозяйств на территории прежнего ипподрома. Дальнейшие мероприятия должны были быть проведены осенью.

Во многих имениях были построены полевые дороги, для чего были использованы оставшиеся военные материалы. Дойные коровы имений, отдаленных от железной дороги, были сосредоточены в молочных хозяйствах, расположенных вблизи железнодорожных станций, дабы можно было обеспечить столицу и другие города молоком. Освободившиеся от работы рабочие и служащие предприятий, производивших предметы роскоши, и других отраслей хозяйственной жизни, должны были быть поселены в качестве рабочих в экспропрированных имениях, чтобы предоставить им производительные здоровые занятия и чтобы поднять интеллектуальный уровень, а тем самым и производительность труда сельскохозяйственных рабочих. В упомянутых выше больших огородных хозяйствах фактически работали сотни бывших чиновников и других членов прежнего слоя «господ», и работали усердно и с хорошим настроением. Словом, был разработан хорошо продуманный план, который должен был в короткое время повысить производство крупных экспропрированных имений, охватывавших от 40 до 50% всей земельной площади, настолько, чтобы можно было хотя бы минимально обеспечить снабжение городского населения и ликвидировать экономическую монополию крестьян на продовольствие. Самым большим препятствием к осуществлению этого плана были близорукость, враждебно настроенные к диктатуре, застывшие в своей традиционной духовной косности вожди профессиональных союзов сельскохозяйственных рабочих; они побуждали рабочих к столь чрезмерным требованиям, что им доставался бы весь валовой доход от сельского хозяйства, а для городского населения вообще ничего не оставалось бы. Разумной агитационной работой можно было бы, по всей вероятности, преодолеть и это затруднение.

Пока что экспропрированные крупные имения, все без исключения, были подчинены центральному государственному хозяйственному управлению. Обсуждался вопрос, не целесообразнее ли коммунализовать (муниципализировать) отдельные крупные хозяйства, чтобы при помощи местных рабочих и контроля поднять производительность. Промышленные рабочие отдельных крупных предприятий также предлагали передать им

для обработки крупные сельские хозяйства; они собирались по окончании индустриального труда участвовать в работах в «своем» имении. Однако, как бы соблазнительны ни казались эти предложения, мы по отношению к ним занимали принципиально отрицательную позицию. При всеобщей тенденции к партикуляризму, свойственному всякой революционной эпохе, следовало опасаться, что при таком решении вопроса централизованное ведение хозяйств, производящих средства существования, будет парализовано.

Здесь мы подходим к специальной проблеме крестьянства, которое продолжает владеть землей на правах частной собственности. Оптимистические надежды Ларина (высказанные и Каутским в «Аграрном вопросе») на то, что крестьяне, увлеченные примером государственных крупных предприятий, добровольно откажутся от своей частной собственности, мы считаем утопическими. В России, где под влиянием общинной собственности на землю, так называемого «мира», у крестьян сохранились, быть может, некоторые остатки идеологии, близкой к коммунизму, на это, может быть, есть шансы, но в странах, где существует издавна частная собственность на землю и где в среде крестьян широко развита собственническая эгоистическая идеология, о добровольном отказе от частной собственности в этом поколении нечего и думать. Всякий пролетарский режим должен, на наш взгляд, считаться с этим фактом.

Итак, как быть с крестьянством?

Этот вопрос находится в тесной связи с проблемой снабжения. В Венгрии половина земли, занятая крупными имениями, была экспроприрована, и так как благодаря этому казалось, что индустриальному пролетариату обеспечено, по крайней мере, скудное пропитание, то мы могли по отношению к крестьянскому вопросу занять выжидательную позицию. Перед нами стояла задача путем развития просветительных учреждений побудить крестьян к улучшению их хозяйств, поднять их потребности и таким образом предупредить угрожавший крестьянам возврат к замкнутому домашнему хозяйству. Излишек продуктов мы предполагали получить от крестьян путем – путем покупки и натурального обмена. Более решительные меры были бы необходимы в том случае, если бы богатые крестьяне стали систематически тормозить продажу и сбыт своих излишков по политическим мотивам. В этом случае нет никакого другого средства, как экспроприация самой земли: реквизиции не приводят к цели, так как они влекут за собой сокращение производства. Но так как крестьянские хозяйства могут быть управляемы только местными органами и так как они, вследствие своей раздробленности на парцеллы, в большинстве случаев не годятся для ведения крупного хозяйства, то для этой цели следовало бы создать надежную в политическом и хозяйственном отношении местную пролетарскую организацию. Экспропрированные крестьянские хозяйства должны были быть переданы на началах натуральной аренды для коллективной обработки мелким трудовым коммунам, составленным из сельскохозяйственных пролетариев и стоящим под контролем местного совета. Мы думали о мелких коммунах потому, что на разбросанных землях с крестьянскими орудиями, приспособленными лишь для мелкого производства, в настоящее время можно вести только мелкие хозяйства.

Но, чтобы это стало возможным, необходимо выполнить трудную работу: вырвать пролетариев деревни из-под идеологического влияния богатых крестьян, внести в деревню идею классового боя, пробудить чувство со-

лидарности сельскохозяйственных рабочих и городского пролетариата. Это необыкновенно трудная задача. В Венгрии, где в самой деревне существует резкая классовая дифференциация между крупными и мелкими крестьянами, где имущественные различия в самом крестьянстве очень велики, разрешить эту задачу было бы легче. Но в тех странах, где расслоения между богатыми крестьянами и деревенской беднотой, вследствие равномерного распределения земли, нет, этот способ решения вопроса непригоден. В подобных случаях вопрос может быть разрешен только полным изменением всей крестьянской идеологии.

Для этой цели прежде всего необходимо привлечь на сторону пролетарской диктатуры учительство. Есть еще возможность перевести в деревню в качестве агитаторов руководителей сельских советов и т. д. коммунистически настроенных промышленных рабочих, которые связаны еще с родными деревнями. Пролетарский режим приобрел бы этим путем в каждой деревне по несколько надежных, постоянных доверенных лиц для контроля над всяким контрреволюционным крестьянским движением; при их содействии можно было бы при помощи прессы, брошюр, докладов и преподавания приступить к идеологическому воспитанию деревни. Ввиду неизбежных продовольственных затруднений в городах, для этой задачи всегда найдется достаточное число промышленных рабочих. Это – трудная и кропотливая работа, но она должна быть выполнена, раз мы не хотим гражданской войны между городом и деревней.

V. Обобществление торговли

Советское правительство тотчас же после перехода власти в его руки закрыло, используя русский опыт, все крупные торговые предприятия и заведения, которые не занимались продажей предметов первой необходимости. Остались открытыми только продовольственные лавки, которые уже прежде распределяли важнейшие съестные припасы только на основе карточной системы, затем ремесленные предприятия, писчебумажные и книжные магазины. Экспроприация крупной торговли произошла без всякого выкупа. Найденные там товары поступали в распоряжение и под охрану соответствующих материальных управлений. Управление предприятиями находилось в руках комиссаров, назначенных из торговых служащих.

Внезапное прекращение торговли задело спекулянтов, но в особенности буржуазию, естественно недовольную, так как она, видя растущее обесценение денег, охотно покупала бы всякие товары.

Но именно потому, что к началу пролетарской диктатуры в Венгрии, как и при всякой другой диктатуре, вследствие повышения заработной платы покупательная способность масс была несоразмерно больше, чем количество товаров, еще оставшихся и вновь производимых упавшей промышленностью, нужно было заботиться о систематическом распределении с трудом добываемых товаров: белья, платья, обуви, мебели. Но это возможно только при условии уничтожения свободной торговли организациями государственного распределения продуктов, как это имело место в России. В Венгрии учреждение государственных органов распределения шло медленно, и таким образом произошла довольно большая задержка в распределении товаров. Этому, однако, мы могли бы быстро помочь увеличением числа кооперативных и государственных распределительных пунктов.

VI. Какие результаты дала новая организация

Каждому понятно, что первые месяцы пролетарской диктатуры не могли принести венгерскому пролетариату повышение благосостояния, которое наивно ожидалось теми, кто неясно представлял себе сущность пролетарской диктатуры. Хотя пролетарская диктатура и уничтожила доходы богатых, хотя и препятствовала тому, чтобы богачи жили в роскоши и изобилии, в то время как рабочие нуждаются, но экспроприация богатств и доходов богатых еще не означает, что благосостояние рабочих масс тотчас же возрастает. Для повышения жизненного уровня трудящихся нужно больше съестных припасов, больше топлива, больше платья и белья, больше мебели и больше жилищ. Из всего этого в лучшем случае может быть удовлетворена в незначительной мере потребность в жилищах и мебели за счет дворцов, экспроприированных у богатых. Напротив, большего количества продовольствия, топлива мы от богатых получить не можем, так как запасы, которыми они, может быть, и обладали, совершенно незначительны по сравнению с огромными потребностями трудящихся.

Повышенное удовлетворение потребностей возможно только путем поднятия производства. Мы должны производить больше благ, чтобы иметь возможность больше потреблять. Целесообразная организация производства имеет целью: во-первых, производить лишь те продукты, в которых нуждаются рабочие массы, во-вторых, производить большее количество этих продуктов.

Но нужен довольно большой промежуток времени, пока станет очевидной выгода новой организации производства. Предприятия, вырабатывавшие прежде предметы роскоши для богатых, должны быть преобразованы для производства предметов широкого потребления. Это требует продолжительного времени. Производство жизненных припасов по естественным причинам может быть увеличено в лучшем случае за один год, но в большинстве случаев лишь через много лет. Таким образом, о внезапном повышении благосостояния с введением пролетарской диктатуры не может быть и речи. В этом должен себе отдать ясный отчет каждый сознательный коммунист.

К началу пролетарской диктатуры повышение потребления тем менее возможно, что производство вначале не только не повышается, но с необходимостью падает. Оно падает прежде всего вследствие ослабления рабочей дисциплины. В капиталистическом обществе эксплуататоры поддерживают рабочую дисциплину только с помощью средств классового принуждения. Это значит, что они выбрасывают на улицу и обрекают на голод тех рабочих, которые не соблюдают дисциплину и не дают в работе той производительности, которая обеспечивает прибыль предпринимателя. Надсмотрщики и погонщики рабочих следят за тем, чтобы рабочий действительно отдавал работе все время, проводимое на службе у работодателя.

Сдельная, премиальная и тейлоровская системы обеспечивают усердную работу на работодателя. Эти средства поддержания трудовой дисциплины и производительности труда не уже не применялись с началом пролетарской диктатуры. Социальная революция означает падение существовавшего до сих пор классового господства и классовой дисциплины. И само собой понятно, что рабочим массам нужно некоторое время, чтобы увидеть, что прекращение классовой дисциплины не должно вести за собой прекращение трудовой дисциплины, что необходимо на место старой классовой принуди-

тельной дисциплины ввести новую добровольную трудовую дисциплину, делающую возможной повышение производства. Менее сознательные элементы рабочего класса не так скоро понимают эти сложные отношения. Таким образом, в первый период всякой пролетарской диктатуры наступает сильное ослабление трудовой дисциплины, а вместе с ней падение производства. В Венгрии эти явления были особенно усилены уничтожением сдельной системы оплаты и повсеместным введением восьмичасового рабочего дня.

Производительность труда была сильно понижена также политической борьбой, большим политическим интересом и возбуждением рабочего класса, образованием рабочих батальонов на фабриках, мобилизацией военно-обученных рабочих в Красную армию, позже блокадой, проводившейся Антантой против советской Венгрии. Таким образом, производство значительно упало, и об улучшении жизненного уровня не могло быть и речи.

Однако те нарушения в работе производства, которые наступили вследствие ослабления трудовой дисциплины и падения производительности труда, уже прекратились во второй половине периода пролетарской диктатуры. И улучшение началось по инициативе самих рабочих. На отдельных фабриках, а позже, на основании постановления профессиональных организаций и совета народного хозяйства, во всей стране было выработано новое положение о трудовой дисциплине. Это новое положение соответствовало новым социальным отношениям. Главную роль в этом положении играло влияние общественного мнения рабочего класса. Недисциплинированный, забывший долг рабочий получал выговор от фабричного комитета, его имя заносилось на черную доску фабрики, он получал порицание всех рабочих предприятия. Применялись также вычеты из жалованья, перевод на другое место, удаление с предприятия, даже исключение из профессионального союза. Во многих местах рабочие сами требовали восстановления сдельной системы, т. е. оплаты соответственно производительности труда.

Вознаграждение, соответствующее производительности труда, несовместимо с настоящим коммунистическим хозяйственным строем. Несправедливо, чтобы кто-либо слабосильный, неспособный или больной, имел менее дохода, чем сильный, способный и здоровый рабочий. Но не надо забывать, что теперешнее поколение воспиталось в вполне капиталистическом духе, и оно считает справедливым, чтобы тот, кто по каким-либо причинам больше работает, больше производит, больше и получал. В период венгерской пролетарской диктатуры мы видели поучительные примеры этого. Мы объединили на Budapest-Waizner-strasse три железнодорожных завода под именем первой венгерской фабрики сельскохозяйственных машин. Во время работы оказалось, что рабочие одной из фабрик при почасовой оплате производили вдвое больше, по сравнению с рабочими других предприятий. Тогда рабочие лучшей производящей фабрики выставили требование, чтобы им платили соответственно высшую плату, а в противном случае они не намерены доставлять продуктов больше, чем хуже работающие фабрики. Это означает, что при капиталистическом образе мышления современных рабочих система почасовой оплаты необходимо ведет к тому, что производительность труда наихудшим образом работающих определяет уровень общей производительности. Поэтому было необходимо в России и также в Венгрии снова временно ввести несоответствующую духу социализма систему вознаграждения по производительности труда, пока поколение рабочих, воспитанных в коммунистическом духе, не

будет находить справедливым, что каждый обязан работать наиболее продуктивно, чтобы служить общему целому; сильный и способный человек должен за то же вознаграждение производить больше, чем его слабый, болезненный брат.

Трения между рабочими и техническими руководителями-специалистами также очень мешали производству. Специалисты на фабриках, инженеры-руководители предприятий выполняют в капиталистическом хозяйстве двойную задачу: с одной стороны, они наблюдают за технической постановкой и ведением дела, с другой стороны, в качестве лиц, производящих расчеты с рабочими, в качестве контролеров над производительностью труда и т. д., они представляют интересы предпринимателей против рабочих. Теперь, когда пролетариат стал господствующим классом, он и здесь проявил то же ложное понимание, что и в вопросе о трудовой дисциплине. Рабочие не могли отличить техническое руководство специалистов от их прежней деятельности на службе у капиталистов. Они, как и прежде, ненавидели технический персонал во многих случаях, как представителей капитала; трения на фабриках стали обычными, и это, разумеется, вело к тому, что техники работали не очень охотно. Особенно обострялось положение оттого, что рабочее время технического персонала и фабричных служащих было короче, а условия труда лучше, чем у рабочих. Рабочие требовали во всех областях равенства условий труда. Венгерские рабочие еще не видели того, что уже было понято русскими, а именно: что пролетарское государство на этом этапе революции принуждено предоставить буржуазным специалистам лучшие условия труда, чем членам правящего рабочего класса, как раз потому, что они специалисты и из буржуазной среды.

Само собой разумеется, что сначала и новая организация делала ошибки. Рабочий класс и местные рабочие советы часто неправильно понимали сущность экспроприации. Они полагали, что экспропрированное предприятие становится собственностью рабочих предприятия или жителей данной области и производит только для них.

Часто бывало очень трудно заставить понять рабочих предприятия или какой-либо рабочий совет, что отдельные предприятия составляют достояние всего рабочего класса и продукты их производства должны быть произведены не только для жителей одного села или одного округа, но для населения всей страны и распределены между ним. Таким образом, проявились известные трудности при согласовании местных и центральных интересов. Чрезмерная централизация ведет к образованию бюрократии и препятствует возможному использованию местных особенностей; слишком большие полномочия местных властей мешают, напротив, общегосударственному снабжению и распределению. Правильный путь лежит между обоими этими полюсами.

Спустя короткое время после начала блокады обнаружилось ее вредные последствия. При обсуждении этого вопроса не надо смешивать русские и венгерские условия. Россия – обширная, обильная естественными богатствами страна, до конца 1917 года щедро снабжавшаяся Антантой. Венгрия, напротив, ко времени установления пролетарской диктатуры, уже четыре с половиной года была в блокаде вместе с Австрией и Германией. Кроме того, вся страна не достигает размеров русской губернии и по всему своему хозяйственному строю была приспособлена к совместному хозяйству с Австрией. Когда едва достигающая 150.000 кв. километров Венгрия стала бойкотироваться Антантой, естественно было, что действие этого факта сказалось гораздо сильнее, чем в обширной

и богатой территории России. Громоздкость отдельных учреждений, неопытность поставленных там рабочих, все более проявляющийся тихий саботаж специалистов, разумеется, привели к тому, что новые органы первые месяцы работали не так гладко и быстро, как мы хотели бы это видеть, и потому социал-демократам, совершенно не понимавшим значения пролетарской диктатуры, представлялась богатая возможность для мелочного критиканства. Они, не будучи в состоянии понять значение совершающегося, раглагольствовали о новой бюрократии, об упадке производства, искусственно вызванном недостатке товаров.

Их критика была глупой и мелочной. Однако верно, что ослабление трудовой дисциплины, падение производительности труда, политическое брожение, необходимость вести революционную войну, недостаток прежних запасов и новая суровая блокада привели к тому, что производительность страны шла на убыль и потому жизненный уровень рабочих не только не поднимался, но все более падал, особенно, это касалось промышленных рабочих городов.

Проведенное диктатурой пролетариата повышение ставок распространялось не только на городских, но и на сельскохозяйственных рабочих. Последние получали значительную часть своей заработной платы натурой, продуктами питания. Это значит, что сельские рабочие потребляли больше продовольствия, чем до сих пор, что их жизненный уровень был фактически выше. Однако ясно, что, чем больше продуктов потреблял сельский рабочий, тем меньше оставалось жителям городов, служащим и индустриальным рабочим. Сопrotивление крестьян также сокращало подвоз съестных припасов; это сопротивление имело частью политические, частью финансовые причины. Последним мы займемся отдельно.

VII. Денежный вопрос при диктатуре пролетариата в Венгрии.

Среди трудностей пролетарской диктатуры в Венгрии была одна единственная в своем роде: а именно – совсем особенная проблема бумажных денег.

Теперь, после войны, всякое правительство, – руководится ли оно капиталистами, социал-демократией, советами, – вынуждено для покрытия государственных потребностей выпускать денег больше, чем оно получает доходов. Дефицит покрывается повсюду эмиссией новых денежных знаков. В Венгрии создалась весьма своеобразная ситуация, так как у страны совсем не было своей собственной валюты своих бумажных денег, а употреблялись в качестве платежного средства банкноты Австро-Венгерского банка. Печатные станки Австро-Венгерского банка находятся в Вене. Экспедиция заготовления денежных знаков в Вене и теперь еще покрывает нужды в бумажных знаках Австрии и Венгрии. В Будапеште можно было печатать только те 20 и 25-кронные кредитки, которые были введены в обращение со времени октябрьской революции.

На них было напечатано постановление, что до конца июня 1919 г. они должны быть обменены на обычные банкноты. Но еще хуже было то, что по глупости отпечатали только одну сторону этих знаков, а обратную сторону оставили белой. Крестьяне называли эти деньги «белыми деньгами» и уже во время режима Кароли отказывались их брать. Но так как тогда имелось в распоряжении достаточное количество старых денег Австро-Венгерского банка, так называемых «синих денег», то крестьянам давали «синие» деньги, в денежном же обороте городов употреблялись «белые».

После установления пролетарской диктатуры капиталистический Австро-Венгерский банк отказался открыть кредит правительству рабочих, т. е. напечатать для него новые «синие» банкноты. Так как советское правительство нуждалось в деньгах, то оно было вынуждено с помощью наличных технических средств выпускать новые 20- и 25-кронные знаки. Следствием было то, что вскоре все «синие» деньги были накоплены крестьянами, а для городского денежного обращения остались только «белые» деньги. Ценность «синих» денег постепенно достигала двойной ценности «белых». Тут замечались те же явления, что в России с романовским, керенским и советским рублем. Важное отличие, однако, и здесь было налицо, и в этом заключалась особенность положения диктатуры пролетариата в Венгрии, а именно: «синие» деньги были узаконенным платежным средством не только в Венгрии, но и в Австрии и после легко производимого проштемпелевания также и в Югославии и Чехословакии. Таким образом, крестьяне со своими «синими» деньгами могли доставать себе все в соседних государствах и потому не были склонны привозить продукты питания в венгерские города или доставлять продовольствие советскому правительству, так как они не были вынуждены получать от него, как русские крестьяне, соль, керосин, спички, железные изделия и продукты промышленности.

Вследствие малых размеров страны, было повсюду нетрудно достигнуть ее границы, и контрабандный ввоз был очень легок с помощью «синих» денег, имеющих хождение также и в соседних государствах. Таким образом крестьяне совершенно отказывались принимать «белые» деньги, кроме тех случаев, когда их к этому принуждали прямыми угрозами. Снабжение городов продуктами питания значительно сократилось. Денежный вопрос обострился до такой степени, что однажды даже забастовали железнодорожники, так как за свои «белые» деньги они вообще не могли достать никакого продовольствия. Чем ближе к границе лежала область и чем дальше от Будапешта, – главной крепости пролетарской революции, тем меньше «белых» денег находилось в обращении.

На четвертом месяце существования советского правительства мы сделали попытку радикально разрешить денежный вопрос. Мы выпустили через почтово-сберегательные кассы новые бумажные деньги. Вначале только 5-кронные билеты, которые без больших затруднений были приняты в обращение вследствие большого недостатка мелких денег; позже мы отпечатали также 10-ти и 20-кронные знаки, а незадолго до падения пролетарской диктатуры также и 100-кронные знаки. Новые деньги, благодаря их синему цвету и красивой внешности, были приняты гораздо лучше, чем старые белые деньги. Советское правительство тотчас же предписало изъятие из обращения банкноты Австро-Венгерского банка и объявило новые бумажные деньги почтово-сберегательных касс единственным законным платежным средством. Насколько нам удалось бы разрешить денежный вопрос этим распоряжением, мы знать не можем, падение Советской власти помешало его проведению.

Но мы можем считать установленным, что и этим путем мы не уничтожили бы окончательно денежного вопроса. Трудность заключается даже не столько в форме денег, сколько в том факте, что пролетарское государство в первое время своего существования вследствие падения индустриального производства не в состоянии доставить крестьянам за их продукты на городские рынки соответственного количества товаров. До войны крестья-

не должны были привозить съестные припасы в город, чтобы добыть себе денег для уплаты податей, процентов по своим долгам, счетов адвокатов и врачей. Во время войны цены на продовольственные продукты возрасли до такой степени, что крестьяне могли уплатить большую часть своих долгов. От податей же они были освобождены советским правительством, поэтому не было никакого экономического давления, которое побуждало бы крестьян продавать что-либо за бумажные деньги, которых они набрали в своих сундуках в огромных количествах. При таких обстоятельствах вообще не может быть денег, за которые крестьянин отдавал бы съестные припасы, так как он за эти деньги не может купить никаких промышленных товаров. Сущность вопроса составляет таким образом переход от денежного хозяйства к натуральному хозяйству. Особенная трудность для диктатуры пролетариата в Венгрии заключалась, следовательно, в том, что обращением «белых» денег она – диктатура – гораздо сильнее обострила денежный вопрос, чем это было в России или в какой-либо другой советской республике.

VIII. Организация распределения

Система распределения благ в Венгрии походила в существенных чертах на русскую. Предметы первой необходимости, хлеб, картофель, сахар и т. д. уже во время войны распределялись только по карточкам. Распределение других предметов потребления натолкнулось, однако, на много препятствий. Во время войны на фабриках, в министерствах и учреждениях образовались так называемые закупочные органы. Эти органы закупали для своих членов продукты оптом, часто платили выше установленной твердой цены, и этим мешали государственной закупке. Это продолжалось и во время пролетарской диктатуры. Нашим твердым намерением было распустить эти закупочные органы, как это было сделано в России, и ввести единообразное распределение по районам. Непродолжительность пролетарской диктатуры помешала нам в этом.

Вторым очень трудным вопросом было «мешочничество». Так как крестьяне по приведенным выше причинам не привозили продуктов на городские рынки, а закупочные органы государства еще не были хорошо организованы, то самоснабжение отдельных лиц приобрело большой размах. Отдельные рабочие и жители городов, которые имели в деревне родственников или знакомых, выезжали и везли в Будапешт продовольствие в мешках, корзинах и узлах. С каждым поездом, отходящим из Будапешта, ехали тысячи горожан, осаждали деревни, выискивали отдельных крестьян и за деньги или в обмен на соль, табак, мануфактуру привозили себе продовольствие: муку, сало, масло, молоко, яйца и т. д. Это массовое «мешочничество» делало невозможным построение государственного закупочного аппарата, так как крестьянину было выгоднее придержать свои продукты для мешочника, чем продать их государству по минимальной цене. Запрещение мешочничества ухудшило положение некоторых слоев рабочих; рабочие и служащие подчеркивали, что государство только тогда может запретить мешочничество, когда оно уже в состоянии снабдить жителей городов. Того же мнения были и вожди профессиональных организаций и правые социалисты. Таким образом, получился заколдованный круг: нельзя было положить конец мешочничеству, так как государственное снабжение еще плохо функционировало; организация государственных заготовок, наоборот, не могла усилиться, пока крестьяне благодаря мешочничеству могли продавать непосредственно потребителю излишек своих

продуктов за баснословные цены. Государственное снабжение опиралось главным образом на экспроприированные крупные имения, в которых излишек хлеба и молочных продуктов и предназначенная к убою часть скота находились непосредственно в распоряжении пролетарского государства.

IX. Хозяйственные трудности и падение пролетарской диктатуры

После падения пролетарской диктатуры мы в кругах венгерских коммунистов часто обсуждали вопрос: уничтожили ли бы хозяйственные трудности Венгерскую республику, если бы румынские и чешские войска своим падением не осуществили ее военного разгрома? Несомненно, что хозяйственное положение Венгерской советской республики было бы не из легких, если бы советская Венгрия долго оставалась одним пролетарским государством между капиталистическими государствами. Но ее хозяйственное положение ни в коем случае не было бы хуже русского. Самое существенное во всем этом заключается в том, мог ли бы венгерский рабочий класс, проявивший в начале пролетарской диктатуры мало самоотверженности, усвоить под влиянием агитации во время пролетарской диктатуры ту основную истину, что пролетариат для удержания своей политической власти должен страдать, терпеть лишения и голодать. Выше мы указывали на то обстоятельство, что одно только введение пролетарской диктатуры еще не приносит с собой повышения жизненного уровня всего пролетариата; в начале диктатуры улучшается лишь жизнь сельскохозяйственного пролетариата, жизнь же городских рабочих неизбежно ухудшается. Необходимо заставить городской пролетариат, особенно же членов коммунистической партии, понять неизбежность этого.

И когда мы спрашиваем, пала ли бы Венгерская советская республика без внешней интервенции вследствие своих хозяйственных затруднений, мы должны дать следующий ответ: если бы остались неизменными мелкобуржуазное мышление венгерских городских рабочих и их слабая готовность к революционным жертвам; если бы не было сломлено влияние и значение мелкобуржуазных социал-демократов и вождей профессиональных союзов; если бы венгерский пролетариат не поднялся на ту же высоту революционной самоотверженности и выдержки, что русский пролетариат, то в этом случае его диктатура пала бы вследствие внутренних экономических причин. Мы никогда не должны забывать, что военное поражение, приведшее к падению пролетарской диктатуры в Венгрии, было главным образом следствием малой самоотверженности и политической неопытности венгерского пролетариата. Мы никогда не должны забывать, что сила сопротивления венгерской Красной армии была ослаблена агитацией первых социалистов и вожаков профессионального движения, которые полагались на обещания агентов Антанты и были достаточно глупы, чтобы поверить, что за диктатурой пролетариата может следовать социал-демократическое рабочее правительство, которое Антанта снабдит мукой, жирами, углем и всякими благами. Ни вожди рабочих, ни отсталая часть рабочего класса ни минуты не задумались над тем, что же собственно Венгрия предложит взамен обещаемого продовольствия. Все они думали, что Антанта одарит Венгрию всеми благами из чистой благодарности за уничтожение советского строя. Мы принуждены, следовательно, сказать, что если бы пролетарская диктатура не изменила всего образа мышления венгерских рабочих, если бы они не стали более готовы

на жертвы, чем мы видели это во время диктатуры, то она пала бы и без нападения извне, лишь вследствие социал-демократической и буржуазной контрреволюции и контрреволюции, использующей хозяйственные затруднения.

Венгерский пролетариат под гнетом белого террора, последовавшего за диктатурой пролетариата, приобрел несомненно богатый политический опыт. Венгерские рабочие могут теперь на основании непосредственного богатого опыта сравнить господство пролетариата с господством буржуазии. Они могут теперь вспоминать о том, что во время диктатуры они не могли не жаловаться, что было мало мяса, жиров, обуви, одежды. Теперь, напротив, этого достаточно. Кажется, витрина переполнена тончайшими яствами и питьями, бельем, платьем, всем прекрасным и красивым. Но венгерский рабочий получает теперь из этих богатств много меньше, чем во время своего господства, во время кажущейся полной нищеты. Теперь товары имеются в огромном количестве, у пролетариата же нет ничего, на что он мог бы их покупать; после низвержения диктатуры ставки были понижены наполовину, и многие сотни тысяч безработных, не получая

ни поддержки, ни геллера дохода, смотрят, как богатые кутят, пользуясь всеми земными благами. Опыт на собственной шкуре учит теперь пролетариат Венгрии, что хотя учреждение диктатуры привело ко всеобщему обеднению, но восстановление господства буржуазии не принесло того благополучия, о котором возвещали находящиеся в союзе с Антантой вожди социал-демократии. Восстановление буржуазной диктатуры принесло благосостояние и богатство буржуазии и неопишимо глубокую нищету венгерскому пролетариату. В то время как при пролетарской диктатуре буржуазия должна была страдать вместе с пролетариатом и находящиеся в распоряжении государства продукты прежде всего распределялись среди трудящихся, теперь голодают лишь массы производителей.

Буржуазия снова безгранично пользуется выгодами эксплуатации. Мы надеемся, что в близкой новой социальной революции венгерский рабочий будет с большим политическим опытом и вследствие этого с большим революционным самоотвержением стоять за свою диктатуру, чем это было в первый раз. По-видимому, классы получают революционное воспитание лишь посредством исторического опыта, а не путем теоретической подготовки.

Бюрократизм и социалистические перевороты XX века

Павлидис Периклис

Целью нашей статьи является рассмотрение феномена бюрократии в связи с идеалом и перспективой социальной эмансипации человечества. Под социальной эмансипацией мы подразумеваем исчезновение всех видов эксплуатации человека человеком, создание общества, в котором свободное развитие каждого будет предпосылкой для свободного развития всех. Речь идет об идеале и перспективе бесклассового общества. Таким образом, мы рассмотрим феномен бюрократии под углом зрения попыток построить такое общество, предпринятых в 20-м веке в СССР и в других странах социалистического лагеря. Целесообразность такой постановки вопроса заключается в парадоксальном на первый взгляд факте, что хотя ориентацией социальных преобразований в данных странах являлось снятие всех форм отчуждения (включая бюрократизм) и установление рабочего самоуправления, на деле оказалось, что новые социальные отношения не только не ограничили но, наоборот, усилили роль государства и бюрократического аппарата в жизни общества, привели к бюрократизации всех социальных институтов. Учитывая данное событие, можно задать вопрос: не является ли бюрократизм фатальным пороком социализма, главной силой, подрывающей изнутри процесс строительства бесклассового общества? Не становится ли необходимым после социалистического переворота и упразднения буржуазии как класса осуществить новый антибюрократический переворот и одним махом упразднить бюрократию и бюрократизм.

Многие исследователи пытались ответить на данный вопрос, рассматривая общественное устройство первых социалистических стран сквозь призму изучения роли и места бюрократии в них.

Один из первых, кто занялся данной проблематикой, – Л. Д. Троцкий, – говорил о советской бюрократии как о

паразите, о раковой опухоли на теле рабочего государства, считая это явление совершенно внешним и чуждым социалистическому обществу. Хотя Л. Д. Троцкий не признавал советскую бюрократию правящим классом, в ее лице, т.е. в лице аппарата управления СССР, он видел силу, совершающую социальную контрреволюцию. Исходя из такой точки зрения, Л. Д. Троцкий определял социальный строй в СССР как рабочее государство с бюрократическими извращениями и считал его не социалистическим, а переходным от капитализма к социализму.

В позиции Л. Д. Троцкого обнаруживается непонимание органической связи бюрократизма с социальными отношениями и противоречиями социализма (первой фазы коммунизма) в СССР. Считая социализм непротиворечивым обществом, Л. Д. Троцкий не мог подойти к осмыслению бюрократизма в СССР как явления, закономерно вытекающего из противоречий первой фазы коммунизма. Л. Д. Троцкий считал, что бюрократия пришла к власти путем целенаправленных, волевых действий и предлагал такими же действиями – антибюрократический рабочей революцией – устранить ее от власти¹.

Другие исследователи пошли по иному пути, пытаясь представить бюрократизм как закономерную черту социальных отношений в СССР. Некоторые из них (Урбанс, Клифф) выдвинули идею о том, что советская бюрократия – это господствующий класс со свойственными ему чертами коллективного капиталиста, а советский строй – это государственный капитализм.

Недостатком данной идеи является ее крайний эмпиризм: советский строй определяется по аналогии и внешнему сходству с западными странами, имеющими

¹ См. Троцкий Л.Д. Положение СССР и задачи переходной эпохи// Бюллетень оппозиции, № 66-67, Май-июнь 1938

развитой госкапиталистический уклад. При проведении такой аналогии стирается внутреннее различие между СССР, где господствовала общественная собственность на средства производства и плановое ведение хозяйства, и западными странами, где доминирует частная собственность (и лишь в незначительной мере – госкапиталистическая), закон прибавочной стоимости, всеобщая конкуренция производителей и т. д. Авторы концепции, утверждающей, что советская бюрократия является госкапиталистическим правящим классом, оказались неспособными доказать, что экономика СССР имеет госкапиталистический характер. Примечателен тот факт, что Тони Клифф, один из главных представителей данной концепции, утверждал на полном серьезе, что собственностью советских бюрократов-госкапиталистов являются личные связи².

Другой недостаток вышеназванного подхода заключается в том, что бюрократия отождествляется с классом, точнее, с правящим классом. Такое отождествление встречается и среди исследователей другой группы (Рицци, Бэрнхам, Касториadis, Лефорт, Джилас, Восленский, Виттфогель), считающих советскую бюрократию правящим классом нового типа и советскую систему – новым бюрократическим эксплуататорским строем.

Но и эти исследователи не преодолевают эмпирического, далеко не всегда достаточного, метода обоснования своих умозаключений – метода аналогии. Так как им не удалось доказать наличие в СССР новых классово-антагонистических отношений, якобы обуславливающих классовое господство бюрократии, эти исследователи прибегли к поиску сходства советского строя с другими известными общественно-экономическими формациями. Касториadis, например, отрицая капиталистический характер советской бюрократии, одновременно квалифицировал советскую систему как коллективный капитализм. Восленский называл советский строй феодальной реакцией на капитализм или феодальным социализмом; Виттфогель же считал советское общество новым вариантом азиатского способа производства.

Наша позиция по рассматриваемому вопросу коренным образом отличается от всех вышеназванных. Попытаемся изложить основные идеи нашего понимания места и роли бюрократии в СССР и в других странах социализма.

Для изучения феномена бюрократии и для выявления специфики данного явления требуется четкое различие отношений управления и отношений собственности. Первые характеризуют взаимодействие между субъектами и объектами управления. Управление, или управленческий труд (в условиях порабощающего разделения труда с необходимостью порождающей управленческую прослойку – бюрократию), является неотъемлемой частью совокупного общественного труда и поэтому, безусловно, необходим для планомерного функционирования общественного производства. Отношения собственности, на основе которых формируются классы и классовые отношения, – это отношения между людьми по распределению и присвоению результатов общественного производства, через присвоение условий и средств производства.

Следует четко отличать отношения эксплуатации человека человеком от отношений управления. Эксплуатация человека человеком – это классовое отношение, направленное на присвоение господствующим классом прибавочного продукта.

Управление людьми в отличие от эксплуатации человека человеком является сутью бюрократизма и вытекает из противоречия между разными видами труда, между управленческим и исполнительным трудом. Управление людьми – это неотъемлемая часть управленческого труда – труда по управлению производительными силами, пока человек в своей физической непосредственности, в качестве физической силы, остается производительной силой.

Бюрократию в первых социалистических странах нельзя считать классом и, тем более, господствующим классом – собственником средств производства и прибавочного продукта. Бюрократия, управленческий аппарат, особенно высшие его звенья, пользовались значительными материальными благами в виде хорошего жалования и привилегий не потому, что они были собственниками (частными или коллективными) средств производства, а потому, что они были работниками ведущего в обществе (объективно и закономерно) управленческо-умственного труда.

Корни бюрократизма в СССР и в других странах «реального социализма» следует искать не в самом бюрократическом аппарате (не в политической надстройке), а в характере и противоречиях материального производства. Мы считаем методологически важным не отождествлять явления политической надстройки (бюрократизм) с отношениями экономического базиса (с отношениями собственности и классовых противоречий), а выводить отношения политической надстройки из противоречий экономического базиса. Также не следует связывать советский бюрократизм с чертами других общественно-экономических формаций, произвольно приписываемых некоторыми исследователями советскому строю.

Корни бюрократизма в СССР и в других странах социализма следует искать в сохранившемся порабощающем разделении труда. Феномен бюрократизма в данных странах, связанный с наличием государственной системы управления общественными делами, выступает показателем того, что обобществление производства имело по большому счету формальный характер.

Данное обобществление осуществилось на материальной базе машинного производства с сохранением большой доли ручного труда. Машинное производство, в отличие от комплексно автоматизированного, есть первый, еще не зрелый уровень развития общественного характера производства. Как отмечает В. А. Вазюлин, «на ступени машинного производства «общественный характер производства» уже стал технической необходимостью, но для отдельных машин или систем машин, не объединенных в масштабах страны (и тем более всего человечества) в единую систему машин»³.

На стадии машинного производства (в отличие от автоматизированного) сохраняется в значительной степени участие человека в общественном труде в качестве физического фактора, в качестве физической мускульной силы.

Пока, при социализме, большая часть трудящихся является работниками физического труда, трудовой процесс раздроблен на множество звеньев «человек-машина». Это означает, что совокупный общественный продукт состоит из множества отдельных продуктов, в которых овеществлен непосредственный физический труд единичного рабочего или группы рабочих, выступающей в масштабе общественного производства как отдельная

² Клифф Т., Государственный капитализм в России. М., 1991, с. 145

³ Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. М., Издательство МГУ, 1988, с. 297

единица. При таких условиях, когда «труд в его непосредственной форме» является «великим источником богатства», меновая стоимость является закономерно «мерой потребительной стоимости» и, следовательно, товарно-денежные отношения в той или иной степени сохраняются (легально или нелегально) в системе социалистического производства⁴.

Сохранение же товарно-денежных отношений при социализме означает сохранение, в определенной мере, отношений отчуждения между трудящимся, сохранение различия между личным, индивидуальным и общественным интересом.

Но когда в обществе господствует крупное машинное производство, существуют объективные всеобщие связи между звеньями общественного производства, существует объективная необходимость всеобщего согласования и планирования производственной деятельности, на ее основе устанавливаются и развиваются социалистические (не зрелые коммунистические) производственные отношения.

Социалистические (не зрелые коммунистические) производственные отношения в виде государственной собственности на средства производства означают не только управление производительными силами со стороны единого центра но, и в первую очередь, превращение через государственный контроль всех производительных сил в достояние всего общества. Все производительные силы и, прежде всего, сам человек труда, становятся общественно необходимыми и развиваются все вместе как общественно необходимые; не существует лишних производительных сил, лишних людей труда.

Следует особенно подчеркнуть огромное значение для эмансипации трудящихся во всем мире тех социальных прав, которые реализовал в различных сферах общественной жизни (в образовании и культуре, в здравоохранении, в отдыхе и т.д.) социалистически строй в СССР и в странах Восточной Европы. Разрушение этих социальных гарантий в результате ликвидации социалистического строя было страшным поражением трудящихся всего мира.

Что касается управления социалистическими производительными силами при условиях, когда рабочие участвуют в общественном производстве как физическая сила и являются раздробленными на множество звеньев «человек-машина», они не в состоянии знать и понимать всеобщие связи-отношения между разными комплексами производительных сил и поэтому не могут непосредственно заниматься управлением всеобщими производственными и экономическими процессами.

Управленческий труд – это умственный труд для определения цели трудовой деятельности, для разработки программы и графика ее реализации, а также для контроля над процессом достижения цели. Управленческий труд включает в себя:

- 1) сбор и анализ информации относительно потребностей, которые должна отражать цель, и относительно имеющихся средств для достижения цели;
- 2) собственно разработку цели, программы и графика деятельности;
- 3) проведение организационной работы для распределения задач, функций и ответственности;
- 4) контроль за исполнением задач, координация усилий людей, участвующих в исполнении частей программы, принятие регулирующих и корректирующих мер.

⁴ См. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861 гг., т. II, М., Политиздат, 1980, с. 220

Управленческий труд занимает особое место в общественном разделении труда, потому что он касается постановки цели трудовой деятельности и таким образом направляет все компоненты труда, весь труд как целое. «Постановка цели, организация, управление имеют дело по преимуществу с трудом как целым, реализация, исполнение – по преимуществу с частным в труде»⁵.

Рабочие, участвующие в общественном производстве как физическая сила, неизбежно имеют дело «с частным в труде», с отдельными комплексами «человек-машина» или с отдельными ручными орудиями труда. При таких условиях государственный аппарат есть неизбежно тот механизм, который осуществляет объединение производительных сил, включая и людей в качестве физической производительной силы, и управление ими в масштабах целой страны.

Таким образом, трудящиеся разделяются на две крупные категории: на работников управленческого труда и на работников, которые в качестве непосредственных, физических факторов производства сами являются объектами управления. Отношение между этими двумя категориями как отношение управления людьми и есть суть бюрократизма. Нужно подчеркнуть, что отношение бюрократов и рабочих в социалистических странах не было отношением между правящим классом эксплуататоров и классом эксплуатируемых. Оно было отношением между двумя группами трудящихся, грубо говоря, между трудящимися управленческо-умственного и исполнительно-физического труда.

Бюрократизм в СССР и в других странах социализма как отношение управления людьми означал отчуждение большой массы рабочих от власти, от управления общими делами. Вместе с этим отчуждением расцвели все характерные для бюрократизма явления: корпоративность, формализм, ведомственность, карьеризм, тщеславие, авторитарность.

Бюрократизм в первых странах социализма приобрел большой размах из-за разбухания государственного аппарата в результате чрезмерного огосударствления средств производства и установления жесткого государственного контроля над экономикой и всей общественной жизнью. Если даже считать такое огосударствление необходимым для решения задач первоначального социалистического накопления, следует всё же признать, что оно означало формальное обобществление производства.

Но отчуждение рабочих от управления общими делами нельзя приписывать лишь своекорыстным интересам, намерениям и деятельности самой бюрократии. Данное отчуждение было, в первую очередь, следствием реальной, de facto, неспособности массы трудящихся управлять общими делами. Оно было следствием того, что общие дела социалистического общества были для многих рабочих формально, а не реально общими.

Когда рабочие участвуют в общественном производстве в качестве физической силы, то труд для них (физический, стереотипный, часто тяжелый и вредный для здоровья труд) не может стать внутренней потребностью. Труд, не являющийся внутренней потребностью, не может, по большому счету, стать трудом ради общества. Рабочие, уделом которых является физический стереотипный, тяжелый труд, участвуют в нем в той мере, в которой это необходимо для удовлетворения индивидуальных потребностей. Поэтому общественные интересы (инте-

⁵ Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. М., Издательство МГУ, 1988, с. 130

рессы общественного труда при вышеназванном его характере) не всегда совпадают с личным интересом многих трудящихся; они, во многом, являются для них внешними, чуждыми интересами. Согласно классическому выражению К. Маркса, «бюрократия основывается на этом разделении» «между «особыми интересами» и «сущим в себе и для себя всеобщим»»⁶.

Этим, правда, мы не хотим списать со счета тот факт, что тысячи передовых трудящихся в социалистических странах, вдохновляясь великой коммунистической перспективой, самоотверженно трудились ради общественного блага, даже в случаях выполнения тяжёлого, изнурительного, вредного труда. Эта самая сознательная и активная часть граждан составляла, скорее всего, авангард социалистического общества, являясь одновременно меньшинством в общей численности трудящихся.

При наличии разрыва между личным и общественным интересом связь многих трудящихся с общественным интересом имела характер конформистского приспособления этих людей к всеобщим потребностям и целям социалистического общества. Конформизм массы трудящихся, как формальная забота о всеобщих интересах и как реальное безразличие к ним или, другими словами, как забота об общественных делах ради собственной выгоды, есть та почва, на которой управление общими делами становится компетенцией особой прослойки управленцев: бюрократии.

Следовательно, те, кто вместе с Л. Троцким говорят об узурпации советской бюрократией власти в СССР и о лишении рабочих доступа к ней, закрывают глаза на проблему конформизма большой массы рабочих, на их незаинтересованность в служении общественным интересам, а также на их объективную неспособность (именно потому, что они рабочие, т.е. люди физического, в основном, труда) управлять всеобщими делами.

Превосходство управленческо-умственного труда над физическо-исполнительным можно преодолеть только поднятием всех трудящихся до уровня управленцев, т.е. коренным изменением характера общественного труда. Представление о том, что при социализме (т.е. пока сохраняется необходимость в физическом труде и, следовательно, сохраняется различие между умственным и физическим трудом) возможно одновременное участие всех трудящихся, как в физическом, так и в умственном труде, игнорирует качественные различия между этими видами труда и вместо поднятия трудящихся до уровня управленцев низводит управленцев до уровня представителей физического труда. М. Бакунин, со всем своим пафосом против всякой власти и всякого вида принуждения, наивно полагал что после победы пролетарской революции «наука ...сделается доступной для всех лиц»⁷. Наивным здесь является не то, что к участию в физическом, непривлекательном, монотонном труде нужно будет в определенной мере обязывать людей (угрозой лишения средств к существованию или другими средствами), а то, что можно построить социалистическое общество без государства, без аппарата принуждения и без бюрократии при том, что ручной труд «будет *обязателен* (курсив мой – П.П.) для всякого».

Для осмысления бюрократического феномена в первых социалистических странах требуется, вместо его све-

дения к неким извращениям правильной, чистой, идеальной модели социализма, его рассмотрение в свете закономерных противоречий социалистического общества – раннего коммунизма, (в том виде, в котором это общество и эти противоречия представлены в данных странах), в свете противоречия между формальным и реальным обобществлением производства.

Понимание бюрократизма как стороны закономерных противоречий социализма, приводит к выводу о том, что преодоление этого явления не является (и в принципе не может являться) самостоятельной и сиюминутной задачей. Оно сопряжено с общим процессом разрешения противоречий социализма – первой фазы коммунизма. Оно связано с общим процессом перехода от формального – через государство – к реальному обобществлению производства. Следовательно, все концепции социализма без «бюрократических извращений» и с рабочим самоуправлением, и, более того, разговоры о возможности одним махом, путем антибюрократической революции, избавиться от бюрократии являются в лучшем случае утопическими благими намерениями.

В. И. Ленин критически относился к подобным упрощенным воззрениям на возможность преодоления бюрократизма. Он предупреждал что «борьба с бюрократизмом потребует десятилетий» и называл шарлатанами тех, кто обещал скорое освобождение от этого явления⁸. Согласно ленинскому пониманию проблемы «нельзя «прогнать» бюрократизм в крестьянской стране, нельзя «стереть с лица земли». Можно лишь медленным, упорным трудом его уменьшать»⁹.

Преодоление бюрократизма означает нечто большее, чем поднятие кухарки до уровня общегосударственных задач, означает превращение кухарки в нечто иное: исчезновение рабочего в качестве физического фактора процесса производства при условии, что «непосредственный труд как таковой перестает быть базисом производства, потому что, с одной стороны, он превращается главным образом в деятельность по наблюдению и регулированию, а затем потому, что продукт перестает быть продуктом единичного непосредственного труда и в качестве производителя выступает, скорее, комбинация общественной деятельности...»¹⁰.

Переход к обществу, где будет полное самоуправление трудящихся, означает исчезновение прежнего типа трудящихся как носителей физического труда, исчезновение трудящихся, производящих продукты «единичного непосредственного труда», формирование людей, способных понимать всеобщие связи, интересы и задачи, способных ставить всеобщие цели и управлять процессом их реализации. Подразумеваем, конечно, людей, связанных между собой общими интересами, людей, для которых общий интерес совпадает с личным и является по этому настоящим, а не формально-всеобщим, подразумеваем людей, кровно заинтересованных в успехе общего дела. Тогда исчезнет полностью и бюрократизм. «Упразднение бюрократии возможно лишь при том условии, что всеобщий интерес становится особым интересом в действительности ... это, в свою очередь, возможно лишь при том условии, что особый интерес становится в действительности всеобщим»¹¹.

⁸ См. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 42, с. 248

⁹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 52, с. 193

¹⁰ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861 гг., т. II, М., Политиздат, 1980, с. 220

¹¹ Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2ое изд. Т. 1, с. 273

⁶ Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 1, с. 269

⁷ Бакунин М., Государственность и анархия // Бакунин М. Философия. Социология. Политика. М., Издательство «Правда», 1989, с. 436

Понимание всеобщего, всеобщих связей и интересов, представляет собой их научное осмысление. Носителем такого понимания могут быть люди – носители научных знаний, способные научно относиться к действительности. Настоящее самоуправление людей возможно, когда снято противоречие «между «особыми интересами» и «сущим в себе и для себя всеобщим» и когда труд, необходимый человеческий труд, больше не разделяется на умственный – управленческий и физический – исполнительный, а является «комбинацией общественной деятельности» – научным управлением вещами и производственными процессами. Научный труд как «всеобщий труд»¹² является самой настоящей «комбинацией общественной деятельности».

Концепции, отрицающие социалистический характер СССР и других стран «реального социализма» из-за наличия в них «бюрократических извращений», подразумевают некий чистый, непротиворечивый, совершенный образ социализма. Таким образом, вольно-неволью, они закрывают путь к выявлению и изучению реальных противоречий процесса перехода к бесклассовому обществу, чем по своей сущности является социализм.

Необходимость и целесообразность такого изучения вытекает из понимания того, что единственным прогрессивным разрешением противоречий капиталистического общества и, вообще, единственным направлением прогрессивного развития человечества является коммунистическая перспектива, перспектива бесклассового общества. Тенденции, ведущие к усилению технической необходимости общественного характера производства, сегодня налицо в большей части земного шара. Эти тенденции вступают в острейшее противоречие с капиталистической частной собственностью. Жертвой этого противоречия становятся производительные силы человечества, включая окружающую среду и самого человека – главную производительную силу.

Поэтому, мы считаем, что, несмотря на поражение первых социалистических переворотов, человечество и, прежде всего, рабочий класс вернется к поиску и созданию новых, адекватных этому общественному характеру труда социальных отношений. С этой точки зрения и с целью разработки эффективной стратегии будущих социальных преобразований мы считаем весьма актуальным изучение и осмысление исторического опыта первых социалистических стран.

Следует, правда, заметить, что для разработки социалистической стратегии одного изучения бюрократизма и противоречий первых социалистических стран недостаточно. Если социализм есть незрелый коммунизм (есть переход к зрелому коммунизму), а коммунизм представляет собой подлинную историю человечества и, вместе с этим, снятие, преобразование, всей предыстории – всего типа предыдущего исторического развития человечества, то осмысление противоречий первых социалистических социальных систем возможно лишь при рассмотрении коммунистической перспективы с точки зрения закономерностей не только капитализма, а всей мировой истории.

Список литературы

1. Бакунин М., Государственность и анархия // Бакунин М. Философия. Социология. Политика. М., Издательство «Правда», 1989.
2. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Анатомия бюрократизма. М., Знание, 1988
3. Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. М., Издательство МГУ, 1988
4. Вазюлин В.А. Неизбежность коммунизма // Экономические науки, 1990, № 9
5. Вазюлин В.А. О социальной философии истории // Социологические исследования, 1992, № 12
6. Вазюлин В.А. О необходимости коммунизма мы можем говорить научно (интервью) // Логика истории и перспективы развития науки, М., Мысль, 1993
7. Вазюлин В.А. Осмыслить современную эпоху (интервью) // История и реальность: уроки теории и практики, М., 1995
8. Восленский М. Номенклатура. М., МП «Октябрь» – «Советская Россия», 1991
9. Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., Новости, 1992
10. Ильенков Э.В. Маркс и западный мир // Ильенков Э.В. Философия и культура, М., Политиздат, 1991
11. Ильенков Э.В. О «сущности человека» и «гуманизме» в понимании Адама Шаффа // Ильенков Э.В. Философия и культура, М., Политиздат, 1991
12. Клифф Т. Государственный капитализм в России. М., 1991
13. Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33. С.1-102.
14. Ленин В.И. Очередные задачи советской власти // Полн. собр. соч. Т. 36. С.165-208.
15. Ленин В.И. О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина // Полн. собр. соч. Т. 42. С.202-226.
16. Ленин В.И. М.Ф.Соколову // Полн. собр. соч. Т. 52. С.190-194.
17. Мандел Э. Власть и деньги, М., Экономическая демократия, 1992
18. Маркс К. Оправдание мозельского корреспондента // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-ое изд. Т. 1. С.187-217.
19. Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-ое изд. Т. 1. С.219-368.
20. Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-ое изд. Т. 19. С.9-32.
21. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861 гг., т. II, М., Политиздат, 1980,
22. Отчуждение труда. История и современность. М., Экономика, 1989
23. Попов Г. С точки зрения экономиста // Уроки горькие, но необходимые. М., Мысль, 1988
24. Троцкий Л. Преданная революция. М., НИИ Культуры, 1991
25. Троцкий Л.Д. Положение СССР и задачи переходной эпохи // Бюллетень оппозиции, № 66-67, Май-июнь 1938
26. Энгельс Ф. Об авторитете // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-ое изд. Т. 18. С.302-305

¹² См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 25, ч. I, с. 116

Какое нам дело до Латинской Америки?

Статья первая

А.В.Харламенко

Для людей нашего поколения слова «Латинская Америка» – далеко не пустой звук. Наши детские и отроческие годы прошли под знаком Кубинской революции. В юности мы разделили радость победы Народного единства в Чили и горечь его поражения. Потом были Никарагуа, Сальвадор и Гренада. На студенческой скамье рядом с нами были друзья, знавшие об империализме не по книгам и газетам. Можно сказать, что мы выросли под звездой Латинской Америки.

В то же самое время в обществе, в котором мы жили, было почему-то принято говорить «Америка» лишь о половине северной части этого материка и называть «американцами» тех, кого в большей ее части резонно зовут североамериканцами, если хотят выразиться корректно; для других случаев есть слова «янки» и «гринго». В каждом номере газеты мозолили глаза «Соединенные Штаты Америки», и только в старых книгах мы встречали название, не соответствующее «доктрине Монро»¹, – Североамериканские Соединенные Штаты (САСШ), адекватное употребляемому в Латинской Америке «Estados Unidos de Norteamérica» или просто «Estados Unidos».

Такие политико-географические игры, и сами по себе не безобидные, не были изолированным явлением. Везде, от СМИ до учебников, тиражировалось клише «Азия, Африка и Латинская Америка» (именно в таком порядке), за которым стояло представление о некоей слабо дифференцированной совокупности «отсталых слаборазвитых стран». В 70-е годы «слаборазвитые» страны переименовали в «развивающиеся», что было уже полным абсурдом: по смыслу термина получалось, что только эти страны и развиваются, а остальные нет. Но в этом абсурде была, как сказал классик, своя система. За ним стояла неосознанно воспринятая с проклятого Запада идеология: есть некая норма «развитого» общества, к которой *должны* двигаться все остальные, только одни отстают, а другие вырываются вперед.

Эти, в десятый раз уцененные идейные обноски времен Просвещения XVIII века прекрасно сочетались с пережитками той же схемы, воспринятыми «марксистским» догматизмом. Нас учили, что латиноамериканские страны, подобно афро-азиатским, до сих пор влечат груз феодальных пережитков, усугубляемый полукOLONIALНЫМ господством иностранного империализма. Отсюда делался вывод: на повестке дня у них национально-освободительное движение с непременным участием национальной буржуазии. В мировом революционном процессе национально-освободительное движение ставилось на третье место после мировой социалистической системы и рабочего движения развитых капиталистических стран, и ему предписывалось прилежно учиться у старших товарищей, в первую очередь у СССР. Молчаливо предполагалось, что нам учиться у отсталых товарищей нечему и незачем – сами кого угод-

¹ «Доктрина Монро» – внешнеполитическая концепция, выдвинутая в 1823 г. президентом Дж. Монро. Основывалась на принципе «Америка для американцев», подразумевавшем «право» США выступать от имени всего Западного полушария. В XX веке была превращена в апологию империалистического господства США в Западном полушарии.

но научим. События же, у них происходящие, нас напрямую *объективно* не затрагивают: строим себе коммунизм или развитый социализм и строим, да еще от щедрот своих им помогаем.

Все эти клише, коих в любом издании 60-х – первой половины 80-х можно набрать полный букет, обернулись другой стороной, когда стала назревывать «перестройка». Пошли кем-то умело направляемые разговоры о том, что «мы» слишком много тратим на помощь Кубе и другим странам, а навару от них «нам» как от козла молока. Потом «наша» демократическая интеллигенция, еще не решаясь прямо приняться за травлю «сталинистов», начала поругивать никарагуанских, сальвадорских и прочих «экстремистов» за несоответствие «новому политическому мышлению». Потом начали уже на высоком уровне домогаться от них национального примирения, чтоб не мешали Михаилу Сергеевичу дружить с Бушем-старшим. Потом политический тянитолкай с горбачевской и ельцинской головами обошелся с обязательствами перед Кубой так же, как со всеми прочими, внутренними и внешними – понятно, кроме долгов зарубежным банкам.

После «победы демократии» от Латинской Америки, как и от всего остального мира, нас отделила стена информационной блокады. Обитателям Эрэфии, как узникам Платоновой пещеры, дают возможность созерцать лишь бледные тени людей и вещей, находящихся снаружи. До них доходят отголоски либо тех событий, которые легко истолковать в выгодном «хозяевам жизни» духе, либо тех, замолчать которые просто невозможно. Надо сказать, что и оппозиционная пресса редко выходит за пределы этого способа информирования. Результат налицо: чем более тесным и взаимосвязанным становится мир, тем больше в нашем обществе правит бал провинциализм. Политико-культурная традиция вдумчивого интереса к мировым делам и интернациональной солидарности с угнетенными и борцами за освобождение, имевшая в России и СССР глубокие корни, за 10 лет контрреволюции почти совершенно утрачена. Автору, профессиональному латиноамериканисту, не раз и не два приходилось слышать – не только от «интеллигентных» обывателей, привыкших судить о Латинской Америке по телесериалам, но и от некоторых деятелей левых партий – рассуждения в духе ранней перестройки: «Какое нам дело до всяких индейцев и негров, у нас и своих забот хватает».

Мотивы тех, кто заказывает музыку в официозно-буржуазных СМИ, понять нетрудно. В головах же наших национал- и социал-патриотов получился винегрет из обрывков клише эпохи «развитого социализма» и новенькой с игулки (скоро двести стукнет) идеи особого русского пути: «наш» социализм коренится исключительно в «нашей» исконной почве, и дела нам нет до происходящего за океанами.

Реальная Россия, однако, находится не в Платоновой пещере и не на острове Атлантида, а в объективно взаимосвязанном мире. Без учета места нашей – как и любой другой – страны в этом мире нельзя правильно понять *ничего* в ее истории вообще и новейшей в особенности. Специфические особенности становятся по-

няты только на фоне общих закономерностей. В последние столетия это большей частью закономерности глобального *взаимодействия*, а ими уже определяется сходство и несходство между «отдельными» (теперь это слово лучше взять в кавычки) странами. С другой стороны, понять эти закономерности можно только в их историческом становлении и развитии. Поэтому, чтобы ответить на обывательский вопрос: «Какое дело нам до Латинской Америки?» – придется начать издалека.

Взаимосвязь мира начала становиться глобальной еще в те времена, когда испанские конкистадоры пересекали вслед за солнцем океан в погоне за золотом ацтеков и инков, а русские землепроходцы шли встреч солнцу за «мягкой рухлядью». То были первые шаги глобализации истории, в ходе которой возник мировой капитализм. Возник он не в Италии, не в Нидерландах и даже не в Европе, а в мире уже глобальном – хотя еще опосредованно, – возник как *мировая* система. Само рождение под скипетром испанских и португальских королей региона Латинской Америки, как и превращение Руси в страну-регион России, суть важнейшие компоненты этой опосредованной глобализации.

Расширение масштабов исторического процесса явилось мощным фактором возникновения мирового *капиталистического* разделения труда. Приток в Европу американского золота и серебра, награбленного конкистадорами или добытого принудительным трудом индейцев, вызвал в Европе «революцию цен», снизив традиционные феодальные ренты и дав сильный импульс развитию капиталистических отношений. Поскольку новый уровень цен не мог сразу распространиться на восток Европы, лендлордам и буржуа Запада стало выгодно приобретать там дешевое сырье и продовольствие (последнее позволяло снижать заработную плату наемным рабочим и облегчало экспроприацию «своих» земледельцев). А для того, чтобы продовольствие и сырье оставались дешевыми подольше, требовалось два условия: во-первых, закрепощение крестьян Центральной и Восточной Европы, вполне совпадавшее с интересами восточногерманских князей, польских магнатов, русских помещиков; во-вторых, ограничение внешнеторговых связей России, чем пришлось озаботиться самим носителям западной цивилизации, воздвигшим «восточный барьер» от Прибалтики до Черного моря². Роль этого барьера, просуществовавшего около трех веков (XVI-XVIII), для России сопоставима с ролью колониализма для Латинской Америки. И то и другое суть формы государственно организованного *внеэкономического принуждения* на международном уровне, столь же необходимого для становления капиталистической системы, как и подобного рода принуждение на плантациях, в поместьях, на рудниках и т.д.

На первый взгляд, индейцы трудились на испанского короля почти так же, как раньше сообща возделывали поля храма Солнца или Единственного Инки; русские крепостные несли повинности перед помещиком почти так же, как их предки – перед «природным» феодальным сюзереном. Сходство бросается в глаза – так же, как сходство кита и дельфина с рыбами. Но если «чудо-юдо рыба кит» давно уже обретается только в художественной литературе, никак не в биологии, то в исторической науке представления подобного уровня здравствуют и поныне. Крепостничество, плантационное рабство и т.п. уклады, опиравшиеся на внеэкономи-

ческое принуждение, упорно принимаются за докапиталистические, хотя их функция в системе общественных отношений была совсем иной. Прибавочный продукт в конечном счете превращался в капитал, пусть не на зависимой периферии, а в метропольных центрах системы. Это – не отношения феодальной или рабовладельческой формации, а *превращенные формы* ранних и даже не очень ранних *капиталистических* отношений.

Маркс в своем главном труде показал следующее: «...Как только народы, у которых производство совершается еще в сравнительно низких формах рабского, барщинного труда и т.д., вовлекаются в мировой рынок, на котором господствует капиталистический способ производства и который преобладающим интересом делает продажу продуктов этого производства за границу, так к варварским ужасам рабства, крепостничества и т.д. присоединяется цивилизованный ужас чрезмерного труда... Тут дело шло уже не о том, чтобы выколотить из него известное количество полезных продуктов. **Дело заключалось в производстве самой прибавочной стоимости.** (Выделено нами. – Авт.) То же самое происходило с барщинным трудом, например в Дунайских княжествах»³. К аналогичному выводу пришел Энгельс, рассматривая «второе издание крепостничества» в Восточной Германии⁴. По данному вопросу, как и по многим другим, несколько поколений «марксистов» писали и говорили прямо противоположное Марксу и Энгельсу, смешивая феодальные *предпосылки* некоторых из этих форм эксплуатации с их *сущностью*. Ошибочность такой трактовки наглядно демонстрирует тот факт, что в Новом Свете, где феодализма не существовало никогда, столетиями процветала прямо-таки химически чистая форма внеэкономического принуждения – плантационное рабство. На этот счет Маркс высказался с предельной ясностью: «...Здесь перед нами *капиталисты*, строящие свое хозяйство на рабском труде негров. Способ производства, вводимый ими, не возник из рабства, а прививается ему. В этом случае капиталист и земельный собственник – одно лицо»⁵.

В Америке конкистадоры застали *протоклассовые* общества (ацтекское, инкское и другие), основывавшиеся на иерархии общин и не знавшие еще ни сложившихся классовых антагонизмов, ни отчужденного от общества государства в собственном смысле. На севере Евразии – как и на Иберийском полуострове – классовое общество наличествовало уже многие столетия, но многие черты – их даже нельзя назвать пережитками – протоклассовых отношений сохранялись до XIX – XX веков.

Второй – обширные редконаселенные территории, которые в большинстве стран Старого Света исчезли еще в ходе средневековой внутренней колонизации, а в Новом Свете и Северной Евразии создавали возможность массовой колонизации до XIX и даже XX века. Эта колонизация, с одной стороны, переносила на новые земли более или менее «цивилизованные» общественные отношения. Но, с другой стороны, наладить «нормальную» эксплуатацию наемного труда до окончания массовой колонизации было практически невозможно – эксплуатирруемые могли уйти на новые земли и зачастую так и поступали, оставляя эксплуататоров без своей ра-

³ Маркс К. Капитал. Т. I, отдел третий, гл. VIII./Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23. С. 247.

⁴ См. Энгельс Ф. Марка. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 19.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 26, ч. II. С. 329.

² См. Поршнева Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М. 1976.

бочей силы. «...Экспроприация земли у народных масс служит основой капиталистического способа производства. Сущность свободной колонии, напротив, заключается в том, что масса земли остается еще народной собственностью... Капиталистический режим на каждом шагу наталкивается там на препятствия со стороны производителя, который, будучи сам владельцем условий своего труда, своим трудом обогащает самого себя, а не капиталиста»⁶. При таких условиях рабочую силу если и удастся купить, то приходится оплачивать выше ее стоимости (до второй половины XIX века латиноамериканский рабочий и батрак питались лучше, чем их потомки питаются теперь); приемлемая же для капиталистов норма прибыли требовала совсем иного. «Если за спиной капиталиста стоят силы его метрополии, он старается насильственно устранить способ производства и присвоения, покоящийся на собственном труде производителя»⁷. Если так обстояло дело даже с колонистами XIX века, – атомизированными индивидами сложившегося капиталистического общества, стремившимися обратить «народную собственность» в индивидуальное средство производства, то что говорить об иберийских и русских колонистах прежних веков, приносивших с собой традиции иберийской и восточнославянской общины? В подобных условиях, как показал Маркс, сама логика развития *капитала* требовала заменять «свободный» наемный труд принудительным. Так было до 60-х годов XIX века даже в южных штатах США, и уж подавно в Ибероамерике и России, где капиталу приходилось иметь дело не столько с иным видом частной собственности, сколько с иными отношениями, гораздо меньше поддающимися трансформации на капиталистический лад.

В связи с этим необходимо иметь в виду еще один существенный момент, которого в эксплицитно выраженном виде у классиков марксизма мы не найдем. Его теоретическое осознание выпало на долю латиноамериканских ученых 60-х – 70-х гг. XX века. Это Т. дос Сантос, С. Фуртадо, В. Бамбирра, Ф.Э. Кардозу, А. Агилар Монтеверде, Ф. Кармона и другие. Их концепция, если сформулировать ее кратко, такова.

С самого возникновения капиталистической системы она делится на метропольные центры и зависимую периферию. Метрополии так же не могут существовать без периферии, как она без них, а капиталистическая система в целом – без тех и других. Налицо *взаимозависимость*, но *асимметричная*. Ведущие звенья международной системы производительных сил сосредоточены в центрах системы. Поэтому при каждой смене стадий развития системы производительных сил (мануфактурной, промышленной, научно-технической) перед зависимыми странами встает объективная альтернатива: либо создать на своей территории производственный комплекс нового типа, изменив свое положение в международном разделении труда, и тем самым преодолеть или уменьшить зависимость, либо включиться в новую производственную систему снова в качестве подчиненных звеньев. Во втором, наиболее распространенном, случае дело ограничивается переходом от одних периферийно-зависимых форм капитализма к другим, причем импульс такого перехода дают перемены в метрополиях, даже если осуществляют переход социальные и политические силы зависимой периферии. И,

наконец, последнее по счету, но не по важности: в метрополиях капиталистические производственные отношения на некоторых этапах проявлялись более или менее прозрачно, на зависимой же периферии системы дело почти всегда обстояло иначе. И связано это не просто с отсталостью, незрелостью капитализма, а с коренными свойствами периферийно-зависимого *типа* капиталистического развития независимо от его *уровня*.

Судьбы России и Латинской Америки были сходны с самого возникновения их как регионов Нового времени. Системой производственных отношений капитализма, отнюдь не сводимой к пресловутому «рынку», им было отведено место *зависимой периферии*, производителей сырья и продовольствия для нужд метрополий. Именно в силу этой взаимосвязи судьбы наших регионов с тех пор и до сего дня, при всех видимых различиях, отмечены таким глубинным сходством, которое позволяет назвать их неидентичными близнецами. Только этой глобальной детерминацией можно объяснить тот поразительный факт, что основные вехи истории двух старейших и крупнейших периферийно-зависимых регионов совпадают с точностью до нескольких лет.

Выходит из финишную прямую мануфактурный переворот – и Петр I в России и испанские Бурбоны в американских колониях пытаются совместить крепостнический уклад с развитием государственной мануфактуры. Назревает кризис торгово-мануфактурного капитализма, Британия накапливает силы для промышленного переворота и предъявляет повышенный спрос на товары периферии – тут же издаются указы о «вольности» иберийских латифундистов и российских помещиков, проводится конфискация владений иезуитов в Ибероамерике и секуляризация земель в России, резко усиливается эксплуатация крепостных крестьян и рабочего люда, вызывающая вскоре восстания Пугачева (1773-74 гг.) и Тупак Амару (1780-81 гг.). Начинается переход от мануфактурного капитализма к промышленному, лидеры этого перехода, экономический (Британия) и политический (Франция), вступают в решающую схватку – и вовлечение Испании, Португалии и России в наполеоновские войны дает импульс первым в полном смысле революционным движениям, очень сходным идейно и политически: войнам за независимость Латинской Америки (1809-1826 гг.) и движению декабристов (1816-1826 гг.). Подходит к концу первая волна промышленного переворота, снова возрастает спрос на экспортные товары периферии – и в середине XIX в. наступает новая полоса либеральных реформ и революций, освобождающих трудящихся как от крепостного или рабского состояния, так и от средств производства; но проводятся эти реформы государствами землевладельцев-латифундистов, что обрекает оба региона на принадлежность к «мировой деревне» и на все большее отставание в промышленной сфере.

Правда, Россия в отличие от своего неидентичного близнеца включилась в мировую капиталистическую систему *не только* как экспортер сырья и импортер промышленной продукции, но и как участница европейского концерта держав. Парадоксальным образом эта ее роль началась с прорыва военной силой «восточного барьера» для открытия сначала «окна», а потом и «двери» в Европу (точнее, Западную Европу) своим экспортным и западноевропейским импортным товарам. Но этим дело не ограничилось. Российская империя на протяжении двух веков (XVIII-XIX) выполняла в европейском масштабе примерно те же существенно важные для капитализма функции, какие в масштабе нацио-

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 26, ч. II. Отдел седьмой, гл. XXV. С.777-778

⁷ Там же. 774-775.

нальном выполняет государство, – поддерживала военно-политическое равновесие и отсекала опасные крайности слева и справа. Поэтому она имела возможность создать государственный и полугосударственный сектор крупной, прежде всего военной, промышленности, образование и науку европейского уровня, расплачиваясь за все это кровью своих сыновей. С другой стороны, военные и фискальные интересы самодержавия наряду с сопротивлением крестьянства огромной страны, для которого в условиях «рискованного земледелия» экспроприация общины была смерти подобна, оттянули эту экспроприацию до начала XX века.

Международная роль испанских и португальских колоний – хотя и очень своеобразных, до начала XIX века почти не отделявших себя от метрополий, но все же колоний – с самого начала обуславливала развитие экспортных производств как основы экономики. В этом секторе, охватывавшем горную промышленность, крупные земледельческие и скотоводческие хозяйства, а также перерабатывавшие их продукцию мануфактуры, рано начали развиваться частное предпринимательство и наемный труд. Характерны названия хозяйств ибероамериканских аграриев – испанское «асьенда» и португальское «fazenda», буквально означающие «сделанное», «заведенное». Если кто и проявлял «пережитки феодализма», то не латифундисты, а абсолютистское государство Испании и Португалии, а также католическая церковь, которые в собственных интересах стесняли экспортно-импортную торговлю и мануфактурное производство колонистов-креолов, а также сдерживали экспроприацию крестьян и ремесленников в заокеанских владениях.

В ходе войн за независимость сформировалась парадигма социально-политического развития региона, проявлявшаяся почти до наших дней. С одной стороны, *народно-революционное* движение, опиравшееся непосредственно на трудящиеся и эксплуатируемые массы. Об этом говорят народные восстания под предводительством Идальго и Морелоса в Мексике, Артигаса в Уругвае. С другой стороны, представлявшее экспортеров-латифундистов и связанных с ними купцов и заводчиков *буржуазно-либеральное* течение, по своим программам и политическим действиям антинародное. На первом этапе войн за независимость происходило в основном противоборство этих течений. Когда же оно стало заводить регион (за одним исключением, о котором чуть ниже) в кровавый тупик, сформировалось течение *центристское*. В метрополиях к этому времени пришли к власти буржуазные круги, отказавшие заокеанским территориям во всяком самоуправлении и попытавшиеся превратить их в чистые колонии. Сан-Мартин, Боливар, Сукре, возглавившие движение в испанских владениях, а также, в более консервативной форме, регент Бразилии португальский принц Педру, выразили интересы блока сил, жизненно заинтересованных в защите отечественного производства от уничтожавшей его экспроприации. Однако у власти они продержались недолго.

Политическим итогом буржуазных революций стали республики или (в Бразилии до 1889 г.) конституционная монархия с избирательным правом для 1-7 % населения. Либералы донине именуют это демократией, хотя налицо олигархическая власть даже не всего господствующего класса, а его верхушки. Господствовавшие в колониях социальные группы – латифундисты-экспортеры и торговая буржуазия – использовали завоевание политической независимости для проведения ли-

беральных реформ. Они разделились с индейской общиной, согнали неимущих колонистов с земли и кровавыми законами заставили бедноту продавать рабочую силу подешевле. Затем они предельно облегчили экспорт своей продукции и импорт английских и североамериканских товаров; неизбежная при этом гибель местной промышленности их не волновала. Естественно, эти силы сразу же востребовали идеологию либерализма, облачавшую их эгоистические интересы в белоснежные одежды борьбы за права человека и всяческие свободы или еще проще – за «цивилизацию» против «феодального варварства»⁸. При этом, как и у нас почти два столетия спустя, некоторые из них искренне всему этому верили, более того, считали себя левыми, а всех своих противников – правыми.

Однако усмирить вооруженный народ, привыкший за несколько веков стычек колонистов с индейцами к «малой войне» – герилье, было совсем не легко. Несколько волн буржуазных революций XIX века прокладывали себе путь в огне и крови гражданских войн. Восставшие низы нередко возносили к власти продолжателей центристской тенденции, пытавшихся обеспечить государственную защиту и развитие национальной промышленности. Однако эти центристы – опять-таки как у нас полтора-два столетия спустя – в отличие от выдающихся предшественников, осознавали свою программу не менее превратно, чем либералы, и называли себя консерваторами, искренне уповав на *испанское* духовное наследие, в первую очередь религиозное. Во главе их обычно становился какой-нибудь вождь (*caudillo*) из заинтересованных в протекционизме провинциальных землевладельцев и промышленников. Противостояние «либералов» и «консерваторов» переплеталось с противостоянием сторонников унитарного государства и федералистов. Следуя либеральной традиции, федералистов рисуют поборниками чуть ли не феодальной раздробленности, а унитариев – проводниками всяческого прогресса. Но в большинстве случаев прогресс этот оборачивался тем, что центр (Буэнос-Айрес, Мехико, Рио-де-Жанейро и т.д.) обирал провинцию до нитки налогами, да еще и открывал ворота разорявшим ее промышленность английским товарам (опять что-то родное и близкое, не так ли?). Тогда провинция восставала, пытаясь отгородиться от такого центра и заодно от «мировой цивилизации» покровительственными пошлинами или чем-нибудь еще пожестче.

Делали это не одни центристы-консерваторы. В нескольких странах к власти удавалось прийти подлинным представителям большинства нации. Каким могло быть это представительство в условиях преимущественно аграрных стран, делавших лишь первые шаги к промышленному перевороту, показал еще в XIX веке опыт нескольких стран, долгое время скрытый от науки завесой либеральных стереотипов. Дольше и полнее всего эту перспективу сопротивления крестьян и городских низов олицетворяла установившаяся в Парагвае диктатура Хосе Гаспара Франсиа (1813-1840 гг.). Народ до сих пор называет его на языке гуарани «великий вождь-гоподин», а у апологетов частной собственности он снискал такую ненависть, какой не удостоился ни один из

⁸ Подробнее см.: Марчук Н.Н. Борьба за независимость в Латинской Америке в конце XVIII-XIX в. М.: УДН, 1988; он же. Буржуазные преобразования второй половины XIX в. в странах Латинской Америки. М.: УДН, 1990; он же. Либеральные реформы и борьба за независимость Латинской Америки. М.: Прометей, 1999.

диктаторов-«горилл», – и не зря. При нем латифундии были экспропрированы, а их хозяевам пришлось отправиться в эмиграцию или ссылку. Государство, владевшее 98% земли, предоставляло крестьянам наделы с обязательством постоянно их обрабатывать и без права продажи, а также рабочий скот. В деревне создавались крупные государственные хозяйства. Враждебность соседей вынудила Францию «закрыть» страну и свести внешнюю торговлю к минимуму. При его преемниках – отце и сыне Лопесах – «закрытость» сменилась государственной монополией внешней торговли. Но это не привело хозяйство к упадку, а напротив, позволило построить вторую в Южной Америке железную дорогу и государственные фабрики, причем не ценой массового голода и большой крови, как в других странах того времени. Парагвай поражал путешественников отсутствием нищих и голодных, всеобщей грамотностью и внутренним миром. Между прочим, преемник диктатора был избран парламентом, а депутатов парламента избрал народ *всеобщим голосованием* – за 7 лет до его введения революцией 1848 года во Франции, первой из стран-метрополий.

Таким образом, при объективной невозможности демократии трудящихся, при еще не изжитых общинных традициях была вполне возможна власть *патерналистского* типа, опирающаяся на эти традиции, не вполне отчужденная от народных масс и способная довольно долго выражать их насущные интересы и чаяния. Хотя после смерти Франции правящая верхушка, монополизировавшая внешнеторговые связи, начала постепенно обуржуазиваться, народ еще не воспринимал ее как угнетателей. Парагвай уже плавил сталь и спускал на воду паровые суда, когда Британская империя натравила на него Бразилию, Аргентину и Уругвай, а также «легион» парагвайских эмигрантов. Семь лет шла неравная война, причем первые годы – на территории агрессоров. На чьей стороне был народ, красноречиво говорит тот факт, что врагам удалось победить лишь ценой гибели 80% населения страны⁹. Президент Лопес пал в бою во главе одного из последних отрядов, состоявших в большинстве из подростков, привязавших искусственные бороды, чтобы казаться взрослыми. Погибли и два сына президента, старшему было 15 лет. Парагвайская трагедия, о которой мало кто знает, завершилась за год до Парижской коммуны. Почти одновременно с первой пролетарской революцией в крови была потоплена и первая попытка одной из стран капиталистической периферии *революционным* путем вырваться из зависимого состояния, осуществив промышленный переворот на национальной базе.

Путь *реформистский*, приверженцы которого в Латинской Америке XIX века именовали себя консерваторами, не проявил себя как реальная альтернатива зависимости. Попытки консервативных правительств уже в то время приступить к индустриализации терпели провал, наталкиваясь на ожесточенное сопротивление с двух сторон – как «цивилизованных» стран и их либеральных союзников, так и народных масс. Это неудивительно. При сохранении латифундистской структуры землевладения первые же шаги к индустриализации

возлагали на народ двойное бремя и, как правило, приводили к восстаниям, которыми умело пользовались либералы. Попытки части буржуазии прорваться в первую волну промышленного переворота, пройденную Западной Европой и северо-востоком Америки в первые две трети XIX века, потерпели провал. Лишь несколько стран Латинской Америки успели к концу XIX – началу XX века попасть во вторую его волну – наряду со странами Центральной, Южной и Юго-Восточной Европы, а также царской Россией, начавшей промышленный переворот тем же консервативно-реформистским путем. При экономических и социально-политических резервах огромной страны по нему можно было идти дальше, но и здесь он привел к революционному взрыву, только уже в иную эпоху.

Господствующий класс Латинской Америки, напрямую включив свои страны в международное разделение труда индустриального капитализма как часть «мировой деревни», сумел на полтора столетия раньше, чем в России, ввести неограниченную частную собственность на землю и завершить отделение производителей от средств производства. Если в России помещикам принадлежало примерно столько же земли, сколько крестьянам, то в Бразилии в руках латифундистов было 77,2% земли, в том числе у 1668 семей крупнейших землевладельцев – больше, чем у всех крестьян вместе взятых¹⁰. С последних десятилетий XIX века в Латинской Америке, как и в пореформенной России, при растущем производстве и экспорте сельскохозяйственной продукции голод стал обычным, в полном соответствии с мыслью Маркса – «национальное богатство оказывается теперь по самой своей природе тождественно с народной нищетой»¹¹. К началу XX века большинство «крестьян» объективно были пролетариями и полупролетариями.

Однако, отмена рабства и близких ему форм эксплуатации отнюдь не сделала социальное проявление капиталистических отношений прозрачным¹². Как и в российской пореформенной деревне, «свободный» наем рабочей силы переплетался с разными формами полукрепостнической кабалы: издольной арендой, отработками долга («пеонаж») и т.п. Царивший в деревне террор латифундистов, военных и полицейских, зачастую соединявших эти функции в одном лице (в Бразилии местных воротил так и называли «полковниками»), был формой внеэкономического принуждения. В этом плане Латинская Америка дает неплохой образчик того, к чему могло бы привести Россию развитие аграрного капитализма при гегемонии кулачества, в социальном плане очень похожего на предков латиноамериканских латифундистов. Систематическое «низовое» насилие имело и политический аспект, давая неограниченные возможности фальсификации выборов, ставя исполнительную власть над любым народным представительством, конституцией и законом. Латиноамериканские страны одними из первых продемонстрировали реакционный потенциал президентализма как диктаторского по существу политического режима.

С конца XIX века Россия и Латинская Америка становятся объектами экспорта западноевропейского и се-

⁹ В книге, опубликованной в 1848 г. парагвайским дипломатом, близким к Лопесу-старшему, прямо сопоставляются качества парагвайского и русского солдата. «...Можно сказать с полным правом, что парагваец – это русский Америки». См.: Juan Andrés Gelly. El Paraguay: lo que fue, lo que es y lo que será. Paris: Ed. de Indias, 1926. P. 119.

¹⁰ См.: Калмыков Н.П. Диктатура Варгаса и бразильский рабочий класс. М.: Наука, 1981. С. 36.

¹¹ Маркс К. Капитал, т. I, отдел седьмой, гл. XXV. /Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 781.

¹² См.: Харламенко Е.Н. Об актуальности классового подхода к анализу социальных отношений. Диалог. 2002. №4..

вероамериканского капитала, быстро подчиняющего ключевые сферы экономики, попадают в долговую и военно-политическую зависимость от метрополий, становящихся уже *империалистическими*. Формы этой зависимости были различны в зависимости от того, с чем та или иная страна подошла к рубежу эпохи империализма.

Из массива латиноамериканских стран, до того времени довольно однородного, выделяется несколько относительно передовых: Мексика, Аргентина, Бразилия, Уругвай. Все они, кроме тесно связанного с крупными соседями Уругвая, – крупнейшие в регионе и, следовательно, обладавшие сравнительно емким внутренним рынком, что сближало их с Россией. Им удалось начать индустриализацию второй волны и сформировать более или менее солидный национальный капитал до того, как экспорт капитала метрополий набрал полную силу. Поэтому в дальнейшем империалистическому капиталу пришлось подчинять себе капитал национальный постепенно, с оглядкой на его возможности и постоянно считаясь с ним. Эту форму зависимо-ассоциированного развития капитализма можно сопоставить с той, что была свойственна основному ядру предреволюционной России. Она обуславливала довольно раннее возникновение организованного рабочего движения.

Иначе обстояло дело в большинстве стран региона, напоминавших скорее южные окраины Российской империи. До наступления эпохи империалистического раздела мира они не успели даже приступить к индустриализации, а многие из них – и завершить цикл буржуазных революций и гражданских войн, начавшихся в XIX веке. Империалистический капитал, по преимуществу североамериканский, устремился здесь в производство тропических и субтропических сельскохозяйственных культур и/или в горнодобывающую промышленность. Экспортный сектор производства (нефть в Венесуэле, цветные металлы и хлопок в Перу, олово в Боливии, кофе в Колумбии и Сальвадоре, какао в Эквадоре, бананы в Гондурасе и т.д.) образовал обособленный анклав, связанный с мировым или североамериканским рынком теснее, чем с национальным. Североамериканские корпорации через головы большинства национальной буржуазии связывались с узким кругом правящей олигархии, создавая оптимальные условия для установления «фамильных» диктаторских режимов (Гомеса в Венесуэле, Сомосы в Никарагуа, Трухильо в Доминиканской Республике и т.д.). В благодарность за поддержку те открывали внутренний рынок для иностранных товаров, подсекая национальное производство под самый корень и вызывая оппозицию национальной буржуазии, не имевшей возможности свободного развития. Рабочие, занятые на производстве, транспортировке и переработке экспортируемой продукции, были в значительной мере обособлены от остальных трудящихся, что замедляло формирование рабочего движения.

Таким образом, в регионе, воспринимаемом многими как нечто единообразное, возникли по существу две Латинские Америки – две группы стран, которые, несмотря на культурно-языковую общность, существенно различались. Между группами, не входя ни в одну из них, стояли Куба и Чили. Первая была связана с «великим северным соседом» не только как с главным инвестором, но и как с ближайшим огромным рынком, прежде всего сахара. Вторая, довольно рано приступив к развитию промышленности, располагала богатейшими запасами стратегически важных полезных ископаемых (селитры и меди), попавших под контроль иностранного

капитала. В обеих странах собственность империалистических корпораций стала не анклавом, а осью всей экономики. Тем самым они предвосхитили некоторые черты современного нам транснационального империализма. Поэтому отнюдь не случайно, что на их долю выпала выдающаяся роль в истории второй половины XX века.

При всех различиях между странами региона абсолютное большинство их роднила одна черта – *политический суверенитет*, отличавший их от большинства периферийных стран Восточного полушария, но сближавший с Россией. Именно наши страны первыми попытались на себе не прямые, колониальные, а косвенные, преимущественно экономические, формы зависимости от метропольных центров капиталистической системы. Колониализм, при котором метрополия осуществляет прямое политико-административное господство над зависимой территорией, для большей части Латинской Америки был давно пройденным этапом, а полуколонию, характеризуемую наличием колониально-окупационных зон и анклавов, встречались как исключение (Панама, разделенная в 1903-1999 гг. зоной канала). Господство империалистического капитала здесь, в отличие от Африки и большей части Азии, осуществлялось при посредстве местной олигархии и местного государства. Это создавало существенно иную расстановку сил, нежели в афро-азиатских колониях и полуколониях. Даже в Центральной Америке и Карибском бассейне, где США нередко прибегали к прямой интервенции, целью ее было не уничтожение местных государственных институтов, а подчинение их своим интересам и подавление народного протеста. Победив Испанию в первой войне за империалистический передел мира (1898 г.), США ограничились захватом Пуэрто-Рико и провозглашением независимости Кубы. Разумеется, независимость была ограничена «поправкой Платта»¹³ к конституции нового государства, но буржуазию Кубы такой статус в общем устраивал: иной возможности удержать в подчинении народ, едва не изгнавший колонизаторов своими силами, у нее не было.

Одно из следствий косвенных форм зависимости – явление, которое позже некоторые из латиноамериканских левых назовут *субимпериализмом*. Имеется в виду стремление господствующего класса страны, экономически зависимой от империалистического капитала, к экономической и политической гегемонии над более слабыми соседями. Разумеется, на деле такой экспансионизм оказывается все более жестко подчиненным подлинно империалистическим метрополиям, делая страну орудием их господства. Именно так произошло в начале XX века с вызывающими и поныне восторг горепатриотов «державными» амбициями царской России, ставшими в реальности платой кровью процента кредиторам и инвесторам из Лондона, Парижа и Вашингтона. В Латинской Америке тоже случалось нечто подобное, только в виде жалкого фарса. Не успели остыть поля сражений Парагвайской войны, как из-за месторождений меди и селитры разыгралась война Тихоокеанская

¹³ «Поправка Платта» – принятые конгрессом США положения, включением которых в конституцию Кубы было обусловлено прекращение североамериканской оккупации острова в 1901 г. Предусматривали, в частности, право США на интервенцию «для сохранения независимости Кубы и поддержания правительства, способного защитить жизнь, собственность и личную свободу», а также продажу или сдачу в аренду участков земли для военно-морских баз, одна из которых (в бухте Гуантанамо) удерживается США до сих пор.

(1879-82 гг.) между Чили, за которой стоял британский капитал, и Перу и Боливией, проливавшими кровь за интересы капитала США. Позднее в ходе борьбы британских и североамериканских нефтяных корпораций перуанские солдаты умирали в джунглях Колумбии и Эквадора, а Парагвай, не восстановивший еще довоенную численность населения, отвоевывал у Боливии *предполагаемые* месторождения нефти, которой потом так и не нашли, причем в сражениях за это благородное дело с *обеих сторон* участвовали русские белоэмигранты.

Осуществление при посредстве местного крупного капитала и местной олигархии *империалистического* господства наполнило все, даже как будто бы «допотопные», социальные противоречия зависимых обществ качественно новым содержанием глобального масштаба. Если прежде можно было рассчитывать на победу пролетарских революций в капиталистически развитых странах и последующее вовлечение в ее орбиту остального мира, то в XX веке, когда империалистические сверхприбыли стали формировать в странах-метрополиях «рабочую аристократию» как социальную опору господствующего класса, освободительное движение зависимых стран стало необходимым условием поступательного развития мирового революционного процесса. Поэтому закономерно, что мексиканская и российская революции открыли величайшую (пока) в истории «эпоху социальной революции», сразу же обнаружившую удивительную синхронность событий в двух отдаленных, почти не осведомленных друг о друге регионах. В конце 1916 года в кубинской провинции Орьенте вспыхивает восстание против фальсификации президентских выборов, и в *феврале 1917 года* США устраивают третью по счету интервенцию. В том же *феврале 1917 года* конституция революционной Мексики провозглашает землю и недра достоянием народа, отделяет церковь от государства, узаконивает (как незадолго до того радикальное правительство Уругвая) 8-часовой рабочий день и профсоюзы. До *января 1924 года* на мексиканском полуострове Юкатан существовала «социалистическая республика», пытавшаяся установить контакты с Советской Россией. В том же 1924 году начала более чем двухлетний поход через всю Бразилию колонна восставших военных под командованием молодого офицера Луиса Карлоса Престеса, вскоре возглавившего компартию.

Внутреннее содержание революций в зависимых странах также качественно изменилось. Задачи *аграрной* революции, призванной дать крестьянам землю, *объективно слились* с задачами революции *антиимпериалистической*, призванной вывести страну из тесной зависимости развития, и революции *антикапиталистической*, устремленной к освобождению пролетариев, всех трудящихся и эксплуатируемых от ига капитала. Закономерно, что в начале XX века Россия и Латинская Америка открывают «второе издание крестьянской войны». Там, где сохранилась общинная организация или хотя бы ее традиции (Мексика, горы Перу, юг Колумбии, Эквадор), деревня восстала почти одновременно с российской и под лозунгом «*¡Tierra y libertad!*», что в переводе означает «Земля и воля!» Основа крестьянского движения была не мелкобуржуазной, а *полупролетарской-полуобщинной*, что доказывается характером его требований. Как в России не большевиками, а самим крестьянством в наказах депутатам Советов было выдвинуто требование национализации земли, так и пеоны скотоводческих латифундий севера Мексики, восстав-

шие под знаменем Панчо Вильи, добивались передачи латифундий государству и использования их в интересах всего общества, тогда как экспроприированные общинники юга устами своего вождя Эмилиано Сапаты требовали возврата земель латифундий общинам и создания на их основе кооперативов.

Марксистам того времени, не исключая большевиков, крестьянская революция представлялась *буржуазно-демократической*, открывающей простор развитию аграрного капитализма путем устранения феодальных пережитков и тем самым приближающей революцию пролетарско-социалистическую. На деле же требования восставшей деревни вступали в противоречие с логикой зависимо-капиталистического развития. Их осуществление лишало капиталистов дешевой рабочей силы и обеспечиваемой внеэкономическим принуждением товарности хозяйств полугодных крестьян, да и непосредственно – из-за широко распространенной «территориализации» буржуа, личной унии их с латифундистами, финансовых связей – означало экспроприацию значительной части собственности буржуазии, и не только местной. В России большая часть помещичьих земель была заложена в банках, контролировавшихся иностранным капиталом; в Латинской Америке империалистические корпорации были и остаются крупнейшими латифундистами. Поэтому буржуазия не просто не хотела дать крестьянам землю, но и объективно не могла этого сделать, не подрывая основ господства капитала – как местного, так и к импортированного из империалистических метрополий. Таким образом, социалистическая тенденция революции порождалась отнюдь не одним рабочим движением.

И в России, и в Латинской Америке революционный процесс развивался в условиях, когда капиталистическая сущность эксплуатации проявлялась с почти прозрачной ясностью лишь в отдельных центрах крупного производства: в России это были Петербург, Центральный промышленный район, Донецко-Криворожский бассейн, Баку; в Латинской Америке – Куба, Чили, отдельные центры других стран. Абсолютное же большинство пролетариев трудилось на средних и мелких предприятиях, подвергаясь не только жестокой эксплуатации, но и разным формам внеэкономического принуждения. Еще гораздо более многочисленным был городской и особенно сельский *полупролетариат*. «В отсталых капиталистических странах, вроде России, большинство населения принадлежит к полупролетариям, т.е. к людям, постоянно часть года проводившим по-пролетарски, постоянно снискивающим себе пропитание, в известной части, работой по найму в капиталистических предприятиях»¹⁴.

В России высочайшая концентрация капитала и рабочей силы в крупной промышленности, работавшей в основном на национальный рынок, обусловила первоначальную социально-политическую роль сравнительно немногочисленных индустриальных рабочих. В то же время живучесть общинных традиций в преимущественно полупролетарской деревне и непосильное бремя империалистических войн создали почву для *соединения* пролетарского движения со «вторым изданием крестьянской войны» и тем самым – для первой ранне-социалистической революции. В Латинской Америке такого соединения не произошло. Многие видели причину в «полуфеодальной отсталости» стран региона. На самом деле тамошний *уровень* развития капиталистичес-

¹⁴ Ленин В.И. Великий почин. – Полн. собр. соч. Т.39. С.16.

ких отношений по меньшей мере не уступал российскому, но ярко выраженный зависимый *тип* этого развития и, главное, чисто экспортный *механизм* зависимости обуславливали анклавное положение крупных предприятий и преимущественно иммигрантский состав рабочих многих из них. Естественно, все это препятствовало складыванию социальной группы – гегемона революции. Социальные и политические требования рабочих были слабо связаны с требованиями сельских трудящихся, а иногда и вступали с ними в противоречие. В Мексике анархо-синдикалистские профлидеры даже послали «красные рабочие батальоны» против Сапаты и Вильи. Крестьянское движение, лишненное пролетарского руководства, сохраняло архаичные черты. В Перу до 20-х годов XX века индейские восстания добивались возрождения инкской «империи» Тауантинсуйу, в Бразилии до того же времени сельская беднота восставала под началом «пророков», предвещавших скорый конец грешного мира и царство божие на земле. Отсутствовал и такой мощный детонатор революционного кризиса, каким в Восточном полушарии были мировые войны: Латинской Америке, как и Северной, они приносили не бедствия, а, наоборот, благоприятную конъюнктуру и, что не менее важно, не давали народу в руки оружие.

Аграрный кризис, начавшийся в Латинской Америке с середины 20-х годов и мировой экономической кризис 1929-33 гг. поставил наиболее развитые страны Латинской Америки (Аргентина, Бразилия, Мексика, Уругвай, Чили), как и СССР, перед объективной необходимостью ускоренного завершения промышленного переворота. Экономическая модель, основанная на экспорте сельскохозяйственной продукции и минерального сырья на рынки метрополий, затрещала по швам. Странное дело: в дискуссиях о причинах свертывания нэпа никто, насколько мне известно, не принимает во внимание мировой кризис. Какова была реальная альтернатива этого свертывания, можно судить по тому, что сельское хозяйство Латинской Америки не оправилось от удара великого кризиса до 60-х годов – и это в странах, которые не несли на себе бремя второй мировой войны, а выгодно торговали с обеими воевавшими сторонами.

Нашу страну в самых экстремальных условиях спас тот же ресурс, что сделал возможным победу Октября, – соединение пролетарской революции с крестьянской войной (в указанном выше смысле). Последним этапом этой войны по существу явилась коллективизация 1929-33 гг., возродившая общинный строй на новой основе и в новой форме. Она позволила стране, хотя и с немалыми потерями, снабдить города продовольствием, промышленность – сырьем, накопить средства для решающего этапа индустриализации. О том, до какой степени коллективизация как завершение аграрной революции была обусловлена объективно, говорит тот факт, что отнюдь не коммунистическое правительство Л. Карденаса (1934-40 гг.) в Мексике не только вернуло крестьянам значительную часть земель, но и поддержало создание кооперативов, первое время даже производственных, получивших характерное название «эхидос» – «общин» и поставленных под жесткий контроль государства. В Бразилии, не пережившей столь глубокой народной революции, как Мексика, этого не сделали, и еще несколько десятилетий голод охватывал целые штаты, как губернии в царской России, а до создания тяжелой промышленности в огромной стране, имевшей для этого все ресурсы, дело дошло только к 60-м годам.

Столь же неумолимо перед странами Латинской

Америки встал в те годы и другой вопрос, решенный в России в 1917-18 гг., – национализация добычи и переработки основных природных богатств, прежде всего нефти (Аргентина, Мексика, Боливия). Без этого государство не располагало средствами ни для выполнения хотя бы регулирующих функций в национальной экономике, ни для серьезной социальной политики.

Вопрос о создании новой основы национального развития решался в острейшей классовой борьбе. Латинская Америка пережила в начале 30-х гг. новый революционный подъем. На Кубе революция 1933-35 гг. отменила «поправку Платта». В Чили и Боливии провозглашались «социалистические республики», Бразилия в 1930-35 гг. пережила целую серию рабочих и крестьянских восстаний под руководством коммунистов. Индейцы Перу и батраки Сальвадора взялись за оружие под руководством компартий, только что основанных Хосе Карлосом Мариатеги и Агустином Фарабундо Марти. В сельве Никарагуа сражалась против североамериканских интервентов «Армия свободных людей» Аугусто Сесара Сандино.

Все эти выступления были жестоко подавлены. Достаточно вспомнить расправу над Фарабундо Марти и минимум 30 тысячами его товарищей, убийство А.С. Сандино и молодых кубинских революционеров Хулио Антонио Мельи и Антонио Гитераса, многолетнее заключение Л.К. Престеса и выдачу гитлеровскому райху его жены и товарища по борьбе, гражданки Германии Ольги Бенарио, погибшей затем в Равенсбрюке.

В итоге революционных потрясений в странах второй волны индустриализации у власти утвердился блок, в который входили часть крупной и средней буржуазии, аграрии средней руки. Для политики этого блока был характерен *этатизм*, т.е. резкое усиление роли государства в экономике и социальной сфере. Государство выступало как совокупный капиталист, бравший на себя реализацию непосильных частному капиталу задач. Общемировая тенденция, соответствовавшая тогдашнему уровню обобществления производства в национальных масштабах, в этих странах пробивала себе путь в ходе завершения промышленного переворота. Показательно, что режимы такого типа смогли сложиться в 30-е – 50-е годы только в странах второй его волны. Аналогичные попытки, предпринятые тогда же в других странах региона, повсюду терпели неудачу до тех пор, пока их не накрыла третья волна индустриализации; но это произошло уже в иные времена и имело иные последствия.

Первое время функция «совокупного капиталиста» даже для самих ее носителей выступала еще «в себе», а не «для себя». Лишь через несколько десятилетий капиталистическое государство действительно превратилось на некоторое время в становой хребет господствующего класса, антагонистически противостоящего трудящимся, и тогда оно нашло себе иных выразителей, чаще в генеральских мундирах. До тех пор место отсутствующей социальной гегемонии с большим или меньшим успехом занимала гегемония политическая. При конфликтах со старой буржуазией режим вынужден был вступать в союз с рабочим движением. Подобный блок, вообще говоря, мог иметь форму межпартийной коалиции типа Народного фронта, однако эта возможность была реализована лишь в стране наиболее «прозрачной» социальной структуры – Чили. Здесь именно блок левых и центристских партий, пришедший к власти в конце 30-х гг., выдвинул четкую программу индустриализации и приступил к ее проведению. В других странах

взаимодействие власти с рабочим движением приняло иные формы.

Идеология правящего блока соединяла национализм с социальным реформизмом. С ведущей ролью государства, претендовавшего на роль арбитра между классами, увязывалась монополия правительственной партии на власть, обосновываемая идеологемами «перманентной революции», социальной справедливости и национального единства. Таковы были Национально-революционная партия Мексики, преобразованная в 1938 г. в Партию мексиканской революции, а в 1946 г. – в Институционно-революционную партию; Перонистская, она же хустисиалистская («справедливческая»), в Аргентине (1946-55 гг.), трабалистская («трудолическая») в Бразилии (1937-1964 гг.) и т.д. Партии эти были неоднородными по социальному составу и строились на принципе индивидуального и коллективного членства. Последнее распространялось прежде всего на профсоюзы (в Мексике и на эхидос). Тем самым рабочее и отчасти крестьянское движение было взнуздано и оседлано государством; в Мексике официальных профлидеров так и прозвали «чаррос» – «наездники». Этот контроль основывался не на одном бюрократическом диктате, но и на удовлетворении государственной властью ряда первоочередных требований трудящихся: введении 8-часового рабочего дня, социальных пособий, бесплатного школьного обучения, местами – строительстве дешевого жилья и т.д. Правда, все это касалось только организованных рабочих крупной промышленности, а отнюдь не трудящихся мелких предприятий и уж подавно не сельских пролетариев. Естественно, шло массовое переселение из деревни в город, особенно в благоприятные для латиноамериканской промышленности годы Второй мировой войны. Новобранцы индустрии воспринимали получаемые в городе блага не как результат борьбы, а как дар свыше. Такие лидеры, как мексиканец Ласаро Карденас, бразилец Жетулио Варгас, аргентинец Хуан Доминго Перон и его жена Эва, стали в этой среде культовыми фигурами.

Перечисленные черты побуждают некоторых критиков сопоставлять эти режимы с «тоталитарными», тем более, что сами они активно заимствовали внешние формы из самых разных источников – от фашистской Италии и нацистской Германии до СССР эпохи индустриализации. Кое-кто даже пытался организовывать трудовое соревнование, принимавшее, правда, карикатурные формы. В перонистской Аргентине состязался по продолжительности работы без отдыха. Более умеренные западные авторы «объясняют» их политику воздействием «харизматического лидера» на народную массу или характеризуют как манипулирование массами, а сами режимы именуют *популистскими*. В советской историографии их характеризовали как национал-реформистские формы власти национальной буржуазии. Латиноамериканские компартии также интерпретировали политику этих режимов как борьбу национальной буржуазии против иностранного империализма и феодальных пережитков, отводя рабочему движению роль поддерживающей «прогрессивную буржуазию» силы.

Сравнение этих режимов с фашистскими не представляется убедительным прежде всего потому, что они не представляли собой диктатуру монополистического капитала. Монополии на базе национального капитала тогда еще не сложились, а империалистические монополии не настолько интегрировались в

экономическую структуру данных стран, чтобы непосредственно служить опорой диктатуры фашистского типа. То и другое произошло лишь несколько десятилетий спустя и было зачастую связано с *падением* режимов описываемого типа.

Определение их как власти национальной буржуазии также не представляется убедительным. Часть буржуазия, связанная с национальным рынком, была им резко враждебна, а их отношения с рабочим движением и социальные реформы вызвали настороженность даже лояльной части буржуазии. По той же причине не проходит трактовка этих режимов как мелкобуржуазных. Средние слои, как и буржуазия, были расколоты на лояльную и оппозиционную часть. Оформленной социальной группы-гегемона в этот период вообще не просматривается, что дает основания говорить о вакууме гегемонии. Даже военно-бюрократический аппарат как носитель социально-корпоративных интересов этой роли не играл: в отличие от режимов бонапартистского типа, «популисты» были с этим аппаратом в довольно сложных отношениях. Консолидация армии в своеобразную «суперпартию» происходит позже и связана опять-таки скорее с *падением* «национал-реформистских» режимов, чем с их установлением и укреплением.

Не сталкиваемся ли мы в данном случае с явлением более сложным, чем непосредственное правление буржуазии как социальной группы? Патерналистский (или популистский) режим национал-реформистского типа, в отличие от раннесоциалистического, не подрывает основ капиталистического строя, не меняет в корне положения страны в капиталистической системе. Однако, в ситуации острого кризиса, под давлением снизу, он вынужден более или менее жестко ограничивать старые формы зависимости, основанные на экспорте сырья и продовольствия, закладывать основы национальной индустрии на базе госсектора. При сильном сопротивлении старых социальных групп эксплуататоров, связанных с прежней моделью зависимости, эти задачи имеют черты «революции сверху». Буржуазная государственная машина, связанная тысячами нитей со старыми «хозяевами жизни», пропитанная чиновничьей рутинной и косностью, для таких преобразований мало пригодна. Не ломая ее и не отказываясь от ее применения против революционных выступлений низов, режим в той или иной мере опирается на их борьбу за свои права, а иногда создает неформальные каналы связи с массами. Эти каналы не носят характера буржуазной или пролетарской демократии, т.е. сознательного представительства социальных интересов, а возрождаются от времен народно-революционного патернализма XIX – начала XX вв. традиции взаимодействия «народа» и стоящего над обычными политическими институтами «вождя».

Патернализм как характерная черта этатистских режимов может быть правильно понят лишь в сопоставлении с более чистым его вариантом, зачаток которого мы рассмотрели на примере Парагвая XIX века. Более развитую форму этого явления мы сами пережили в годы раннего социализма, когда в масштабе шестой части земной суши сначала совместились Парижская коммуна и Парагвайская республика, а затем пролетарская демократия растворилась в порожденных «вторым изданием крестьянской войны» отношениях патерналист-

¹⁵ См. Yelena & Alexander Charlamenko. Revolution und Konterrevolution in Russland. Essen. Neue Impulse Verlag. 2001. Pp. 57-60.

ского типа ¹⁵. Оба вида патернализма порождены одной исторической ситуацией завершения промышленного переворота в условиях противостояния зависимости, но представляют *альтернативные*, классово противоположные пути решения этих задач. В этом свете небезынтересно сопоставить их исторические итоги. Это сопоставление имеет смысл – в отличие от расхожего стереотипа «соревнования» СССР с США, раннесоциалистических стран с империалистическими метрополиями, слишком смахивающего на «соревнование» рабочего с капиталистом.

СССР удалось в кратчайший в истории срок самостоятельно осуществить подлинное завершение промышленного переворота – сформировать хозяйственный комплекс, основанный на производстве машин машинами. В те годы это позволяло стране преодолевать зависимое положение в мировом капиталистическом разделении труда. Было достигнуто не просто повышение уровня жизни трудящихся масс по сравнению с до-революционным, но улучшение ее качества: охрана здоровья, увеличение продолжительности жизни, доступ к образованию и культурным ценностям. Все это обеспечивало руководству поддержку блока социальных сил, осуществившего индустриализацию, коллективизацию, культурную революцию и выигравшего Вторую мировую войну.

Эти достижения особенно контрастно выделяются на фоне крупнейших и сравнительно развитых стран Латинской Америки, где тяжелая индустрия так и не стала базой технического обеспечения национального производительного комплекса, как не была ею в царской России. У «популистских» режимов пороку хватало только на так называемую импортзамещающую индустриализацию, главным образом в легкой промышленности. Уже поэтому основа зависимости устранена не была. Не случайно сами «популистские» режимы получили поддержку североамериканских монополий, отеснивших в период между мировыми войнами британских конкурентов. Такое развитие не устраняло и не могло устранить старой экономической структуры, существенным элементом которой была латифундия. Оно лишь надстраивало новый элемент над старой экономикой, используя последнюю как источник накоплений, сырья, дешевой рабочей силы. В таких условиях в принципе не возможно распространить на все общество даже те скромные социальные гарантии, которые представлялись промышленным рабочим, а, следовательно, избавить страну от таких прелестей зависимо-капиталистического развития, как постоянное недоедание большин-

ства трудящихся и периодические голодовки, эпидемии, трущобы, массовая неграмотность и тому подобное ¹⁶. Что уж говорить о тех странах региона, где местные «гориллы» и «великий северный сосед» совместными усилиями топили в крови народа любую попытку даже тех преобразований, какие удалось провести «популистам» Мексики, Аргентины, Бразилии.

Нашим интеллигентам, ставящим в вину революционному пути преобразования общества гражданскую войну, голод, репрессии и прочие составляющие «цены революции», полезно было бы познакомиться с «ценой» поражения революции в половине Латинской Америки и ее взнуздания и оседлывания капиталистическим государством в другой половине. Гражданских войн более чем достаточно (только одна, почти одновременная с российской, унесла каждого десятого мексиканца). По продовольственному вопросу, кто хочет, может почитать книгу бразильца Жозуэ ди Кастро под красноречивым названием «География голода», переведенную в «тоталитарном» СССР в начале 50-х годов. О репрессиях уже говорилось. А если прикинуть их масштабы применительно не к одной интеллигенции, а к народным низам, судьба которых в приличном обществе мало кого интересует?

Сопоставление опыта регионов полезно еще и потому, что разбивает либеральный стереотип «феодальной отсталости» как первопричины всех бед, применяемый к Латинской Америке и России чуть не до наших дней. Этот стереотип приучил целые поколения «цивилизованных» европейцев и североамериканцев и подражающих им интеллектуалов зависимых стран поглядывать на Латинскую Америку свысока, с этимким снисхождением, как на парвеню. Недалеко ушли от этого представления и горе-марксисты, которые воспроизводят либеральную схему, не ведая об ее истоках. Глядя на историю сквозь эти очки, они лишают себя возможности понять истоки бед, которые несут большинству человечества, в том числе и нам с вами, вовсе не феодализм и не варварство, а именно *капиталистическая цивилизация*. В то же время они лишают себя уникального опыта борьбы народных масс против зависимого капитализма – опыта позитивного и негативного, накопленного в Латинской Америке за 200 лет.

Этот опыт качественно обогатился на последующем этапе, когда в силу глубоких изменений в системе производительных сил индустриализация как таковая перестала быть противовесом зависимости и соответственно «индустриализаторские» режимы не могли не прийти к кризису. Но это – тема особого разговора.

¹⁶ В конце 30-х гг. в центре бразильской промышленности – штате Сан-Паулу – на металлургию, машиностроение, станко- и приборостроение приходилось только 13% продукции в стоимостном выражении. Лишь четверть крестьянских хозяйств Бразилии имела собственные плуги, а 1 трактор приходился на 500 хозяйств. Ежедневный заработок сельскохозяйственного рабочего равнялся расходам тюремной администрации на дневное пропитание 1 заключенного. Доля бразильцев, имевших хотя бы начальное образование, за 9 лет реформ Варгаса повысилась с 3 до 8%. См.: Калмыков Н.П. Указ. соч., с. 119, 147, 155.

Трансформация общественного сознания в отношении к религии и церкви в последние годы

А.В. Климова

1. От пропаганды атеизма к его полному отрицанию.

Мы живем в удивительное время, когда кто угодно может запросто обвинить тех, кто отстаивает научные знания, чуть ли не в мракобесии, приписать им что угодно на основе собственных недалеких представлений и выдать это за действительность, причем не на уровне «поделиться своим мнением» в небольшой аудитории, а в печати, рассчитанной на массового читателя. К сожалению, такого подхода перестали стесняться даже люди, которые по своему статусу имеют отношение именно к науке. И если они не всегда утруждают себя при обращении к новой для них или малознакомой им области знания определениями хотя бы основных понятий или хотя бы поверхностным знакомством с историей затрагиваемого вопроса, то что уж говорить о журналистах. Речь идет об атеизме. Чего мы только не узнали о нем из печати за последние годы! И, пожалуй, как никогда раньше, почувствовали идеологическую направленность проблем, связанных с этой областью знаний. Накал страстей привел к полному отрицанию его научности и сведению его к вере в то, что бога нет¹, его стали называть тоже религией, и увлеченность таким ходом мысли достигла того, что в конце концов, и научное мировоззрение было названо религиозным мировоззрением². К такому положению вещей мы шли постепенно.

«Критический» пересмотр взглядов на религию в период перестройки привел уже тогда к тому, что слова «атеизм», «атеист» стали почти ругательными, и сейчас редко кто выступает в печати с защитой этой формы свободомыслия, имеющей древнюю историю и получившей статус научности в марксизме с открытием материалистического понимания истории. Материализм, несмотря на то, что на нем основывается вся современная наука и исторически она развивалась в русле материализма, также подвергается всяческой критике. Говорить о своих материалистических взглядах также стало немодно, неприлично и неприлично. Да и ценность науки во многих случаях стала подвергаться сомнению. В то же время церковь «нынче отделена только от одного – от критики»³. Подлинное же содержание научного атеизма оказалось забытым. О нем вспоминают и говорят чаще всего в негативном смысле и в искаженном виде.

Вся постперестроечная пропаганда опиралась на незамысловатые тезисы, искажавшие сущность практики атеистического воспитания в советское время. Кстати, многие из прежних характеристик, фальсифицировавших состояние нравственности в Советском Союзе, связывавших его с атеистическим мировоззрением, как раз очень точно подходят для нынешнего состояния. Так, С.Н. Савельев в статье с типичным для начала 90-х гг. «обличительным» названием «Какая дорога вела к хаму» писал: «Когда почему-либо образуется дефицит нравственности, когда отбрасываются традиционные культурные нормы и взламываются установившиеся социальные связи, в образовавшийся вакуум к нам выскакивает неандерталец. Прорывы зоологического синдрома в социальную жизнь всегда носят катастрофический характер. Есть пути в культуру из дикости, но нет из одичания»⁴. Никак не подходят эти слова к советскому времени с его богатыми духовными, научными, революционны-

ми, патриотическими и интернациональными традициями, с яркими духовными событиями, они характеризуют именно наше время с распространяющимся культом наживы, индивидуализма, насилия, с расползанием нравственной деградации и бескультурья.

Между тем, свободомыслие в отношении религии имело место в духовной жизни общества с древних времен и выполняло преимущественно позитивную, плодотворную роль. Оно не является единым течением. В то же время можно указать на черты, присущие свободомыслию на любой ступени его развития, в любой его форме. Свободомыслие – это общественные идеи, в той или иной степени освободившиеся от сковывающего мышление религиозного влияния или каких-либо других традиционных или политических ограничений, основывающиеся на рационалистическом, критическом подходе к явлениям природы, общественной жизни, общественному сознанию. Оно может проявляться в разных аспектах: антирелигиозном, политическом, правовом и т.п.

Без принятия во внимание роли свободомыслия в духовной культуре общества теряется огромный пласт духовности. Вся история развития культуры и отношений в обществе сопровождалась развитием и усилением свободомыслия, элементы которого способствовали формированию самостоятельности мышления в отношении к религии, а также к традиционным представлениям в других сферах общественного сознания, его прогрессивному развитию. И в религии, и в свободомыслии отражалась жизнь общества с ее значительными изменениями, но отражалась по-разному. Научный атеизм стал наиболее последовательной формой свободомыслия, основанной на материалистическом понимании истории. Его предметом стали закономерности возникновения и развития религии, исследование ее сущности, функций, связей с другими явлениями общественного сознания и жизни общества, а также закономерности возникновения и развития свободомыслия. Одним из важнейших разделов научного атеизма стала теория атеистического воспитания, суть которого в формировании научного, диалектико-материалистического мировоззрения.

К сожалению, советское общество так и не стало обществом массового атеизма, как это было провозглашено. Для того чтобы быть сознательным атеистом, необходимо иметь глубокие знания во многих областях науки, быть хорошо знакомым с историей различных религий и их верованиями, с литературой и искусством, овладеть научными методами философского познания. Не так уж просто и опровергнуть теорию научного атеизма. Неслучайно за это никто всерьез и не брался. Те, кто отвергают научный атеизм, не пытаются обосновать свою позицию, а просто, с одной стороны, обвиняют его в бездуховности, с другой – вменяют ему в вину репрессии против священнослужителей и разрушение храмов в 20-е – 30-е годы.

Жаль, но в общественном сознании сработал примитивный прием сведения содержания научного атеизма к простому переводу слова «атеизм» как отрицания бога. Сработал, несмотря на еще почтительное в то время отношение в нашем обществе к науке в целом. Задача атеизма, как и задача любой другой науки, – заниматься исследованием своего предмета, давать достоверные, истинные знания о нем, раскрыть закономерности его раз-

вития, основываясь на соответствующих научных закономерностях, принципах и категориях. Именно советскими атеистами тщательно и добросовестно рассматривались история и особенности различных вероучений, раскрылись сущность, корни и функции религии, было написано много интереснейших монографий и статей, на которые преимущественно опирается и современное религиозоведение. Именно атеистами было установлено, что социальные корни религии в социалистическом обществе существенно подорваны в результате ликвидации классового гнета, но не уничтожены. Одним из главных принципов атеистического воспитания стал ленинский принцип уважительного отношения к религиозным чувствам верующих. Увы, и нынешние верующие, и представители церкви далеки даже от провозглашения такого принципа в отношении атеистов и на закон о свободе совести ссылаются только для поддержания собственного статуса или интересов.

Итак, о действительном содержании и значении научного атеизма его современным опровергателям говорить трудно. Это понять можно. А то, в чем они его обвиняют (разрушение церквей, репрессии, запрещение религии), никакого отношения к нему не имеет. Все эти явления имели место по другим причинам, и они не тянут на выводы, столь разрушительные по своим последствиям много десятилетий спустя. Так как научный атеизм – это теория марксистская, то вспомним, что говорил Ф. Энгельс о запрещении религии: это помогло бы ей, «таким образом, увенчать себя ореолом мученичества и тем самым продлить свое существование»⁵.

Факт секуляризации в XX в. присущ не только социалистическому миру, но и капиталистическому. Начался этот процесс не в XX веке, и его объективные причины не имеют связи ни с какими запретами. Современные социологи отмечают «развернувшуюся в XX веке всестороннюю секуляризацию, которая только усилилась в последнее десятилетие. Социологические исследования во всем мире фиксируют падение религиозности. Вот только некоторые примеры: в Германии процент людей, не принадлежащих ни к одной религии с 1970 по 1998 год вырос с 2% до 25%, в Великобритании за период 1983 – 2000 годов – с 31% до 44% (при этом число приверженцев англиканской церкви упало за 17 лет на 40%). Такая же тенденция наблюдается в Азии: по данным опроса 1999 года, не относят себя ни к одной религии в Гонконге 64%, в Южной Корее 46%, в Сингапуре – по данным переписи 2000 года – 14,8%. Секуляризация – это широкомасштабный процесс ослабления, вытеснения, ограничения влияния религиозных институтов, замены религиозной системы ценностей светской»⁶. В Советском Союзе он протекал быстрее, так как был связан с освобождением от классового гнета, со стремительным расцветом экономики, науки, искусства, улучшавшимся качеством жизни и ростом культурного уровня граждан. Когда люди трудятся и получают удовлетворение от своего труда, видят его плоды, у них укрепляется вера в силы человека, в его разум и возможности овладения закономерностями окружающего мира. В таких условиях человек становится самодостаточным, не нуждающимся в феномене сверхъестественного.

Что касается разрушения церквей и репрессий в отношении священнослужителей, то к научному атеизму это никакого отношения не имеет. Не объясняется это ни фактом существования Союза воинствующих безбожников, ни термином «воинствующий атеизм». Разрушение же церквей было вызвано не атеистическими взглядами, а, наоборот, их отсутствием. Это были антиклерикальные действия, причем, массовые. Тогда народу были еще хороши памятны недавние времена, когда церковь была

крупнейшим собственником и эксплуататором. Не лучшим образом многие церковники проявили себя в глазах народа, встав на сторону белогвардейцев во время гражданской войны. Антиклерикализм как общественное движение имеет свою историю и особенности⁷. Исторически свою прогрессивную сущность он начал утрачивать еще во время Французской буржуазной революции, а в рассматриваемый период нашей истории он тем более мог сыграть и сыграл отрицательную роль. Но всплеск антиклерикальных действий масс в этот период вполне объясним.

В период перестройки и позже происходило изменение отношения людей в обществе к религии в благоприятную для нее сторону. Почему?

Во-первых, ложное представление о том, что в советский период наша страна стала страной массового атеизма, сыграло свою отрицательную роль, которая могла проявляться в упрощенческом подходе к атеистической работе, в неправильном представлении о ее целях, в примитивизации ее содержания. Многие из тех, кто занимался атеистической пропагандой, сами не являлись специалистами в этой области знания. О неумелой атеистической работе, а также о грубых нарушениях в ней неоднократно говорилось в соответствующих постановлениях и документах еще в 50-х и 60-х годах⁸. А у тех, кто столкнулся с такими фактами, складывалось негативное или безразличное отношение к науке, от имени которой выступали некомпетентные люди. Что касается религии, то к ней чаще всего тоже в то время было индифферентное отношение. Религиозные представления у большинства были такими же смутными, как и атеистические. Просто люди занимались осуществлением своих жизненных планов и не нуждались в обращении к религии, их мечты были реальными, а не иллюзорными.

Тотальная критика всего советского началась с критики атеизма. Это ускорило распространение благоприятного отношения к религии (но, судя по данным социологических исследований, не привело к тотальной религиозности). Атеизм стал выдаваться за что-то всеразрушающее, отрицательно влияющее на культуру.

Во-вторых, в период тотальной критики атеизма у атеистов не оказалось возможности даже выступить в собственную защиту, их не допускали в средства массовой информации. В это время везде выступали только священнослужители, причем журналисты обращались с ними очень почтительно. Даже журнал «Наука и религия», так много сделавший для формирования научного отношения к религии, в юбилейном номере в связи с 40-летием высказался о годах наиболее плодотворного своего развития с покаянием, что уже тогда «вызрел протест против отождествления атеизма с наукой, а религии – с иллюзорным сознанием». Больше время существования журнала редакционная статья «Юбилей: 1959-1999» освещает с ерничаньем и пренебрежением, с гордостью сообщая, что уже в 80-х гг. профессиональных атеистов, кроме Л. Митрохина и В. Гараджи они старались не печатать⁹. Какова причина такого положения? В обществе изменился строй. Это не могло не привести и к смене духовных ориентиров.

2. От свободы совести к свободе вероисповедания.

Положение о свободе совести возникло не сразу, а выработывалось исторически и является заслугой свободомыслия. История религиозных отношений и церквей складывалась по преимуществу как кровавая история. Во-первых, никогда не было единства между представителями разных религий, так как каждая из них объявля-

ла себя единственно истинной, соответственно, все остальные ложными. Во-вторых, внутри каждой церкви в условиях иерархической структуры всегда шла борьба за лучшее положение. В-третьих, церковь как социальный институт всегда стремилась влиять на политические отношения в государствах и между государствами. В четвертых, формируя соответствующее мировоззрение у своих последователей, церковь всегда накладывала ограничения на их личностное и гражданское развитие. В условиях господства или значительного влияния религиозного мировоззрения в обществе церковь оказывалась в центре всех событий и, на словах имея миротворческие намерения, на деле постоянно создавала очаги напряженности!

Клерикальные тенденции всегда вызывали противодействие. Оно могло выливаться в целые антиклерикальные движения народных масс, осознавших свое положение в религиозных идеях (еретические движения), или политических сил (борьба за инвеституру, антиклерикализм буржуазных революций).

Первый шаг к свободе совести был сделан в Англии в XVII в. Стремлению буржуазии к социально-экономическим и политическим изменениям основную помеху создавало духовенство. В связи с этим выдвигались идеи «уничтожения духовного и экономического гнета духовенства, освобождения от влияния папы римского и недопущения на церковные должности иностранцев (Гоббс), религиозной веротерпимости (Гоббс, Локк), отделения церкви от государства (Локк), отделения высших школ от церкви (Гоббс), утверждение авторитета разума и светских знаний (Локк)»¹⁰.

В условиях, когда в буржуазной революции участвовали представители разных вероисповеданий, не решив вопроса об отношении к той или иной вере, невозможно было решить никаких других вопросов. Вначале это решение носило весьма ограниченный характер: как веротерпимость или как непривлечение к ответственности за религиозные разногласия (парламентские акты Англии периода протектората и диктатуры Кромвеля, Бредская декларация Карла II 1660 г.). В 1685 г. обосновал свое положение о веротерпимости Д. Локк: «Никто, ни отдельные лица, ни церкви, ни даже государства не имеют права захватывать гражданские права и мирские блага друга друга на основании религии», «откуда бы ни происходила власть, но поскольку она является церковной, она должна быть ограничена рамками церкви и никоим образом не может распространяться на гражданские дела, ибо сама церковь абсолютно отделена и отлична от государства»¹¹.

Наиболее последовательно выступали в защиту свободы совести французские материалисты XVIII в. Ж. Ламетри, Д. Дидро, К. Гельвеций, П. Гольбах. Они требовали отделения церкви от государства, права исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, равноправия граждан, независимо от их отношения к религии, права пропагандировать атеистические убеждения. Гольбах предлагал отделить школу от церкви и прекратить религиозное обучение детей. Пришедшая к власти в результате революции буржуазия приняла 26 августа 1789 г. «Декларацию прав человека и гражданина», которая в 1791 г. была включена в текст первой конституции Франции. В ней была провозглашена свобода совести, согласно которой человек не был наказуем за свое отношение к религии, за свои убеждения, «если их проявление не нарушает общественного порядка, установленно-го законом». Но с усилением роста революционной активности народа, буржуазия постепенно стала уходить от принципа свободы совести, заменяя его принципом свободы вероисповедания. Те, кто совсем недавно боролись за отделение церкви от государства, говорили о не-

совершенстве религии, стали не только с почтением говорить о церкви и ее учении, но и соблюдать ее обряды.

Конституции многих современных капиталистических стран провозглашают свободу совести, понимаемую лишь как свобода вероисповедания. Те же страны, где имеется официально признанная государственная церковь, не смотря на провозглашение свободы вероисповедания, на деле не допускают и этого, так как привилегированное положение последователей государственной религии порождает фактическое и юридическое неравенство других имеющих в стране конфессиональных организаций.

Принцип свободы совести имеет два аспекта: философско-этический и правовой.

В философско-этическом смысле совесть человека должна быть свободна как от внешних (от принуждения к поступкам и высказываниям, противоречащим его убеждениям), так и от внутренних (от искажений, вносимых в убеждения заблуждениями) форм давления на нее. Юридическая свобода совести должна гарантировать возможность исповедовать любую религию, не исповедовать никакой религии, быть атеистом. Такая гарантия является предварительным условием полного осуществления свободы совести в философско-этическом смысле. А условием этой гарантии является отделение школы от церкви и церкви от государства.

Совесть свободна в полном смысле слова только тогда, когда человек может принимать решения и действовать со знанием дела в своих и общественных интересах. Если же на его убеждения и поступки влияют религиозные или иные заблуждения, его поведение и убеждения (совесть) нельзя назвать истинно свободными. Не случайно говорят: «Человек находится в плену своих заблуждений» – в плену, то есть не свободен.

Таким образом, положение о свободе совести досталось человечеству дорогой ценой. Поэтому вызывают тревогу обратные процессы в направлении от свободы совести, происходящие в наше время. Началось это с обсуждения, а потом принятия в октябре 1990 г. Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях», а в апреле 1991 г. – Закона Украинской ССР «О свободе совести и религиозных организациях». В этом Законе принцип свободы совести был смешан с конкретными пунктами юридического закона. Закон должен исходить из этого принципа. В рассматриваемом же Законе, в его структуре принцип свободы совести утратил свой философско-этический смысл, оказался вписанным в законодательство о религиозных организациях. Атеизм представлен так, как будто он имеет такое же значение в гносеологии как и религия (см., например, статью 6). Судьба атеизма как научной теории и атеистов, и неверующих решалась в законодательстве о религиозных организациях. Это говорит о том, что в таком законодательстве нуждалась церковь, и она же сделала все, чтобы получить от него максимум выгод для своего социального статуса со всеми вытекающими отсюда последствиями. Для этого в то время была благоприятная обстановка. В стране было множество экономических и социальных проблем и вряд ли народные депутаты, голосовавшие за принятие данного закона, придали ему такое значение, какое придавали ему религиозные деятели. В результате несовершенство закона «О свободе совести и религиозных организациях» проявилось, во-первых, в смешении философско-этического принципа свободы совести с конкретными пунктами юридического закона; во-вторых, в подчинении этого принципа интересам и целям религиозных организаций, в результате чего принцип свободы совести был фактически сужен до принципа свободы

вероисповедания. В то же время в интересах религиозных организаций Закон наложил руку на судьбу атеистических взглядов и людей, являющихся их носителями, хотя к религиозным организациям они никакого отношения не имеют. А их интересы были грубо попорны. Обсуждения заранее обнародованного проекта Закона в прессе фактически не было. А если и были некоторые публикации, то религиозных представителей или их сторонников. Мнения атеистов не публиковались, и при окончательном изложении Закона они также были проигнорированы. Таким образом, значительная часть граждан страны законодательно была поставлена в неравное положение лишь потому, что они имеют нерелигиозное мировоззрение. Обратный процесс движения от свободы совести к свободе вероисповедания, начавшийся в то время, был предвестником буржуазных перемен. Но, похоже, на этом процесс не остановился. Об этом свидетельствует активное возбуждение идеи о национальных традициях и духовности, сводимых к православию.

3. От свободы вероисповедания к православию как «единственной основе духовности»

Благоприятное отношение к религии в обществе во многом поддерживается изначально неправильным тезисом о том, что только религия несет людям духовность, что она была чуть ли не единственной хранительницей нравственности. Но духовность – это более широкое понятие, связанное с духовной жизнью общества, складывающейся из различных форм общественного сознания. Когда же речь заходит о нравственном потенциале религии, умалчивается, что мораль как форма общественного сознания имела самостоятельное развитие в истории. Но различные религии не могли не вобрать в себя простых норм нравственности; не могли они и не оказать на них своего специфического влияния. Постоянно одна и та же нравственная проповедь, независимая от исторических и социальных условий, от того к кому она обращена, является нравственным идеализмом, не только не эффективным, но и опасным с точки зрения этики: «Педантичная, недиалектическая приверженность идеалу как абсолютному добру чревата либо (а) ненавистью к реальной жизни, в которой более или менее относительное добро присутствует наравне со злом, и уходом (эскапизмом) из активной жизни, которую не удастся втиснуть в рамки «бескомпромиссно» понятого идеала, либо (б) нигилизмом в отношении самой морали: мол, если жизнь безнравственна, значит, нет в нравственности правды»¹².

На этом фоне на просторах СНГ активизируются религиозные деятели разных конфессий и рангов. Ко многим из них в обществе складывается негативное отношение, но тем не менее их количество растет, и у них есть свои последователи. Недовольство их деятельностью в обществе находит отражение и на уровне государственных организаций. Но чаще это недовольство направляется в русло защиты интересов православия. Хотя здесь и удивляет отсутствие всяких препятствий в открытии новых организаций, наряду с официальной же критикой этого факта, сопровождаемой сожалением по поводу падающей роли православия как якобы единственной организации, способной что-то противопоставить пропаганде новых миссионеров. При таком чисто идеологическом, а отнюдь не культурологическом подходе к духовной жизни сограждан, в ней не оказывается альтернативы религии. Хотя и о новых религиозных организациях высказывания негативные, а о традиционных конфессиях – только позитивные.

Так, 5 лет назад Г.А. Михайлов, начальник отдела по

взаимодействию с конфессиями и общественными организациями, ответственный секретарь Комиссии по вопросам религиозных организаций при Правительстве РФ, писал: «Негативно воспринимаются большинством российских граждан, не отделяющих себя от одной из исторических конфессий, религиозные течения, появившиеся в России в 90-х годах. Вероисповедная специфика страны такова, что новые религии могут завоевать свое пространство, лишь потеснив традиционные конфессии. Участие иностранных миссионеров в религиозной жизни страны в соответствии с действующим законом не может рассматриваться как правовое нарушение. Тем не менее очевидно, что их деятельность преследует определенные, далеко не всегда в интересах России, цели»¹³. Понятно, что иностранные миссионеры через религиозные проповеди могут пропагандировать и какие-то нерелигиозные идеи, в социальном плане вредные для граждан страны. Но почему распространением тех или иных нерелигиозных идей полезно заниматься православной церкви? Ведь это тоже социальный институт, который может иметь собственные интересы, отличные от интересов всего общества или каких-либо его социальных слоев. Почему она вообще должна выполнять нерелигиозные социальные функции, которые ей сейчас чаще всего ставят в заслугу, но через которые она на самом деле не решает никаких проблем, а лишь сеет иллюзии, что таким способом можно улучшить жизнь общества? Но такие вопросы, как правило, не только не ставятся, а наоборот, можно слышать славословия по поводу внекультурной деятельности церкви: «Масштабы и формы деятельности религиозных организаций сегодня коренным образом отличаются от тех времен, когда они занимались только культовой практикой. Последние годы они далеко шагнули за пределы церковной ограды и ведут активную, в соответствии со своим предназначением, духовно-нравственную работу, занимаются благотворительностью, помощью социально не защищенным слоям населения, опекают и поддерживают материально тысячи государственных социальных заведений, создают аналогичные социальные службы, вносят значимый вклад в борьбу с бездуховностью, пьянством, наркоманией, преступностью, содействуют решению межнациональных проблем, мирному урегулированию вооруженных конфликтов»¹⁵.

На первый взгляд, все хорошо. Но возникают вопросы: почему церковь берет на себя функции, которые не половинчато, не частично, а в комплексе и более полноценно может решать только государство? На какие средства она это делает? В последнее время все чаще можно слышать о водочном и табачном бизнесе православной церкви, других видах предпринимательской деятельности, не делающих ей чести как организации, претендующей на роль нравственного воспитателя. Г.А. Михайлов в той же статье приводит данные о том, сколько средств потратило государство на церковь, которая отделена от него, в то время как она, не занимаясь собственными нуждами, зарабатывая себе авторитет, подменяет функции государства по отношению к социальному состоянию граждан, выдавая им фактически разовую помощь под видом благотворительности, создавая иллюзию, что так можно решить проблемы общества: «Государство по мере сил помогает религиозным организациям. По далеко не полным данным, субъекты Российской Федерации в 1996 году выделили около 200 млрд. руб. на реставрацию памятников культового зодчества, только Москва направила на эти цели 80 млрд. руб. Для религиозных организаций разработана щадящая налоговая политика, они получают значительные таможенные льготы. Религиозным организациям оказывают ощутимое материаль-

ное содействие спонсоры, благотворители. Многие религиозные организации вынуждены заниматься разносторонней хозяйственной деятельностью, от которой также получают известные доходы. Однако на уровне федерального центра пока отсутствуют решения, предусматривающие целевые средства из госбюджета на восстановление возвращенных культовых зданий»¹⁵. Вот такая круговая благотворительность получается. И при этом взаимное славословие: « За что же, не боясь греха, кукушка хвалит петуха». Если во все это вдуматься, то в результате всех этих сравнений в деятельности различных конфессий можно сделать «кошунственный» и «непатриотичный» (с официальной точки зрения) вывод по поговорке «Хрен редьки не слаще». Но такой вывод напрашивается.

Православная церковь утверждает свои далеко идущие планы разными способами: с одной стороны, активным сотрудничеством с государством (законодательную базу она себе уже обеспечила, постоянные контакты с государственными структурами и президентом), которое даже для непосвященных людей выглядит как клерикальное слияние государства и православной церкви; с другой стороны, иногда эти взаимоотношения кое-кто пытается представить в состоянии противостояния: «на смену русскому православному и советскому коммунистическому универсализму приходит российский либеральный глобализм, который, однако, не рассматривает Россию как самостоятельный центр в мире, а включает ее в орбиту западной иудео-христианской цивилизации. Церковь официально объявляет о своем праве отказать государству в повиновении, если оно будет «принуждать православных верующих к отступлению от Христа и Его Церкви, а также греховным, душевредным деяниям». Государство, пытающееся создать либеральное общество в России, в случае его полной «автономии от Бога» не будет являться для церкви большой ценностью, и ради сохранения верности Богу Московский Патриархат может отказать государству в своей поддержке»¹⁶. Вот такие «грозовые речи» о государстве, в то время как оно стремительно становится клерикальным, и о возможных «греховных деяниях» при том, что Московская Патриархия не восстает против пропаганды порнографии, культа насилия и прочих пороков нашей действительности, постоянно присутствующих не только в жизни, но и, например, в СМИ. Много конкретных случаев, когда слова ее осуждения конкретных пороков не помешали бы обществу, но они не звучат. Да это и не случайно, так как даже церкви бесполезно выступать против СМИ, формирующих такую своеобразную, но вполне официальную идеологию. Ведь в качестве идеологии могут выступать не только какие-либо теории, но и любая организованная пропаганда. Лишь бы сознание общества было чем-нибудь наполнено и не мешало сильным мира сего достигать своих целей. Именно поэтому даже Святейший Патриарх со Священным Синодом не смогли остановить демонстрацию антиправославного фильма «Второе пришествие Христа»¹⁷, хотя в этом и были кровно заинтересованы. Но такие небольшие «проколы» не мешают православной церкви продолжать проводить клерикальную политику, а при умелой их интерпретации даже помогают.

4. Научное мировоззрение и религиозное воспитание – две взаимоисключающие альтернативы в системе светского образования

В изменившихся социальных условиях, как это всегда было в истории, изменения произошли и в общественном сознании. В наше время мозаичное сознание людей наполнено пестрыми знаниями о политической, ре-

лигиозной, обыденной жизни, эклектически объединяющими религию, науку, суеверия, магию, астрологию, политические и социальные мифы. Утрачиваются ценности и идеалы, созданные или развившиеся и утвердившиеся в социалистическом обществе, а многим молодым людям они либо не знакомы, либо преподнесены так, что они их не могут воспринимать серьезно. Добрались реформаторы и до образования. Возникают новые концепции образования и воспитания. Прежние педагогические и воспитательные концепции противоречат утверждающемуся на государственном уровне идеалу потребительской морали. В то же время новые идеологи и педагоги озабочены отсутствием концепций, способных привести к консолидации различных слоев общества. Общая ориентация при этом, естественно, делается на гуманизм, на развитие личности. Но в условиях плюрализма мнений представления и о гуманизме, и о сущности формируемого мировоззрения довольно пестры: от религиозных, идеалистических, утопических до материалистических, научных.

Материалистическая традиция целенаправленно вытесняется из сознания людей. Сейчас кое-кому хотелось бы предать забвению традиции свободомыслия, получившие развитие в философии марксизма. И хотя доводы апологетов религии неубедительны в их абстрактности, натиск их достаточно велик и уже оказал влияние на многих специалистов, причастных к образованию и науке.

Этой теме посвящают свои статьи педагоги, писатели, те, кто ответственен за содержание образования в стране. Например, президент Российской академии образования Н.Д. Никандров в статье «Религия и воспитание в школах России» говорит о религиозном воспитании как о деле решенном и не вызывающем сомнения в смысле его целесообразности: «Сейчас уже не надо объяснять, что церковь является мощным институтом воспитания, институтом, который по некоторым оценкам, пользуется большим доверием, чем все другие. Значит надо использовать для воспитания потенциал церкви и религии»¹⁸. Вот и все доказательства. Сомнения у читателя могут возникнуть насчет законности такого воспитания, когда существует конституционное положение о свободе совести, и автор пытается предвидеть их и развеять. При этом сначала религиозное образование он связывает со свободным выбором, предполагающим владение информацией: «Так же, как школа должна готовить к осознанному выбору профессий, она должна готовить к осознанному выбору в отношении религии, значит, должна информировать о вере, религии, соответствующих правах и обязанностях людей»¹⁹. Но обучением дело не кончается. Далее речь идет о религиозном воспитании, которое «предполагает ответственность воспитателя за тот выбор, который сделает ученик, хотя выбор этот все же должен быть свободным»²⁰. Объяснение довольно лукавое, так как не понятна суть и мера ответственности учителя за «свободный» выбор ученика. Хотя последующие ответы на вопросы – кому, чему и как учить, кое-что проясняют: «По-видимому, никто не будет спорить с тем, что идеальный учитель православия (вот уже и свободный выбор сделан! – А.К.) в школе – это священник. Но священников не хватает, во всяком случае, их, безусловно, не хватает для всех общеобразовательных школ, если удастся – как хотелось бы надеяться – положительно решить вопрос об изучении религии в школах. И допустимым вариантом было бы ведение этого предмета верующим учителем любого предмета, который хотя бы путем самообразования получил достаточные знания в данной предметной области. Плюс к этому – пусть эпизодические беседы священника»²¹. Итак, сомнений не остается,

что речь идет точно не о религиоведении: «Я бы не пугался названия предмета «Закон Божий». В свое время мудрый философ сказал, что Бог один; просто каждый народ говорит с ним на своем языке. Изучение Закона Божьего можно построить и так, что даже представители различных религий в одном классе будут мирно сосуществовать на уроках»²². К сожалению, в этой статье столь солидного автора, по роду своей должности несущего ответственность за судьбы образования в России, мы ничего не найдем о науке, даже в пояснении, что он понимает под образованием: «Для меня образование включает воспитание (т.е. приобщение к ценностям), обучение (приобщение к нормам деятельности) и развитие (приращение способностей)»²³. И хотя сам он отмечает, что лишь более 40% россиян считают себя верующими, а значит, большинство населения страны имеет другой мировоззренческий выбор, — это не останавливает воплощения в жизнь религиозного воспитания. Учителям с научным, материалистическим мировоззрением в этих планах места не отводится тоже. А их ценности попросту отброшены, о них даже не вспоминают. Игнорируется вся система знаний, наработанных долгим развитием научной педагогики. О какой свободе и законности здесь может идти речь! Да, по законодательству православная церковь еще не стала государственной, но она уже правит бал в образовании России и имеет далеко идущие планы.

Проникновение религии в государственные учебные заведения уже происходит и в Украине. Создается и соответствующая учебная литература и несмотря на ее явно религиозное, а не научное содержание, она получает одобрение Министерства образования и науки Украины. Примером такой практики стала работа факультета философии и религиоведения ДонГИИИ и учебник «Основы христианства. Путь к истине», автор которого профессор, доктор технических наук и доктор богословия Шевченко А.И. во вступлении «особую благодарность выражает Творцу за Любовь, Откровение и благоприятные условия для создания книги»²⁴.

И не случайно президент Украины Л. Кучма ведет речь о духовно-моральных ценностях в Указе «Про невідкладні заходи щодо остаточного подолання негативних наслідків тоталітарної політики колишнього Союзу РСР стосовно релігії та відновлення порушених прав церков і релігійних організацій» (21 марта 2002 г.). Так как те вопросы, о которых идет речь в 1-ом и 4-ом пунктах Указа уже были решены в Законе «О свободе совести и религиозных организациях» в 1991 году, то становится очевидным, что Указ издан ради пункта 2 и одного из средств его обеспечения, рассматриваемого в пункте 3: «2. Міністерству освіти і науки України, Державному комітету України у справах релігій разом з Академією педагогічних наук України за участю церков і релігійних організацій розробити пропозиції щодо впровадження духовно-моральних цінностей у навчально-виховний процес та подати їх у встановленому порядку на розгляд Кабінету Міністрів України»²⁵. В Указе фактически имеется в виду установка на то, что государственные и религиозные организации должны договориться о внедрении религии в образовательный процесс в обход конституционного положения о свободе совести. А средства информации должны подготовить к этому (п. 3). И все это, якобы, с целью «створення сприятливих умов для утвердження принципів свободи совісті та віросповідної рівності»²⁶. Это уже вдохновило некоторых представителей религиозных организаций на разработку соответствующих предложений для дальнейшего внедрения религии в систему светского образования. Указ создал условия для обхода положения о сво-

боды совести в вопросе об отделении школы от церкви и церкви от государства. Одновременно создается законодательная база для клерикализации государства.

Человек в капиталистическом обществе в условиях отчуждения не может найти своего смысла жизни (если он не участвует в борьбе пролетариата за свое освобождение), как в рамках общества, так и в собственной жизни на земле. От него отчуждаются не только продукты его труда, но и собственная сущность. Поэтому буржуазные философы заняты поиском какого-то глубинного, сокровенного «Я» человека в нем самом или в его бессознательном или даже в коллективном бессознательном. Теологи и церковники призывают человека вернуться к богу, в лоно религии. Но они уже не могут переступить через реалии научно-технического прогресса, приведшего к необходимости приобщения к научным знаниям больших масс людей. При социализме НТР все больше рационализировала стиль и методы мышления в массовом сознании, что также освобождало его от установок на религиозный поиск чуда и, наоборот, сформировало установку на обращение к науке в любых вопросах. Жизнь общества все больше интеллектуализировалась.

Изменившиеся социальные условия в нашем обществе, сопровождавшиеся разрушением экономики, появлением безработицы и прочих негативных явлений, привели к существенным изменениям в общественном сознании. Появилось много людей, нуждающихся в утешении, психологической помощи, а вместе с тем открылся простор для воплощения одной из главных функций религии — иллюзорно-компенсаторной, компенсирующей верующим людям слабость общества, в котором они оказались не в состоянии самостоятельно справиться со своими проблемами. Но для того, чтобы человек обратился за подобной «помощью» к церкви, нужны соответствующие взгляды, сформировать которые у людей, еще доверяющих науке, сложнее, чем в прошлые времена. Несмотря на то, что в этом «помогают» объективные факторы снижения престижа науки (падение производства как главного заказчика на научные исследования, а следовательно, низкое ее финансирование), все же при серьезных проблемах люди привыкли обращаться, прежде всего, к специалистам в соответствующей области знания. Даже те, кто признает значительную роль религии в духовной культуре, в повседневной жизни, как правило, ищут реальные выходы из возникающих проблемных ситуаций.

Поэтому апологеты религии, с одной стороны, пытаются внедрить в общественное сознание мысль о том, что религия и наука гармонично друг друга дополняют; с другой стороны, несмотря на конституционное положение о свободе совести, провозглашающее отделение школы от церкви, всеми правдами и неправдами стремятся внедриться в сферу образования на всех его уровнях. Церковные деятели неустанно выдвигают все новые и новые инициативы для расширения своих прав. Вот только некоторые из них: «усилить взаимодействие светской и религиозной науки. Между светской и религиозной наукой ныне нет идеологических барьеров, так что членство церковных ученых в РАН вполне допустимо»; «организация телепаломничества»; «межинституциональное сотрудничество Церкви и государства в области культуры» в виде «государственно-церковных комитетов и комиссий, как временных, так и постоянных. Среди них: Комитет по культурному достоянию и собственности, Комиссия по репрофилированию объектов культуры и реституции, Объединенный педагогический комитет, Объединенная комиссия законодательных предположений, Комиссия по упорядочению туризма в религиозные центры и

т.д.», государственно-церковных фондов, совместных научных экспедиций и экспериментов, совместных социальных проектов, объединенных акций и фестивалей и т.д.²⁷

В процессе воспитания и образования формируется, прежде всего, личность человека, целостность присущих ей интеллектуальных, социально-культурных и морально-волевых качеств. Неправомерно говорить о сущности человека, о его возможностях, о смысле его жизни, о его творчестве, не обращаясь к конкретным условиям его жизни в конкретном обществе. Уже с детских лет ребенка обучают и воспитывают, и психологи доказали, что успех этой деятельности зависит от того, какие при этом сформируются у ребенка мотивы и смыслы. «Речь должна идти о задачах воспитания мотивов учения в связи с развитием жизни, с развитием содержания действительных жизненных отношений ребенка; только при этом условии выдвигаемые задачи будут достаточно конкретны и, главное, реальны»²⁸. В процессе воспитания происходит формирование личности. Какой личности? Э.В. Ильенков писал: «Подлинную же высокую и непреходящую радость людям приносит личность, олицетворяющая силы прогресса, ибо смысл его как раз и состоит в расширении сферы творческой деятельности каждого человека, а не в сохранении ее границ в пределах привилегии немногих «избранных». Его смысл – в превращении каждого живого человека в личность, в активного деятеля, интересного и важного для других, для всех, а не только для самого себя и ближайших родственников»²⁹. Такой личности есть дело до всего, что происходит в обществе. Она уже не сможет жить только узкоэгоистическими интересами. Такие личности были в обществе всегда, но не всякая система образования рассчитана именно на такое воспитание. Это зависит от характера производственных отношений, от интересов господствующих в них сил.

Пока в обществе проповедают идею развития духовности через религию, подлинная духовность обесценивается различными способами: не считается духовностью, соединяется с религией, религия ставится выше других элементов культуры, просто их вытесняет. Изменилось соотношение разных наук в школьной программе (например, уменьшилось количество часов на математические и естественнонаучные дисциплины). В результате утрачивается систематичность изложения, связь и преемственность между предметами. Мировоззрение школьников не формируется цельным, поэтому они становятся склонными к любым мнениям, не могут отличить истинных знаний от ложных, не уверены в том, что истинные знания вообще возможны. Во многом это связано с изменениями и в педагогике, что сказывается на подготовке и мировоззрении преподавательских кадров. Из педагогики уходит самый главный ее принцип – принцип научности.

В условиях обострения глобальных проблем современности и многих открытых вопросов в жизни нашего общества преподаватели-обществоведы несут особую ответственность за то, какое мировоззрение они формируют у молодежи. Они лучше знакомы с богатством философских, научных, художественных, литературных и других светских традиций и должны предостеречь молодежь от поиска панацеи от всех бед и объединяющей идеи в религии.

5. Отношение к религии, церкви и верующим: три разных отношения.

При благоприятном отношении в обществе к религии особенно важным становится формирование правильного ее понимания.

Слово религия происходит от лат. religio, что означает набожность, святыню, предмет культа. Но одно лишь

значение слова, как и в случае со словом атеизм, не дает нам понимания сущности явления, которое обозначено этим словом. Религия является одновременно социальным явлением, формой общественного сознания и историческим типом мировоззрения. Особенность религии как социального явления в том, что в ней отражаются силы, господствующие над людьми в их повседневной жизни, что в разные исторические эпохи она играла разную роль в обществе и в культуре, что существуют определенные причины ее возникновения и воспроизводства и т.д. Ее особенность как формы общественного сознания в том, что действительность в ней отражается преимущественно иллюзорно, фантастически. Общество, заинтересованное в объективных знаниях о мире, должно бороться с религией, но, как говорил В.И. Ленин, только идейными средствами: «Мы требуем полного отделения церкви от государства, чтобы бороться с религиозным туманом чисто идейным и только идейным оружием, нашей прессой, нашим словом»³⁰. Не может быть религий лучше или хуже. Религиозное мировоззрение, любая религия связаны с фантастическим, иллюзорным отражением действительности в сознании верующих, где высшей ценностью является бог, и все другие ценности связаны с религиозными понятиями. Для того же, чтобы изменить к лучшему реальную земную жизнь, нужны не иллюзорные представления и ценности, а реальные, подлинные. Поэтому с самой религией как формой общественного сознания и как с историческим типом мировоззрения компромиссов быть не может. Поддерживать религию – значит помогать произвольному самообману верующих и стимулировать переход к этому еще неверующих и колеблющихся.

Чтобы большинство людей поверило в собственные неограниченные возможности в создании благоприятных условий своего существования, необходимо аргументированное раскрытие несостоятельности мнимых ценностей религии и вреда нравственного идеализма, а также борьба за изменение социальных условий жизни большинства людей в обществе. Шаг за шагом необходимо показывать сущность религии, противоречия между религиозной и научной картиной мира, раскрывая несостоятельность религиозных положений о мире, о нравственности, о сущности истории, общества и человека. И если уж мы так много говорим о сохранении традиций, то не будем забывать, что они могут быть прогрессивными и реакционными. Советский Союз стал сильным, развитым государством благодаря не религии, а творческой светской духовности, выразившей себя в развитии всех сфер духовной жизни: в нравственности народа, его патриотизме, в развитии науки, литературы, искусства. В жизни советского общества было много ярких духовных событий, о которых помнят и которые не удаётся очертить даже самым виртуозным мастерам этого дела. Сейчас же, когда на религию делается такая большая ставка в надежде на ее помощь в улучшении нравственного состояния изменившего свой строй общества, обнаруживается «парадокс, заключающийся в том, что такие страны, как Украина и Россия, где, по данным разных социологических мониторингов, верующими себя считают 50-70% населения, захлестнула волна организованной преступности, насилия, самоубийств.»³¹

Верующие люди – это носители религиозного сознания в силу определенных жизненных обстоятельств или воспитания. В ноябре 1918 года на I Всероссийском съезде работниц В.И. Ленин говорил о недопустимости оскорбления религиозного чувства верующих: «Самый глубокий источник религиозных предрассудков – это нищета и темнота; с этим злом и должны мы бороться»³². В

строительстве новой жизни участвовали и неверующие, и верующие. Они взаимно воздействовали друг на друга, так как их связывали большие общие цели по борьбе с контрреволюцией, по восстановлению экономики страны, по выработке более эффективных методов участия во всевозможных преобразованиях. В таких объективных условиях вопрос о принадлежности или не принадлежности к какой-либо религии сам собой отступал на второй план. Уже в первые годы строительства социализма на деле подтвердились слова В.И. Ленина: «Единство этой действительной революционной борьбы за создание рая на земле важнее для нас, чем единство мнений пролетариев о рае на небе»³³. К секуляризации и атеизации советского общества вели, с одной стороны, успешное его развитие, с другой – эффективная организация системы образования и воспитания, основывающейся на научных достижениях педагогики, психологии, философии и других наук, на развитии науки в целом; политического просвещения, культурной деятельности и т.д.

6. Коммунисты и верующие – это одно. Коммунисты и церковь – это другое.

Никакое общественно-политическое движение, а тем более партия не может обойтись без четкого определения своей позиции по отношению к любым общественно значимым социальным институтам, особенно если деятельность последних затрагивает большие массы людей и связана с влиянием на их мировоззрение.

Одним из таких социальных институтов является церковь. В условиях благоприятного отношения к религии в обществе и ширящемся влиянии церкви та или иная оценка этого явления в идеологии и деятельности партий, движений и их лидеров может свидетельствовать о степени прогрессивности той или иной идеологии и о возможностях ее носителей влиять на то или иное направление общественного развития.

Практика последних лет показала, что лидеры левых партий, в том числе и коммунистических, и в Украине, и в России, рассчитывают на сотрудничество не только с верующими, но и с церковью, причем преимущественно только с православной. Правильно ли это?

Год назад в России в периодической печати возникла дискуссия на эту тему. Называющий себя коммунистом В. Зоркальцев отождествляет традиции народа исключительно с религией. В его пространной публикации «КПРФ и религия» масса натяжек, противоречащих исторической правде, содержание же ее сводится к следующему: «Сейчас в бедствующей России политика, в полной мере учитывающая человеческий фактор, должна тесно соприкасаться с религией, в то же время религия, представляя миллионы граждан, защищая их духовные и материальные потребности, сама врывается в политику. Поэтому и лидер партии коммунистов должен учитывать эти жизненные реалии. Пусть в нашей партии будет больше людей, одухотворенных верой в светлые идеи, в братство между народами, в высшую Справедливость, которая исторически порождена религиозным чувством и неотделима от сегодняшнего существования традиционных религиозных конфессий»³⁴. Мы видим, как коммунист активно расхваливает православную церковь, хотя церковь этого по отношению к коммунистам никогда не делала и не делает, а, наоборот, хотела бы их везде заменить, и прежде всего в образовании, обвиняя при этом коммунистов и советский период в бездуховности. Так что, несмотря на старания некоторых так называемых коммунистов, взаимной любви с церковью не получается. И это неудивительно.

Произошла путаница. Коммунисты не имеют права ее не видеть. В интервью о своей первой встрече с Патриархом Алексием II лидер КПУ П.Н. Симоненко, в частности, сказал: «У меня сложилось впечатление, что я беседовал с глубоким, мудрым человеком, который понимает, как важно сегодня защитить исторические духовные ценности наших народов»³⁵. Но, если подумать, то на «исторические духовные ценности народа» никто и не нападает. Просто новые политические силы делают свое дело. В этом религия им не помеха, если речь идет о православных ценностях. Ведь защиту этих же самых ценностей провозглашают в Украине и УПЦ- КП, и УАПЦ, но в том-то и суть, что дело здесь не в православном вероучении, основа которого у всех православных одна (поэтому и не понимают рядовые верующие, почему произошел раскол и как им теперь быть, часто не знают, в какую православную церковь они теперь ходят), а в политической подмене открытой борьбы против марксистского мировоззрения видимостью борьбы за «исторические духовные ценности», в которой, в случае чего, могут возникнуть непонятные, на первый взгляд, «союз» и «взаимопонимание» коммунистов и православной церкви, уже нашедшей свою «нишу», приносящую существенные доходы в становящемся капиталистическим государстве. Ведь если под «историческими духовными ценностями» понимать православие, то на них как раз никто и не нападает. Представители нового господствующего класса поддерживали и их, и саму православную церковь с самого начала, с перестройки. Если они всегда и были противниками чего-то, так это марксистской идеологии. Именно против нее они направляли концепции деидеологизации, плюрализма мнений, а начала с возрождения религии и с нападков на атеизм. В этом враждебном к марксизму хоре оставалось только дожидаться, чтобы в него вступили и коммунисты. И вот то, о чем так долго говорили «перестройщики» всех мастей, свершилось: к удовольствию церкви Компартия Украины принесла православным христианам, верующим других конфессий Украины извинение «за страдания и невзгоды, выпавшие на их долю в годину социальных катаклизмов. Мы осуждает имевшие место в прошлом необоснованные политические репрессии против духовенства, ограничение конституционных прав и свобод верующих, разрушение святынь и храмов»³⁶. Представители православной церкви приняли это с удовлетворением и уже используют как подтверждение их «правоты» в отношении «воинствующего атеизма». Не меньше согреют их душу и такие слова: «В Ватикане прекрасно понимают, что бывшие советские республики – Беларусь, Россию, Украину – населяют преимущественно православные, причем даже атеисты здесь являются, по существу, невероисповедными православными: не посещая церковь, они ментально привержены православным идеалам, воспитаны на основе православной традиции (когда? В советское время, которое стало принято называть «безбожным»? – А.К.). Они самым тесным образом связаны с той культурой, в основе которой лежит именно православное мировоззрение. Вот на этих людей Ватикан и собираются распространить свое духовное влияние. Поэтому борьба за души вчерашних атеистов и против православия – вот главное содержание политики Ватикана на Востоке»³⁷. Отнести атеистов к «внеисповедным православным», ментально приверженным православным идеалам, так же абсурдно, как сказать, что борясь за свое освобождение, народ ментально привязан к рабству.

П.Н. Симоненко с оптимизмом говорит о позиции РПЦ в принятой в августе 2000 г. на Архиерейском Собо-

ре в Москве с участием украинских епископов социальной доктрине «Основы социальной концепции Русской Православной церкви», так как в ней, в частности, зафиксировано положение о том, что если государство побуждает своих граждан к свершению греха, то церковь может призвать их к неповиновению власти. Он пишет: «Мы, коммунисты, разделяем эту точку зрения. Ведь нынешняя украинская власть с церковной точки зрения сама по себе является греховной, поскольку проводит антинародную политику, способствует обогащению горстки капиталистов и чиновников за счет трудящихся»³⁸. Но нельзя не видеть, что эта концепция расходится с реальной практикой православной церкви. Мы еще ни разу не услышали ни до, ни после новой «социальной концепции» призывов к неповиновению или просто осуждения проводимой властями политики ни в Украине, ни в России. Тогда как оппозиционные светские политики время от времени это делают. Церковь же, наоборот, очень даже любезна со всеми президентами. Или мы еще не дошли до той черты, когда положению дел сможет ужаснуться и церковь?! Но в том то и дело, что она последовательно занимает сторону тех политиков, которые продолжают осуществлять антинародные реформы и имеет от этого немало выгод. Да и как коммунисты могут видеть своего союзника в лице главы православной церкви Алексея II, если он никогда не скрывал своего враждебного отношения к советской власти и к коммунизму?

Перед лицом же глобализации и угрозы духовной экспансии западных конфессий коммунисты должны твердо стоять на марксистских позициях, защищая интересы всех трудящихся, независимо от их отношения к религии. «Глобализму», буржуазному космополитизму марксист должен противопоставлять не какую-либо «Русскую Идею», или «Исламскую Идею», или некую другую «Идею», не этническую, культурную, языковую, геополитическую и тому подобную исключительность, не национализм, а интернационализм»³⁹.

Итак, как показывает история, не церковь является союзником в борьбе коммунистов за уничтожение всякой эксплуатации, а верующие, потому что их политический выбор определяется не принадлежностью к религии, а соотношением своих земных надежд с программой той или иной партии. Так вот о земном с верующими и надо говорить. Поэтому полностью можно согласиться с положением Декларации о позиции Коммунистической партии Украины по отношению к религии и церкви: «Мы убеждены, что у коммунистов и верующих есть много общих забот. Сегодня и те и другие, как и весь трудовой народ Украины, жестоко страдают от антинародных реформ, беззакония, социальной незащищенности. Борьба против несправедливости, нищеты, безработицы, коррупции, преступности и нравственной деградации, борьба против высокопоставленных воров и бандитов, этих «волков в овечьей шкуре» требует единства всех честных, порядочных граждан, истинных патриотов нашей Родины»⁴⁰.

Нынешний президент Российской академии образования, обосновывая необходимость религиозного обучения и воспитания в школах, уверен не только в своей правоте, но и в том, что в обществе никто против этого возражать не будет: «Любой прогноз о развитии образования немыслим без тесной увязки с социальным фоном, с уровнем гуманности в обществе и государственных институтах. Думаю, поступательное движение в развитии религиозной жизни и религиозного образования уже набрало силу. Остановить его теперь вряд ли можно, во всяком случае, мне не известны никакие политические силы, которые были бы в этом заинтересованы»⁴¹. Так, беспечная в важнейшем мировоззренческом вопросе

политика современных компартий попустительствует реакционной тенденции, носящей идеологический характер и постепенно, но с все быстрее нарастающей силой, вытесняющей научность и рациональность из школы. А религия — это духовность несвободного человека.

Если о позиции Первого секретаря КПУ положительно и тепло отзываются идеологические противники идейной платформы КПУ — марксизма, то есть повод задуматься о ее правильности. Исторический и теоретический анализ этой позиции с учетом сложившихся в современной Украине реалий выявляет тенденции, которые не соответствуют целям коммунистических партий и способам их достижений. Главный вопрос здесь: кто может, а кто не может быть союзником компартии в борьбе за ее идеалы? Вопрос этот сложный, важный и принципиальный. Такой вопрос стоял и перед партией большевиков накануне Октябрьской революции. Ленинское теоретическое наследие в его решении не утратило своего значения и в наше время, хотя наше время выдвинуло и много новых проблем. Оно же не оставляет нам и права на ошибку. Ведь мы стали взрослее.

Список литературы

1. Перуанский С. Государственная идеология России XXI века. — М., 2001. — С. 66.
2. Головин С.Л. Мировоззренческая обусловленность научного исследования. // Человек и христианское мировоззрение. Семья, образование и образ жизни. Альманах. Выпуск 6. Симферополь, 2001. — С. 254.
3. Соломонов Ю. При всем уважении к Господу. // Советская культура. 28 июля 1990.
4. Савельев С.Н. Какая дорога вела к хаму. // Социологические исследования, 1990, № 8, С. 69.
5. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, — С. 330.
6. Рязанова Л. Религиозный ренессанс: попытка социологической диагностики. // Социология: теория, методы, маркетинг, 2001, № 4, — С.119.
7. См. об этом: Климова А.В. Антиклерикализм как общественное движение. — К.: Вища школа, 1986.
8. О научном атеизме и атеистическом воспитании. — М.: Политиздат, 1974.
9. См.: Юбилей: 1959-1999 // Наука и религия, 1999, №9,— С.4.
10. См.: Климова А.В. Антиклерикализм как общественное движение. — С. 48.
11. Локк Д. Письмо о веротерпимости. // Локк Д. Философские произведения. М., 1960. — С. 152, 154.
12. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. — М.: Гардарики, 1999. — С. 239-240.
13. Михайлов Г.А. О религиозной ситуации и некоторых проблемах отношений государства и религиозных организаций в Российской Федерации // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень, № 1 (11), 1997. — С. 10-11.
14. Там же, с. 16-17.
15. Там же, с. 16.
16. Петрушин В.В. Об отношении русской Православной церкви к государству в современной России. // Человечество. — Культура. — Общество. Материалы международной конференции, посвященной 60-летию воссоздания философского факультета в структуре МГУ им. М.В. Ломоносова. Том III. М., 2002. — С. 90-91.
17. См.: Ганичев В.Н. Духовно-историческая тема в современной художественной литературе. // Рождественские чтения 99. — М.: Московский Патриархат, 1999. — С. 193.
18. Никандров Н.Д. Религия и воспитание в школах

России. // Гуманитарні науки, 2001, № 2, – С. 127.

19. Там же, С. 131-132.
20. Там же, С. 132-133.
21. Там же, С. 133.
22. Там же, С. 130.
23. Там же.
24. Шевченко А.И. Основы христианства. Путь к истине. – Донецк: ДонГИИИ, 2000. – С. 9.
25. Про невідкладні заходи щодо остаточного подолання негативних наслідків тоталітарної політики колишнього Союзу РСР стосовно релігії та відновлення порушених прав церков і релігійних організацій. Указ президента України// Урядовий Кур'єр, 29 березня 2002. – С. 10.
26. Там же.
27. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – С. 302.
28. Там же.
29. Ильенков Э.В. Что же такое личность? // Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. – С. 414.
30. Ленин В.И. Социализм и религия. // Полн. собр.

соч. Т. 12. – С. 145.

31. Рязанова Л. Религиозный ренессанс: попытка социологической диагностики. // Социология: теория, методы, маркетинг, 2001, № 4, – С.114.
32. Ленин В.И. Речь на I Всероссийском съезде рабочих 19 ноября 1918 г. // Полн. собр. соч. Т. 37. – С. 186.
33. Ленин В.И. Социализм и религия. // Полн. собр. соч. Т. 12. – С. 145.
34. Зоркальцев В. КПРФ и религия. // Правда, 31 октября-1 ноября 2000.
35. Коммунисты и Православие в Украине.–К,2002–С.11.
36. Там же, С. 9.
37. Там же, С. 30.
38. там же, С. 47.
39. Вазюлин В.А. Еще раз о «большом проекте» Г.А. Зюганова (с точки зрения марксиста). // Марксизм и современность, 2002, №3-4, – С. 95.
40. Коммунисты и Православие в Украине. – С. 8.
41. Никандров Н.Д. Религия и воспитание в школах России. // Гуманитарные науки, 2001, №2, – С. 134.

К выходу очередного тома МЭГА

Л.Л. Васина

*МЭГА I/31: Фридрих Энгельс: Сочинения, статьи, наброски. Октябрь 1886 – февраль 1891. Берлин 2002 (Текст и аппарат ок. 1200 с.)**

В ближайшее время должен выйти из печати еще один (53-й по счету) том Первого отдела МЭГА, подготовленный сотрудниками группы МЭГА Берлинско-Бранденбургской академии наук. Новый том охватывает почти пятилетие интенсивной и многоплановой деятельности Фридриха Энгельса после смерти Карла Маркса, когда на плечи Энгельса, наряду с подготовкой к печати незавершенных Марксом рукописей его главного труда – «Капитала», легли основные обязанности по руководству международным рабочим и социалистическим движением. В томе будет опубликовано 67 произведений „зрелого“ Энгельса, созданных им в период с октября 1886 по февраль 1891 гг. В основном это работы, посвященные теоретическим и практическим проблемам марксизма и рабочего движения, статьи, содержащие анализ актуальных политических событий, предисловия к новым изданиям и переводам произведений Маркса и собственных сочинений Энгельса. Подробную характеристику этого периода читатель может найти в предисловиях к 21 и 22 томам второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, в которых было опубликовано, зачастую впервые, большинство произведений Энгельса, вошедших в новый том. Данный факт однако ни в коей мере не умаляет значения 31 тома МЭГА. Многие тексты публикуются впервые на языке оригинала, зачастую в уточненной расшифровке, некоторые работы, например широко известная незавершенная рукопись Энгельса «Роль насилия в истории», даются в комплекте с публикуемыми подготовительными материалами к ним.

Впервые в томе опубликованы восемь работ, в создании которых, как свидетельствуют оригиналы рукопи-

сей, положенные в основу публикации, Энгельс принимал активное участие. К их числу относятся брошюра германского социал-демократа Германа Шлютера «Чартистское движение в Англии», две работы Карла Каутского: биографический очерк «Фридрих Энгельс» и брошюра «Классовые противоречия в 1789 г.» и др. В качестве приложения в томе опубликованы фрагмент речи Энгельса на могиле Елены Демут, его набросок портрета Фридриха-Вильгельма IV, и предположительно принадлежащий перу Энгельса перевод выдержек из стихов известного английского поэта-романтика П.Б. Шелли.

Подготовитель этого тома МЭГА д-р исторических наук Рената Меркель-Мелис внесла большой вклад в современное марксоведение своими обстоятельными исследованиями истории возникновения каждого публикуемого текста. Была уточнена датировка 43 текстов Энгельса. Научно-справочный аппарат тома вводит в научный оборот большое количество новых источников и современных исследований, к сожалению, малодоступных, а то и вообще неизвестных, русскоязычному читателю.

Karl Marx / Friedrich Engels: Gesamtausgabe (MEGA). Herausgegeben von der Internationalen Marx-Engels-Stiftung. Erste Abteilung: Werke • Artikel • Entwürfe. Band 31: Friedrich Engels: Werke, Artikel, Entwürfe. Oktober 1886 bis Februar 1891. Bearbeitet von Renate Merkel-Melis. Akademie-Verlag, Berlin 2002. Ca. 1200 S. – 22 Abbildungen. 2 Bde. ISBN 3-05-003482-3. ca. Euro 168,-.

По вопросу приобретения томов МЭГА обращаться в издательство «Академия» по адресу:

Akademie Verlag GmbH
Oldenbourg Verlagsgruppe
Verkauf und Marketingabteilung:
Rosenheimer Strabe 145
D-81671 Munchen
Fax: #49-89-45051-333
Tel.: #49-89-45051-248
e-mail: www.akademie-verlag.de

* В данной заметке использованы материалы, предоставленные группой МЭГА Берлинско-Бранденбургской академии наук.

Антиимпериализм или «антиглобализм»? (Размышления над колыбелью еще одного движения российской левой)*

Антон Баумгартен **

Начну с того, что я разделяю мнение Карин Клеман и Олега Шеина (от которых мы получили письма протеста), высказанное в их совместной статье «Антиглобалистское движение и его перспективы в России» [Лефт.ру 31 (44)], о том, что «антиглобалистское» движение в России может стать школой политического просвещения и мобилизации, что оно могло бы стать одним из емких направлений общедемократической борьбы и вовлечь в нее самые разнородные социальные слои и группы. На мой взгляд, только общедемократическая стратегия антикапиталистической борьбы может иметь шансы на успех в России. По крайней мере, в обозримый период. Поэтому я с большим интересом ждал организационных выводов, следующих из их статьи, пусть и не разделяя ряд высказанных в ней мнений о природе того, что они называют «глобализмом», и считая, что это модное словцо скорее затушевывает, чем проясняет суть дела. Но когда эти выводы были сделаны, и мы получили информацию об организационных мероприятиях 9–10 ноября и текст «Декларации» новообразованного движения «Мир – не товар!» (повсюду в тексте – МНТ), – первое, что мне бросилось в глаза, это кричащее противоречие между заявленными целями и характером этого общедемократического, т.е. массового движения, с одной стороны, и составом его организаторов – с другой. Сразу отмечу, что этот состав был более узким даже по сравнению с не слишком представительным составом российской группы, чья поездка в Генуэю была обязана инициативе и финансированию французской «антиглобалистской» организации АТТАК.

И, действительно, прочитав короткий список действующих лиц, круг людей и организаций, собранных или собравшихся учредить и возглавить российский «антиглобализм», нельзя не задать вопроса, представляют ли они те социальные слои и группы, которые предстоит мобилизовать в рамках такого движения, ради которых и стоило заваривать кашу? Более того, отражает ли этот состав демократический характер движения и его задач, провозглашаемый организаторами? Очевидно, что нет. И это должно быть ясно даже человеку, не знакомому с нашей левой политической кухней. Сектантская и в то же время межеумочная природа новой организации проявляется как в составе ее организаторов, так и в содержании ее декларации. Почему среди них не оказалось представителей боевой московской организации КПРФ, которая прошлой весной на Манежной выставила две тысячи членов для протестов против принятия антирабо-

чего КЗоТа, в то время как даже никому не известные «новые левые», которые не представляют никого, кроме лишь «не того» Абрамовича, – и те оказались «на трибуне»! Почему мы не находим среди организаторов российского антиглобализма активистов объединенной РКРП-РПК? А ведь их представители составляли значительную и активнейшую часть российской группы в Генуе. И совсем недавно молодежь этой партии организовала, по сути дела, первую в России акцию по образцу западного «антиглобализма», в которой, кстати, на равных с ними участвовали и представители левых групп, далеко не дружелюбно настроенных к РКРП-РПК. Так кто же и почему отстранил их сейчас от этого, казалось бы, общедемократического по замыслу движения?

Сделаю предположение, что сектантский, а значит и мертворожденный, характер нашего «антиглобализма» был обусловлен соображениями политической корректности, т.е., попросту говоря, оглядкой на западных марь алексеен. Не секрет, что незадолго до рождения МНТ руководство АТТАК, его родительской организации, подверглось истеричным нападкам печально известной лондонской организации «Международная солидарность с рабочими России» (ISWoR), которая в 2000 году организовала европейскую поездку Олега Шеина. Троцкистское руководство ISWoR, тесно связанное с левым крылом британского империализма и сионизмом, грозило развязать международную кампанию протеста (весьма реальная угроза, учитывая их связи с империализмом) против АТТАК за допущение в число российской делегации членов «фашистской РКРП» (такой ярлык навешивают на партию «левые» антисталинисты). Само собой разумеется, что организаторы российского «антиглобализма», все как один принадлежащие к «антисталинской» левой и не имеющие серьезной социальной базы в стране, не могли остаться равнодушны к таким угрозам и приняли их во внимание. Но какое отношение все это имеет к нуждам трудящихся нашей страны? Неужели мнение имперских марь алексеен для нас важнее фундаментальных интересов нашего народа? И ведь речь идет не о том, чтобы урвать кусок пожирнее у других народов мира. Речь идет о защите от империалистических вампиров. Речь идет о физическом выживании десятков миллионов наших соотечественников, о том, быть или не быть будущим поколениям россиян, которых ведь не спасут ни лондонские марьи алексеены, ни все АТТАКи мира, ни даже «международный рабочий класс», а только их собственная мобилизация.

Ошибусь ли, сказав, что из всех объявленных организаторов этого движения только депутат Олег Шеин имеет реальную политическую силу и массовую поддержку, пусть только локального, областного масштаба? Впрочем теперь и новорожденной общероссийской Партии труда, но на что она способна – покажет только время.

Разумен ли, лоялен ли к интересам трудящихся такой выбор? В каком политическом учебнике он обосно-

* Данная статья представляет собой переработанную версию первой из двух моих статей, опубликованных в интернет-еженедельнике Лефт.ру в рамках моей полемики с организаторами российского «антиглобализма» Карин Клеман и Олегом Шеиным по случаю организации нового движения «Мир – не товар!» в ноябре 2001 г. См. Лефт.ру № 4 –5 (февраль 2002).

** Главный редактор Лефт.ру

ывается? Какая логика может оправдать такую организацию движения общедемократического типа, во главе которой стоят политические нули и исключаются все те, кто представляет хоть какие-то реальные социальные и политические силы? И это при том, что рядом с нулями «на трибуне» стояли совсем не ангелы небесные, а типаж вроде ельциниста Храмова, известного своим хамским поведением в Генуе. Кто решает, кому стоять на трибуне, а кому нет? Какой демократический процесс стоит за этим решением? В России ли вынесли его? Или Мировому банку и МВФ есть соответствующие параллели и в левом мире? Могут ли отношения между АТТАК (и западным «антиглобализмом» в целом) и российским «антиглобализмом» быть равноправными, демократическими, т.е. такими, которых они требуют от правящих классов, или эти отношения изначально неравноправны? Это неудобные, но критически важные вопросы.

Однако организационная мертворожденность российского «антиглобализма» – это только часть проблемы. В конце концов, первый блин комом. Можно перегруппироваться, пригласить на трибуну одних, спустить с нее других и попробовать запустить движение на действительно массовой основе, ну пусть потенциально массовой. Были бы верны идеи этого движения, точен анализ причин и действующих сил глобального зла, с которым оно собирается бороться, его стратегическое видение. Только на основе такого понимания и возможны привлечение необходимого числа активистов, политическое просвещение и мобилизация широкой общественности. К сожалению, первые идеологические документы этого движения не дают никакого основания для его положительной оценки.

Дети «перестройки»

Самое поразительное в программных документах российского «антиглобализма» – это отсутствие в них слова *империализм*. (Мимходом отмечу, что особую пикантность этому отсутствию придает тот факт, что, по всей видимости, МНТ – это дочерняя организация движения АТТАК, национальной базой которого является Франция – одна из старейших империалистических стран, играющая значительную роль буквально во всех преступлениях западного империализма со времени гибели СССР). Сделав это небольшое открытие, я вспомнил известную когда-то книгу Горбачева под названием «Перестройка». В ней этот, тогда еще генеральный секретарь КПСС, туманно распространяясь о «глобальных» вопросах, «судьбе человечества» и прочих высоких материях, умудрился ни разу не произнести этого слова на «и», что, несомненно, было замечено и отмечено теми, для кого эта книга и писалась. В результате она была немедленно переведена на все живые языки мира и потом годами пылилась на книжных складах Европы и США. Неужели, подумал я тогда, наконец-то закончилась эта «высшая стадия» капитализма, поразившая человечество двумя мировыми войнами, не считая сотен других? Действительно, начиная с конца 1980-х гг., империализм как-то вдруг перестает существовать. И если бы только в головах журналистской шпаны! Нет, нет – он вдруг исчез и на Западе. Вот, что пишет о внезапном исчезновении «высшей стадии» марксист из Индии Прабхат Патнаик.

«Парадокс состоит в том, что, хотя система отношений, называемая империализмом, фактически не изменилась за последние полтора десятка лет, это понятие перестало употребляться при обсуждении фундаментальных проблем современности даже среди марксистов».

Причину этого Патнаик, однако, видит не в исчезно-

вании империализма, а в самом факте его «усиления и консолидации» со времен поражения во Вьетнаме. Система империалистического господства стала вездесущей, всеобъемлющей и поэтому незаметной как воздух. Более того, это господство стало казаться настолько непоколебимым, а эмансипация «третьего мира» и присоединившегося теперь к нему «второго» настолько утопичной, что мы, подобно грешникам дантовского ада, уверовали в слова: «Оставь надежду, всяк сюда входящий». «Оглушающее молчание об империализме в марксистской среде, особенно в этой стране (США – А.Б.), таким образом, отражает его исключительную мощь и силу в настоящее время», – заключает Патнаик. И предупреждает, что такие теоретические понятия, как империализм, нельзя выбрасывать, как «пару старых башмаков», потому что они могут вернуться и преследовать нас с утроенной яростью. Иначе говоря, если западные марксисты будут продолжать замалчивать существование империализма, ослабление антиимпериалистической борьбы на Западе будет способствовать распространению «расистских, фундаменталистских и ксенофобских движений в «третьем мире»¹.

Конечно, дипломатичные объяснения и намеки Пан-таика, который, как и большинство его коллег с Индийского субконтинента, вынужден ориентироваться в основном на англо-американскую аудиторию, нуждаются в серьезном дополнении. Отмечу также, что и в документах наших «антиглобалистов» тоже заметна тревога относительно возможности роста таких движений в России. Но в отличие от Пантаика, они не замечают слона, т.е. империализма – этого главного расиста, фундаменталиста и ксенофоба. Иначе говоря, называя современную военно-политическую и экономическую экспансию западного империализма «глобализацией», они тем самым подменяют научное понятие империализма псевдотеоретическим суррогатом, сфабрикованным имперской политологией со всеми вытекающими из этого последствиями для практической политики. Моя радость была преждевременна: «высшая стадия» не исчезла в бездне истории, просто отвратительный лик империализма прикрыли косметическим словечком «глобализм». Но антиглобализм не является косметическим эквивалентом антиимпериализма. Я бы назвал его ублюдочной формой последнего, эрзацем антиимпериализма, тем, чем он стал в руках жителей империалистических стран, когда они почувствовали себя жертвой собственного империализма, оставаясь связанными с ним тысячами нитей.

Сон Веры Павловны

Беспрестанные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение . . . Все застывшие, покрывшиеся ржавчиной отношения, вместе с сопутствующими им, веками освященными представлениями и воззрениями, разрушаются, все возникающие вновь оказываются устарелыми, прежде чем успевают окостенеть. Все сословное и застойное исчезает . . .

(Мировой банк.

Из «Отчета о мировом развитии за 1996 год»)

Даже поверхностное знакомство с идеологическими документами либеральных и близких к ним марксистских направлений в «антиглобализме» дает основание гово-

¹ Prabhat Patnaik, *Whatever Happened to Imperialism and Other Essays*. (New Delhi: Tolika, 1995), 102–104.

речь о сильной утопической струе в этом движении. Но прежде чем сказать несколько слов на эту тему, надо отметить какую-то путаницу даже в самом названии этого движения. «Антиглобалисты» этих направлений вовсе не против «глобализации». Напротив, в ней они видят долгожданные знамена второго пришествия, залог объединения человечества и его спасения. Они только против неправильной «глобализации». В отличие от настоящих, «реакционных» антиглобалистов, которые хотели бы вернуть человечество в прошлое национальной ограниченности, они – прогрессивные, хорошие глобалисты. Этот момент крайне важно понять, потому что это деление внутри «антиглобализма» точь-в-точь соответствует делению внутри радикальной левой на «сталинистов» и «антисталинистов», «интернационалистов» и «патриотов», рыцарей «мировой революции» и защитников «социализма в одной стране». Об этом мне уже приходилось писать, это лежит в основе смычки одной части левой с буржуазным национализмом, вплоть до флирта с крипто-фашистскими группами, а другой – с неолиберализмом, западным империализмом и его агентами. Очевидно и то, что за этими идеологическими разломами лежат какие-то фундаментальные противоречия нашего исторического момента. Но вернуться к утопизму хороших глобалистов. Вот как я представляю себе логику их исторического оптимизма.

1. Конец (пусть каждый назовет это, как ему угодно) СССР и союзных ему режимов в Европе убрал с дороги истории окаменевшие останки потерпевшей поражение революции и «социализма в одной стране», который не имел потенциала внутреннего развития и обновления и только «мешался». С падением СССР капитализм получил возможность быстрой глобальной экспансии вширь и вглубь неосвоенных еще территорий и сфер общественной жизни. В странах бывшего «социалистического лагеря» он разрушает и перелопачивает старые формы социальных отношений и создает из них «нормальные», т.е. буржуазные, о которых написано во всех старых учебниках марксизма. Вместо тупикового «баланса сил» времен холодной войны мы теперь присоединились к остальному человечеству для совместной борьбы за лучшее будущее.

2. В то же время процесс монополизации капитала, как и было сказано в учебнике, достигает все новых вершин, взаимная зависимость национальных экономик углубляется и переходит в интернационализацию производства товаров и услуг. Рабочие разных стран, пытаясь защитить себя от перманентной «рационализации» производства своими ТНК, вынуждены налаживать связи друг с другом, создавая для этого свои международные организации. Таким образом, капитал неосознанно готовит все необходимое для своего отрицания «мировой революцией». И если это так, то крот истории начал рыть, наконец, снова в нужном направлении, и не дело марксистов мешать ему. Все, что нам остается, – это плыть с попутным ветром, объясняя команде, что курс корабля верен, и готовя ее к тому, чтобы в нужный момент сместить капитана и офицеров и взять управление в свои руки. При этом особую опасность представляют те, кто пропагандирует реакционную утопию спасательной шлюпки, кто хочет покинуть корабль «глобализации» для призрачного спасения в национальной обособленности, кто зовет к любой революции, кроме как «мировой».

Такой мне представляется логика наших и не только наших «антиглобалистов» марксистского толка. В том или ином виде она присутствует и в статье Шеина и Клеман. Я убежден, что это порочная логика, и что, если ком-

мунистическое и рабочее движение будет формировать свою политику в соответствии с ней, у нас будут все основания для самого черного пессимизма в отношении конечных результатов. Потому что исторический оптимизм, который основан на забвении одного слова, начинающегося на «и», способен прокладывать курс лишь для Корабля дураков. Исторический материализм не имеет с таким оптимизмом ничего общего. В момент, когда банкиры с Уолл-стрита и пропагандисты Мирового банка цитируют строки Коммунистического манифеста об исторически революционной миссии капитализма, нам следует проявлять предельную настороженность и подозрительность к любым попыткам соединить капитализм с прогрессом.

Двойное разрушение

Диалектическое понимание прогресса, каким мы его находим у Маркса, кажется парадоксальным с точки зрения обыденного смысла. Как метко заметил один американский марксист, для Маркса «капитализм – это самое лучшее и самое худшее, что могло случиться и случилось с человечеством»². Лучшее, потому что он позволяет стремительно развить производительные силы общества, привести к огромному росту его материального и культурного богатства и тем самым создать необходимые условия для «прыжка в царство свободы». Худшее, потому что это развитие происходит ценой огромных человеческих жертв, уничтожения целых социальных классов, народов и древних культур, ценой бесчисленных страданий и истребительных войн. Но в целом, для Маркса первой половины его научной жизни, капитализм равнозначен цивилизации и культурному прогрессу, какие бы пороки буржуазного общества ни омрачали их. Такое историческое воззрение нашло заостренное выражение в его статьях 1853 года о британском господстве в Индии. Но даже в этой, весьма оптимистичной оценке исторического значения колониализма диалектика Маркса остается тоньше и глубже диалектики его современных эпигонов от «антиглобализма».

Его анализ последствий британского владычества на Индийском субконтиненте отмечен большой осторожностью, подчеркиванием его предварительного характера и не претендует на окончательный приговор. Подорвав основу индийского общества, замечает Маркс, Англия «не обнаружила до сих пор никаких попыток его преобразовать». Таким образом, «единственная социальная революция», которую пережила Азия благодаря британскому империализму, пока сводится только к разрушению. Это не мешает Марксу закончить эту статью от 25 июня («Британское владычество в Индии») «с точки зрения истории», «бессознательным орудием» прогресса которой служит Англия. Но крупинка сомнения уже посеяна. Что толку в этой «революции», если в ней отсутствует созидательная часть? И через месяц Маркс возвращается к этой теме в статье, само название которой («Будущие результаты британского владычества в Индии», 22 июля) свидетельствует о его растущей осторожности в вопросе о прогрессивной роли капиталистического империализма. Он снова признает практически исключительно разрушительный характер британского колониализма в Индии, но отмечает и первые признаки его созидательной работы: политическое единство, свободная пресса, телеграфная связь, планы строительства сети железных дорог и ирригационных сооружений. Маркс постоянно на-

² Fredric Jameson. *Postmodernism or, The Cultural Logic of Late Capitalism*. (Duke UP, 1991) 47.

поминает читателю, что эти элементы более высокой цивилизации колонизаторы привносят в Индию с целью эксплуатировать ее более эффективно и беспощадно. Но он верит, что, раз в Индии появились паровозы, «вы не сможете помешать этой стране самой производить такие машины». Теперь мы знаем, что это не так, даже если Индия в конце концов и стала производить свои паровозы. В эпоху империализма как высшей стадии капитализма стало возможным формировать национальные экономики зависимых стран в интересах экономик империалистических, «развивать отсталость», как назвал это Гундер Франк.

Чего не удается Марксу показать в этой работе, так это того, что колониализм способен заложить основы для независимого экономического развития подчиненных стран. В конце концов, окончательный приговор об историческом значении колониализма будет вынесен в зависимости от того, смогут ли жители Индии «пожать плодов созревания тех новых элементов общества, которые посеяла среди них британская буржуазия». При каких же условиях они смогут это сделать? Ответ Маркса: при условии либо прихода пролетариата к власти в Британии, либо победы национально-освободительной борьбы народа Индии. (Прошло уже более полувека с тех пор, как эта борьба достигла своей цели, в немалой степени благодаря существованию СССР и его победе над фашистской Германией. Но и сейчас Индия, с ее огромными природными и человеческими ресурсами, остается отсталой, зависимой от западного империализма страной.)

К концу 1860-х годов, особенно в результате его изучения британского господства в Ирландии, осторожный оптимизм Маркса начинает быстро тускнеть. Он все с большей тревогой отмечает, что разрушительная функция европейского капитализма в колониях не уравновешивается созидательной. «Каждый раз, когда Ирландия готовила себя к индустриальному развитию, ее «прибивали» и заставляли вернуться в положение аграрной страны». Англия позволила Ирландии иметь лишь одну относительно процветающую отрасль промышленности – «изготовление рогов»³.

В чем же видит Маркс спасение для вымирающей ирландской нации, где еще в конце 18-го века процветали все отрасли промышленности? Он перечисляет их в письме к Энгельсу. Это 1) самоуправление и независимость от Англии; 2) аграрная революция и 3) защитные пошлины против английских товаров. Маркс, таким образом, делает поворот на 180 градусов по сравнению со своими статьями об Индии. Политическая независимость – вот первое условие для выживания нации в условиях капиталистического империализма. Без этого не может быть и речи о создании жизнеспособной экономики. В свою очередь, обретая политическую независимость, Ирландия «должна будет неизбежно прибегнуть к протекционизму». Заметим, что в 1853 году Маркс категорически осуждал протекционизм (в письме Энгельсу) на

³ Как замечает Кензо Мори, на статью которого я опираюсь в этом разделе, это «развитие отсталости» соответствует многослойной структуре мирового рынка, описанной в «Капитале» I в главе «Машины и современная индустрия» (главка 7), в соответствии с которой главные центры мировой индустрии диктуют такое разделение международного труда, при котором одна часть земного шара превращается в сельскохозяйственный придаток его индустриальной части. Kenzo Mohri, «Progressive and Negative Perspectives of Capitalism and Imperialism.» В книге: *Imperialism. Theoretical Direction*. New York: Humanity Books, 2000.

том основании, что разрушение коренной экономики Индии Англией он считал «революционным». Но с 1867 года он начинает понимать, что разрушение старых экономических отношений в колониальных странах приводит не к созданию в них основ развития новых производительных сил, а к разрушению условий, необходимых для такого развития.

Особенно наглядно эта радикальная переоценка проявилась по отношению к Индии. Если в 1853 году Маркс рассматривал разрушение ее общинного землевладения колонизаторами как трагический, но необходимый шаг на пути к историческому прогрессу, то в 1881-м он пишет о «невежестве» тех, кто не понимает, что «уничтожение общинного владения землей было лишь актом английского вандализма, который толкнул коренное население не вперед, а назад». Иначе говоря, разрушительная работа империализма в Индии имела не революционный, а контрреволюционный характер. Так, накануне «высшей стадии» Маркс близко подходит к выводу о том, что империалистические страны несут остальному человечеству двойное разрушение, уничтожая не только традиционные формы национальной экономики, но и те условия, которые необходимы для ее независимого, полноценного развития на капиталистической основе.

Марксисты двадцатого века подробно описали этот процесс и дали ему ряд концептуальных обоснований. Но нам нет нужды обращаться к этому наследию, чтобы найти подтверждение утопического характера исторического оптимизма, вдохновляющего значительную часть «антиглобализма». Судьба экономики Советского Союза подтверждает это самым наглядным и трагическим образом. Ее огромные производительные силы были частью уничтожены, частью разграблены, частью приспособлены к функции придатка экономики империалистического центра. Достаточно сравнить характер и динамику национальных экономик России и той же Франции, чтобы понять, что имел Маркс в виду сравнивая Ирландию с Англией.

Одна – все более приобретает убогодный, служебный по отношению к имперской экономике характер. Другая – развивается как сбалансированное полнокровное народное хозяйство, служит основой независимой национальной политики. И если бы французские трудящиеся решили покинуть корабль «глобализма», экономика Франции стала бы для них надежной шлюпкой, способной добраться до берега. Обратная картина в России. Как писал несколько лет назад Олег Шеин, в ней практически уничтожена современная промышленность. Ее сельское хозяйство задумано наплывом дешевых субсидируемых продуктов питания из империалистической Европы и поселенческих стран типа Новой Зеландии. Основой национальной экономики все больше становится раздутый уродливый придаток сырьевого экспорта. Приди к власти в стране рабочее правительство, империалисты в два месяца удушат его блокадой. Когда вы читаете декларации российского «антиглобализма», оценивайте их в этой перспективе.

Но если исторический оптимизм российского «антиглобализма» и несостоятелен, если его вера в то, что ТНК, т.е. монополистический капитал и, как я покажу ниже, правящие классы империалистических стран являются бессознательными орудиями истории, готовящими необходимые условия для «мировой революции», – противоречит нашему опыту и научному анализу, то, быть может, верен его выбор противника, того зла, устранив

которое, корабль истории выпрямится, капитан полетит за борт, и человечество возьмет курс на коммунизм? Давайте повнимательней присмотримся к этой стороне идеологических воззрений «антиглобализма».

«Глобализация»: научное понятие или теоретическая фальшивка?

Сегодня глобальная экономика позволяет корпорациям стравливать рабочих и население разных регионов в соревновании за то, кто согласится на более низкую зарплату и налоги, имеет более покорных рабочих, даст большие субсидии корпорациям и разрешит им наносить экологии наибольший ущерб.

Глобальные корпорации сейчас имеют деньги, организационные и технические возможности, которые позволяют им управлять миром как одной глобальной экономикой в своих, а не наших интересах.

В течение более чем пятисот лет монархи, авантюристы, генералы, филантропы и финансисты соорудили все более глобальную по размерам экономику. Сегодня беспрецедентные перемены в средствах связи, транспорта и компьютерной технологии дали новый толчок этим глобализаторам. Во всем мире глобализующий (так у автора – ред.) капитал реорганизует фирмы, устранив регулирующие его законы и подрывая местную и национальную власть. Глобализация создает как огромные новые рынки и гигантские состояния, так и страдания широких масс, беспорядок и протесты. Она ведет к глобальным репрессиям и пропаганде, но также и к глобальным движениям за социальную справедливость и эмансипацию.

Как же определяют идеологи нового движения своего противника? Что они понимают под «глобализацией»? Ответ на этот вопрос мы находим в двух документах: короткой декларации движения и большой программной статье Карин Клеман и Олега Шеина «Антиглобалистское движение и его перспективы в России». Я буду опираться в основном на последнюю, в которой авторы дают теоретическое обоснование идеологии этого движения.

Что же такое глобализация?

«Глобализация как процесс стирания препятствий к перемещению капитала во всем мире означает унификацию не только таможенных тарифов, но и уровней заработной платы, социальной обеспеченности, национального пенсионного законодательства etc, разумеется, по нижней планке. Главными инструментами выступают международные финансовые институты, ведущими из которых являются ВТО и МВФ, а также транснациональные корпорации».

Прежде всего, надо подчеркнуть, что теоретическая основа статьи Шеина и Клеман, а также Декларации МНТ во всех основных моментах и даже в риторике повторяет массовую литературу западного «антиглобализма». Для сравнения в начале этой главки приведены цитаты из заявлений крупнейших антиглобалистских организаций и информационно-пропагандистских центров Запада. То, что авторы называют «глобализацией», описывается как некий имманентный «процесс», «инструментами» которого выступают своего рода надзвездные, не имеющие под ногами национальной почвы институты и корпорации. «Наднациональный капитал», как дух небесный, реет повсюду, и перед ним склоняются выи доселе могущественных правительств и, видимо, национальных классов. Я сказал «видимо», потому что вопрос о классах наши авторы обходят стороной. Но с другой стороны, чью же волю тогда призваны выражать национальные правительства, скажем, США или Франции, как не своих правя-

щих классов. И если эти правительства уже не в состоянии выражать эту волю, если они теперь повинуются некоему «наднациональному капиталу», то это значит, что для американской и французской буржуазии настали черные дни. А уж о рабочем классе этих стран и говорить не приходится. Но не будем торопиться отпевать имперскую буржуазию и рабочую аристократию. В другом месте своей длинной статьи авторы, видимо, забыв, что они сказали в начале, дают куда более реалистичную оценку этому «наднациональному» процессу. Вот что они пишут:

«Было бы ошибочно думать, что приход ТНК в бедные страны способствует развитию этих стран. Скорее наоборот, поскольку ТНК в первую очередь заинтересованы в дешевой рабочей силе и в прямой эксплуатации сырьевых богатств стран, редко вкладывая деньги в производство или в технологическое оборудование. Если рабочая сила станет слишком дорогой, транснациональные компании могут быстро переместить свою деятельность в другую страну, где легче эксплуатировать рабочую силу».

Но если так, то ни о какой «унификации уровней заработной платы» и речи быть не может. Если бы такая тенденция действительно существовала, то мы должны были бы наблюдать и тенденцию к сокращению разрыва в доходах населения между империалистическими и зависимыми странами. Однако, как отмечают сами наши авторы, видимо не замечая противоречия, налицо факты чудовищного увеличения этого разрыва. Ведь в результате того, что они называют «глобализацией», неравенство в доходах более чем удвоилось во всем мире с 1960 г., в то время как разрыв между богатыми и бедными странами увеличился в 3 раза (соотношение между доходами 20% наиболее богатых слоев населения и 20% наиболее бедных, составлявшее 1:30 в 1960 году, возросло до 1:74 в 1997. Разрыв между средним доходом на душу населения в богатых и бедных странах увеличился с 5700 американских долларов в 1960 г. до 15400 в 1993 г.

Для оценки влияния ТНК на этот показатель не менее важен и тот факт, что 200 крупнейших ТНК, которые сейчас контролируют около 25% всей экономической активности в мире и продолжают расти, имеют всего 18,8 миллионов рабочих и служащих, лишь около 0,6% глобального наемного труда (около 3 миллиардов человек в 1995, по оценке МОТ). Причем тенденция к сокращению рабочих мест в этих ТНК продолжается. Красноречива и такая статистика: более двух третей рабочих и служащих этих ТНК живут в империалистических странах, между которыми и осуществляется львиная доля экономического обмена, контролируемого ТНК. Мимоходом отметим, что эти факты явно не согласуются с вульгарным представлением о логике капитала, который, казалось бы, должен был давно покинуть берега Европы и Северной Америки в погоне за фантастически дешевым трудом Африки и Азии. Итак, глобальная экспансия империалистического капитала, как и следует из марксистской теории империализма, ведет к укреплению мировой системы империалистического господства кучки стран старого капиталистического развития над остальным миром. А вот по теории «глобализации» Клеман и Шеина, не говоря уже о буржуазных идеологах, это укрепление объяснить невозможно! По их теории, вместо увеличения неравенства мировой системы стран должна происходить их «унификация».

А как же быть с «наднациональностью» этих корпораций? Достаточно взглянуть на общедоступную статистику, чтобы спуститься на землю. Из 200 крупнейших ТНК

– 82 американские (41%), и только 41 японские. 186 из 200 базируются в 7 странах: США, Японии, Германии, Франции, Британии, Нидерландах и Швейцарии. Из развивающихся стран только Южная Корея и Бразилия представлены в этой группе ТНК. Еще более наглядным становится главенствующее положение американского капитала, если мы посмотрим на двадцать пять самых крупных ТНК, каждая с капитализацией более 86 миллиардов долларов США. Более 70 % из них американские, 26% европейские и 4% японские⁴. «Глобализация, – заключает Джеймс Петрас, – может быть понята как кодовое слово, означающее восхождение империализма США на вершину власти»⁵.

Как и следовало ожидать, крупнейшие монополии планеты имеют за своей спиной военно-политическую мощь ведущих империалистических стран во главе с США. За «Макдональдсом» стоит «Макдуглас», за «Уолмартом» – авианосная группа американских ВМС. Ключевая роль американского государства в организации и поддержке современной экспансии империалистического капитала ни для кого не является секретом (кроме разве что наших «антиглобалистов»). Так, в статье «Мировая экономика на грани развала» («Лос Анжелес Таймс», 6 ноября, 2001) Роберт Рейх, бывший министр труда при Клинтоне и один из идеологов «глобализма», откровенно заявляет: «Кто будет координировать все это (мероприятия необходимые для выхода из рецессии – А.Б.)? Кто способен ласково принудить главных банкиров (Европы – А.Б.) снизить учетные ставки больше, чем они того хотели бы? Где та сила, которая заставит МВФ ослабить свои требования к странам третьего мира для получения займов? Единственное такое место – это Белый дом».

«Транснациональные компании», «транснациональный капитал», «международные организации» – эти привычные и как бы само собой разумеющиеся понятия мистифицируют центры и движущие силы современного империализма, за интернационализмом этого языка скрывается национально-государственная основа «глобализма», а именно – блок традиционных империалистических государств Запада во главе с США.

Риторика и идеологические штампы антиглобализма создают впечатление, что капиталистические монополии являются силами, независимыми от национальных государств, их правительств и правящих классов; что они ведут как бы вненациональное, внетерриториальное существование. Это опасное заблуждение. Кстати, давно пора демистифицировать это «богатое» слово в дискурсе российской левой, если мы не хотим уподобиться людоедке Эллочке. Тем более что в известных марксистских кругах ТНК становятся чуть ли не символом прогресса и залогом прекрасного будущего для человечества (см. ниже). Между тем транснациональная корпорация – это всего лишь капиталистическая компания, ведущая свои операции более чем в одной стране. Первые ТНК появляются в начале 16-го века для эксплуатации «Нового мира». Именно ТНК преобладали в ранний, т.е. меркантилистский период капитализма до середины 18-го века. Например, в сравнительно-историческом измерении, Ост-Индийская компания остается и сегодня непревзойденной по размерам и диапазону операций ТНК в истории мирового капитализма. ТНК сохраняли свои доминирующие позиции и в эпоху фритрейдерства, т.е.

промышленной фазы Капитала (до 1880х гг.), во время второй волны мировой экспансии европейского капитала. Последующая эпоха протекционизма и монополизации характеризовалась относительным снижением удельного веса ТНК. Эта эпоха кончилась только с неолиберальной «революцией» Рейгана и Тэтчер в 1980-х и реставрацией капитализма в бывшем СССР. Таким образом, принципиальное отличие (в политэкономическом плане) нашей, третьей волны глобальной экспансии капитализма состоит не в наличии ТНК, а в том, что это экспансия *монополистического* капитала, т.е. такого капитала, чье господство и воспроизводство совершенно немислимо (кроме как в головах буржуазных экономистов) без его сращивания с государством. Если капитализм вообще нельзя представить без национального государства, то финансовый капитал невозможен без него второй раз.

То, что «Эксон», «Микрософт», «Тойота» или «Баерс» производят, продают и инвестируют по всему миру, не делает их независимыми от их национального дома, порта их «приписки», т.е. страны, в которой находится их штаб-квартира, законам которой они подчиняются, страны, чей дипломатический, полицейский и военный аппарат защищает их собственность и интересы внутри страны и за ее пределами, и в которой живут владельцы основной части их капитала и головка менеджмента. В качестве примера центральной роли государства в капиталистической экономике можно указать на историю ТНК в сфере энергоресурсов, где их конкуренция между собой в конечном счете решалась войной, т.е. исключительно функцией государства. Только благодаря победе англосаксонского империализма в двух мировых войнах все знают такие имена, как «Эксон», «Мобил», «Бритиш Петролиум» и «Шелл», в то время как «Веба» и «Ниппон Петролиум Рефайнинг», ведущие нефтяные концерны Германии и Японии, теперь известны только специалистам. Власть государства над своими гражданами распространяется и на руководителей и собственников концернов, и оно использует эту власть в своих интересах. Возьмем недавний пример, когда правительство США запретило крупнейшей нефтяной компании этой страны, Континентал Ойл, принять участие в разработке нефтяных полей в Иране. А вот европейские и японские кампании оказались способны противостоять давлению США, потому что имели другую национальную «приписку». Как указывает, нью-йоркский экономист Майкл Танцер, на чьей статье основана эта часть моей аргументации, зависимость концернов от своих правительств особенно усиливается в периоды экономического спада, когда конкуренция резко обостряется. Именно в такой период входит сейчас мировая экономика, и еще поэтому так важно сейчас понять эту проблему⁶.

Все основные инструменты «глобализации» находятся в руках главных империалистических стран, являются *их* инструментами, а не мифической «глобализации». Поэтому, скажем, принципы, которые диктует МВФ, имеют власть только над зависимыми странами. Но естественно, что эта организация никогда не обладала решающим словом в делах своих хозяев, в вопросах их валютных курсов или торговых отношений между ними. Еще в большей степени это относится к Мировому Банку, в котором США принадлежит 35% акций, а развитым индустриальным странам – их подавляющее большинство.

⁴ James Petras, Henry Veltmeyer. *Globalization Unmasked: Imperialism in the 21st Century.* (Zed Books, 2001), 62.

⁵ Там же.

⁶ Michael Tanzer. «Globalizing the Economy: The Influence of the International Monetary Fund and the World Bank.» *Monthly Review.* Vol. 47, no. 4 (September 1995).

Если МФ был создан как инструмент долгового закабаления стран «третьего мира», то МБ должен был обеспечить проникновение западного капитала в их экономику.

Как я уже заметил, мистификацией является и широко распространённое мнение, что «глобализация» якобы нивелирует национальные уровни заработной платы, что благодаря ей стоимость рабочей силы в империалистических странах и в «развивающихся» имеет тенденцию к уравниванию. А также утверждение, что доход основной массы населения в них понижается как в абсолютном измерении, так и относительно доли верхушки. На самом деле, есть немало фактов, противоречащих этому взгляду. Особенно надо подчеркнуть критически важное различие между разницей в доходах внутри страны и между странами. Тем более, что на смешении этих двух показателей нередко основывается демагогия «антиглобализма». Какой бы ни была динамика в распределении доходов внутри империалистической страны, это не имеет прямого отношения к динамике между уровнем доходов трудящихся империалистических и угнетённых стран. Немного статистики.

Империализм – это одна пятая населения Земли, потребляющая 85% всех товаров и услуг, произведенных человечеством. Три самых богатых человека мира обладают капиталом, превышающим суммарную стоимость ВВП 48 стран. Военный бюджет США на следующий год (380 миллиардов долларов) составит более одиннадцати (!) годовых расходных бюджетов (2001 г.) Российской Федерации, страны с населением в 145 миллионов. Жители Западной Европы тратят 11 миллиардов долларов в год на мороженое. Это на два миллиарда больше, чем нужно для того, чтобы обеспечить чистой водой и канализацией все население Земли. Американцы тратят 8 миллиардов долларов в год на косметику, на два миллиарда больше, чем требуется для того, чтобы обеспечить начальное образование всем жителям планеты. Самые бедные 10% американцев имеют средний доход выше, чем две трети населения мира. 10% самых богатых американцев, около 25 миллионов, имеют суммарный доход, равный доходу беднейших 43% населения Земли, около двух миллиардов людей.

Приведу только один сравнительно малоизвестный аспект этой проблемы – пенсионные фонды, которые позволяют значительному большинству работников быть владельцами акций посредством вложения пенсионных отчислений (как своих, так и со стороны работодателя) в инвестиционные фонды. Достаточно сказать, что средний служащий скандально известной корпорации Энрон обладал пакетом акций в несколько сот тысяч долларов (до обвала курса). Пенсионный фонд кадрового рабочего США в автостроительной, металлообрабатывающей и подобных отраслях к его выходу на пенсию может достигать полумиллиона долларов. Вкладывая свои пенсионные отчисления в акции (а иного выхода у них и нет) миллионы трудящихся империалистических стран накрепко связывают свои «ближние» интересы с интересами своих правящих классов. Ведь если революция в Мексике или победа Ирака означает потерю прибылей и инвестиций для капиталистов, это означает и обесценивание вашего пенсионного фонда, который был частью этих инвестиций, означает угрозу нищеты на старости лет. И перед лицом этой угрозы отступают любые соображения. В такой ситуации миллионы рядовых людей поддержат любые меры своего правительства для защиты этих инвестиций. Ни о каком антиимпериализме здесь и речи быть не может.

Таковы некоторые из аргументов против попыток, к

сожалению весьма успешных, теоретически денационализировать современный монополистический капитал и его глобальную экспансию и затушевать их неразрывную связь с военно-политическим империализмом в сознании широких кругов международной левой. Интернационализация всех форм капитала невозможна без его опоры на империалистическое государство или союз таких государств. «Идея, что транснациональные фирмы каким-то образом стоят выше мелких конфликтов национальных государств, является идеологической фикцией, призванной обезоружить националистическую оппозицию иностранному капиталу», – заметил еще двадцать лет назад Антони Брюер в своем классическом обзоре марксистских теорий империализма.⁷

«Чем больше меняются вещи, тем вернее они остаются прежними», – говорит старая французская поговорка. За постмодерновым, «сексапильно»-молодежным, престижно-западным образом радикального «антиглобализма» нетрудно различить родовые признаки скучноватых, сереньких, давно известных нам из потускневших книжек идейно-политических явлений – экономизма и меньшевизма. От меньшевизма он берет стадийный детерминизм, веру в «мировую революцию» по сигналу Запада, и особенно «плюрализм» и организационную аморфность. (Как пишут О. Шеин и К. Клеман, «оригинальность антиглобалистского движения состоит в том, что ему присуще терпимое отношение ко всем составляющим течениям»). Правда, сообщения очевидцев с последнего Форума в Порто-Алегре рисуют менее радужную картину «плюрализма» и «терпимости». См. ниже отчет Джима Петраса). От экономизма – отрицание борьбы за государственную власть. Мы имеем дело с типичным для империалистической эпохи идейно-политическим течением, родовые признаки которого были уже замечены и проанализированы В. И. Лениным. Этот малоизвестный эпизод теоретической борьбы сегодня заслуживает особого внимания.

«Империалистический экономизм»

Речь идет о полемике В.И.Ленина с группой большевистских теоретиков вокруг журнала «Коммунист» во второй половине 1916 года. Помимо Бухарина, Пятакова и Бош, имевших непосредственное отношение к изданию журнала, к этой группе надо причислить Троцкого и Радека с рядом польских марксистов, разделявших взгляды Розы Люксембург по важнейшему в то время вопросу о «праве наций на самоопределение».⁸ Все они занимали интернационалистскую позицию в первой мировой войне, но в отличие от Ленина отрицали лозунг «защиты отечества» для любой нации и значение борьбы за национальную независимость на том основании, что в империалистической фазе капитализма национальное государство теряет свое былое значение. Так, Троцкий заявлял, что «война знаменует распад национального государства». Радек упирал на то, что «империализм представляет собой тенденцию финансового капитала к перерастанию национальных границ». А Пятаков настаивал, что «в эпоху империализма формы национального государ-

⁷ Anthony Brewer. *Marxist Theories of Imperialism. A Critical Survey*. (London: Routledge, 1980), 279.

⁸ У Ленина этой полемике посвящены статьи в т. 30 Полн. собр. соч. (5 изд.): «Итоги дискуссии о самоопределении» (17–58), «О рождающемся направлении 'империалистического экономизма'» (стр. 59–67), «Ответ П. Киевскому (Ю. Пятакову)» (стр. 68–74) и «О карикатуре на марксизм и об 'империалистическом экономизме'» (стр. 77–130).

ства стали оковами развития производительных сил». Ленин быстро оценил как политическую, так и научно-методологическую опасность этой тенденции и назвал ее «империалистическим экономизмом», т.е. экономизмом эпохи империализма по аналогии с экономизмом начала века, к тому времени уже давно теоретически разгромленным. В своем ответе Бухарину Ленин так определил сущность родства этих двух экономизмов: «Та же основная ошибка того же 'экономизма': неумение ставить *политические* вопросы» (т. 30, 64). Многообразие и сложность проблем, поднятых в полемике Ленина с «империалистическими экономистами», требует, конечно, отдельного анализа. Здесь имеет смысл остановиться только на тех ее моментах, которые проясняют идейную природу «антиглобализма».

Пятаков, замечает Ленин, «*слутывает* экономическую сущность империализма с его политическими тенденциями» (т.30, 92). Это приводит в частности к тому, что то угнетенное состояние большинства народов нашей планеты, которое сложилось в результате военно-политического и экономического давления империализма на зависимые страны в целях не допустить их независимости или, как в наше время, де-факто реколониализировать их, — объясняется экономической «неосуществимостью» самостоятельного национального развития. Причем в наше время, как мы видели на примере российского «антиглобализма», само стремление к такому развитию объявляется «реакционным». В противовес новым экономистам, Ленин настаивал на том, что об «экономической неосуществимости» не может быть и речи, и связывал вопрос экономической независимости с вопросом демократической антиимпериалистической борьбы. Он также указывал, что тенденция к концентрации и централизации была экономической тенденцией, а не политической, и что интернационализация капитализма полностью совместима с национальным государством. Сегодня, когда этих государств стало уже 192, мы можем оценить по достоинству теоретическую правоту Ленина. Более того, как отмечал замечательный географ-марксист и борец за независимость Пуэрто-Рико Джим Блаут, уже в полемике 1916 года содержится зерно ленинского понимания, что национальные движения не обязательно буржуазны по своему содержанию (это относится и к работам Маркса и Энгельса по Ирландии), хотя в своей развернутой форме этот аргумент излагается в более поздних трудах Ленина⁹.

Трудно переоценить актуальность полемики 1916 года для идейной борьбы нашего времени. Критическое богатство концепции «империалистического экономизма» позволяет понять единую природу казалось бы внешне разнородных, даже противоположных идейных течений в «антиглобализме». В качестве примера приведу влиятельную статью современного троцкиста Н. Бимса «Марксистский интернационализм против перспективы радикального протеста. Ответ на критику глобализации профессора Чоссудовского»¹⁰. Критический разбор этой статьи заслуживает отдельной работы. Здесь я коснусь ее только в целях иллюстрации широчайшего распространения неэкономизма в современном марксизме.

Основной аргумент Бимса сводится к обоснованию

прогрессивности ТНК как наиболее «рациональной» на сегодняшний день организации производства. Поэтому борьба с ними, как и с международными организациями типа ВТО, обеспечивающими оперативный простор для ТНК, является «реакционной» борьбой против ни больше ни меньше как «развития глобальных производительных сил», т.е. анафемой для марксизма. Казалось бы, Бимс выступает с позиций прямо противоположных позициям идеологов АТТАК и их московских последователей, которые именно в ТНК и видят основного, если не единственного, виновника всех бед. Но кто же тогда он, по Бимсу? — Наверно, правящие классы империалистических стран? — предположит наивный читатель. И ошибется. Первопричиной ТНК, Мирового Банка и «глобализации», учит Бимс, является все то же неодолимое «развитие глобальных производительных сил», все тот же «капитализм», который стирает национальные границы, углубляет международное разделение труда и пр. и пр. Например, создание МТО Бимс объясняет «попыткой главных капиталистических держав создать организацию, отвечающую требованиям глобализации производства и финансов, порожденную революционными изменениями в транспорте и средствах коммуникации и огромными переменами в производительных силах, которые стали возможны благодаря внедрению научных достижений в технологию производства». «Производительные силы» у Бимса становятся теоретической аналогией саморазвивающегося гегелевского «Духа», который, пройдя череду превращений, поднялся с национальной на универсальную стадию своего развития, называемую «глобализацией». Неудивительно, что против *такой* «высшей стадии» могут бороться только реакционеры чистой воды. «Интернационалисты» же должны бороться только против «капитализма». Правда, Бимс умалчивает, как отделить капитализм от «рациональных» ТНК и как бороться против империализма, не борясь против империалистических стран. Словом, откровенная статья этого новейшего «империалистического экономиста» прекрасно иллюстрирует то «упорное свойство 'сбиваться' с признания империализма на *апологию* империализма» (т. 30, 62), которое Ленин отмечал у первых представителей этого течения в 1916 году.

Итак, метафизика «производительных сил» и фетишизм «научно-технического прогресса» у Бимса и ряда других западных марксистов фактически оправдывает апологию ТНК и военно-политического империализма как исторических форм и орудий «развития» этих сил. Так в новых исторических условиях «империалистический экономизм» грозит теоретически обезоружить антикапиталистические силы, призывая их отказаться от борьбы за государственную власть, борьбы, которая, в конечном счете, может вестись только национальными классами на национальной арене. В научном плане неэкономизм третьей волны капиталистической глобализации обнаруживает свою неспособность понять ее движущие силы. Современные «империалистические экономисты» ищут объяснений, по сути дела, в абстрактной, вневременной экономической логике капитала, игнорируя социальные и поли-

⁹ James M. Blaut. *The National Question: Decolonizing and the Theory of Nationalism*. (London: Zed Books, 1987),133. Именно эта книга покойного Джима заставила меня обратить внимание на полемику 1916 года. Мое изложение этого важнейшего эпизода во многом (иногда дословно) основано на его книге.

¹⁰ Nick Beams. «Marxist internationalism vs. the perspective of radical protest. A reply to Professor Chossudovsky's critique of globalization.» (21 February, 2002). Сайт WWSW: http://www.wsws.org/articles/2000/feb2000/chos-f25_prn.shtml

тические, т.е. классовые, факторы, без которых эта новая экспансия так и осталась бы голой абстракцией. Между тем современный империализм («глобализацию») невозможно понять без рассмотрения таких факторов его воспроизводства, как евро-американский союз империалистических стран под экономической и военно-политической гегемонией США, без разного рода альянсов между империалистами и господствующими классами зависимых стран и компрадоризации этих классов, без многообразных форм экономического и военно-политического давления и, наконец, прямой, военной интервенции империализма.

Вообще, читая Бимса, Клеман и легион других западных борцов за «мировую революцию» и против «реакционной национальной замкнутости», вспоминаешь, как Ленин настаивал на том, что центральным местом в программе с.-д. «должно быть именно то разделение наций на угнетающие и угнетенные, которое составляет суть империализма и которое *лживо* обходят социал-шовинисты и Каутский».

Национализм: Точки над «i»

Фигурам левых активистов вроде Б. Кагарлицкого и И. Будрайскиса на «трибуне» МНТ в декларации точно соответствовали выражения типа следующего:

«В то же время мы не приемлем борьбу за национально-государственную замкнутость, национализм и великодержавный шовинизм как тупиковые и реакционные формы противодействия капиталистической глобализации».

Непонятно, что имеется в виду под «борьбой за национально-государственную замкнутость», почему национализм есть тупиковая и реакционная форма противодействия империализму? Означает ли это «не приемлем», что организаторы российского «антиглобализма» будут считать протекционизм, скажем, в области сельского хозяйства России «реакционным»? Или другой пример. В то же время, в число предвыборных обещаний одного из авторов статьи и учредителей нового движения Олега Шеина избирателям Астраханской области входит такой пункт, как защита местного рынка труда от иностранных рабочих-мигрантов. Разве это не типичный пример национализма в экономической политике? Причем куда более спорного, так как напрямую затрагивает отношения между рабочими разных национальностей.

Сходный вопрос можно было бы задать и второму автору этой статьи, представителю французского АТТАК в России Карин Клеман. Ведь хорошо известно, что Европейский союз, крупнейшее империалистическое объединение стран Западной Европы, основан, в частности, на политике огромных сельскохозяйственных субсидий своим фермерам. Эти субсидии искусственно повышают конкурентоспособность западноевропейского сельского хозяйства. Настолько повышают, что в настоящее время фермеры этих стран, в частности французские фермеры, фактически уничтожают восточно-европейское крестьянство как экономический класс. Один из наиболее высоких в мире показателей самоубийств сейчас среди польских фермеров. Иначе говоря, это субсидирование является одним из инструментов западноевропейского империализма в его экономическом порабощении народов Восточной Европы, создание в ней экономик убудочного типа, придатков полнокровных экономик империалистических стран. Но выступает ли французская АТТАК за прекращение этих субсидий, протестует ли она против «тупикового и реакционного» национализма французских фермеров и французских правящих кругов

(добавлю: и французской интеллигенции с французским рабочим классом), который так ярко и с такими зверскими последствиями для народов Восточной Европы выражается в частности и в государственном субсидировании сельскохозяйственного производства во Франции? Готов ли депутат Шейн, соавтор этой статьи, присоединиться к борьбе против этих проявлений «реакционного национализма» во Франции? Рассматривается ли вопрос о посылке во Францию постоянного представителя российского «антиглобализма» для участия в такой борьбе?

Но не будет ли равно реакционным экономический национализм в виде субсидий и прямого протекционизма для сельского хозяйства РФ? Нет, не будет, если целью этих субсидий и протекционизма будет восстановление сельского хозяйства страны, как необходимое условие ее самостоятельного развития, без которого она будет так же уязвима для диктата империалистов, как если бы у нее не было ядерного оружия.

Что касается «национально-государственной замкнутости», то непонятно, что же идеологи российского «антиглобализма» могут посоветовать взамен тем странам, которые еще пытаются сопротивляться своей реколонизации империализмом? Кого они имеют в виду конкретно? Северную Корею? Кубу? Ирак? Или, быть может, те левые силы РФ и бывшего СССР, которые ставят своей задачей новую социалистическую революцию и объединение своих народов в новое советское государство? А так как это будет означать и отрыв от мировой империалистической системы, то по крайней мере на какой-то срок новый СССР будет так же «национально-государственно замкнут», как и его предшественник. Опять спрашиваю, что же предлагают Шейн, Клеман и их соратники взамен этой замкнутости? Ждать «мировой революции»? А если она задержится лет этак на 50, пока не вымрет две трети населения России? Конечно, в перспективе «мировой революции» это, может быть, и допустимо, особенно если смотреть из Парижа или Лондона. Но согласятся ли с таким подходом на Урале и Волге? Надеюсь, что нет.

И все это пишется в те дни, когда открытый всему миру великодержавный американский шовинизм только что отбомбил очередное независимое государство и готовится бомбить ряд других «национально-государственных замкнутостей», чтобы они, наконец, «открылись» для империализма. Такое отношение к национализму не имеет ничего общего не только с марксизмом, но и с общедемократическими чаяниями народов угнетенных империализмом стран, в том числе – народов РФ. Это сам метод имперской левой и ее российских адептов. То, что они называют «глобализмом», тем самым обезличивая стоящие за ним силы, есть не что иное, как великодержавная экспансия западных наций во главе с США. Только политические евнухи могут не замечать этого и сваливать в одну кучу национализм сербов и шовинизм бритов, расизм янки и китайский национализм, протекционизм российских производителей и «фритрейдерство» западных ТНК с авианосными группами за их спиной.

Интернационализм

Интернационализм – одно из самых любимых слов «антиглобализма». И в известном смысле ему нельзя отказать в этом качестве. Группы из разных стран, правда, в основном империалистических, находят друг друга, планируют свои действия, обмениваются информацией, наконец, дерутся с полицией на улицах Сиэтла, Праги, Рима и других городов. Многие из западных групп, особенно интеллигентские, говорят об ответственности сво-

их стран за бедственное положение стран «третьего мира». Немало из них организует и посильную практическую помощь. Взять хотя бы АТТАК, помогший организовать и финансировать поездку российской делегации в Геную. И все-таки, охотно признавая и отдавая должное этим формам интернационализма, его необходимо отличать от пролетарского, в ленинском понимании этого слова. Не скрою, что у меня нередко создается впечатление, что интернационализм антиглобализма призван помочь в первую очередь населению Запада бороться против негативных последствий влияния неолиберализма на свой уровень жизни. Вот характерный пример, приводимый нашими авторами.

«Французская продуктовая фирма «Данон» объявила в начале 2001 года о массовых увольнениях и закрытии нескольких предприятий, несмотря на рекордные прибыли этих предприятий (4,7 млрд. франков или 0,7 млрд. долларов). План закрытия касается не только предприятий Франции, но и одного нового приобретенного предприятия Венгрии, работникам которого платят в 5 раз меньше, чем французским коллегам. Во Франции образуется единый коллектив борьбы работников и профсоюзов всех увольняющихся предприятий («Данон», сеть магазинов «Маркс & Спенсер», воздушные компании АОМ и «Эр Либерте», производитель товаров хозяйственного пользования «Мулинекс» и т.п.), куда примыкают организации антиглобалистского движения типа АТТАК.»

Это хорошо. Но объединялись ли все эти работники раньше, чтобы повысить зарплату своим венгерским коллегам? Объединились бы они, если бы закрытие и увольнения коснулись бы только этой фабрики в Венгрии? И почему «единый коллектив» образуется только во Франции? Или вот, казалось бы, находим в статье Шеина и Клеман попытку откровенного признания изначального неравноправия и противоречий между антиглобалистами Запада и антиимпериалистами Востока и Юга:

«Все движение построено на диалектическом принципе признания специфичности, с одной стороны, и стремления к общности – с другой. А на самом деле противоречий очень много: между особыми требованиями каждого и общими человеческими принципами всех, между теми, кто стремится просто реформировать систему, и теми, кто нацелен на построение совершенно другого общества, между интернационалистическим подходом и слабым присутствием бедных слоев общества или бедных стран на международных мероприятиях, между сторонниками мирного сопротивления и более радикально настроенными участниками. Оригинальность антиглобалистского движения состоит в том, что ему присуще терпимое отношение ко всем составляющим течениям. Проблемы решены диалектическим способом – не отрицая противоречий, но при этом пытаюсь их совместить и двигаться вперед.»

Но, к сожалению, это признание приводит не к серьезному разговору, а к очередной пошлости. Ведь для того, чтобы решать проблемы «диалектическим способом», надо сначала признать их существование. Признать, что причиной «глобализации» является империализм, что это изначально ставит граждан империалистических стран и граждан зависимых от них стран в неравное положение, что их лозунги и цели борьбы не могут быть одинаковыми вернее, как говорил Ленин, к единой цели они должны двигаться разными дорогами, и что поэтому задачей антиимпериалистического движения должно стать подчинение «антиглобализма» целям антиимпериалистической борьбы. Говоря попросту, не фран-

цузский АТТАК должен составлять декларации для российского «антиглобализма», а российскому антиимпериализму следует активно формировать лозунги и цели АТТАК и сходных организаций в империалистических странах. В противном случае зачем нам АТТАК? Чтобы ездить в Геную?

В чем же могут состоять эти лозунги и задачи? Прежде всего в требовании остановить экспансию НАТО и распустить этот альянс. Западный «антиглобализм», если он не ставит этого лозунга во главу всего остального, де-факто является пособником своего империализма. И тот западный коммунист, который не ведет сегодня самой активной борьбы против НАТО и других международных союзов империалистических стран, является не интернационалистом, а социал-шовинистом!

В то же время необходимо подчеркнуть, что противоречия как внутри этих стран, так и между ними в целом успешно разрешаются за счет их совместной эксплуатации рабочих и природных ресурсов стран Азии, Африки, Латинской Америки и Восточной Европы. Воспользовавшись атакой исламских террористов 11 сентября, правящие круги Запада во главе с США резко усилили милитаризацию и подготовку своих стран к режиму перманентных военных акций по всему миру. Частью этой подготовки стало свертывание гражданских прав, усиление репрессивного аппарата и ужесточение правового режима, особенно, для иностранных рабочих, то есть налицо определенный рост фашистских тенденций, всегда присутствующих в государстве и обществе высшей стадии капитализма. Никогда прежде империалистические страны не достигали такого сплочения перед лицом остального мира, такого сознания общности своих интересов в сохранении и упрочении своего господства над ним. Никогда прежде их правящие классы не пользовались такой широкой поддержкой своего населения в осуществлении этого господства под расистским лозунгом «защиты западной цивилизации». Никогда прежде там не были так слабы голоса протеста даже против самых преступных международных акций своих правительств, таких, как геноцид против населения Ирака, бомбежки Югославии и Афганистана. Шовинизм и расизм поощряются и исподволь пропагандируются на Западе в политически корректных формах. Между тем империализм в открытую готовит новые войны, расторгаются последние договоры, сдерживавшие гонку вооружений, американская военщина только что получила неслыханный, гигантский бюджет и оборудует базу за базой в Средней Азии, создавая плацдарм для окружения как России, так и Китая в самой сердцевине Евразии. И перед лицом этого раскручивающегося маховика военных приговоров народы мира не показывают никаких признаков пробуждения. Не разбудить их и «антиглобализмом». Здесь нужны куда более сильные средства. Нужен единый фронт антиимпериалистической борьбы от России до Аргентины, от Индонезии до Польши. Только оказывая нарастающее давление на империализм по его периферии, изматывая его в локальных боях на всех континентах, стимулируя рост антиимпериалистических сил внутри него и ведя борьбу против компрадорских слоев в наших странах, мы можем надеяться на обострение противоречий как внутри каждой из империалистических стран, так и между ними. И самый ценный вклад, который российские трудящиеся могут сделать в эту борьбу, это взять государственную власть в свои руки, тем самым резко изменив соотношение сил между империализмом и интернационалом угнетенных им.

Пир королей

Незадолго до начала первой мировой войны пролетарский художник Павел Филонов написал одну из своих самых известных картин – «Пир королей» (1913).

Вокруг стола с блюдами, символизирующими таинства христианской евхаристии, сгрудились восемь фигур на каменных тронах – семь мужских и одна женская, своего рода «7 + 1». Это не добрые волшебники Востока из евангелия от Матфея, пришедшие поклониться виффлемскому Младенцу. Мрачные красно-коричневые тона, грубые, низколобые лица идолов, как бы вытесанные из камня и изможденные какой-то мрачной страстью. Оскал зубов короля в центре композиции – Председателя пира, поднимающего чашу с вином ли, с кровью ли, и произносящего формулу какого-то тайного обета. Скрещенные руки двух королей. И если это крест распятия, то они готовят его миллионом. В нижнем левом углу – фигура мужчины, в отчаянии хватающегося за голову. В форме его черепа и в чертах лица есть сходство с Филоновым. Но, быть может, это и евангелист, слишком поздно понявший, что он ошибся, что это были не добрые маги Востока, а злые императоры Запада, что не земная власть склонилась перед Младенцем, а Младенец стал орудием власти, что его кровь не соединила «эллина и иудея», а загадочной алхимией власти опьянила народы для взаимного истребления. Короли Филонова – это кесари империализма, собравшиеся на кровавую вечерю перед тем, как распять человечество на полях Европы. Там есть еще одна фигура, под столом, рядом с собакой, между евангелистом и Председателем. Скорчившись, на цыпочках, втянув в сутулую спину скошенный череп, с глазами, поднятыми горе, на Председателя, и молитвенно протянутыми к нему руками – там сидит то ли шут Босха, то ли дурак Брейгеля, то ли гегелевский Раб. Он просит подачки, брошенной кости, пока его не видит с достоинством отвернувшийся от всех пес. Таким представляется мне сейчас духовное состояние народов мира, скорчившихся под пиршественным столом империалистов. Они уже дерутся между собой за брошенные кости. Пока без крови или почти без крови. Но луна лишь взошла, и пир королей еще в самом начале, еще не сказаны последние слова обета, не выпито красное вино. И, быть может, у евангелиста еще есть время объяснить рабу, чьи вино и кости ждут его, если он не успеет разогнуться к концу этого пира.

Послесловие

Уже после написания этой статьи в марксистском ежемесячнике «Монсли ревью» (США) была опубликована корреспонденция Джеймса Петраса из Порто

Алегре под красноречивым названием «Рассказ о двух форумах». Наблюдения Петраса полностью подтверждают основные моменты моей критики «антиглобализма». Поляризация сил на этом форуме прошла именно между «антиглобалистами», т.е. реформистским, экономистским крылом движения, – и антиимпериалистами, т.е. политическим радикализмом. Вот как пишет об этом Петрас:

«На одной стороне были реформаторы – НГО, профессора, большинство организаторов Форума, АТТАК и лидеры социал-демократического крыла Бразильской рабочей партии. На другой стороне – радикалы из Бразильского движения безземельных крестьян, активисты из интеллигенции, пикетчики из Аргентины, представители левых партий, профсоюзов, городских движений и групп солидарности... Реформисты, цитируя статьи конституции Форума, оправдывали свое решение исключить из него сапатистов (тех самых сапатистов, с которых, если верить К. Клеман и О. Шеину, и начался «антиглобализм» – А. Б.), Революционные вооруженные силы Колумбии и других представителей народного сопротивления на том основании, что это «политические течения»... Наиболее ярко противоречие между реформистским и радикальным крылом Форума проявилось в их определениях ключевых направлений борьбы и принятых по ним резолюций. Реформисты по-прежнему использовали язык антиглобализма, добавляя к этому оппозицию милитаризации США. Радикалы все больше связывали экспансию ТНК с империалистическими государствами и переходили на язык антиимпериализма». Петрас подчеркивает, что «дело было не просто в языке, а в глубоком различии в ориентации и стратегических перспективах этих двух сторон»¹¹.

Свидетельство Дж. Петраса и других марксистов, как и открытое письмо бразильских рабочих активистов, опубликованное Лефт.ру¹², ясно показывают, что современный «антиглобализм» раскалывается на два лагеря; что в нем идет борьба между теми, кто пытается сдержать растущий ураган гнева, обессилить, превратить его в свежий ветерок спасительного реформизма, и теми, кто ищет, как удесятерить его убойную силу, сконцентрировать ее – и ударить по империализму так, чтобы вместе с ним похоронить и капитализм. Поэтому нам в России так важно сейчас соединиться именно с радикальной струей этого мирового движения и ни в коем случае не позволить западному реформизму и социал-шовинизму дезориентировать наше рождающееся антиимпериалистическое движение. Ради этого и была написана эта статья.

Февраль-май 2002 г.

¹¹ James Petras. «Porto Alegre 2002: A Tale of Two Forums». *Monthly Review*. Vol. 53, no. 11 (April 2002), 59.

¹² № 5 (55) от 18 февраля 2002.

КОММУНИСТЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Резолюция 16-го съезда Коммунистической партии Греции (ККЕ) «Об антиимпериалистическом, антимонополистическом, демократическом Фронте»

На основе последних процессов 16-й съезд более подробно разработал политическое предложение ККЕ о формировании Антиимпериалистического Антимонополистического Демократического Фронта борьбы (ААДФ), чтобы таким образом дать ответы на ряд вопросов широких слоев нашего общества. В своих тезисах и предложениях ККЕ обращается к рабочему классу, к угнетаемым народным слоям города и деревни, к молодежи, к прогрессивным силам нашего общества, ко всем, кто обеспокоен, и независимо от своей нынешней политической или партийной принадлежности чувствует по условиям своей жизни, что необходимо провести глубокие изменения, необходимо найти выход из тупика. ККЕ приглашает всех, с кем она была вместе на различных выступлениях, и также тех, кто еще не сделал такого шага, но может сделать его, к совместной деятельности для создания Народного Фронта против капиталистической реструктуризации, против нового империалистического порядка и с целью противостоять за антинародной политике. За новую Грецию с народной властью, с народным хозяйством, за социальное благополучие. Такой ход развития превратит нашу страну в фактор борьбы за мир и сотрудничество в регионе, в Европе и в мире, защиты права каждого народа самому выбирать путь своего социального развития, в противовес интересам империалистических организаций и союзов.

Призыв 16-го съезда ККЕ сводится к тому, что не существует тупиков в политической и общественной жизни страны. Выход есть. Это путь создания Фронта, путь сплочения сил в борьбе за народную власть и за народное хозяйство.

Процессы в мировой системе империализма

На пороге 21-го века международные процессы отмечаются варварскими и бесчеловечными действиями империализма по установлению «нового мирового порядка» во всем мире. Человечество переживает трудные моменты в связи с империалистической агрессивностью, которая как по масштабам, так и по глубине проявляется в экономике, в трудовых отношениях, в социальной политике, в политической системе, в идеологической и культурной сферах, в международных отношениях, в окружающей среде.

Постоянно усиливающееся открытое вмешательство во внутренние дела других стран империалистических сил и противоречия между самими империалистами из-за раздела рынков опутывают новыми оковами зависимые страны, приводят к возникновению новых очагов обострения и локальных войн.

Деятельность транснациональных монополий характеризуется невиданным наступлением на права трудящихся. Формируются новые, более жестокие условия эксплуатации рабочей силы в новой системе занятости, расширенной приватизации – коммерциализации социального страхования, здравоохранения, образования, спорта, культуры.

Разрушаются и обесцениваются производственные силы, особенно человеческий потенциал. Быстрыми

темпами растет безработица, голод, бедность и нищета. Усиливается эмиграционное течение. Резко растет социальная преступность и наркомания, расизм, шовинизм, антикоммунизм. Миллионы людей на земле испытывают беспомощность перед природными явлениями, остаются без элементарной защиты и не способны обезопасить себя. В целом более явно выражается реакционный характер империалистической системы.

Более очевидным становится противоречие между возможностями социального благополучия в результате прогресса науки и техники, генетики, и их реализацией капитализмом. Одновременно капитализм дает толчок к подъему особенно тех отраслей науки, от которых ожидается экономическая, политическая и идеологическая выгода для него, оставляя без внимания те сферы и области науки, ее открытия, внедрение которых может улучшить материальные и духовные условия жизни человека.

Огромные зоны бедности и болезней, неравномерность в распространении технологических достижений между странами и регионами и даже внутри стран, являются характерными показателями классового характера развития, а также старения, загнивания системы, которая находится в глубоком кризисе.

И хотя империализм сегодня является сильным, так как вновь завоевал утраченные позиции, он не всемогущ. Мы не закрываем глаза на отрицательное для народов соотношение сил, но эта действительность развивается, меняется. Соотношение сил не является неизменным, капиталистическая система не всеильна и не вечна.

Капиталистическое варварство и агрессивность являются не только доказательством силы. Это также показатель слабости и неспособности предотвратить резкое обострение всей совокупности противоречий, которые сопровождают ход империалистической системы.

Для человечества существует вероятность пережить мировой кризис, так как, с одной стороны, обобществление труда достигло высокого уровня, а с другой - общественное богатство сконцентрировано в руках небольшой кучки людей. В связи с этим противоречия и антагонизмы между разными региональными центрами империализма, а также антагонизмы внутри этих центров стали более дикими, и в то же время классические рецепты по преодолению кризисных явлений или некоторые разновидности этих рецептов оказываются безрезультативными.

Объективные условия общего кризиса, которые существуют сегодня, сформируют элементы национального кризиса в одной или более странах, в одних раньше, в других позже

Обострение антагонизмов в империалистической системе, усиливающаяся милитаризация, различные очаги войн, новая гонка ядерного вооружения приводят к выводу о том, что народы должны быть бдительными, так как опасность всеобщего столкновения мирового масштаба продолжает существовать, и сегодня, по некоторым оценкам, усиливается.

Обострение противоречий в европейском регионе. Балканский полуостров – пороховой погреб

Обостряются противоречия в Европе, на Балканах, в Юго-Восточном Средиземноморье, в соседних странах.

Усиливается неравномерность развития внутри Европейского Союза, обостряются ее последствия в связи с введением евро и окончательным оформлением его ядра.

Для Европейского союза характерно существование «коалиции» и «антикоалиции», которые меняются в зависимости от хода развития противоречий между ведущими империалистическими силами, в эпицентре которых сегодня находится вопрос о федеративной перспективе ЕС. В действительности же складывается такая структура Европейского Союза, которая обеспечивает доминантное положение наиболее мощных стран-членов. Резолюции, принятые на встрече в верхах ЕС в Никее (Франция), являются еще одним шагом к созданию такого ядра из ведущих сил Европейского Союза, которые и будут принимать решения за всех остальных его членов.

Мощные империалистические силы во главе с США и институтами Европейского Союза планируют и формируют «союзы» из бывших социалистических стран, которые сейчас находятся под их контролем, с целью окружить Россию и все страны, желающие занять лидирующее место в системе империализма. Они заинтересованы в стабилизации капитализма в России, но не желают, чтобы она стала лидирующей силой в системе империализма.

Основная цель империалистов в Балканском регионе - создание государств-протекторатов. Планируется дальнейший распад Союзной Республики Югославии, не прекращаются попытки изменения границ. Балканский полуостров остается пороховым погребом. Опасность усиливает тот факт, что греческое правительство остается верным союзником и проводником империалистического порядка в регионе.

В эпицентре империалистических планов и противоречий находятся также палестинский вопрос, кипрская проблема, а также процесс вхождения Турции в ЕС. Империалистические силы, присматриваясь к турецкому рынку и геостратегической роли Турции, поддерживают процесс ее вступления в ЕС. Процесс вхождения Кипра в ЕС связан с навязыванием этой стране конфедеративного устройства, которое, по сути, является формой разделения острова вопреки решениям ООН.

И хотя обострение противоречий между империалистическими и зависимыми странами проявляется в разных формах, оно может способствовать сплочению народов, формированию местных и региональных союзов против империалистических стран. Такие противоречия все более интернационализируются, увеличивается число стран, объективно заинтересованных в сопротивлении, в разрыве отношений с международными организациями, в борьбе с мерами, которые ими предпринимаются.

Ситуация в Греции

В таких международных и региональных рамках развиваются процессы в нашей стране. Ускоряется реализация основного плана капиталистической реструктуризации. Отмечается новый уровень концентрации капитала и монополизации. От этих процессов ни рабочий класс, ни низшая часть средних слоев города и деревни не имеют никакой выгоды. В выигрыше остаются финансовая олигархия страны, транснациональные монополии и «слои», который распоряжается денежными средствами

ЕС. Рабочий класс и другие народные слои живут в условиях увеличивающейся относительной и абсолютной бедности.

В Греции государственно-монополистический капитализм вошел в русло обострения своих противоречий. Фактор, усиливающий это обострение, – зависимое и второстепенное место Греции в региональной и международной империалистической системе в связи с ее геостратегическим положением.

Наша страна находится в регионе Балканского полуострова и Средиземноморья, где с особой остротой выражаются антагонизмы между лидирующими силами Европейского Союза, а также между Европейским Союзом и США. Таким образом, острым является антагонизм в сфере вывоза капитала и товаров, а также в разграблении источников полезных ископаемых и при установлении геостратегического контроля в регионе. В последние годы начался и продолжается процесс изменения границ.

НАТО располагает не только ядерными и разведывательными базами, но также военными корпусами, к которым добавляется и империалистический военный еврокорпус. Участие частей наших вооруженных сил в составе сил быстрого реагирования усиливает опасность втягивания нашей страны в империалистические авантюры.

Антагонизм между Грецией и Турцией существовал и раньше, но сегодня он становится более острым, так как их правящие классы стараются отхватить больший кусок при разделе пирога.

Империалистические силы используют противоречия между господствующими классами и правительствами Греции и Турции в своих экономических и политических целях, пытались создать видимость того, что они просто регулируют разногласия между двумя странами. Но их цель – использовать обе страны в своих планах экспансии на Балканах и в Причерноморском регионе. Соглашения, которые были подписаны, затрагивают суверенные права Греции в Эгейском море и связаны с планами по его НАТОизации и американизации.

Появляются и будут далее обостряться новые противоречия между правящим классом Греции и правящими классами балканских стран, так как они тоже выходят на арену со своими интересами, которые находятся в тесном сотрудничестве, в условиях зависимости от США или других лидирующих стран Европейского Союза. Греция, хотя и играет очень активную роль во всех агрессивных планах, является не только палачом, но и жертвой империалистических стремлений и антагонизмов.

Политическая и идеологическая манипуляция народом, а также его подавление реорганизуется для того, чтобы соответствовать растущим требованиям капитала и империалистических организаций.

В Греции существует почва для возникновения более остро народного возмущения, которое при некоторых предпосылках сможет положительно повлиять на сплочение и контрнаступление с целью более глубоких изменений в соотношении сил, как на социальном, так и политическом уровне. Уже видны некоторые положительные процессы, но есть и другие, скрытые, процессы особенно среди народных слоев.

Условия созревают, процессы идут, заметным следствием является ряд инициатив по реорганизацию политической арены, для того чтобы сохранить процесс капиталистической реструктуризации и участия Греции в самых агрессивных планах империализма. Правящий класс поддерживает не только смену власти одной из двух ее основных партий, но и ряд движений «правых» и «левых», которые используются как препятствия для радикализации народа, создания политических союзов,

нужных сегодня народу. Создание таких «препятствий» не прекратится. Оно будет проявляться в разных формах, по мере укрепления народного движения, формирования и усиления Фронта.

Эти процессы подтверждают политический тезис о том, что Европейский союз является межгосударственным капиталистическим союзом, о роли НАТО и о необходимости фронтового противоборства, а в перспективе - полного разрыва с капиталистической реструктуризацией и с империалистическими союзами. Подтверждается то, что проводимые в Греции меры направленные на буржуазную модернизацию, которые в других европейских странах были осуществлены раньше, имеют единственную цель – сделать капиталистическую систему более эффективной в наступлении на народные права в интересах крупного капитала.

В этих условиях на первый план выдвигается вывод 15-го съезда ККЕ о двух путях, которые открываются перед нашей страной и народом: путь приспособления, включения в империалистический мировой порядок, т.е. путь, в той или иной форме, более жесткой эксплуатации трудящихся, а, с другой стороны, путь сопротивления и разрыва с такой политикой. Второй путь – путь формирования Антиимпериалистического, антимонополистического демократического фронта борьбы, который служит интересам рабочего класса, широких народных слоев города и деревни, большинства народа. Путь, который даст возможность народу взять в свои руки свою судьбу, будущее своей страны, своих детей.

Это путь борьбы за реализацию существующих, объективных возможностей страны и ее природных источников, за совершенно иную перспективу для народа, за народную власть и народное хозяйство. На этом пути греческий народ встанет плечом к плечу с другими народами и силами, которые заинтересованы в борьбе против монополий и империализма как на национальном, так и на мировом уровне. Это путь, который создает возможности для социалистического возрождения страны.

Характер и формирование Антиимпериалистического антимонополистического демократического фронта

ААД Фронт опирается на союз рабочего класса с мелкобуржуазными слоями деревни и города в их общих интересах, несмотря на имеющиеся различия в борьбе против их общего врага – крупного капитала и транснациональных монополий. ААДФ опирается на диалектическую связь и взаимовлияние социальных и политических союзов. В первую очередь, он черпает свою энергию в развитии классовой борьбы, в процессах и изменениях, которые несет эта борьба на общественном и политическом уровне. В свою очередь, ААДФ вносит новый динамизм в классовую борьбу, в народное движение и в процесс изменения, соотношения и реорганизации сил.

В рядах ААДФ будут спланиваться неоднородные, с точки зрения социального положения и идейно-политической позиции, общественные и политические силы:

– **Общественные движения** рабочего класса, мелкобуржуазных слоев города и деревни.

– **Движения** молодежи, женщин; движения за бесплатное государственное образование и здравоохранение, за социальную политику; движения за профсоюзные, демократические, политические свободы и права, за охрану окружающей среды; антиимпериалистическое движение за мир, а также движения деятелей науки,

культуры, спорта, движение против наркомании.

– **Политические силы**, группы и движения, поддерживающие необходимость антиимпериалистической антимонополистической борьбы, альтернативного капитализму пути развития греческого общества. И также общественно-политические деятели, патриоты, демократы, все прогрессивные люди, которые согласны и готовы действовать в интересах народа, против монополий и империализма.

Для создания ААДФ недостаточно совместной деятельности, опирающейся на общие или сходные взгляды на актуальные вопросы жизни общества, создания линии обороны против нападков на наш народ. Необходимо выработать общую экономическую и политическую программу деятельности этой организации.

Антиимпериалистическая, антимонополистическая борьба, деятельность Фронта как общественно-политического союза независимо от его конкретного состава и формы, которую он примет, будет поступательной. Деятельность ААДФ будет строиться с учетом реального соотношения сил, степени сплоченности, массовости движения, его стабильности, последовательности и способности к действию.

Возможны и противоречия в рядах Фронта, колебания в переломные моменты борьбы, когда потребуются больше решительности и твердости, когда появится необходимость заново определить очередность целей и требований, инициатив, подрывающих основы капиталистической системы. В ходе изменения социальных и политических реалий произойдут изменения и в составе рядов Фронта.

ААДФ как общественно-политический союз будет использовать в своей деятельности элементы компромиссов, чтобы достигнуть максимальной концентрации сил, но таким образом, чтобы они не стали препятствием для развития динамики процессов. ККЕ будет использовать все возможности, чтобы этот союз не попал в ловушку раскольничьих планов правящего класса и его давления, цель которого собрать как можно больше сил и подчинить их курсу на соглашательство с капиталистической системой.

Разногласия, которые будут возникать по вопросам тактики и стратегии, будут разрешаться посредством диалога, в противоборстве мнений о ходе борьбы, под влиянием воздействия соотношения сил, которое будет формироваться в обществе, с учетом самостоятельности и различных мнений каждой составляющей силы Фронта.

ККЕ сохраняет свою самостоятельность и признает это право за всеми силами, участвующими во Фронте. – Самостоятельность ККЕ не противоречит деятельности Фронта и не снимает с нее особой ответственности за сохранение единства и сплоченности Фронта, а, наоборот, является гарантией этих усилий.

Формирование Антиимпериалистического антимонополистического демократического фронта и его развитие в критический момент будет зависеть от политического влияния и силы Компартии, от ее способности спланивать силы, от единства рабочего класса и его способности быть передовой силой в борьбе за свои права, реализовывать политику союзов как с мелкобуржуазными социальными слоями, так и с молодежью.

Существует объективная необходимость и возможность иного пути развития греческого общества в пользу народного большинства. ККЕ прямо выдвигает политику создания ААД Фронта для того, чтобы способствовать развитию субъективного фактора, и для формирования условий, которые приведут народ к власти.

Греция имеет все возможности для развития народного хозяйства – народу выгодно бороться за это

Греция, несмотря на разрушительные процессы, вызванные кризисами и большими объемами импортных товаров, монополистических противоречий и неравномерности развития, имеет все предпосылки для формирования и развития народного хозяйства.

Наша страна имеет удовлетворительный уровень концентрации производства, средств производства, торговой сети и уровень развития современной технологии. И, прежде всего, опытный, многочисленный рабочий класс, с хорошим образовательным уровнем и специализацией, многочисленным квалифицированным научным потенциалом.

Ее полезные ископаемые в большей их части сохранены и продолжают быть ценными для производства промышленных и потребительских товаров. Она имеет относительное преимущество в производстве продуктов питания хорошего качества, которые могут обеспечить удовлетворение потребностей народа и соответствуют международным торговым требованиям. Страна располагает всеми возможностями для производства современной продукции, машин, инструментов и аппаратов.

Капиталистическая индустриализация в прошлом, а также возникающие сегодня новые отрасли хозяйства, говорят о том, что греческий народ может жить лучше, и что в Греции может развиваться народное хозяйство, которое может строить свои международные экономические отношения на основе взаимной выгоды.

Предпосылкой для развития народного хозяйства является переход добычи полезных ископаемых и основных концентрированных средств производства в общественную собственность, для того чтобы свергнуть экономическое господство транснациональных монополий и крупную капиталистическую собственность.

Народу выгодно бороться за это, так как стимулом для развития народного хозяйства будет благополучие народа, показателем которого являются: развитие и применение научно-технических достижений на пользу трудящихся; уровень образования и профессиональной ориентации, уровень здравоохранения и культурного развития; доля свободного времени и его использование; защита общественной и природной окружающей среды; равный доступ к общественной работе для каждого способного гражданина. Все это является фундаментом народного хозяйства, основной обязанностью и выражением народной власти.

ККЕ считает, что фундаментом народного хозяйства и развития являются:

– Общественная собственность на основные концентрированные средства производства, такие как: энергетическая отрасль, телекоммуникации, шахты, водоснабжение, транспорт, основные перерабатывающие отрасли, производство средств производства и продуктов народного потребления. Кроме того, общественной собственностью должны стать: банковская система и в целом система концентрации и распределения экономических и других материальных источников, а также внешняя торговля и концентрированная сеть внутренней торговли. Отрасль жилищно-гражданского строительства, отрасль основных исследований, система демократической информации народа.

– Исключительно государственной должна быть единая и бесплатная система образования, здравоохранения, социального обеспечения и страхования.

Обобществленный сектор будет расширенным, так как монополистический капитал перешел на высший уро-

вень концентрации и проникновения не только в сферу производства, но и в сферу торговли, общественную отрасль, в сферу образования, здравоохранения, туризма.

ККЕ не поддерживает полное, генеральное и общенациональное обобществление. Она считает, что рядом с обобществленным сектором народного хозяйства должны функционировать производительные кооперативы мелкого и среднего крестьянства, мелких предпринимателей, особенно в перерабатывающих отраслях, где наблюдается низкий уровень концентрации.

Включение этих слоев в кооперативы после пережитого ими опыта давления со стороны транснациональных монополий, будет восприниматься как положительно, так как будет способствовать их концентрации, защитит их интересы, обеспечит подъем производительности, улучшение их продукции, ее сбыт.

Таким образом, будет укрепляться союз рабочего класса с бедным крестьянством и мелкобуржуазными слоями. Будет обеспечиваться снабжение общества потребительскими продуктами, которые будут соответствовать современным требованиям, без нынешней спекуляции и опасности для здоровья населения.

– Центральный общенациональный экономический механизм планирования и управления мобилизует обобществленные средства производства, рабочий потенциал, природные источники, будет использовать все возможные полезные формы международного экономического сотрудничества на основе взаимного интереса.

Централизованный, общегреческий экономический механизм планирования и управления будет распоряжаться средствами производства, рабочей силой, природными источниками с целью все большего удовлетворения народных нужд, расширенного воспроизводства, а также обеспечения средств на безопасность и оборону страны, международную народную солидарность.

Такой механизм позволит развивать средства производства, повышать уровень производительности труда, научные исследования, своевременно и широко внедрять достижения науки и технологии, как на производстве, так и в отраслях воспроизводства рабочей силы. Это обеспечит связь сельского производства с перерабатывающей промышленностью, децентрализацию, защиту от наводнений, противопожарную и антисейсмическую защиту, реальную защиту окружающей среды. Будет обеспечено соотношение между производством и распределением.

Одновременно будут прилагаться усилия по подписанию межгосударственных соглашений по торговому обмену, соглашения по использованию «ноу-хау» на основе взаимной выгоды, защиты местного производства и рабочей силы от наглой деятельности транснациональных монополий мирового рынка.

Центральный общенациональный экономический механизм управления сможет функционировать результативно, преодолевая препятствия как на национальном, так и на международном уровнях в той степени, в которой обеспечивается на практике активное участие трудящихся, общественный и рабочий контроль, демократия на рабочих местах.

– Народное хозяйство предполагает политическое освобождение Греции от международных империалистических организаций, избавление от формальных обязанностей перед ними. Народная власть будет уже опираться на согласие народа на такой выбор, так как ее программу невозможно реализовать в рамках Европейского Союза и НАТО.

Впрочем, уже сегодня Европейский союз устанавливает, такой порядок, при котором государства-члены ЕС

не только не имеют права ставить под сомнение капиталистическую реструктуризацию, а наоборот, они обязаны всеми способами – экономическими, политическими и карательными – ее поддерживать. НАТО не оставляет почвы для маневров странам-членам даже по вопросам касающимся границ, национального суверенитета и требует полного участия в политике изменения границ, в войне и терро-ре против народов.

Противоборство и разрыв с международными империалистическими союзами возникнет неизбежно и будет выражаться в сфере экономики, политики страны на Балканах и в регионе, в ее оборонительной доктрине, которая сегодня превратилась в агрессивную.

ККЕ не питает иллюзий, что борьба одной страны в окружении реакции, которая станет следствием игнорирования и разрыва этих международных обязательств будет легкой. Но наша партия не может согласиться с теми, кто считает, что Греция будет одинокой.

ККЕ не согласна с утопическими представлениями, о том, что эти изменения пройдут одновременно во всех странах Европейского Союза и НАТО или с тем, что ничего не может произойти в одной стране, в маленькой или в большой группе стран. Для того чтобы произошли изменения в международном масштабе, требуется, чтобы рабочее и народное движение в каждой стране нанесло удары по международным капиталистическим организациям, используя противоречия, усиливая центробежные тенденции. Чем больше стран будут твердо и последовательно сопротивляться и освободиться от Европейского союза и НАТО, тем более реальным будет становиться требование их роспуска.

Но даже при условии сохранения Европейского союза и НАТО, освобожденная от них Греция будет иметь возможность сотрудничества и коалиции с другими странами и силами, заинтересованными во взаимовыгодном сотрудничестве с ней. Положительные изменения будут в той или иной степени появляться и в других местах. Тем более, что и сегодня усиливаются тенденции регионального сотрудничества.

Особое развитие международных торговых обменов и отношений на основе взаимной выгоды будет опираться на возможность производства дешевых товаров хорошего качества. Это возможно исходит из климатических – почвенных условий, наличия полезных ископаемых, преимущественного географического положения страны, специализации ее рабочего потенциала, общего опыта. Эти преимущества радикально отличаются от тех преимуществ, которые опираются в основном на нищенскую рабочую силу и на ее низкую ее стоимость. Также будет развиваться двустороннее, многостороннее, региональное сотрудничество с соседними странами в Средиземноморском регионе, с балканскими и европейскими государствами, а также с другими странами, в зависимости от ситуации и соотношения сил. Такой поворот событий в Греции, а также в других странах будет ударом по Европейскому Союзу, по международным империалистическим союзам, станет важным вкладом в дело международной борьбы.

ККЕ поддерживает высшую форму интернационализации – социалистическую – в Европе и во всем в мире, которая будет развиваться тогда, когда на национальном уровне произойдет существенный разрыв с межгосударственными капиталистическими организациями, когда параллельно будут формироваться местное и региональное сотрудничество в экономической, торговой и культурной областях, союзы, направленные против лидирующих империалистических сил. Это будет развиваться и становиться реальностью в той степени, когда рабочее

народное движение каждой страны сможет взвешивать и реализовывать все возможности, возникающие в его стране, для ее перехода к социализму и для нанесения удара по мировой системе империализма.

Фронт борется и отстаивает народную власть

Социальные, экономические предложения и программы радикальных изменений на благо народа не могут существовать без политического предложения на уровне власти. Необходимость народного хозяйства станет реальностью тогда, когда народ проведет радикальные изменения на уровне власти.

ААДФ должен пропагандировать среди народа идею о том, что не только необходимо, но и реально восстановить защиту интересов угнетенных народных масс на уровне власти, и эта цель неразрывно связана с существенным изменением соотношения сил.

Фронт должен выдвинуть позитивный тезис о том, какая власть ему необходима. Эта власть не может одновременно плыть в двух лодках. Она или будет служить монополиям и империализму, или явно будет в полном противоречии с ними. Естественно, борьба за власть пройдет много фаз и поворотов, где каждая фаза или поворот будут зависеть от соотношения сил и от динамики событий.

Сегодня антиимпериалистическая антимонополистическая борьба более органично, чем в прошлом, связана с борьбой против капитализма, так как по своей природе она состоит из столкновений, которые подрывают фундамент капиталистического общества, где господствуют транснациональные монополии. Но, несмотря на это, борьба Фронта не означает обязательную и неизбежную победу социализма.

Антиимпериалистический антимонополистический демократический фронт в условиях революционной ситуации может обрести черты революционного фронта, борющегося за свержение власти транснациональных монополий, готового и способного использовать все формы борьбы. В этой борьбе будут формироваться новые народные институты власти, которые могут вырасти до уровня формирования революционного правительства. С победоносным исходом этой борьбы будет завершено и формирование этого революционного правительства, как власти рабочего класса и его союзников, то есть диктатуры пролетариата, которая является антиподом диктатуры буржуазного класса и транснациональных монополий.

В условиях классового противоборства и сильного уменьшения влияния буржуазных партий и их союзников, и когда еще не сформированы предпосылки для радикального социального переворота и революционного перехода, возможно становление правительства антиимпериалистических, антимонополистических сил через парламент. Фронт обязан использовать эту возможность контролировать правительство, проводя политику в пользу народа. В этом случае, за короткое время определится, сможет ли это народное правительство, вооруженное наивысшей народной мобилизацией, дать отпор реакции господствующего класса, с целью свергнуть и обезвредить его и, таким образом, способствовать созреванию и началу революционного процесса.

Фронт с самого начала своего формирования должен выдвигать общую идею вопроса о власти. ККЕ считает, что термин «народная власть» может стать объединяющим, если будет включать ряд основных признаков, отличающих ее от нынешней власти и ее различных вариантов правления.

Отличие народной власти в том, что она будет влас-

тью, выражающей интересы рабочего класса и его союзников. Будет находиться в полном противоречии с транснациональными монополиями и империализмом. Ее характерной чертой является создание народного хозяйства, общественной собственности, рабочего общественного контроля. Она будет способствовать обретению политической независимости страны от международных империалистических организаций, освободит ее и от формальных обязательств перед ними.

ККЕ считает, что народная власть в нашем понятии – есть социалистическая власть. Только она может освободить народ от оков монополий, от империалистического гнета и зависимости. Но мы не выдвигаем это требование в качестве условия для формирования Фронта, так как он не будет сформирован на основе их согласия с социализмом. Каждая сила, составляющая Фронт, сможет сохранить свое представление о характере власти.

Силы, которые составляют Фронт, как внутри так и за его пределами, будут дополнять свои представления о характере власти, о ее формах, заботясь о том, чтобы это не помешало совместной деятельности, не подвергло опасности достигнутый уровень согласованности в общем направлении борьбы против транснациональных монополий и империализма.

Как мы придем к формированию фронта

Создание Фронта - насущная необходимость. Но наблюдается несоответствие между необходимостью и прямой возможностью.

На ККЕ не ложится исключительная ответственность за сроки формирования Фронта. Требуются всеобщие предпосылки, такие как обновление рабочего профсоюзного движения и остальных основных движений, мобилизация значительных общественных сил, которые существуют сегодня. Причем некоторые из них сегодня находятся под влиянием других партий, и, несмотря на то, что они отчетливо видят как обстоят дела, не могут отказаться от иллюзий, что руководство их партий может изменить свою позицию.

То, что можно сделать сегодня, – это продвижение и развитие сотрудничества отдельных фронтов и союзов, которые будут по отдельным вопросам противостоять господствующей промонополистической, империалистической политике. Сотрудничество и союзы по конкретным антиимпериалистическим требованиям и целям не являются еще Фронтом, но они могут стать полюсом сплочения и проб, ручьями и притоками, ведущими к формированию Фронта.

Формирование отдельных общественно-политических фронтов дает возможность не терять драгоценный опыт совместной деятельности по тем вопросам, по которым у нас есть согласие, испытывать на практике, расширять сам Фронт. Таким образом концентрируются силы без опасности превращения Фронта во временный союз, находящийся под угрозой раскола и неэффективности. Усиливаются процессы по созданию Фронта без пассивного ожидания пока созреют необходимые условия. Отдельные фронты могут сплотить широкие массы, так как в них могут участвовать силы, не всегда понимающие необходимость всеобщего стратегического противоборства с монополиями, империализмом.

Такие фронты сплочения существуют, строятся или могут возникнуть по крупным вопросам борьбы, которая уже идет. Для того, чтобы усилить эти процессы, необходимо непосредственно работать по таким основным направлениям, где определяется подъем всех общественных движений и их глубокая политизация и радикализация, как:

– Сплочение против капиталистической реструктуризации, которая проводится в экономике, в трудовых отношениях, в социальной политике, против приватизации и пр. В борьбе против капиталистической реструктуризации мы должны приложить все свои усилия для создания и поддержки наличных форм социального союза рабочего класса с мелкобуржуазными слоями города, мелким и средним крестьянством. Мы выступаем за совместную деятельность с другими общественными движениями, организациями молодежи и женщин, образования и здравоохранения, культуры и окружающей среды, против наркотиков.

– Единый фронт борьбы против новой доктрины НАТО, против империалистического вмешательства, ядерного оружия, сил быстрого реагирования, цель которых – удар по народам, движениям, по национальной и политической независимости.

– Необходимо поддержать фронт действий в защиту демократических прав, права на забастовки, демократическую борьбу за народные свободы и солидарность.

– Мобилизация сил рабочего класса, молодежи, других движений, деятелей искусства и культуры, для того чтобы изменить духовную культурную атмосферу в нашей стране. Сегодня требуется борьба с явлениями гниения и разложения, с логикой фатализма и пораженчества; с индивидуализмом, с подкупом и подчинением сознания, с национализмом, космополитизмом, расизмом, шовинизмом и антикоммунизмом.

– Существует непосредственная необходимость развития форм координации и сотрудничества с антимонополистическими, антиимпериалистическими, радикальными прогрессивными силами на региональном и международном уровне. ККЕ будет способствовать более быстрому формированию все более активных форм совместного сотрудничества рабочих, коммунистических партий и параллельно - широких антиимпериалистических движений.

16-й съезд ККЕ представляет свои оценки нынешней ситуации в Греции и в мире, свое политическое предложение об ААД Фронте на суд греческого народа и призывает его к совместным действиям и борьбе.

Давайте делать все, от нас зависящее, для достижения серьезных изменений в соотношении сил, для создания крупного социального движения, чтобы быть готовыми к резким изменениям, а не плестись в хвосте событий.

Не существует тупиков. Тупики есть только там, где господствует фатализм, страх, апатия, иллюзии, замешательство.

Гнева и возмущения не достаточно. Вопрос в том, как этот гнев и возмущение превратить в сознательный выбор народного сопротивления и контрнаступления, которые откроют выход и перспективу.

ВЫХОД ЕСТЬ!

Он находится в руках рабочего класса и угнетенных народных слоев. Это вопрос политического выбора. Каждый сегодня должен как можно быстрее определиться. Решение, которое должен принять рабочий, крестьянин, мелкий предприниматель, молодой человек, женщина, пенсионер, интеллигент, артист, одно – БОЛЕЕ АКТИВНО УЧАСТВОВАТЬ В БОРЬБЕ ЗА СОЗДАНИЕ ФРОНТА, В БОРЬБЕ ЗА НАРОДНУЮ ВЛАСТЬ И ЗА НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО, ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ГРЕЦИИ.

Декабрь 2000 года

Семинар коммунистических партий Европейского региона Брюссель, 8-9 февраля 2002 г.

Информационное сообщение

В семинаре, посвященном проблеме борьбы против империализма, его политики глобализации и защите дела социализма в Корейской народно-демократической республике, приняли участие более 30 партий из 25 стран региона, а также делегация Трудовой партии Кореи.

Открыла семинар генеральный секретарь Партии Труда Бельгии Надин Роза-Росса. Во вступительном слове она заявила, что защита социализма в социалистической Корее является важнейшей задачей всех коммунистических и рабочих партий, всех прогрессивных сил мира, особенно Европейского региона. С докладами выступили представители Коммуни-

стической партии Германии, Коммунистической партии Греции, Коммунистической партии Ирландии (марксистско-ленинской), Социалистической Трудовой партии Великобритании, Всесоюзной Коммунистической партии Большевиков, Социалистической Трудовой партии Румынии, Коммунистической партии Болгарии, Коммунистической партии Народов Испании, Коммунистической партии Марксистов-Ленинцев (рев.) Швеции, Коммунистической партии Словакии и Трудовой партии Югославии.

Участники семинара направили приветствие товарищу Ким Чен Иру, приняли Резолюцию, а также направили ноту протеста Президенту США Джону Бушу.

Брюссельская Декларация 9-го февраля 2002 г.

Борьба с империалистической глобализацией и защита социалистической Кореи

В рамках глобализации империалисты сегодня, как никогда ранее, разрушают мир и безопасность мира. Они угрожают самому существованию человечества, его стремлению освободиться от угнетения.

Глобализация империалистов означает введение одной единственной идеологии, системы и культуры во всех странах. Миру навязывается в политическом, экономическом и культурном плане западный империалистический образец.

Эта реакционная и разрушительная глобализация ускоряет обнищание развивающихся стран. Она везде уничтожает рабочие места. Она способствует обогащению малочисленной элиты за счет подавляющего большинства. Она – источник военных столкновений и религиозных конфликтов.

Уже несколько лет многие партии и организации решительно борются с этой глобализацией, потому что они сознают ее опасность. Сегодня эта борьба, как никогда ранее, включается в общую антиимпериалистическую борьбу.

Бороться с империализмом необходимо, чтобы оправдать ожидания всех народов, которые оказывают сопротивление угнетению, рабству, агрессии и войне. Это – приоритетная задача для всех революционных партий и прогрессивных сил.

Участникам этой борьбы жизненно важно ответить на усилия империалистов, стремящихся их посорить, стратегией единства. Антиимпериалистические силы должны объединиться. Исходя из совместного стремления к независимости, миру и дружбе, они должны отодвинуть в сторону свои социальные, идеологические, философские, национальные и этнические различия.

Корейский полуостров сейчас находится в центре

острого столкновения между социализмом, стремящимся к освобождению человечества, и империализмом, стремящимся к мировому господству. Враждебность США против Кореи представляет собой серьезную угрозу миру и безопасности на Корейском полуострове и во всем мире.

Трудовая партия Кореи успешно продолжает Корейскую революцию и преодолевает постоянные угрозы и посягательства со стороны империалистов. Корейский народ, объединенный вокруг Трудовой партии Кореи, под руководством Ким Чен Ира, борется. Для этого он отдает приоритет укреплению армии и поддерживает все народы, стремящиеся к прогрессу, миру и социализму.

Мы поддерживаем Трудовую партию Кореи и корейский народ. Они борются за независимое объединение Кореи на принципах Общей Юго-Северной Декларации 15-го июня 2000-го года.

В Южной Корее реакционеры должны отбросить свою теорию о «главном враге» и прекратить плести заговоры с использованием американских войск против Севера. В Южной Корее фашистский закон о «Национальной безопасности» должен быть отменен, а американские войска должны быть выведены.

Краеугольный камень борьбы с империализмом и его политикой глобализации - защита социализма. Мы призываем все прогрессивные партии, организации и народы, которые заботятся о мире, принять участие в борьбе с империалистической глобализацией. Мы просим их поддержать и защитить социалистический проект, ради свободного и безопасного мира, социализма, будущего человечества.

Победит народ, объединившийся в борьбе!

Встреча Балканского АнтиНАТОвского Центра Салоники, 23-24 марта 2002 года

Информационное сообщение

23 и 24 марта в Салониках проходила встреча Балканского АнтиНАТОвского центра с участием партий, организаций и движений из Албании, Болгарии, Греции, Кипра, Румынии, Турции и Югославии. Встреча проходила уже в третий раз в конференц-зале Университета Македонии.

Цель встречи – координация деятельности балканских сил, выступающих против НАТО и ЕС, против политики сокращения демократических прав и свобод во имя борьбы с «терроризмом»; координация деятельности против империалистического вмешательства. Тема встречи: «Три года после бомбардировок, война на Балканах продолжается. Политика НАТО и ЕС».

На встрече выступили **Алека Папарига** - Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Греции (ККЕ), **Георгиос Роккос** - член Политического секретариата партии «Демократическое социальное движение» (ДИККИ) и единый кандидат в губернаторы округа Салоники от борющихся левых сил (на предстоящих в октябре 2002 г. местных выборах), **Мария Зевголи** - член Секретариата партии «Коммунистическое обновление».

Встречу также приветствовали **К. Вёледжас** - зам. проректора Университета Македонии, **М. Мосхонас** - мэр города Агиос Павлос, **Н. Яннопулос** - председатель «Рабочего центра», т.е. территориального объединения профсоюзов города Салоники, **А. Сахинис** -

единый кандидат в мэры города Салоники от борющихся левых сил (на предстоящих в октябре 2002 г. местных выборах), а также другие представители массовых организаций города Салоники.

На встрече выступили также представители **Коммунистической партии Албании, Коммунистической партии Болгарии, Болгарской Коммунистической партии «Георгий Димитров», «Марксистской платформы» Болгарии, Болгарского Антифашистского союза, Болгарской Рабочей партии (коммунистов), партии «Экогласность» (Болгария), Болгарского движения «Южный парк», Болгарского социалистического союза молодежи, Прогрессивной партии трудового народа Кипра (АКЭЛ), Рабочей партии Румынии, Коммунистической партии Турции (ТКР), Молодежной организации КП Турции, Курдского народно-демократического союза, Новой Коммунистической партии Югославии.**

Свои приветствия направили **Социалистическая партия Сербии, Партия Труда Турции (ЕМЕР), Мирнолюбивое движение Симбиу (Румыния), Антифашистский союз (Румыния)**, представители которых по разным причинам не смогли приехать.

Участники встречи приняли ряд документов, в частности «Призыв к балканским народам, народам всего мира».

Призыв

**к балканским народам, к народам всего мира:
Нет расширению НАТО! Прага – ноябрь 2002.**

По боевому встретим встречу в верхах ЕС. Салоники – июнь 2003

Все человечество переживает период очень критический для своего будущего и даже для своего существования. После событий 11-го сентября в Нью-Йорке и Пентагоне над всеми народами нависла опасность установления мировой диктатуры монополистического капитала при лидирующей роли США. Другие страны-члены НАТО, используя 5-ю статью (впервые в истории этой агрессивной организации со времени ее создания), также активно участвуют в агрессивной политике империализма, направленной против всего человечества. ЕС, принимая генеральную линию США, в то же время требует своей доли в мировом господстве. Несмотря на противоречия между ними, их стратегия остается общей.

Мы призываем народы Балкан, народы всего мира противостоять агрессивной политике империализма и осудить всеми силами:

– новую компанию США против «оси зла», которая ведет человечество к кровопролитию;

– преступную ядерную доктрину США, которая направлена даже против стран, которые не владеют ядерным оружием;

– невиданное попрание демократических прав и свобод, осуществляемое во имя борьбы с терроризмом;

– империалистическую войну против народа Афганистана, повлекшую за собой жертвы тысяч невинных людей;

– преступные действия израильской оккупационной армии против палестинского народа, борющегося за свою независимость.

Мы призываем проявить солидарность со спра-

ведливой борьбой за обретение независимости и суверенитета палестинским государством со столицей в Восточном Иерусалиме.

Три года после агрессии НАТО и его бомбардировок в Югославии, ситуация в Балканском регионе продолжает оставаться взрывоопасной..

Присутствие НАТО на Балканах не привело к миру, стабильности, территориальной целостности стран региона. Бывшая Югославская Республика Македония, в сущности, делится, под сомнением ее граница с югославской провинцией Косово. В то время как деятельность вооруженных групп продолжается до сих пор.

Союзная Республика Югославии скоро прекратит свое существование, и на ее месте возникнут государства Сербия и Черногория. Натовский протекторат Косово также требует своей «независимости».

Эти процессы полностью оправдывают борьбу народов Югославии против империалистического вмешательства и распада их страны.

Мы осуждаем суд-пародию в Гааге и политику двойных стандартов в вопросе поиска ответственности за военные преступления.

Мы призываем народы Балкан, народы Европы и народы всего мира активно мобилизоваться и потребовать:

- нерушимости государственных границ;
- бороться против любой попытки, которая ставит под сомнение территориальную целостность, суверенитет и независимость государств региона;
- вывести войска НАТО из Косово, Боснии, БЮРМ и других регионов Балкан;
- вывести турецкие оккупационные войсками и все иностранные войска и базы из Кипра;
- вывести из Греции и Турции и не распространять в новые страны Балкан американские и НАТОвские базы и ядерное оружие;
- остановить вмешательство НАТО, США, ЕС во внутренние дела стран Балкан. НАТО. Вон с Балканского полуострова!

Нет – вступлению новых стран Балкан в НАТО!
Да – выходу Греции и Турции из НАТО и дальнейшему распаду НАТО!

Усилить борьбу против гонки вооружений, против приобретения нового оружия для нужд НАТО в ущерб нуждам на социальные цели.

Бороться против создания армии ЕС, цели кото-

рой, как и цели НАТО, направлены на защиту интересов европейских монополий.

Мобилизоваться, организовывая разнообразные выступления и мероприятия, перед Советанием НАТО в Праге, в ноябре 2002 г. и встречей «руководителей стран - членов ЕС, проведение которой планируется на июнь 2003 года в Салониках.

Бороться за мир на Балканах, за равноправные отношения без империалистического вмешательства..

Мы приветствуем и поддерживаем инициативы, выдвинутые движением «ДЕЙСТВИЕ: Салоники 2003».

Салоники, 24 марта 2002 года

Поддержали:

АЛБАНИЯ

Коммунистическая партия Албании;

БОЛГАРИЯ

Коммунистическая партия Болгарии,

Болгарская Коммунистическая партия «Георгий

Димитров»,

Идейно-политическое объединение «Марксистская платформа»

Болгарский Антифашистский союз,

Болгарская Рабочая партия (коммунистов),

Партии «Экогласность»

Болгарское движение «Южный парк»,

Болгарский социалистический союз молодежи;

ГРЕЦИЯ

Демократическое социальное движение (ДИККИ)

Коммунистическое Обновление (К.А.)

Коммунистическая партия Греции (ККЕ)

Коммунистическая молодежь Греции (КНЕ)

Молодежная организация ДИККИ;

КИПР

Прогрессивная партия трудового народа Кипра (АКЭЛ),

Единая демократическая организация молодежи (ЕДОН);

РУМЫНИЯ

Рабочая партия Румынии;

ТУРЦИЯ

Коммунистическая партия Турции (ТКР),

Молодежная организация КП Турции,

Курдский народно-демократический союз;

ЮГОСЛАВИЯ

Новая Коммунистическая партия Югославии.

11-й Международный коммунистический семинар Брюссель, 2-4 мая 2002 г.

Информационное сообщение

С 1992 ежегодно в Брюсселе проходят Международные коммунистические семинары. Первые семинары ставили себе задачу выяснить настоящие причины развала Советского Союза и европейского социалистического лагеря, сделать выводы из этого временного поражения на будущее и способствовать объединению международного коммунистического движения. Участники пришли к выводу, что ревизия марксизма-ленинизма при Хрущеве служила интересам буржуазии. Одновременно надо было преодолеть сложившийся раскол между коммунистами внутри коммунистического движения из-за того, что одни сгруппировались вокруг КПСС, другие вокруг Коммунистической Партии Китая, некоторые разделили взгляды Партии Труда Албании или, как в Латинской Америке, вдохновлялись примером Кубинской революции. Семинар подтвердил историческую правоту

марксизма-ленинизма в борьбе с ревизионизмом и сектантством.

Особенно с 1999-го года, с начала войн НАТО в Югославии, а потом в Афганистане и Палестине, встала неолжная задача: разработать общую стратегию международного коммунистического движения против угрозы новой мировой войны, определить задачи социалистической революции в новых исторических условиях. В следующем, 2003-м, году темой семинара будет: «Марксистско-ленинская партия и антиимпериалистический фронт против войны».

В семинаре 2002-го года обсуждались экономические основы этих войн, кризис капитализма. В работе семинара участвовали 120 представителей и 80 наблюдателей, принадлежащих к 61 партии из 38 разных стран всех континентов.

Экономический кризис и кризис империализма Резолюция 11-го Международного коммунистического семинара. Брюссель, 2-4 мая 2002 г.

Капиталистический мир стоит перед наступлением нового мирового экономического кризиса, по масштабу сравнимого с самым глубоким мировым экономическим кризисом 1929-1933 гг. Уже четко обнаружены факторы, которые порождают этот кризис. Приближение нового кризиса пугает мировую империалистическую буржуазию и правительства империалистических стран. Вместе с тем складываются новые условия и возможности для революционного движения.

1. Капиталистическая система неизбежно порождает экономические кризисы. Первый такой кризис разразился в 1825-м году в самой развитой на тот период стране капитализма, Англии. А в 1857-м году произошел первый мировой экономический кризис. К. Маркс в «Капитале» открыл объективные законы, которые присущи капиталистическому способу производства и которые определяют циклический характер капиталистического воспроизводства. Капитализм пережил уже 23 экономических цикла, то есть движение от кризиса до кризиса.

В последней трети XIX века грянул острый экономический и первый структурный кризисы капитализма 1873-1895 гг. Ленин в своей работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» показал, как этот кризис ускорил перерастание доминирующего капитализма (капитализма свободной конкуренции) в монополистический капитализм (империализм). На стадии империализма утвердилось господство монополий. Произошел экономический раздел мира международными монополиями и завершился территори-

альный раздел мира империалистическими державами. Борьба за передел мира породила между ними первую мировую империалистическую войну.

2. Буржуазная экономическая наука оказалась не в состоянии объяснить происхождение кризисов, циклический характер капиталистического воспроизводства. Это связано с классовой природой буржуазной политэкономии и ее желанием замаскировать эксплуататорскую природу капитализма, противоречия, которые она порождает. Ученые лакеи буржуазии стремились утвердить веру в вечность капитализма, увести трудящихся от борьбы с этой экономической системой.

3. Только марксизм дает ключ к пониманию природы капиталистических кризисов и преодолению их. С одной стороны, погоня за прибылью, острейшая конкуренция толкают каждого капиталиста к увеличению производства, к постоянному наращиванию новых производственных мощностей и к борьбе за рынки сбыта. С другой стороны, усиливая эксплуатацию трудящихся, капиталисты понижают реальную, а часто и номинальную заработную плату, чем подрывают платежеспособность масс. В результате этого обостряется противоречие между растущими производительными силами и покупательной способностью, противоречие между производством и потреблением, производством и обращением.

Маркс показал, что любой экономический кризис выступает как кризис перепроизводства товаров. Он пишет, что конечной причиной каждого настоящего кризиса является бедность и ограниченность потребления масс одновременно с тенденцией капиталисти-

ческого производства развивать производительные силы как если бы они были ограничены только лишь бесконечной способностью потребления общества. Эту суть капиталистической системы, ее основу, система эксплуатации постоянно воспроизводит и увеличивает. Энгельс добавляет: циркуляция товаров моментально прекращается. Само средство обращения, деньги, становятся препятствием для обращения. Все законы производства и обращения товаров переворачиваются. Экономическое столкновение достигает своего пика: способ производства бунтует против способа обмена, производительные силы бунтуют против способа производства, для которого они стали слишком велики. Но это перепроизводство относительно, а не абсолютное. Производится не слишком много товаров, а больше товаров, чем рабочие могут приобрести. Создается положение, когда люди голодают из-за того, что капитализм производит слишком много хлеба; замерзают из-за изобилия одежды; спят под открытым небом из-за того, что жилья строится много.

Капиталистический кризис одновременно свидетельствует о перенакоплении капитала. Капиталисты гонятся за максимальной прибылью. Для этого постоянно обновляют оборудование, вводят новые мощности, что ведет к увеличению органического состава капитала. Это вызывает тенденцию понижения нормы прибыли. Кризис перепроизводства выступает, с одной стороны, как излишек производственных мощностей, с другой, – как излишек капитала. Этот избыток капитала носит относительный характер, он означает лишь, что капитал не находит достаточно рентабельного применения в производстве. Тогда он направляется в спекулятивную сферу, вывозится за границу. На этой основе финансовый сектор развивается чрезвычайно. «Виртуальный» капитал может питать иллюзии о преодолении экономической стагнации, но он неотвратимо готовит взрыв «финансового пузыря». Преувеличенный рост финансового, спекулятивного сектора экономики не соответствует реалиям производства. «Виртуальный» капитал служит почвой для расширения кредитов, которые в свою очередь раздувают спекулятивный пузырь. В связи с этим большим экономическим кризисам всегда предшествует финансовый и биржевой крах. Поэтому причина кризисов на первый взгляд кажется коренящейся в финансовой сфере, в то время как истинные причины кризисов находятся в производственной сфере. Они связаны с частной собственностью на средства производства, которая противоречит общественному характеру производства. Переход на монополистическую стадию довел противоречия капитализма до высшей степени.

4. Механизм кризиса проявился наиболее жестко и деструктивно во время кризиса 1929-1933 гг. Он начался в США с биржевого краха невиданного масштаба. За один день 29-го октября были проданы 16.5 миллионов акций. Биржевые индексы упали на 43 пункта. И падение продолжалось. Этот финансовый кризис выявил скрытый кризис перепроизводства. Промышленность упала на 46% до уровня 1932г. Показатели 1929-го года были достигнуты в 1937 г. В 1933 г. безработными оказались около 13 миллионов человек, то есть 25 % рабочей силы. В 1938 г. этот показатель все еще составлял 20 %. Кризис охватил не только Европу, но и весь мир. В Германии в 1932 г. было 5 миллионов безработных, то есть 40 % рабочих.

В Великобритании число безработных достигло 3 миллионов. В то время, когда миллионы людей в мире капитала (от 40 до 50 миллионов) потеряли работу, в СССР в 1931 г. безработица была полностью ликвидирована. Советский Союз доказал, что промышленность может расти, и притом невиданными темпами (18 %), без периодических кризисов. Напротив, рост производства сопровождался постоянным повышением уровня жизни населения.

Нацисты пришли к власти, пользуясь тяжелым положением масс и неумением традиционных партий справиться с кризисом. Они навязали немецким рабочим открытую диктатуру, а миру – военную экспансию, направленную в первую очередь против СССР. Кризис 1929 г. привел к усилению эксплуатации рабочих, милитаризации экономики, фашизму, и в конце концов, к мировой войне. Нацистская Германия и ее союзники потерпели поражение. Социализм победил во многих странах Европы и Азии. Пока капитализм искал выход из кризиса в фашизме и в войне, народы нашли его в революции и в социализме. Спустя 70 лет мы наблюдаем те же процессы.

5. Дважды в течение прошлого века империализм не мог найти иного выхода из кризиса кроме войны. Вторая мировая война была столь разрушительной, что капитализм относительно длительный период не испытывал такого глубокого кризиса перепроизводства, как Великая депрессия. Многие буржуазные экономисты тогда решили, что капитализм нашел в идеях Кейнса и его макроэкономической налоговой политике (с 30-х до 70-х гг. XX века) волшебное лекарство от своих болезней. Однако в 1974-1975 гг. мировой капитализм опять впадает в период замедления темпов роста и острых частичных кризисов. В условиях нового структурного кризиса империалистическая буржуазия развернула неолиберальную атаку на те скромные уступки высшему слою рабочего класса, на которые она вынуждена была пойти после второй мировой войны под воздействием успехов Советского Союза и революционных сил всего мира. Эта атака началась прежде всего в США и Великобритании и развернулась во всем капиталистическом мире с помощью таких наднациональных организаций, как Международный валютный фонд, Мировой банк, Всемирная торговая организация.

6. Это наступление на завоевания трудящихся достигло своего апогея в период контрреволюции в СССР. Тридцать лет ревизионистского перерождения привели к полной ликвидации КПСС. Сформировавшаяся за это время буржуазия открыто взяла верх с помощью империализма. Империалистическая буржуазия торжествовала свою победу над социализмом. Она провозгласила капитализм единственной жизнеспособной системой, наступление «конца истории» и эры мира и благополучия, непрерывного экономического роста. Благодаря получению доступа на рынки бывших социалистических стран, у капитализма временно открылось второе дыхание. Не прошло и десяти лет, как эти иллюзии потерпели полный крах. Снова экономические кризисы следуют один за другим. Во всем капиталистическом мире вновь поднял голову фашизм. Человечество вновь платит дань Молоху войны.

В бывших соцстранах обещанное процветание обернулось катастрофическим разрушением всех достижений социализма в СССР и Восточной Европе.

Президент России Путин признал, что каждый год 25 миллиардов долларов убегают из страны на банковские счета США и других стран. За десять лет капиталистической перестройки примерно 45 миллиардов долларов капитала и на 5 миллиардов товаров было вывезено из Украины. Неслучайно Украина, которая была в советские времена высокоразвитой индустриальной страной, входившей в первую десятку стран Европы, в 2000-ом году по показателю ВВП на душу населения (661 доллар США) оказалась в числе беднейших стран мира.

Немецкий империализм осуществляет экономическую экспансию в Восточной Европе, но не создает там новых предприятий, а систематически уничтожает те, которые там имеются как возможных промышленных конкурентов немецким монополиям. Бомбежки НАТО уничтожили завод Застава в Югославии. А другие заводы испытывают самые разрушительные последствия демпинга излишков западных товаров и капиталов.

Буржуазная пропаганда утверждала, что падение социалистического лагеря в Восточной Европе и в СССР означало конец социализма, игнорируя сопротивление и волю народов соцстран, которые стремятся к возрождению этой общественной системы. Несмотря на сложное международное положение, есть страны, которые продолжают этот курс и служат ориентиром народам мира, показывая реальность социалистической альтернативы капитализму.

7. С 1989 экономические бури вновь сотрясают мир. Впервые тяжелейший кризис поразил империалистическую страну, которая долгое время имела самые высокие темпы роста после второй мировой войны – Японию. Безработица – официально нулевая – выросла с 2.1 % в 1990 г. до 5.3 % в 2002 г. Четко проявляются традиционные механизмы серьезного кризиса: перепроизводство, чрезмерный рост финансовых рынков, рынка недвижимости, спекуляций, кредита, взрыв «финансового пузыря». Множатся самоубийства, особенно среди рабочих. В 2000 г. не менее 3000 человек возраста примерно 55 лет покончили жизнь самоубийством. С 1990 г. японское государство вложило более 1000 миллиардов долларов США в экономику, но и это не помогло.

8. Разрушение социализма привело разворачиванию империалистической глобализации, для которой характерна особая агрессивность. Избыточный капитал ищет прибыльного применения путем открытия и либерализации рынков третьего мира. Вывоз капиталов влечет за собой новые катастрофические последствия. Странам-получателям он не приносит ни роста, ни благополучия, ТНК душит их экономику невидимой рукой рынка. Бангладеш – тому пример. Текстильная промышленность обеспечивает 73 % доходов от экспорта этой страны, по сравнению с 1% в 1982 г. В этой отрасли работают в большинстве женщины. За мизерную зарплату они работают по 12-14 часов в день, а часто остаются и на ночную смену. Им приходится еще много времени тратить на то, чтобы пешком добираться на работу и домой. Условия труда губительны: многие умирают на рабочем месте, становятся жертвами частых пожаров в цехах, где находится по 600 рабочих на площади в несколько десятков квадратных метров.

9. Может ли новое международное разделение труда, которое делит мир на страны «золотого миллиар-

да» и отсталые страны, по отношению к которым первые лишь стремятся получить больше и заплатить меньше, обеспечить развитие без кризисов?

В конце 1994 г. Мексика, страна латиноамериканского «чуда», длительные время поддерживаемая Вашингтоном, вынуждена была девальвировать свою валюту. Это государство первым в 1982 г. развязало цепную реакцию кризисов задолженности третьего мира. Социальные и экономические условия, как и во многих других странах южной Америки быстро ухудшаются. Экономика Мексики привязана к экономике своего большого соседа, вывозит туда текстильные, электронные товары и автомобили. Сельское хозяйство страны деградирует. Мексика получает из-за рубежа огромные кредиты, выпускает значительные облигации под большие проценты, привлекая инвестиции в отрасли телекоммуникаций. Спекулятивный капитал, опасаясь социального взрыва, вывозит капитал из страны, что ведет к девальвации песо. США предоставило ей кредит в 50 миллиардов долларов – самый большой заем в истории МВФ. И сегодня Мексика в том же положении. Замедление экономического роста в самих США глубоко затронуло экспортные отрасли страны. В мексиканских зонах свободных инвестиций быстро исчезают рабочие места. Транснациональные корпорации сегодня предпочитают создавать новые производства в Гватемале или в Китае.

10. В 1997 г. разразился азиатский финансовый кризис, который ударил прежде всего по странам-образцам «экономического чуда». Кризис полностью развеял иллюзии о том, что экономическое процветание четырех «азиатских тигров» – Тайваня, Южной Кореи, Гонконга и Сингапура – будет длиться бесконечно. Эти страны пользовались полной поддержкой и защитой США, будучи крепостями антикоммунизма в Юго-Восточной Азии. «Новые тигры»: Таиланд, Малайзия, Индонезия, которые следовали примеру старых, оказались в роли поставщиков дешевых полуфабрикатов в высокоразвитые страны. Разрушение местной экономики ставит их в полную зависимость от импорта, оплата которого многократно превышает доходы от экспорта. Задолженность по иностранным займам растет, благодаря чему они оказались в группе стран-должников, которых шантажируют международные финансовые учреждения. Самым слабым звеном оказался Таиланд. Со второго июля 1997 года, страна должна была девальвировать свою валюту на 15%. Разрушительный кризис подобно вихрю втянул в себя и «старых тигров». Южная Корея, по уши в долгах перед японскими банками, в желании победить конкурентов по экспорту, чрезмерно наращивала свои производственные мощности. Кризис наступил, и банки бросили своих протеже, на экономику обрушилась лавина банкротств и увольнений. На этот раз США помощи не оказали, а скупили обанкротившиеся предприятия. В результате финансового кризиса, в одночасье 90 % населения стало бедным. Вся экономическая и политическая структура этих стран была потрясена до основания, что создает предпосылки для развития революционных процессов.

11. Летом 1998 г. последствия азиатского кризиса тяжело затронули и Россию. 17-го августа произошла обвальная девальвация рубля: его курс упал с 6 рублей за доллар до 22-24 рублей. Биржевые спекулянты стремились избавиться от обесценившихся векселей и акций, биржу охватила паника. В то время как трудя-

щиеся страдали от невыплат зарплат, нувориши становились еще богаче от спекуляции краткосрочными казначейскими облигациями с процентными ставками до 300 % годовых, приобретая таким образом за бесценно самые лучшие куски государственной собственности. Рабочие, длительное время не получавшие зарплату, получили ее теперь в обесцененных рублях. Резко упала покупательная способность населения. Спад промышленности продолжался, ее уровень опустился до 60 % от уровня 1989 года.

12. В сентябре 1998 г. началось бегство по миллиарду долларов в день из Бразилии. Самую большую страну Южной Америки сотрясает спекулятивная лихорадка. От МВФ и США она получает 41 миллиард долларов, чтобы избежать краха. В обмен она должна сократить бюджетные дефициты за счет социальных субсидий и девальвировать свою валюту реал. Этим она поставила Аргентину, своего торгового партнера в Меркосуре, в трудное положение. Займы заставляют страну расходовать практически все доходы от своего экспорта на оплату долга. Экономика страны обескровлена, экономический кризис в конце 2001 года перерастет в политический.

13. А что же США? В начале десятилетия буржуазные идеологи воспевали достоинства американского роста. США будто бы вступили в новый этап развития, «новую экономику», в эру высоких технологий, информационного общества. Произошло якобы исчезновение классов, потому что место индустриального труда заняли знания и информация. Это якобы вело к безграничному экономическому росту без кризисов. Капитализм, заявляли они, вступил в новую фазу развития – постиндустриальное общество.

Но вскоре глубокий экономический спад показал всю несостоятельность этих концепций. Так называемая «новая экономика» функционирует, оказывается, так же как и старая – ей сопутствуют кризисы производства.

Процветание американской экономики основывается на гигантских спекуляциях на мировых финансовых рынках. С 1982 г. уровень промышленного производства в США возрос в 2,5 раза, а объем финансовых рынков – в десять раз. Рост богатства США связан с тем, что в ее экономику вливается примерно 450 миллиардов долларов иностранных инвестиций. Это составляет 4,5 % ВВП. Процветание США держится на господствующей роли доллара в мировой экономике. Эта привилегия может быть оспорена в ближайшем будущем евро или в перспективе единой азиатской валютой. В США семьи, предприятия и даже государство по уши в долгах. Сбережения нулевые, американцы тратят на текущие расходы все свои доходы. Экономика становится от этого уязвимой и хрупкой, социальное неравенство растет. В Сан-Франциско, столице компьютерной долины Силикон Валлей, только 10 % населения может себе купить дом. 20% не имеют постоянного адреса. В стране 798.000 бездомных. Руководители гигантской обанкротившейся компании Энрон бегут, присвоив сотни миллионов долларов, в то время как ликвидируются не только рабочие места, но также и сбережения рабочих, вложенные в акции предприятия.

С апреля 2000 г. НАСДАК, биржа ценных бумаг высокотехнологических отраслей, рушится. Ее капитал сократился за год от 60 до 67 %. Происходит глу-

бокая реструктуризация во всей промышленности, особенно в отраслях новых технологий. В отраслях информационных технологий 188.000 человек потеряли свои рабочие места в 2001 г. Этим доказывается, что так называемая «новая экономика» есть все та же капиталистическая, и остается подверженной депрессиям и кризисам. Процентные ставки по кредитам снижались шесть раз в течение 2001 года, упав до уровня 1,75 % годовых. Цены на энергоносители остаются низкими. И хотя личное потребление стабилизируется, это не стимулирует рост промышленного производства, а безработица выросла до 6 %. Правительство Буша инвестирует за три года 500 миллиардов долларов в форме налоговых уступок для помощи ведущим отраслям и в виде военных заказов. Таким образом, биржа спасла свое лицо, даже после 11-го сентября. Но уязвимость и хрупкость американской экономики сохраняются по-прежнему. Падение доллара может развязать лавину, которая потрясет всю мировую экономическую систему.

14. Сегодня присутствуют, и даже в гораздо большем масштабе, те же самые факторы, которые вызвали кризис 1929 года. «Глобализация» усилила все противоречия капиталистической системы. Действие разрушительных факторов усиливается:

– Монополизация: в мировом масштабе остаются только несколько крупнейших предприятий в каждой отрасли. Инвестиции направляются на покупку других предприятий, а не на развитие производительных сил.

– Неравенство: разрыв между империалистическими и угнетенными странами растет. Внутри империалистических стран доходы владельцев крупнейших капиталов растут. В 100 странах мира доходы на душу населения ниже, чем 15 лет тому назад. В мире 1,6 миллиардов людей живут, получая доходы меньше одного доллара в день.

– Гипертрофия финансовых рынков. Ежедневный оборот валют составляет 1.100 миллиардов долларов. Биржевой капитал превышает ВВП разных стран. Чрезмерно раздутые рынки грозят крахом, а погоня капиталистов за высокими прибылями ведет к усилению эксплуатации рабочих.

– Задолженности: долги третьего мира достигли 2500 миллиардов долларов. С 1970 до 2000 гг. третий мир выплачивал 4000 миллиардов долларов процентов по займам. При этом финансовом ограблении Юг финансирует Север, а не наоборот.

– Неустойчивость мировой конфигурации: США становятся импортерами товаров из третьего мира и дебиторами с коммерческим дефицитом 450 миллиардов долларов. Такое положение может сохраняться, только пока доллар везде принимается как международная валюта, а это зависит от сохранения американского господства в мире во всех отношениях. Однако после разрушения социалистических стран конкуренция между империалистическими блоками усиливается, Евросоюз все больше обнаруживает свои гегемонистские устремления.

15. Присутствуют все условия для того, чтобы случился еще более тяжелый и деструктивный кризис, чем это было в 1929 г. Финансовые бури, имевшие место начиная с 1997 г. – тому свидетельство. Они показывают неустойчивость империалистического мира и вероятность крупномасштабного кризиса в будущем. Международный Валютный Фонд вынужден был перечислить 50 миллиардов долларов в Мексику,

63 миллиарда в Таиланд и Индонезию, 57 миллиардов в Южную Корею, 41 миллиард в Бразилию для предотвращения краха. Правительство США в один день должно было срочно собрать всех главных банкиров страны, чтобы предотвратить банкротство спекулятивного фонда LTCM, которое грозило подорвать совокупную финансовую систему.

В 2001-2002 гг. кризис перепроизводства одновременно наступает в трех больших центрах империализма. Скорость, с которой кризис распространяется в мировой системе, ныне составляет 90/100. Тогда как в 1975 г. этот показатель был только 50, а в 1982 г. 60 и в 1991 г. 65. Растущая финансовая глобализация неизбежно ведет к синхронизации кризисов. Она способствует цепным реакциям: азиатский кризис, потом в России, развал LTCM, бегство капиталов из Бразилии, кризис в Аргентине, крах НАСДАК в США, и замедление спроса, которое затрагивает в свою очередь поставщиков в третьем мире. Последствия финансового краха будут еще более разрушительными. Все эксперты осознают взрывоопасность положения. Все мечтают о мягком приземлении и боятся крушения.

16. Масштаб этих явлений приводит нас к заключению, что у капитализма в данной ситуации практически только два основных выхода: или развязывание новой мировой войны в результате обострения всех его противоречий и нового экономического кризиса, или замена капитализма социализмом. Администрация Буша бросается массово производить оружие. Она увеличивает военные заказы и военный бюджет, который с 299 миллиардов долларов в 2001 г. возрастет до 379 миллиардов долларов в 2003 г. Роберт Барро, профессор Гарвардского университета считает, что каждый дополнительный доллар в военный бюджет поднимает рост экономики от 60 до 70 центов. Производители оружия (General Dynamics, Lockheed Martin, Northrop Grumman, Raytheon) радуются повышению курса своих акций на бирже. События 11-ого сентября послужили предлогом для захватнических войн против всех тех стран и движений, которые противостоят империалистическому господству, послужили ускоренной фашизации режимов на Западе. США, и в их фарватере другие империалистические державы, начали крупномасштабную кампанию «борьбы с терроризмом». На самом деле они стремятся к подавлению каждой формы антиимпериалистического народного сопротивления и любого стремления к суверенитету. Войной в Афганистане, объявлением войны против «государств-изгоев» США открыто выражают свое стремление к мировой гегемонии. Их первые мишени – Ближний Восток, Восточная Азия и Латинская Америка. Это порождает еще более глубокие, еще более разрушительные антагонизмы, которые могут разрастись до мирового

масштаба, в войну между США и Китаем, или войну между империалистическими державами, например, между США и Европой, или внутри Европы.

17. В то время как буржуазные пропагандисты мечтают о контролируемом капитализме и мировом правительстве, мир становится все более и более хаотичным и все меньше управляемым. Империалистические державы усиливают эксплуатацию и угнетение, а народы мира и свободолюбивые государства оказывают сопротивление. Империалистические державы сталкиваются между собой. Растет сознание того, что они действуют по поручениям своих монополий, используя проблемы мира для своего обогащения. Это порождает отвращение к буржуазной демократии, которая прикрывает подчинение государства, партий, СМИ финансовым магнатам.

В этой обстановке везде в мире усиливается борьба за национальное освобождение и демократию. В Палестине, на Филиппинах, в Аргентине, в Непале, в Колумбии, в Эквадоре, в Южной Корее, в Индонезии и других странах народы бунтуют против империализма. Никогда ранее империалистические угнетение и эксплуатация не порождали такую ненависть, которая бы провоцировала атаки на самые видные символы господства США – такие, как Башня Уорлд Трейд Центр, Пентагон и Белый Дом.

Войны империализма, со всеми своими ужасами и бойнями, питают ненависть широких народных масс к капитализму. Они ускоряют революционный процесс и, как между двумя мировыми войнами (1914-1918 гг. и 1939-1945 гг.), станут истоками восстаний и народных войн, которые приведут к уничтожению капитализма в ходе социалистических и национально-демократических революций, к созданию социалистического общества. В книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленин писал о том, что коммунисты должны не смягчать антагонизмы империализма, а идти вперед, углубляя и обостряя их.

18. Нужно заявить самым твердым образом: единственная альтернатива в мире, которая преодолевает нищету, подавление и войну, это борьба с империализмом, за социализм. В социалистическом обществе на первом месте стоит человек, господство частной собственности и рынка устраняется, ресурсы и технологии служат нуждам населения, социальная справедливость и солидарность играют центральную роль. При этом на повестке дня – задача разоблачения измены ревизионистов делу социализма, для построения социализма на прочных основах. Двадцатый век был полем битвы империализма и социализма, и некоторые думают, что победил окончательно империализм. Двадцать первый век будет веком победы социализма. Совершить это – общая задача коммунистов всех стран.

Три основных противоречия в современном мире и роль национальной буржуазии*

Три основных противоречия, с которыми сталкивается коммунистическое и рабочее движение на международном уровне, имеют общую основу – капиталистическую систему. Этими противоречиями являются:

- противоречие между трудом и капиталом;
- противоречие между империалистическими странами;
- противоречие между угнетенными народами и империализмом.

Рассмотрим эти противоречия. Диалектика общественных процессов очень быстро меняется, поэтому определить, какое из этих противоречий в данное время господствует, можно только на основе конкретно-исторического анализа.

Противоречие между трудом и капиталом

Вторая мировая война произвела самые страшные опустошения в истории человечества. Но с победой Советского Союза и социалистических сил, строительством социализма в Восточной Европе и Китайской революцией 1949-го года, соотношение сил изменилось в пользу социалистического лагеря, что питало надежды и служило моральной опорой миллионам людей, особенно когда они выбирали путь коммунизма и марксизма-ленинизма. Даже самый убежденный идеолог буржуазии, Джон Фостер Даллес, должен был признать, что «капитализм изолирован в океане коммунизма».

Стратегически США явились последней линией защиты капиталистической системы, будучи единственной державой, способной экономическими и военными средствами стабилизировать капитализм. До войны мировой рынок был разделен между четырьмя относительно равными по экономической мощи державами: США, Великобританией, Францией и Германией. Однако разрушение Европы во время войны создало условия для никогда ранее не виданного экономического, политического и военного господства США в капиталистическом мире.

Надо опровергнуть два ошибочных вывода относительно нынешнего экономического кризиса и возможности мирового кризиса. Во-первых, нельзя утверждать, что этот экономический кризис просто представляет собой очередную циклическую фазу воспроизводства, и что капиталистическая экономика неизбежно восстановится в короткий срок. Это – точка зрения апологетов империализма. Во-вторых, не надо также и утверждать, что у буржуазии нет выхода. Ленинская характеристика экономического кризиса после Первой мировой войны полностью сохраняет актуальность и в настоящее время. В.И. Ленин сравнивал буржуазию с настоящим разбойником, который сошел с ума, поступает безумно, этим обостряет положение и приближает свою судьбу. Все это правда. Но никто не может доказать, что полностью исключено, что буржуазия сможет развращать

некоторую часть эксплуатируемых маленькими уступками, и подавлять то или иное движение или восстание отдельных отрядов угнетенных и эксплуатируемых. Заранее «доказать», что вообще нет возможности исхода из положения было бы вульгарным педантизмом, или игрой понятиями и словами. Только практика может служить настоящим доказательством в таких вопросах. Везде в мире буржуазная система переживает страшный революционный кризис. Революционные партии должны «доказать» теперь своей практической деятельностью, что они проявляют достаточно понимания и организации, связей с угнетенными массами, решительности и умения, чтобы воспользоваться кризисом с целью довести революции до победы*.

Довести революции до победы возможно только при условии очищения от тех элементов внутри рабочего движения, которые примыкают к оппортунизму. Социал-демократические и оппортунистские экономические доктрины исходят из предположения, что буржуазное государство может «менять», «поворачивать», «прекращать», «останавливать» экономические законы капиталистического развития, открытые К. Марксом. По словам Ленина, все партии, группы, неправительственные и другие организации, которые разделяют эту буржуазную точку зрения, – «лучшие защитники буржуазии, чем сама буржуазия». Эти элементы представляют собой самую важную помеху на пути мирового рабочего движения к революции. Поэтому их влияние должно быть изолировано, уничтожено теоретически, политически и организационно внутри рабочего движения, чтобы восстановить и укрепить революционное движение в мире.

Противоречия между империалистическими странами

В современном мире существуют три торгово-экономических блока: НАФТА, Евросоюз и АСЕАН. С шестидесятих годов удельный вес НАФТА в мировой торговле падал. Это вызвало особую агрессивность США в стремлении снова вернуть утраченные позиции за счет своих конкурентов. Каждая группа государств стремится захватить большую часть рынков и господствовать в мире. Пока эта острейшая конкуренция не превратилась в прямую военную конфронтацию между империалистами. Однако многие признаки свидетельствуют о возможности такой развязки. Япония начала строить армию. Экономический развал и финансовый кризис в Восточной Азии могли стать катализаторами новых агрессивных устремлений. Буржуазные идеологические течения в Европе, открыто «критические» по отношению к американской политике, стремятся к усилению европейского империализма в противовес американскому. Создание Международного Суда и переговоры о создании европейских вооруженных сил, которые должны зани-

* Доклад представителя Коммунистической партии рабочих и крестьян Пакистана (СМКР) на Международном коммунистическом семинаре. Брюссель, 2-4 мая 2002 г.

* См.: В.И. Ленин. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам (Для второго Съезда Коммунистического Интернационала). В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т 41, с. 161-168.

маться «вопросами вроде югославского», вскрывают истинную сущность Евросоюза как империалистического объединения, располагающего регулярными войсками, способными соперничать с вооруженной мощью американского империализма.

Империализм и угнетенные народы

Сегодня американский империализм старается снова вернуть свою роль мирового гегемона под предлогом «войны с терроризмом», опираясь на превосходство своих вооружений. Ее стратегия – мирового жандарма сосредоточивается на трех регионах: Латинская Америка, Восточная Азия и Средний Восток. Чтобы преодолеть экономический кризис, США продолжают агрессивную политику экспансии и контроля в каждом из этих трех регионов.

В Латинской Америке американский империализм инвестировал 7,1 миллиардов долларов в рамках «Плана Колумбии» и «войны с наркотиками». На самом деле эта «помощь» финансирует войну с FARC (Революционные вооруженные силы Колумбии), с Sendero Luminoso (Светлый Путь) в Перу и другими революционными партиями. Доказано, что США инспирировали в Венесуэле государственный переворот против Уго Чавеса, о чем свидетельствовало их откровенное торжество при известии о нем. Однако американские империалисты обнаружили, что их латиноамериканский огород полон колючих кустов.

США господствуют над Восточной Азией с времен Второй мировой войны, а еще раньше – в конце 19-ого века – они начали колонизацию Филиппин во время испано-американской войны. Сегодня в этой бывшей колонии они ужесточают свои действия против Филиппинских народных войск и Компартии Филиппин, а этим фактически готовят почву для второго Вьетнама.

В центре стратегии американского империализма находится установление контроля над источниками нефти, для преодоления внутреннего экономического кризиса путем создания условий для ввоза дешевой нефти, как было до 1973-го года, и победы в международной конкуренции. Поэтому США окружают военными базами Средний Восток и Центральную Азию. Огонь второй колонизации Среднего Востока вспыхнул в 1991 войной с Ираком. Конец холодной войны знаменовался кровавой бойней, а потом введением эмбарго с целью задушить голодом народ. В результате погибло 1,3 миллиона граждан Ирака. Агрессии против Югославии и Афганистана дали возможность взять нефтедобывающий регион Центральной Азии в клещи с Запада и с Востока. В Пакистане, Афганистане и на Среднем Востоке размещены 80.000 американских военнослужащих. На земле Палестины США цинично поддерживает расистское государство Израиль, которое создает поселения в целях сохранения господства над арабским народом. Американский империализм – главный враг всех угнетенных народов мира.

Национальная буржуазия

Антиимпериалистический лагерь составляют разные классовые силы. Поэтому коммунисты в первую очередь должны уметь нейтрализовывать национальную буржуазию.

Марксистская диалектика учит, что каждый класс растет, достигает своего революционного апогея и за-

тем превращается в консервативную, реакционную силу. Возьмем в качестве примера буржуазию Западной Европы. Великая французская буржуазная революция 1789-го года была кульминационным пунктом ее революционной деятельности, после революции 1848-го года она стала консервативной. В 1848-ом году пробил смертный час «революционной буржуазии» Европы. С тех пор европейскую буржуазию больше нельзя считать «революционным классом», какую бы роль она не играла в отдельных случаях.

Восход и закат национальной буржуазии колониальных стран происходил по такой же схеме. Национальная буржуазия была растущим классом в период колонизации. В конце 19-ого века, Ленин даже ее охарактеризовал как «молодой революционный класс» в своей статье «Отсталая Европа и передовая Азия» и в других статьях о Китае. В начале 20-ого века этот класс созрел в своей революционности и в большинстве случаев даже смог взять в свои руки руководство антиколониальной борьбой. В это время буржуазия мобилизовала народ, призывала взять в руки оружие и наращивала энергию угнетенного народа, необходимую для того, чтобы бороться за свою независимость. В Китае этот класс политически представляли Сунь Ятсен и Националистическая Партия. В Индии, в меньшей степени его представлял Партия Конгресса. В Индонезии его представлял Сукарно. В Африке – Кваме Нкрума и панарабское движение. Во всех этих случаях, конечно, с очевидными различиями, основная программа охарактеризовалась четырьмя следующими требованиями:

1. буржуазная демократическая республика;
2. что-то вроде реформы сельского хозяйства;
3. демократические свободы (свобода печати, собраний, организаций);
4. какие-то государственные мероприятия по содействию роста благополучия людей и развитию инфраструктуры хозяйства.

Все эти изменения, хотя очень важные в контексте борьбы против колониализма, остаются в рамках буржуазной демократии и помогают консолидации капитализма на демократической основе. Борьба за демократию чрезвычайно важна для трудящихся, но нельзя путать борьбу за демократию с борьбой за социализм. Нужно учитывать также, что в угнетенных странах суть оппортунизма состоит в стремлении предотвратить развитие в пролетариате идеологических, политических и организационных условий, необходимых для принятия руководства антиимпериалистической борьбой. Даже там, где пролетариат и его партия очень скромны, они могут и должны стараться взять на себя руководство антиимпериалистическим движением.

Уже в 1920 Ленин говорил о сближении между буржуазией зависимых и буржуазией империалистических стран. На этой основе он различал «буржуазное демократическое движение» и «национально-революционное движение».

Коммунисты, – требовал Ленин, – должны и намерены поддерживать буржуазные движения освобождения в колониях только когда они на самом деле революционные, и когда его представители не мешают нашей работе воспитания и организации, в революционном духе, крестьянства и эксплуатируе-

мых масс. Если в наличии нет таких условий, тогда коммунисты этих стран должны бороться с реформистской буржуазией*.

Остается ли она революционным классом или превратилась в препятствие для коммунистов в деле воспитания и организации пролетарских и полупролетарских масс города и деревни в духе подготовки к революции? На этот вопрос следует недвусмысленно ответить: в современных условиях национальная буржуазия утратила свою революционную роль! Конечно, этот вывод – обобщенная характеристика исторической роли современной национальной буржуазии зависимых стран. Он допускает возможность исключений там и тогда, где буржуазия еще играет относительно прогрессивную роль.

Фактически свержение целого ряда националистических революционных руководителей, таких как Кваме Нкрума в Гане, Патрис Лумумба в Конго, Сукарно в Индонезии, Арбенс в Гватемале в 1950-1960 годы означало начало конца революционной эпохи национальной буржуазии. В семидесятые годы положение еще более усугубилось. В Индии государство жестоко разгромило Компартию Индии (марксистско-ленинскую). В Пакистане рабочее движение в 1973 подвергалось жестоким репрессиям. В Египте Анвар Садат капитулировал перед сионистскими и империалистическими силами, что свидетельствовало об изменении характера и роли национальной буржуазии в колониях и зависимых странах.

В 80-90-е годы XX века произошла полная капитуляция национальной буржуазии перед империализмом, усилившей ограбление народов третьего мира. Среди ряда других факторов, утеря революционного характера национальной буржуазией, создала политический вакуум, в котором произрос религиозный фундаментализм во многих партиях мира, например ВЖР (Баратия Яната Парти) в Индии, интегризм в Иране, Пакистане, Афганистане и на Среднем Востоке.

Эти процессы в зависимых странах совпали с разрушением социалистического лагеря и усилением агрессивного, милитаристского характера империализма, прежде всего США, что свидетельствовало о наступлении мрачного периода реакции. Как должны измениться наши стратегия и тактика в новой демократической или народно-демократической революции с учетом этих новых факторов, считаем ли, что объективные факторы этих революций созрели, как никогда ранее? Ответ на этот вопрос должен быть утвердительным.

Это убеждение основывается на том, что до тех пор, пока национальная буржуазия играет «революционную» роль – очень трудно пролетарским силам перехватить у нее политическое руководство всеми угнетенными и эксплуатируемыми в колониях. Напротив, как только национальная буржуазия перестает быть революционной, противоречия между этим классом и массами эксплуатируемых растут и обостряются. Признания утраты прогрессивной роли национальной буржуазии в освободительной борьбе народов стран третьего мира дает основание сделать вывод о том, что сложились все необходимые объективные условия для того, чтобы пролетариат и его авангардная партия возглавили антиимпериалистическое движение и должны выдвигать, в рамках своих национальных особенных условий, новые цели и лозунги:

- власть рабочим и крестьянам;
- аграрная реформа сверху донизу;
- демократические свободы: свобода печати, собраний, организаций;
- построение планового хозяйства.

Старые стратегические лозунги буржуазной демократии уже неспособны вдохновлять и мобилизовать массы на борьбу и жертвы во имя полного освобождения от угнетателей, которая приведет пролетариат в тесном союзе с крестьянством в перспективе к завоеванию власти.

* См. В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 161-168.

Информация о 3-й Европейской встрече профсоюзов «Совместная деятельность против капитала»

1–2 июня 2002 года в Афинах прошла -ая Европейская встреча профсоюзов. Предыдущие встречи проходили в 1999 г. в г.Орен (Турция) и в 2000 г. в г.Анеси (Франция). В новой встрече приняли участие 250 избранных делегатов из 16 стран, а также представитель Всемирной федерации профсоюзов (W.F.T.U.).

Организатором встречи выступил **Всерабочий боевой фронт (ПАМЕ)**. Характерно также, что из принимающей страны (ПАМЕ – Греция) участвовала большая делегация: 70 человек – председатели отраслевых федераций, рабочих центров (т.е. территориальных объединений профсоюзов) и избранные в правление конфедерации профсоюзов Греции частного (ГСЕЕ) и государственного (АДЕДИ) секторов.

От ПАМЕ с центральным докладом выступил **Георгиос Маврикос** – член Секретариата ПАМЕ, управления ГСЕЕ и член ЦК Коммунистической партии Греции.

В своем докладе он отметил, что *«ситуация в европейском профсоюзном движении не хорошая. Она не соответствует нуждам рабочего класса Европы, и его современным возможностям. Внутри профсоюзного движения Европы сталкиваются две основные линии: одна – это линия классового сотрудничества, которую проводят многие официальные национальные профсоюзы, во главе с Конфедерацией европейских профсоюзов. Эта линия считает, что основной инструмент трудящихся – это участие в «общественном диалоге» трудящиеся – работодатели – правительства, в котором они совместно найдут общие решения. А в результате, эти решения всегда направлены против интересов трудящихся...»*

Против этой линии выступает позиция борьбы, классового единства, союза рабочего класса с другими народными слоями. Сторонники этой линии утверждают, что, несмотря на происходящие в мире изменения, у рабочего класса имеются интересы, отличные от интересов класса капиталистов. Интересы рабочего класса в борьбе против транснациональных монополий и компаний. Мы поддерживаем эту линию, которая старается объединить всех трудящихся независимо от цве-

та кожи, от языка, вероисповедания и политических взглядов, против общего противника – крупного капитала и его механизмов. Профсоюзы, которые поддерживают эту линию, не подчиняются европейской капиталистической интеграции, политике их правительств, они защищают завоевания трудящихся и борются за расширение их прав. Одновременно они раскрывают роль, которую играет соглашательское большинство профсоюзов и борются за его свержение».

В течение двух дней представители классовых профсоюзов разных стран рассказывали о своем опыте борьбы, и во всех выступлениях подчеркнута необходимость совместной борьбы трудящихся Европы против сил капитала. Особенно отмечена необходимость совместной борьбы против приватизации, в защиту социального страхования, против безработицы и неполных форм занятости, за увеличение зарплат, за утверждение демократических и профсоюзных прав на местах работы, за решение проблем иностранных рабочих, за культуру, образование и здравоохранение.

Подчеркнута также необходимость усиления антивоенного фронта, (в то время, когда усиливаются межимпериалистические антагонизмы), и развитие антиимпериалистической борьбы на региональном и мировом уровнях.

В конце встречи избран состав нового **Координационного комитета**, в который вошли представители профсоюзов **10 стран: Австрии, Бельгии, Великобритании, Германии, Греции, Испании, Италии, России, Турции и Франции.**

В непосредственные задачи комитета входит развитие деятельности и продвижение координации всех боевых сил профсоюзов Европы, борющихся против власти капитала, против политики правоцентризма и левоцентризма, против «профсоюзной бюрократии», которая поддерживает антинародные реструктуризации, проводимые Европейским союзом, МВФ, и другими империалистическими организациями.

Все делегаты осудили отказ греческих властей выдать визу российскому профсоюзному деятелю – **Анатолию Пыжову**, по причине ужесточения Шенгенского соглашения.

06.06.2002

УРОКИ БОРЬБЫ И ПОРАЖЕНИЙ

Контрреволюция и революция в XXI веке

Людо Мартенс *

11 сентября 2001 г. было, прежде всего, годовщиной государственного переворота, организованного американским империализмом против национально-демократического правительства Альенде в Чили. С 11 сентября 1973 г. эта страна погрузилась в террор, ставший причиной смерти 30 000 чилийских коммунистов, революционеров и патриотов.

Но 11 сентября 2001 г. также стало днем, когда Азия, Африка и Америка, народы мира осознали, что чудовищные преступления, совершенные империализмом против них, будут рано или поздно отмщены... В этот день, Соединенные Штаты – единственная сверхдержава, которая присвоила себе право управлять всем миром, была поражена серией военных акций, ранее невиданных в истории США.

Символы экономического господства американского империализма над всем миром, башни-близнецы Манхэттенского Всемирного Торгового Центра, были уничтожены этими атаками. Пентагон, расходующий 300 и более миллиардов долларов в год на планирование войн, интервенций и секретных операций Соединенных Штатов по всему миру, пострадал от удара огромной разрушительной силы.

Все еще существует сомнение: не был ли этот неправдоподобный сценарий осуществлен при участии той или иной американской спецслужбы.

В тот день я был в Конго. Около 5 часов вечера я встретил на улице члена парламента. Очень возбужденный он обнял меня и воскликнул: *«Это великолепный, великолепный день! В этот вечер в Киншасе, в бедных окраинах, где нет электричества, люди сидели перед своими домами в темноте и обсуждали происшедшее: «Бен Ладен стал самым сильным человеком земли. Американцы дрожат!».*

Ювенал Сибомана, гражданин Конго, живущий во Франции, был в Букаву 11-го сентября, Букаву – город мучеников, оккупированный армией Руанды при поддержке США. Сибомана свидетельствует: *«Когда объявили об атаке (в США – ред.), все побежали к своим телевизорам. Глядя на экран, многие из них не могли удержаться и аплодировали. Все они были христианами. Они радовались: «Наконец-то американцы могут почувствовать каково нам, когда на нас падают руандийские бомбы. В тот вечер новости распространялись со скоростью молнии в самые дальние деревни. Говорили как о победе».*

В Киншасе я получил электронное письмо, передававшее реакцию великого итальянского художника Дарио Фо, нобелевского лауреата в области литературы 1997 года: *«Крупнейшие спекулянты чувствуют себя как рыба в воде в экономике, которая убивает каждый год десятки миллионов людей бедностью; что значат 20.000 смертей в Нью-Йорке? Не имеет значения, кто учинил бойню, это насилие – законное дитя Культуры насилия, голода и бесчеловечной эксплуатации».*

* Председатель Партии Труда Бельгии

«Newsweek», журнал крупной американской буржуазии, писал 8 ноября, что во многих странах мира *«народ был счастлив ослаблению мировой сверхдержавы».* *«Анти-военная демонстрация в Рио-де-Жанейро несла транспарант «150.000 смертей в Хиросиме. Кто это сделал?».* Другой транспарант гласил: *«Одна минута молчания – погибшим в Америке. 59 минут – жертвам американской политики».* Андрес Хуртадо, прославленный колумбийский журналист, опубликовал открытое письмо Соединенным Штатам в газете «El Tiempo»: *«Может Небеса научат вас смирению».* Розмари Мурано, бразильская феминистка, сравнила атаки против Соединенных Штатов с *«восстанием рабов».*

Сердце американской военной мощи получило тяжелый удар, башни-близнецы представляющие мировое господство доллара, уничтожены: XXI столетие открывается очень символическим актом.

XX век был генеральной репетицией всемирной схватки с капитализмом и империализмом за независимость и социализм.

XXI век станет свидетелем уничтожения империализма, точнее говоря, американского империализма во всем мире. Этот тезис мы сформулировали в 1997 г. по случаю 80-й годовщины Великой Октябрьской Революции.

То, что сегодня называют «глобализацией», по существу является новой стадией общего кризиса мировой системы империализма, которая характеризуется обострением всех противоречий, присущих этой системе с момента ее возникновения в начале двадцатого столетия.

Новая фаза началась с триумфа контрреволюции в Советском Союзе и социалистических странах Европы в 1989-1990 годах. Она характеризуется уничтожением международного права, установленного после победы в войне с фашизмом, и развязыванием ряда широкомасштабных агрессивных войн. Соединенные Штаты вступили на тропу войны в мировом масштабе.

Новая фаза характеризуется также постоянным углублением экономического кризиса капиталистической экономики и уменьшением количества «запасных выходов», всё еще доступных капиталистической системе.

Революция и контрреволюция в Советском Союзе

Давайте рассмотрим первую характерную черту новой фазы общего кризиса империализма: полную реставрацию капитализма в Советском Союзе и Восточной Европе в 1989-1990 годах, реставрацию, которая устранила силу, противостоящую империализму на планетарном уровне, и погрузила эти страны в ужасный экономический и политический кризис.

Чтобы правильно оценить контрреволюцию необходимо в первую очередь сказать о подъеме революционных сил в мировом масштабе в первой половине XX столетия. Это столетие началось в Европе с превращения либерального капитализма в монополистический капитализм. Чтобы спастись от последствий кризисов на национальном уровне и получить максимальные прибыли, мо-

нополии толкнули свои правительства на завоевание колоний и экспорт капитала в колонии. Кризисы и конкуренция привели к Первой мировой войне, которая стала причиной десяти миллионов смертей и обозначила первую фазу общего кризиса мировой системы капитализма. Социал-демократические партии, возглавлявшие в те годы рабочий класс, позорно предали революционные принципы марксизма, пристроились в хвост агрессивной буржуазии и посылали рабочих на империалистическую бойню.

Только партия большевиков сумела довести революционную борьбу до падения реакционных классов, царизма, помещиков и крупной буржуазии. Следуя ленинским политическим ориентирам, Сталин с 1923 г. направлял строительство социализма. Он превратил партию большевиков в массовую партию, которая осуществила четыре чуда: социалистическую индустриализацию, коллективизацию и модернизацию сельского хозяйства, культурную революцию, которая превратила страну неграмотных в страну интеллигентов и культурных рабочих, организацию Красной Армии, вооруженной новейшим оружием.

С 1929 г. империалистические страны, которые были недостаточно хорошо «обеспечены» колониями вновь начали лихорадочно готовиться к войне. Так начинается вторая фаза кризиса империалистической системы. Вторая мировая война, разразившаяся в 1939 г., стала еще одним доказательством того, что империализм ведет к войне. Благодаря проницательности Сталина и партии большевиков, героизму Красной Армии и трудящихся масс, Советский Союз вышел победителем из величайшей и самой разрушительной войны, которую знала история. Популярность социализма достигла вершины. Во всем мире рабочие и крестьяне видели, что альтернатива эксплуатации и варварству капитализма и империализма есть.

Мировой капитализм был сильно ослаблен разрушениями, к которым привела война в Европе, и поэтому Советский Союз смог заложить демократические принципы в Устав Организации Объединенных Наций, принципы, которые империализм никогда не принимал и всегда пытался растоптать, когда позволяло соотношение сил.

1949 г. После победы над японским фашизмом, народ Китая под руководством Мао Цзэдуна и Коммунистической партии победил в 22-х летней антиимпериалистической революционной войне.

С победой социализма в Китае капитализм и империализм потерпели второе стратегическое поражение, и баланс сил в мировом масштабе сложился в пользу народов и рабочего класса.

Вдохновенное победой Советского Союза в войне против фашизма и освобождением Китая, революционное движение рабочего класса приобрело новую движущую силу во всем мире, революционная борьба за независимость разгорелась от Индии до Арабского мира и Черной Африки.

Возрастающая сила социалистических и антиимпериалистических, национальных и демократических революций была подорвана с 1956-1960 г., когда к власти в партии большевиков пришли представители оппортунистического течения.

На самом деле капиталистическая контрреволюция в 1989-1990 годах была подготовлена политически и идеологически приходом к власти группы Хрущева в 1956 г. Это привело к радикальному разрыву с политикой, проводившейся при Ленине и Сталине. Все принципы марксизма-ленинизма были отброшены один за другим. Ре-

визионисты заявили, что социализм победил окончательно, что классовая борьба в Советском Союзе прекратилась, и, следовательно, диктатура пролетариата над буржуазией и буржуазными элементами больше не нужна. Борьба против империализма была свернута, Хрущев заявил: «Мы хотим быть друзьями с Соединенными Штатами и сотрудничать с ними в борьбе за мир и процветание народов». Революционная теория искажалась и, наконец, была ликвидирована. Буржуазные идеи и поступки укоренились в среде партийных и государственных кадров. После восстановления принципа капиталистической прибыли в 1965 г., постепенно утверждались другие принципы капиталистической экономики. Развивалось личное обогащение, а также «теневой» капиталистический сектор экономики. Контрреволюция в Советском Союзе была, по существу, результатом работы «советских» реакционеров и антикоммунистических сил, проникших в партию и государство. Сталин всегда отмечал, что крепость легче всего взять изнутри...

Империалистические силы, которые поддерживали открыто реакционные, даже фашистские движения, также поспособствовали и помогли этому ревизионистскому течению встать во главе партии.

Идеологическая, политическая и экономическая деградация привела в 1990 г. к полной реставрации капитализма в его самых диких формах. Последствия этого были губительными для трудящихся масс.

Опыт XX века учит нас, что разработка и применение революционной политической и организационной линии определяет победу дела социализма. Советский Союз Ленина и Сталина столкнулся с 1917 г. по 1953 г. с проблемами, которых не знал ни один другой народ за всю историю освободительной борьбы. Трудности были столь огромны, что все оппортунисты нашли «аргументы», чтобы предсказать невозможность выполнения задачи. Одни из них утверждали, что Советский Союз еще не готов к социализму, другие говорили, что вообще невозможно построить социализм в одной стране. Но фантастическая политическая и организационная работа, осуществленная при Сталине, позволила советскому народу преодолеть большинство ужасающих трудностей.

XX век также учит нас, что принятие и проведение оппортунистической политической и организационной линии может привести только к регрессу революции и, в конечном счете, к ликвидации всего, что было завоевано, и к восстановлению диктатуры буржуазии.

С 1968 г. (год создания Партии Труда Бельгии – ред.) мы были окружены различными буржуазными течениями с «левой» фразеологией, которые утверждали, что социалистическое государство диктатуры пролетариата не может деградировать и вернуться к капитализму, за исключением случаев контрреволюционной гражданской войны или империалистической агрессии. Все эти оппортунисты утверждали, что Хрущев и Брежнев были правы, заявляя, что социализм окончательно восторжествовал в Советском Союзе и что реставрация капитализма теперь невозможна. На самом деле они помогали буржуазным и империалистическим разрушителям завершить их действия, направленные на уничтожение всего, что оставалось социалистическим. В решающие моменты контрреволюция демагогически использовала «марксистские» или «ленинские» тезисы, чтобы замаскировать свои действия по реставрации капитализма. В то же время, они вели яростные и непрекращающиеся кампании, чтобы атаковать и уничтожить все революционные принципы, делая вид, что они всего лишь противники так называемого «сталинизма».

Мы видели, как господин Горбачев после 1985 г. поведовал «возврат к ленинизму» во всех своих речах... с тем, чтобы завершить разрушительную работу, начатую Хрущевым и Брежневым.

В 1990 г. на XXVIII съезде КПСС Горбачев публично признал, что его борьба против «сталинизма» была направлена главным образом на реставрацию капитализма. Горбачев заявил: *«Тоталитарный сталинский режим будет преодолен. Идеологический диктат уступает место свободе мнений». «Преимущества рыночной экономики доказаны во всемирном масштабе... Переход к рыночным отношениям должен стать главным содержанием радикализации экономической реформы».*

Во всем мире многие прогрессивные и революционные движения находились под влиянием той или иной разновидности антисталинизма, прикрывавшегося «ленинской» фразеологией; курс «гласности» обнаружил истинную природу этого процесса. Советский депутат Юрий Корякин заявил: *«Как и многие другие, я был против Сталина, но за Ленина. Но если мы действительно хотим перемен, мы должны дойти до истоков. А истоки в том, что в каждом из нас Маркс, Энгельс и Ленин. Но и Сталин».* Главный идеолог «гласности» Александр Яковлев объяснял, что работа по политическому разрушению проводилась систематически и методично в течение многих лет. Борьба со Сталиным на деле была нацелена против марксистского наследия. *«В политике, всему должен быть свой черед. Нельзя игнорировать общественное мнение... Все признают, что Маркс создал учение о человечестве. Нет, ничего подобного. Он создал учение о классовый борьбе, от которого мы должны избавиться».*

Под предлогом борьбы со сталинизмом Хрущев и Яковлев не только реставрировали мафиозный капитализм, но и поспособствовали возрождению фашистского движения в СССР и социалистических странах Восточной Европы.

Сейчас, когда «игра окончена», мы можем легко понять истинную природу тех сил, которые скрывались за «левой» демагогией.

В Бельгии Эрнст Мандель (один из идеологов международного троцкизма – ред.) заявлял: *«Перестройка – настоящая новая революция. Наше движение придерживалось таких же положений в течении 55 лет, и было за это названо контрреволюционным. Сегодня понятно, кто были настоящими контрреволюционерами и кто настоящими революционерами». «Реформатор Ельцин представляет то направление, которое хочет сократить гигантскую бюрократическую машину. Поступая так, он идет по следам Троцкого».* Когда в 1991 г. Янаев пытался остановить безумный курс к катастрофе, организовав государственный переворот против Горбачева, Мандель писал: *«Было необходимо воспрепятствовать перевороту, а следовательно, бороться на стороне Ельцина».*

Последствия «ленинской» демагогии Горбачева и его группы хорошо известны: реставрация дикого, мафиозного капитализма, демонтаж Советского Союза, развязывание реакционных гражданских войн в Грузии, Армении, Азербайджане, Таджикистане, захват власти фашиствующими «исламистами» в Чечне и т.д. Таким образом, период 1960-х – 1990-х учит нас на отрицательных примерах тому же, чему период 1930-х – 1950-х учит на положительных: необходима стойкая и неотступная борьба против врагов социализма и империалистического подполья.

Сегодня мы понимаем, что Горбачев и Ельцин эффективно и полностью выполнили программу, за которую их предшественники Бухарин и троцкисты были осуждены в 1938 г. Сегодня ведущие чиновники эпохи Горбачева хвастают, что они находились в стороне с американскими спецслужбами в течении ряда лет! Также очень важно, что даже такой троцкистский лидер как Мандель признал, что Горбачев «реализовал на практике» программу троцкистского интернационала, а Ельцин «боролся против бюрократизма» в точности как Троцкий!

Кризис угрожает основам империалистического порядка

Усиление экономического кризиса, который поразил капиталистическую экономику, также является приметой новой фазы общего кризиса мировой системы империализма. Это вторая характеристика новой фазы.

В особенности это касается американской экономики, которая живет на пороховой бочке. Соединенные Штаты идут к экономическому кризису, который потрясет мир сильнее, чем даже кризис 1929 г.

В кануне XXI столетия Соединенные Штаты являются практически банкротом. Общая сумма долга составляет 184% ВВП. С 1995 г. задолженность граждан выросла на 7,9%, в то время как задолженность компаний на 9,7%. Из общей суммы долга – 18.000 миллиардов долларов: 3.400 приходится на долю Федерального правительства, 1.300 – на долю местных властей, 7.200 – на долю «домохозяйств», 6.500 – на долю не банковских компаний. При этом Буш хочет ввести новую программу снижения налогов, которая повлечет за собой увеличения бюджетного дефицита (или решительное урезание социальных расходов, что уже предпринимал Клинтон). Домохозяйства все больше и больше погружаются в долговую яму. Накопления стали отрицательными, это означает, что расходы потребителей выше, чем их доходы.

Капитализация Фондовой биржи Соединенных Штатов выросла с 3000 миллиардов в 1990 г. до 16600 миллиардов в 1999 г. С 1991 по 1999 она росла на 19,2% в год. Этот рост не соответствует росту в области промышленности. Валовой Внутренний Продукт (ВВП), который оценивает коммерческое богатство, произведенное страной, рос в среднем всего на 5,2% в год в этот период (1991-1999). Следовательно, финансовые рынки сильно раздуты. Показательное падение высокотехнологичных акций в 2000 г. сделало это очевидным. NASDAQ (индекс, отражающий размер биржевых инвестиций в высокие технологии) потерял тогда 60 – 70% своей цены, это означает, что более 4.000 миллиардов долларов превратились в дым. Текущий баланс Соединенных Штатов по операциям с другими странами (коммерция, услуги, проценты, дивиденды, трансферты и т.д.) в стойком дефиците. Дефицит составлял 445 миллиардов долларов в 2000 г.

Такой значительный дефицит образуется, только если 445 миллиардов долларов не будут возвращаться в Соединенные Штаты каждый год, в форме капитала, или иностранных инвестиций (главным образом европейских и азиатских), биржевых инвестиций, банковских займов и т.п. Но можем ли мы ожидать, что каждый год иностранные капиталисты и акционеры будут вкладывать 445 миллиардов и более? Особенно, если учесть, что американская экономика вступает в период спада... Гегемония США зависит от доллара. Стабильный доллар привлекает капитал. Но ситуация может измениться на противоположную. Если фонды по той или иной причине прекратят вливаться, платежный баланс станет отрицательным.

В этом случае доллар войдет в штопор, и никто не будет знать, когда этот процесс остановится.

На мировом уровне американский империализм больше не может рассчитывать на «запасный выход» из кризиса, который он использовал в шестидесятые и семидесятые годы, вгоняя в долги страны третьего мира. Долг зависимых стран составил 2.141 миллиард долларов в 2000 г. Долг стран Восточной Европы и бывшего СССР – 359 миллиардов долларов. В сумме это составляет почти ровно 2.500 миллиардов долларов. Обслуживание долга обходится в 338 миллиардов долларов странам третьего мира и 50 миллиардов странам Восточной Европы. Это составляет 21,8% экспортных поступлений стран Третьего Мира, а для стран Латинской Америки – 49,6%.

«Конец кризиса» еще более осложнил перепроизводство, возникшее в важнейших отраслях. Автомобильная промышленность может произвести 375 миллионов машин в год, но продажа не превысила 56 миллионов в 1999 г. Перепроизводство в сталелитейной промышленности, согласно данным OCDE, составила 340 миллионов тонн в 1998 г. по сравнению с 150 миллионами в 1989 г.

Экономические законы монополистического капитализма неумолимы. Когда система не выдерживает под тяжестью перепроизводства и кризисов, жажда прибылей толкает монополии к войне, последнему пути «сбыта продукции» и получению надежного дохода благодаря жертвам, выпадающим на долю рабочих...

Относительно этого международный обозреватель газеты «New York Times» написал с обезоруживающей прямотой. Томас Л. Фридман объяснял, что «глобальный свободный рынок» не может существовать без военной силы мирового масштаба... *«Чтобы глобализация работала, Америка не должна бояться действовать подобно всемогущей сверхдержаве, которой она, собственно, и является. Невидимая рука рынка никогда не будет работать без невидимого кулака. «МакДональдс» не может процветать без «МакДоннелл-Дугласа», разработчика F-15, и скрытого кулака, который хранит мир при помощи таких «технологий Силиконовой Долины», как Армия Соединенных Штатов, Военно-воздушные Силы, Военно-морской Флот и Корпус Морской Пехоты».* Это должно открыть глаза тем, кто верит басне, распространяемой апологетами капитализма, которые утверждают, что «свободный рынок и демократия» идут рука об руку. Нет, свободный рынок и война – вот неразлучная пара...

Соединенные Штаты готовят войны мирового масштаба

Третья характеристика текущей фазы общего кризиса империализма – ориентация на милитаризм и войну.

После контрреволюции в Советском Союзе, Соединенные Штаты правят миром как единственная сверхдержава. Соединенные Штаты немедленно воспользовались преимуществом, чтобы начать против Ирака первую войну стратегического значения, намереваясь взять под военный контроль нефтяные запасы Ближнего Востока, особенно Персидского залива и Саудовской Аравии.

В 1991 г. в документе, озаглавленном «Новая столетняя война», мы анализировали значение агрессии, которую коалиция империалистов предприняла против Ирака. То, что мы писали 10 лет назад, теперь подтверждено и усиливается сегодняшней агрессией против Афганистана.

«Война в Персидском заливе показывает, что Запад готов мобилизовать весь свой капитал и технологии, чтобы увековечить свою империю эксплуатации и террора. Империализм стал бесчеловечной, дьявольской системой, существование которой несовместимо с простым выживанием миллиардов людей в третьем мире... Условия капитуляции предъявленные Ираку – доказательство того, что экономическая реколонизация стран третьего мира теперь завершается военной и политической реколонизацией. Мы возвращаемся к колониальному порабощению... Великая победа западного варварства в Персидской заливе и эта огромная шумиха вокруг «необходимости вмешательства» анонсирует новые войны... Реакция народов третьего мира на начало иракского холокоста дает надежду на новый рассвет для человечества. Пять веков геноцида, бойни и унижения научили угнетенные народы ненависти к угнетателям. Несмотря на террор, организованный сотрудничающими с империализмом режимами, народы организуются для борьбы. Они делают все возможное, чтобы контролировать науку и технику – оружие их освобождения. Героизм, показанный сегодня народами Ирака и Палестины, даст новый импульс борьбе всех угнетенных народов Африки, Азии и Южной Америки и всем рабочим империалистического мира. Как бы ни сложились перипетии новой Столетней войны, империализм падет, а народы, в конце концов, выйдут победителями».

После агрессии против Ирака, американский империализм спровоцировал несколько войн в бывшем СССР: в Грузии, между Арменией и Азербайджаном, в Таджикистане и особенно в Чечне, войны, которые унесли несколько сотен тысяч жизней.

Стремясь к абсолютному мировому господству американский империализм не хочет превращения капиталистической России в конкурента. После распада Советского Союза Соединенные Штаты хотят расчленить Россию. Один из главных лидеров повстанцев в Чечне Басаев был подготовлен в Афганистане в военном лагере, финансируемом ЦРУ, которым руководил «борец за свободу» Гульбеддин Хекматияр... Басаев вел боевые действия в Первую Чеченскую войну в 1995 г. Его организация имела тесные связи с московской мафией, а также с мафиозными организациями Албании. «Борец за свободу» Басаев активно вел бизнес в сфере торговли наркотиками, организации международной сети проституции, печатания фальшивых долларов, транспортировки радиоактивных материалов... Вот портрет образцового солдата свободного мира, «сделано в США»...

С 1991 г. германский и американский империализм провоцировал вооруженные конфликты между различными национальностями в Югославии. Целью было: ввести войска НАТО на Балканы и основать там военные базы. В 1998 г. агрессия против Югославии была террористической акцией, нарушившей основные принципы Устава ООН. В течение 78 дней Югославия подвергалась террористическим бомбам, уничтожившим фабрики, больницы, мосты, электростанции и убившим тысячи мирных жителей. Последовавшие разрушения были оценены, по крайней мере, в 100 миллиардов долларов! Ввод американской армии на Балканы предвещает новые войны в районе Каспийского моря за контроль над источниками нефти и открывает путь возможности крупных войн против России.

Африка в особенности пострадала после контрреволюции в Советском Союзе, создавшей новое соотношение сил на мировом уровне. Африка подверглась агрес-

сии американцев и их союзников в Сомали в 1993 г. На следующий год произошел геноцид 1 миллиона тутси и демократических хуту в Руанде, осуществляемый экстремистами-этнофашистами хуту при поддержке Франции. Агрессивная война и оккупация в Конго, организованная Соединенными Штатами, окончательно разорили страну и стали причиной смерти 3 750 000 конголезцев!

Агрессия США против Афганистана 7 октября – это новое развитие американского курса на мировую войну. Война против Кабула не связана прямо с атаками в Нью-Йорке и Вашингтоне. Американская интервенция в Афганистане, направленная на установление контроля над путями, ведущими к нефтяным месторождениям Азии, была предсказана задолго до этих инцидентов. Бывший министр иностранных дел Пакистана Ниаз Наак заявил в июле 2001 г., что *«американские государственные служащие сообщили ему о плане американцев начать военную акцию против режима талибов и заменить их правительством «умеренных» афганцев. Акция должна проводиться с баз в Таджикистане. Ему также было сказано, что, если будет принято решение о поддержке акции, она может быть проведена в середине октября».*

Если империализм, благодаря оккупации Афганистана, сможет поставить под контроль нефть Азии, это будет выражением враждебности по отношению к России и Китаю. Китай планировал транспортировать нефть из Центральной Азии. Военное присутствие США сделает это невозможным. Оккупация стратегических баз означает приближение агрессивной войны.

Ориентация Соединенных Штатов на милитаризм, войну и фашизм была очевидна и до 11 сентября. Приход к власти Буша на самом деле был государственным переворотом, проведенным самими реакционными фракциями американских монополистов, особенно связанных с военной промышленностью. Это «гармония» сотен миллионов долларов, достигнутая путем мошенничества и других нарушений, с помощью которых транснациональные монополии решили навязать правительство милитаристов-республиканцев. Член комиссии Сената США по иностранным делам Джозеф Биден заявил, что система противоракетной обороны (ПРО), которую хочет ввести Буш, будет стоить 500 миллиардов долларов и будет эффективна всего в 90% случаев против атак баллистическими ракетами.

Ориентация Соединенных Штатов на фашизм стала еще более заметной после 11 сентября. Помощник начальника Генерального Штаба заявил, что Соединенные Штаты не планировали военных операций такого значения со Второй мировой. И это сказано об операции против беднейшей страны мира, лежащей в руинах непрекращающейся войны! Это ясно показывает, что агрессия против Афганистана – всего лишь «упражнение», предваряющее широкомасштабную войну против Китая и, возможно, России. Начальник британского Генерального Штаба заявил после двух недель бомбежек, что конфликт может «продолжаться 50 лет»! Стоит отметить, что ориентация на фашизм также появилась в американской внутренней политике. 13 ноября Буш подписал военный указ, согласно которому *«ведение дел обвиняемых в терроризме, иностранцев»* будет осуществляться *«специальным военным, а не гражданским судом».* Обвинительные заключения могут быть секретными, обвиняемые не будут иметь возможности апелляции и, как выражается «New York Times»: *«права защиты будут несколько ограничены».*

Можно утверждать, что после 11 сентября американский империализм, объявив так называемую «борьбу против международного терроризма», которая продлится много лет, открывает путь к международной фашистской диктатуре. Такая политическая линия была представлена среди американской монополистической буржуазии с конца Второй мировой войны.

В 1944 г. Соединенные Штаты допустили въезд около 10.000 высокопоставленных нацистских военных преступников – немцев, украинцев, латышей, русских и др. Многие из них были завербованы спецслужбами для антикоммунистической пропаганды, в исследовательские институты. Самым известным из них был генерал Гелен, сдавшийся американцам. По соглашению между союзниками, его должны были передать Советскому Союзу, но Вашингтон решил... взять его на работу в американские спецслужбы, которым он передал различные материалы и агентурную сеть! Также Соединенными Штатами были наняты такие нацисты как Клаус Барби, Алоис Брюнер, германский нацист, признанный ответственным за смерть 128.500 человек, Отто фон Болшвинг, один из главных помощников Эйхмана, и сотни других преступников.

В 1945 генерал Паттон предлагал даже сменить союзников и *«мечтал вооружить пару дивизий СС, чтобы включить их в Третью американскую армию «и повести против красных»!»*

6 и 9 августа 1945 г. американский империализм уничтожил Хиросиму и Нагасаки, без какой либо военной надобности было уничтожено 443.000 человек. Это был настоящий террористический акт невиданного ранее масштаба. Применение атомной бомбы было, прежде всего, «предупреждением» Советскому Союзу. Английский маршал Алан Брук заявил: *«Черчилль считал себя способным уничтожить русские промышленные центры».*

Агрессивная война против Кореи началась в 1950 г. и была продолжением антисоветской, антикоммунистической войны начатой нацистами и продолженной американцами. Корея была разрушена войной, там проводилась политика «отбрасывания (коммунистов – ред.) назад», планировалось нападение на Китай и даже Советский Союз. Американский террор принес корейцам 5 миллионов смертей.

Война во Вьетнаме, Камбодже, Лаосе велась с тем же настроем и унесла 4 миллиона жизней.

В течении семидесятых американский империализм встречал еще более решительное сопротивление по всему миру.

Соотношение сил изменилось в течении восьмидесятых. Это было вызвано двумя основными факторами. Во-первых, продолжающейся деградацией Советского Союза и последовавшей реставрацией капитализма. Во-вторых, соглашательством буржуазии и мелкой буржуазии в бывших колониях, которые участвовали в освободительной борьбе, только чтобы гарантировать свои интересы и обогатить себя.

Как только капитализм был реставрирован в Советском Союзе, американский империализм продолжил политику мирового господства, «унаследованную» от нацистской Германии.

Устав ООН, навязанный империалистам в результате долгой борьбы Советского Союза и революционных народов после войны с фашизмом, был немедленно отвергнут, как простой кусок бумаги, Соединенными Штатами.

К великой революционной борьбе за мир, независимость и социализм

Начало XX века характеризовалось возникновением крупных капиталистических монополий, доминировавших в различных отраслях экономики империалистических стран. Но капиталистический способ производства тогда еще не проник глубоко в различные страны и территории Азии, Южной Америки и Африки.

Начало XXI века характеризуется появлением монополий мирового масштаба, которые господствуют в определенных секторах экономики всей планеты.

Унификация капиталистической Европы породила никогда ранее не виданную концентрацию. «Слияния и накопления» в Европе составили 1.218 миллиардов долларов в 1999 г. и 1.478 миллиардов долларов в 2000 г. Это по-настоящему качественный скачок. Максимальная сумма для восьмидесятых была 148 миллиардов долларов. В 1996 г. была достигнута сумма в 253 миллиарда долларов...

Согласно «World Investment Report» за 1988 г. число производителей автомобилей, оперирующих на мировом рынке, упадет с 15 до 10 или даже 5. *«Люди, которые сидят в Германской палате управления, боятся, что они не попадут в число великолепной пятерки компаний на этом рынке, они больше не будут конкурентоспособны в будущем».*

Эта фундаментальная экономическая эволюция будет иметь три последствия.

Во-первых, смертельная борьба между ведущими американскими, японскими и европейскими монополиями станет еще более свирепой и распространится на все рынки всех континентов.

Во-вторых, угнетенные во всем мире осознают, что их угнетение и эксплуатация порождены транснациональным капиталом и «защищены» его военными силами. Развитие революционного сознания теперь возможно в массах, и это развитие – насущная необходимость.

Наконец, противоречия между этими глобальными монополиями, поддерживаемыми различными империалистическими державами, и зависимыми странами еще больше углубятся. Фракции местной буржуазии в странах Азии, Южной Америки и Африки неизбежно восстанут против господства империализма.

Опыт великой китайской революции доказал, что только Коммунистическая партия при поддержке рабочего класса, крестьянства и патриотической мелкой буржуазии может привести антиимпериалистическую революцию к ее конечной цели – национальному и социальному освобождению.

Но глобализация и усиление господства империализма во всем мире будет неизбежно толкать новые силы, принадлежащие к классу буржуазии, на борьбу с империалистическим господством. Сообщения американской прессы дают повод думать, что Бен Ладен представляет не только небольшую группу фашиствующих исламистов. Американский обозреватель Вильям Пфафф пишет: *«Саудовская Аравия также атакована детьми саудовской элиты, такими как господин Бен Ладен... , которые объявили своим врагом не только Америку, но и собственных лидеров, которых они рассматривают как продажных».* «New York Times» соглашается, что Бен Ладен представляет важное течение в среде крупной буржуазии Саудовской Аравии: *«Они – элита саудовского общества, преуспевающие и уважаемые люди, имеющие репутацию и вложения по всему миру. Но правительство США теперь утверждает, что*

одна из самых важных персон Яси аль-Кади и многие другие влиятельные саудовские граждане перечисляли миллионы долларов Усаме бин Ладену». Фракция саудовской крупной буржуазии, которая противостоит 5000 членам династической элиты, потому что они не создали промышленности и заблокировали экономическое развитие страны? Элита пренебрегает своей собственной страной, но служит американскому империализму, помещая миллиарды нефтедолларов в американские банки, что вызывает антиамериканскую позицию другой фракции. Падение феодального проамериканского режима в Саудовской Аравии и установление антиамериканского режима может изменить всю стратегическую ситуацию на Ближнем Востоке и в районе Персидского залива.

Империалистическая глобализация, до крайности обострившая все противоречия империалистического мира, с необходимостью порождает контрнаступление всех народных сил, страдающих от бедности, сверхэксплуатации, угнетения, террора и войны.

Более чем когда либо, три основных революционных течения нашего времени должны идти рука об руку: демократическая, антиимпериалистическая революция в зависимых странах, социалистическая революция в капиталистических странах и строительство социализма в странах, которые избавились от империалистической и капиталистической эксплуатации.

Во всем мире растет беспокойство по поводу того, что капиталистический способ производства более несовместим с простым выживанием человечества, что империализм стал системой геноцида.

Никогда ранее не были столь остры противоречия между общественным характером производства и частной собственностью на средства производства, частной собственностью, которая стала путями для потенциала развития производства.

Заводы и другие предприятия могут производить продукцию и расти, только если они приносят большую прибыль для капиталистов, оставляя большую часть человечества, которая стала излишней и бесполезной, прозябать в нечеловеческих условиях.

Обостряются противоречия между ускоренным развитием производительных сил и технологий, позволяющим производить практически неограниченное количество продукции, с одной стороны, и мизерностью платежеспособного спроса, ограниченного страшной бедностью подавляющего большинства человечества – с другой. В мире, где миллиарды человек лишены всего, «перепроизводство» стало постоянным!

Капитализм может гарантировать прибыли небольшому количеству владельцев акций, только подрывая физическое и духовное здоровье рабочих, сохраняя безграмотность, развязывая реакционные гражданские войны, поддерживая фашистские банды, провоцируя геноцид, вооруженное насилие, эмбарго, голод, неконтролируемый рост болезней и эпидемий...

Человечество не может больше мириться с таким варварством и бесчеловечным положением вещей.

Эксплуатация и террор, которые являются характерными чертами империалистической глобализации, неизбежно разожгут огонь новых национальных, антиимпериалистических революций, даже в большем, чем в XX веке, масштабе.

Развитие национальных и демократических революций под руководством коммунистических, революционных и антиимпериалистических сил, позволят победившим народам вступить в стадию социалистической революции. Подвергающиеся насилию со стороны империализма

лизма, то есть монополистического капитализма, народные массы зависимых стран понимают, что при капиталистической системе у них нет выхода. Опыт показал, что даже революционная буржуазия, такая, как возглавлявшая антиколониальную войну в Алжире, не может сохранить завоевания народа. Движимые эгоистическими интересами, фракции этой буржуазии перешли одна за другой на сторону империализма, возвратив Алжир обратно в состояние колонии.

Только рабочий класс в союзе с другими трудящимися классами и патриотическими силами может последовательно и полностью совершить антиимпериалистическую революцию и подготовить переход к социалистической революции, которая устраним эксплуатацию человека человеком во всех формах.

Более чем когда-либо в капиталистических странах социализм является абсолютной необходимостью для выживания, духовного и культурного развития народных масс. Более чем когда-либо развитие технологии делает социализм осуществимым.

Проходит время, когда часть масс в империалистических странах могла «иметь доход» от сверхприбылей, получаемых из зависимых стран. Сверхэксплуатация, безработица, репрессии, расизм и фашизм делают жизнь масс все более и более трудной. Ориентация крупных фракций буржуазии на войну чревато огромной опасностью для рабочих.

Продолжая борьбу на разных фронтах, рабочий класс обретет классовое сознание, поймет, что его свобода, материальное благополучие и культурное развитие несовместимо с существованием капиталистической системы.

Власть рабочего класса, поддерживаемая народными массами, принимающая все необходимые меры к уничтожению диктатуры крупной буржуазии, необходима для изменения существующего экономического и общественного строя. Жесткие меры, направленные против капиталистического и империалистического варварства предполагают сначала осуществление подлинной демократии, демократии народных масс.

В течение последних десяти лет огромное развитие производительных сил предоставляет человечеству потенциал, который позволяет народам всего мира освободиться от отсталости. Благодаря этим материальным условиям, общество может быстро преодолеть болезни, голод и недоедание, неграмотность и невежество. Все это осуществится при условии, что общество освободит себя от дьявольской смирительной рубашки, в которую частная собственность заключает средства производства. При условии преобразований на социалистической основе.

Свободный рынок есть планирование максимальных прибылей для ничтожного меньшинства, собственников средств производства. Сегодня «план» свободного рынка – максимальная эксплуатация наемных рабочих капиталистических компаний. В этом «плане» ужасающая бедность, голод для миллиардов «лишнего» населе-

ния. 60 000 транснациональных монополистов планируют производство и продажу во всем мире, экспансию за пределы «своей» страны. В 1999 г. их продажи составили 14 тысяч миллиардов долларов. Основанный на общественной собственности на средства производства, социализм будет планировать производства так, чтобы удовлетворить потребности народных масс. Это планирование будет иметь национальный и международный аспекты.

Социалистическое планирование и управление будут осуществляться открыто, под контролем народа, с одной единственной целью – удовлетворение интересов и материальных и культурных потребностей народных масс.

Социализм разовьет всеобщее обучение, науку и технику, и производительные силы быстрее и на бесконечно более широкой основе, чем империализм делает сегодня.

В существующей международной ситуации важна солидарность со странами, которые стойко защищают свою независимость от империализма, сохраняя свою социалистическую систему. В крайне тяжелой международной ситуации, даже сталкиваясь с теми же проблемами, с которыми сталкиваются все страны третьего мира, Куба, Китай, КНДР, Вьетнам и Лаос представляют будущее человечества, поскольку они – интернационалисты и коммунисты.

В 1919 г. вследствие образования Третьего Интернационала коммунисты стали самой организованной силой в мире. Из-за оппортунизма и ревизионизма ныне международное коммунистическое движение разобщено. Но империалистическая глобализация сталкивает всех рабочих с одними и теми же врагами. Обмен опытом и анализ, выработка общей политики и организация общей работы более чем необходимы для прогресса всякой борьбы. Сталкиваясь с глобальной политикой американского империализма, НАТО, МВФ, Всемирного банка и ВТО, угнетенные во всем мире должны будут противопоставить им общую политику освобождения и развития.

Партия Труда Бельгии вносит свой скромный вклад, организуя каждый год с 1992 г. с 2 по 4 мая Международный Коммунистический Семинар, на котором представлены около 150 партий и организаций Азии, Африки, Южной и Северной Америки, бывших социалистических стран и Европы. Социализм создаст международную федерацию Социалистических Республик. Она будет руководствоваться принципами солидарности и взаимопомощи, с тем чтобы заменить преграды прогрессу плановым развитием. Пролетарский интернационализм ведет к объединению народов, ликвидации национальных и этнических барьеров, исчезновению дискриминационных действий и отношений, шовинизма, к взаимовыгодному обмену между народами, обмену знаниями без коммерческих соображений, гармоничному и пропорциональному развитию всех областей мира, на основе планового производства, принимающего во внимание нужды всего человечества.

Перевод Виктора Шапинова

«Родина социализма обязана возродить его»

Беседа с Генеральным секретарем ЦК Компартии Чехословакии Мирославом Штепаном

Мое знакомство с Генеральным секретарем ЦК Компартии Чехословакии Мирославом Штепаном произошло апрельским утром этого года в Пхеньяне, куда мы оба прибыли по приглашению Центрального Комитета Трудовой партии Кореи на празднование 70-летия Корейской Народной Армии. Встреча случилась в тот памятный, волнующий день, когда сотни тысяч корейцев и гостей КНДР, и мы в их числе, направлялись в Кымсусанский Мемориальный комплекс, где покоится безвременно ушедший основатель КНДР, великий вождь корейского народа товарищ Ким Ир Сен. Бесконечная людская река, изредка останавливаясь, плыла к последнему причалу Вечного президента Кореи, и когда она замедлила свое течение в очередной раз, кто-то сзади окликнул меня: «Простите, вы из Москвы? Вы от Олега Семеновича Шенина?» Я обернулась, и ко мне шагнул высокий, широкоплечий, загорелый мужчина с седым ёжиком волос и серо-голубыми приветливыми глазами. «Мирослав Штепан, Генеральный секретарь ЦК Компартии Чехословакии», – коротко представился он.

Второй раз наши пути пересеклись, когда мы вместе отправились в один из кооперативов близ Пхеньяна. Он со знанием дела расспрашивал председателя кооператива о хозяйстве, видах на урожай и безошибочно, еще издали угадывая, какая служба располагается в том или ином здании. «Я крестьянский сын, – сказал он, заметив мое удивление, – а мой отец был первым председателем колхоза в нашей деревне, так что все здесь мне знакомо, как дома».

После поездки в кооператив я задалась целью взять у Мирослава интервью. Накануне отъезда он выкроил время, и в поисках ответа на мучительный вопрос, почему в его и моей стране все случилось так, как случилось, мы проговорили с ним весь вечер. Я благодарна Мирославу за прямоту и откровенность. Из трехчасовой записи нашей беседы я выбрала несколько фрагментов и теперь предлагаю их читателям журнала «Марксизм и современность».

Надежда Гарифуллина

О себе

– Товарищ Штепан, прежде всего я хочу познакомиться с вами наших читателей. Расскажите, пожалуйста, о себе: как и когда вы вступили в Компартию Чехословакии, на каком посту вы встретили известные события конца 80-х – начала 90-х годов прошлого века, перевернувшие судьбы наших стран? – для «затравки» спросила я.

– Начну, как в школе, – засмеялся Мирослав: – Я крестьянский сын, родился 5 августа 1945 года в одной из деревень Чехословакии. Отец и мать работали в колхозе, и отец, как я вам уже сказал, был первым председателем колхоза в нашей деревне. Жизнь в тот период у нас текла примерно так же, как у вас, в Советском Союзе. Дети рабочих и крестьян поступали в университеты и другие высшие учебные заведения. Я окончил Институт механизации и электрификации сельского хозяйства, потом два года отслужил в армии, затем учился в аспирантуре, защитил диссертацию, получил ученую степень кандидата экономических наук. В 18 лет вступил в Компартию Чехословакии. По своей профессии довелось работать слишком мало, поскольку свою жизнь я связал с комсомолом: был первым секретарем вузовской, районной организации, потом – горкома молодежи в Праге. В 1977 году меня избрали президентом Международного союза студентов, и до 1985 года я был президентом этой известной всем организации, находившейся в Праге, как в свое время в Будапеште была Всемирная федерация демократической молодежи.

После Международного союза студентов началась моя партийная деятельность. Прошел все ступеньки партийной иерархии: заведовал отделом вузов и Академии наук горкома партии в Праге, руководил отделом государственной администрации, то есть отвечал по партийной линии за безопасность, армию, суд. Потом стал вторым секретарем горкома Компартии Чехословакии. В 1987 году возглавил Пражский горком КПЧ, был избран

членом Политбюро КПЧ и членом Секретариата ЦК КПЧ. Время было сложное, горячее, работать приходилось много. Как известно, в то время уже шла «перестройка» и деформация мысли. И 17 ноября 1989 года я с этого поста ушел при очень сложных обстоятельствах, вернее, меня выбросили «товарищи» в кавычках, и через месяц с небольшим, 23 декабря я уже был в тюрьме. Вот коротко мой «послужной список».

О «бархатных революциях»

– В то время Горбачев, Политбюро ЦК КПСС и средства массовой информации события в Чехословакии, а затем во всех социалистических странах Восточной Европы, называли бархатной революцией. А как расцениваете их вы?

– Только люди, которые совсем потеряли совесть и способность реально, честно смотреть на себя и вокруг себя, могут считать, что это были бархатные революции. На второй день освобождения из тюрьмы я издал книгу, она называется «Доклад узника бархатной революции». Там я рассказал, что такое «бархатная революция». Я думаю, все уже хорошо понимают, что речь шла о международной контрреволюции. Поэтому я бы подчеркнул два момента. Первый: все произошло на одной, ограниченной территории, – территории социалистического Содружества, причем в течение нескольких дней и одновременно. Исходя из этого, следует понимать, что это не был результат экономической, социальной или какой-то другой слабости этих государств. За этим крахом стояло нечто большее.

Во-вторых, я бы здесь, в этом контексте, упомянул слова Бжезинского, который сказал: «Мы добьемся успеха, когда будем иметь в Кремле своего человека». Когда им в этом повезло, тогда и появился успех. Я уверен, что это временный успех, но это большой успех. «Спасибо» тем, кто в то время возглавлял главную страну социалистического Содружества. Нам тогда было абсолютно ясно:

если развалится Советский Союз, если там не будет возможности с кем-то сотрудничать, то вопрос разрушения социалистических стран Содружества в центре Европы будет только вопросом времени. Нам тогда твердили о «бархатной революции». Но бархатной она стала только потому, что мы, коммунисты, сами стали бархатными и ничего не сделали для спасения социализма. Хотя имели такую возможность, имели в своих руках всё – власть, оружие, средства массовой информации, но никто ничего не сделал.

Здесь я бы хотел подчеркнуть, что во всем этом нам «помог» Михаил Сергеевич Горбачев. Он на первом плане. Разумеется, в этом принимали участие Ельцин, Яковлев, Шеварднадзе. Группа этих людей совершила преступление не только перед советским народом, но и перед всем миром за все, что случилось, и за его последствия.

О Горбачеве

– После избрания на пост Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачев все время говорил нам, советским людям, что его цель – «больше социализма, больше демократии». Вслух, открыто он не заявлял, что хочет отступить от социализма, повернуть страну вспять. Правда, в последние годы он не раз откровенно признавался, что его целью было разрушить коммунизм, на что его вдохновляла Раиса Максимовна. А как вам виделись тогда события, происходившие в Советском Союзе, и что в то время происходило у вас, в Чехословакии?

– В первый период, когда он говорил то, что ты упомянула, я сам принадлежал к тем людям в нашей стране, которые были уверены, что он говорит это ответственно. Мы поддерживали такой подход, потому что чувствовали: социализм нуждается в совершенствовании и что-то в социализме можно улучшить. У нас, в Чехословакии, еще была своя специфика, потому что был памятен 1968 год, и все были очень осторожными. Поэтому, когда Горбачев провозгласил: «Больше социализма!», я сначала подумал, что он хочет помочь нам что-то в рамках социализма улучшить или изменить. Это был первый этап, и я уверен, что большинство коммунистов социалистических стран думали так же. Ну и лозунг был неплохой и всем понятный: «Больше социализма!» Почему не поддержать такой лозунг? Это значит больше социализма и коммунизма, значит сильнее укреплять социалистические страны и больше оказывать помощь другим странам, которые борются за национальное и социальное освобождение. Поэтому лозунг Горбачева в какой-то степени привлек к себе страны Азии и Африки, которые увидели в нем позитивный ответ на требования времени.

А то, что делалось потом, это было что-то другое. Это уже была тактика вышеназванной группы, когда они начали говорить: да, больше социализма, но пусть сейчас страна занимается собой. И первая реакция у некоторых людей в наших странах была такой: это хорошо, теперь мы станем более свободными. Но в принципе своим заявлением Горбачев дал «добро» каждой компартии на развязывание внутренней борьбы, потому что некоторые хотели сделать то, что он сказал, имея другие цели, чем те, кто по-настоящему хотел «больше социализма». Горбачев несет за все случившееся гиперответственность: именно он виноват в развале конкретных братских коммунистических партий социалистического Содружества, потому что он инициировал этот процесс. В результате началось соревнование: одни считались настоящими горбачевцами, других обвиняли в том, что они исполь-

зуют только то, что они хотят взять из Горбачева этого периода.

К сожалению, этот вопрос пока еще недостаточно и разработан и изучен, что очень плохо, так как он и сейчас тормозит процессы обновления настоящего ядра коммунистического движения в бывших странах социалистического Содружества. И поскольку это не сделано, поскольку не сказано по пунктам, кто виноват, кто какие позиции занимал, – развелось много деятелей этой категории, которые злоупотребляют словом «коммунист». В бывших социалистических странах стали изучать опыт коммунистов Франции, Италии и других стран.

– То есть они обратили свои взоры к еврокоммунизму?

– Я думаю, в этом еще одна вина Горбачева. То, что не удалось сделать в период социализма, то есть, еврокоммунизму возглавить коммунистические процессы, осуществляется теперь. Сейчас еврокоммунизм набирает силу. Это проявляется очень конкретно в позиции так называемых коммунистов относительно процессов интеграции в Европе, вопросов Европейского Союза, а также в попытках разных коммунистических партий инициировать в Европе процесс федерализации партий. В результате рождаются инициативы типа: «Федерация компартий Балкан», «Федерация стран Западной Европы». Это всё еврокоммунистические идеи и принципы, основные же принципы интернационализма отброшены. А без них вообще невозможно вести переговоры, вообще невозможно заниматься совместной акцией обновления социализма.

Сейчас все прошлые принципы и опыт строительства социализма подвергаются остракизму, все, кому не лень, критикуют все то, что было, и нет никакой силы, которая бы на основе объективного анализа, на основе объективных данных информации могла бы сказать: это было так, а это – по-другому. И все это – Горбачев. Все он сделал! Это сделал он! – несколько раз возмущенно повторил Штепан. – Но и это не все. Давайте вспомним, что на территории наших братских стран находилась Советская Армия, например, в Чехословакии располагалась Центральная группа советских войск. Но когда внутренняя контрреволюция в наших странах подняла голову, Горбачев сказал, что Советская Армия этим не занимается и в наши внутренние дела не вмешивается. Мне это было непонятно, ведь речь шла о судьбе социализма, и наши страны были членами Варшавского Договора – у нас были обязательства о взаимной помощи, в том числе и военной, если понадобится.

А вспомните, как происходило объединение Германии. Горбачев просто передал Германскую Демократическую Республику в руки ФРГ, этим он как бы наплевал в глаза тем 20 миллионам советских людей, которые погибли в борьбе с гитлеровским фашизмом во время второй мировой войны. Поэтому на нем лежит большой груз ответственности. К сожалению, эту «коробку» никто еще в комплексе не открыл и не сделал анализа. Если бы такой анализ был сделан, я уверен, Горбачев бы так свободно по России не гулял, не ездил бы по границе, не получал бы по 500 тысяч долларов за один час пустопорожней болтовни, именуемой почему-то лекциями, которые он «читает» по всему миру.

К сожалению, пока коммунистам не удалось раскрыть подлинное лицо этого суперпредателя прошлого века, хотя по последствиям его деятельности для своей страны и судеб всего мира его вполне можно поставить в один ряд с Гитлером. Конечно, я понимаю, что идеологическая подоплека другая, но, если оценить размеры все-

го того, что сделал Горбачев со своей камарильей, то во всемирном масштабе последствия, результаты его действий, может быть, даже еще хуже.

– В нашей частной беседе вы обмолвились, что вас очень обеспокоило, когда с приходом Горбачева в Советском Союзе поднялась волна критики и самобичевания, то есть партия начала себя бить публично, в печати, следом пресса раздувала недостатки, которые были и которых не было. Почему это вас насторожило?

– Не только насторожило – возмутило! Это была ошибка. Этого не надо было делать в той ситуации. Поскольку в стране уже вовсю разгулялся экстремизм, политика самобичевания, публичной самокритики ни к чему хорошему не привела. Она давала козыри политическим противникам, лила воду на их мельницу. К экстремизму подход тоже должен быть соответственный, то есть экстремальный. Наша позиция – и мы сейчас подтвердили ее на нашем съезде – заключается в том, что публичную самокритику следует запретить, потому что она не помогает делу, а только вредит. Пусть все разговоры, споры, дискуссии ведутся внутри партии! Не стоит самим же давать противникам оружие против себя. Ведь за то, что случилось в наших странах, враги должны сказать «спасибо» гласности, злоупотреблению такой высокой ценностью, как открытый разговор.

Возьмем церковь. За тысячелетия своего существования она совершала не просто ошибки, а чудовищные преступления, но я никогда не слышал и не читал, чтобы она занималась самокритикой и самобичеванием. Всегда смотрит вперед, не оглядываясь, и хотела бы, чтобы все забыли ее неблагоприятные деяния. А Советский Союз существовал всего 70 лет, но с приходом Горбачева вдруг все начали твердить, как всё, абсолютно всё было плохо. В результате вряд ли стоит удивляться, что потом даже те, кто разделял идеи социализма и не имел особой идеологической платформы, утратили веру в то хорошее, что, безусловно было, стали сомневаться, а кое-кто и переходить в стан противников. Такими заявлениями, таким подходом Горбачев и его группа подорвали доверие народа к прошлой деятельности партии, ко всему социалистическому периоду истории. И это стало главной предпосылкой, главным условием его «успеха» в осуществлении развала и СССР, и всего социалистического Содружества.

Поэтому мы, например, в нашей партии основным критерием и основной задачей этого этапа считаем защиту прошлого, эпохи социализма, потому что некоторые начали говорить: вы такие-сякие, делали не то и не так, неправильно, что-то там было и прочее. И нам сложно всем всё объяснить, потому что для этого нет возможности: на телевидение и в масс-медиа нас не пускают, работаем пока партизанскими методами. Но, главное, мы поняли, что самобичевание никому сейчас не помогает. Наоборот, надо поддерживать, подчеркивать, преувеличивать, я бы сказал, с тактической точки зрения, успехи прошлого. Впрочем, и без преувеличения просто честный, объективный показ прошлого опрокинет всю ложь и клевету на социализм. И тот, кто этого не делает, по-моему, не имел в прошлом ничего общего с Коммунистической партией, не имеет ничего общего с ответственным подходом к социализму сегодня.

Разгул контрреволюции

– Что вам инкриминировали, когда вас арестовали? Вы были один-единственный из членов Политбюро, кто попал в тюрьму, или кто-то еще был репрессирован вместе с вами?

– Из Политбюро – только я один. Арестованы были также министр внутренних дел Чехословакии, председатель чехословацкой контрразведки и председатель КГБ. Мне инкриминировали злоупотребление властью. Все обвинение было построено на том, что во время выступления Хартии-77 произошел инцидент. Хартия-77 – это оппозиция, андеграунд, которую возглавлял Вацлав Гавел. С ними была договоренность, что они ничего 17 ноября предпринимать и организовывать не будут. Тем не менее, вопреки договоренности они в центре Праги устроили большую демонстрацию. А под конец пригласили Александра Дубчека и хотели разыграть еще и эту карту, хотели, чтобы он выступил на их митинге. Когда я узнал, что там еще Дубчек замаячил, я сказал, чтобы его временно изолировали, пока будут беспорядки. Таким образом я хотел подать партии, правительству, трудящимся сигнал, что начинается борьба. Но, к сожалению, премьер-министр Адамец уже давно сотрудничал с ними. Он постоянно звонил Горбачеву, имел постоянную связь с Кремлем – мы немножко следили за его телефонными разговорами и знаем это досконально. К сожалению, с ними сотрудничала часть правительства, и премьер-министр Владислав Адамец прежде всего. Во время акции «Хартии-77» нами были задействованы органы безопасности, милиции. Ничего страшного не случилось, обошлось без жертв. Оружие никто не применял.

Напряжение в столице нарастало, контрреволюционные силы действовали все наглее, в Праге проходили массовые демонстрации. Оппозиция рассылала повсюду своих людей – артистов разных, писателей, поэтов, в общем, интеллектуалов, элиту, как они себя называли, которые приезжали на заводы, агитировали людей против народной власти и коммунистов. Они организовали «круглый стол». Это тоже был интересный момент. Но на этот «круглый стол» они нас, ЦК и Политбюро КПЧ, не пригласили. Потом сам Гавел признался: «Адамец возглавлял этих людей».

Они сделали то же, что и Горбачев: отделили партию от государства, а потом стали вести разговор не с партией, а с государством. Адамец возглавлял этих людей со стороны тех, кто был у власти. Это была вторая лига, вторая категория людей. А Гавел возглавлял группу «Хартия-77» и оппозицию, которую они называли «Гражданский форум». У меня есть стенограмма «круглого стола». На второй странице значится, что Гавел сказал Адамецу: «У нас условия. Если разговор состоится, то потом вы должны иметь в виду следующие два условия: Мирослав Штепан уже сегодня должен уйти из ЦК, а Густав Гусак – до конца года». Только двух человек он упомянул.

Адамец – настоящий предатель. Он должен был сказать: «Извините, но, что касается Гусака, то это президент, его избирал федеральный парламент. Только парламент может решить его судьбу». Сам Адамец не был депутатом, он был премьер-министром. О Штепане, то есть обо мне, Гавел сказал: «Главное – полномочия, которые он имеет». Дело в том, что как партийный секретарь я, согласно Уставу партии, был еще и начальником народной милиции – милиции рабочих. И Адамец сказал в ответ – это ответ контрреволюционера, очень красноречивый: «Вы знаете, господа, день имеет 24 часа, а я имею только одни ноги, одни руки и одну голову, поэтому я не успел сегодня все это сделать». Потом этот Адамец возглавил людей, которые его взяли, как святого, в Компартию Чехии и Моравии – это сестра Компартии Российской Федерации.

С каждым днем я все острее понимал, что надо принимать решительные меры для защиты социализма от

натиска контрреволюции. И после демонстрации 17 ноября – а она состоялась в пятницу – мы уже к понедельнику подготовили группу из шести человек для осуществления серьезной операции. Мы намеревались вечером в понедельник 20 ноября вместе с товарищами из армии взять в свои руки телевидение в Праге, Вацлавскую площадь, людей, которые там участвуют в антисоциалистических встречах, и всю Прагу. Информация на страну пойдет из одного дома, который возглавляет центральную Вацлавскую площадь в Праге. Таков был наш сценарий.

Я подготовил короткое выступление, текста которого, к счастью, никто, кроме меня, не имел. Если бы наши противники его в то время получили, то впоследствии мне пришлось бы совсем плохо. Так вот, в этом выступлении я должен был сообщить, что группа конкретных граждан Чехословакии берет на себя ответственность за обстановку в стране и просит всех граждан Чехословакии – коммунистов, членов профсоюзов, рабочих, крестьян, молодежь и так далее – проявить выдержку. Мы, группа лиц, решили пресечь попытку контрреволюционных сил совершить антиконституционный переворот, путч в Праге. Мы просим граждан быть у телевизоров – в половине восьмого вечера они получат информацию о том, как закончится эта операция.

Подготовились мы неплохо, только Политбюро сломалось.

Заседание Политбюро было намечено на пять часов, а в шесть часов мы хотели выйти в эфир и обнародовать свою программу спасения страны. Все было подготовлено, все связи. Кстати, меня еще до сих пор призывают следовать тому плану. Я позвонил в первую танковую дивизию Первой армии Чехословакии, около Праги, чтобы они все вошли в столицу. Без оружия. 156 танков было подготовлено – они стояли недалеко, за аэропортом.

В пять часов я выступил на заседании Политбюро и сказал: «Товарищи, я хочу вас проинформировать о том, что в Праге создана ответственная группа людей, которые готовы в шесть часов сделать то-то и то-то». И товарищи с удивлением посмотрели на меня. Генеральный секретарь КПЧ товарищ Екищ, он уже старый был, спросил: «Чего ты от нас требуешь?» Я сказал: «Это очень интересный вопрос, товарищ Генеральный секретарь. Во-первых, я бы хотел, чтобы то, что мы сейчас сделаем, было воспринято Политбюро с полным пониманием, чтобы потом не стали путчистами мы, которые берем ответственность за защиту социализма. Во-вторых, я бы хотел, чтобы кто-то из членов Политбюро участвовал в этой группе людей, был на той трибуне, которая подготовлена. Но, – добавил я, – не надо, товарищи, посылать секретаря ЦК, там коммунистов будет достаточно. Хорошо, если это будет кто-то из государственных лиц».

После этих слов премьер-министр Адамец закрыл свой чемоданчик и сказал: «В этом я не хочу участвовать. Товарищи Гусак, Екищ, если вы хотите это делать, делайте, а я не буду». Тогда я сказал: «Товарищи, у меня есть предложение принять решение о том, что товарищ Адамец как премьер потерял поддержку Коммунистической партии Чехословакии и не может продолжать свою деятельность на посту председателя Совета Министров Чехословакии». И, посмотрев на Гусака, сказал: «Самый лучший вариант – если с нами там будет стоять товарищ Гусак, чтобы совсем не было никаких сомнений, что это группа не самозванцев, а действительно ответственных за судьбу Чехословакии людей. Чтобы все увидели, что президент – гарант Чехословакии – с нами».

Тогда секретарь ЦК Фойтик спросил: «А кто там будет выступать?» «Насколько я знаю список выступающих, то-

варищ Фойтик, насчет вас там такого плана нет», – ответил я ему и сказал, обращаясь ко всем присутствующим: «Товарищи, у меня это выступление здесь, – показал я на внутренний карман пиджака, – и тот, кто выступит с ним по телевидению, должен его сейчас прочитать». Все молчат, никто не проронил ни слова. Я посмотрел на часы: было уже 17.45, до выхода в эфир оставалось 15 минут. Все по-прежнему молчали. Наконец, Гусак сказал: «Товарищи, я поддерживаю то, что Мирек здесь сказал, но я нехорошо себя чувствую, поэтому принять участие просто не могу». Тогда я сказал: «Товарищи, если мы осуществляем эту операцию, то скажите: да. Потом Политбюро пойдет на ужин, все будет хорошо, и ни с кем ничего не случится. Главное, чтобы каждый гражданин Чехословакии видел: мы это делаем вместе».

Наконец, кто-то спросил: «Что ты там хочешь сказать?» «Это короткое выступление, всего страничка, – пояснил я. – Но здесь сказано главное – то, что может волновать, товарищи, и вас, и всех наших граждан. Сейчас обстановка такова, что руководство государства и партии не контролируют развития событий в стране. Поэтому группа этих граждан берет на себя ответственность за судьбу социализма в Чехословакии. И здесь телекамеры покажут конкретно каждого человека. А в нашей группе министр внутренних дел, министр обороны, главный начальник милиции, затем я, то есть первый секретарь Пражского горкома КПЧ, член Политбюро и заместитель председателя Совета обороны Чехословакии, затем мой заместитель».

Прочитав эту страничку, я сказал: «Руководство страны парализовано, никто ничего сейчас не контролирует. Поэтому просьба к вам – оставайтесь на своих местах, в своих кустах». Выслушав меня, все посмотрели друг на друга, но никто ничего не сказал. Я спросил: «Товарищи, кто готов идти вместе с нами?» Поднял руку Йозеф Ленарт – известный человек в стране, бывший первый секретарь ЦК Компартии Словакии. Я подумал, что он идет с нами, хотя этого от него не ожидал. Но он произнес другое, нечто путанное: «Я только хотел сказать, что, когда я встретил Штепана в коридоре, я познакомился с тем, что он сказал, и хотел сказать, что я согласен с тем, что там написано». Я говорю: «У меня другой вопрос: вы готовы, Йозеф, идти с нами? Или вы только поддерживаете то, что я прочитал?» «Да, то, что прочитал». «Но этого пока мало, товарищи».

На часах было уже без пяти шесть, но никто ничего так и не сказал. Тогда я был вынужден сказать: «Товарищи, вы хорошо знаете, лучше, чем я, самый молодой член Политбюро, что мы собираем чемоданы. После этого заседания Политбюро, где не достигну никакого результата, мне сейчас будет стыдно, но я должен сказать всем, кто сотрудничал два дня и подготовил эту операцию, что она не состоится. Я не самоубийца, и, если никто в Политбюро с этим планом не согласен, и никто лично не хочет ничего делать, убивать себя не стану».

В принципе в этом, то есть в самоустранении Политбюро от защиты социализма, и была проблема. Акция не состоялась. Никто ничего не сделал.

– *И оппозиция пришла к власти?*

– Да, оппозиция во главе с Гавелом без единого выстрела пришла к власти. Это страшное дело. А мне дали четыре года.

В тюрьме

– *Над вами был суд, или вас заключили в тюрьму до него – в соответствии с правилами нынешней «демократии»?*

– Вначале находился в тюрьме – без суда и следствия, но потом, через полгода, состоялся суд. Они хотели, чтобы процесс прошел накануне «свободных выборов», как сказал Гавел. Узнав об этом, я сказался большим, заявил, что не могу говорить. Поэтому им не удалось сделать суд перед выборами и использовать его в своей пропаганде. А через две недельки после выборов я уже был здоров.

Я до сих пор не понял, за что я сидел. На суде я сказал очень ясно: «Если кто-то хотел меня наказать, то я действительно должен получить самое большое наказание, но не за то, что вы написали в своих бумагах, а за то, чего я не сделал. За то, что в соответствии с Конституцией ЧССР я не использовал всех конституционных инструментов для того, чтобы обеспечить защиту социализма». На суде никто из свидетелей не показал, что я сделал хоть что-то плохое, никто! Главный обвинитель, который написал против меня заявление в суд, генеральный прокурор в то время, в 1968 году принадлежал к сторонникам Дубчека. Сейчас он первый заместитель премьер-министра Чешской Республики, социал-демократ, а прежде – член Компартии Чехословакии. Я полностью опроверг все, что было в его заявлении, где расписывалось, что я сделал, в чем виноват. Я твердо стоял на своей позиции. Но хотя ничего доказано не было, суд вынес решение: четыре года тюрьмы.

– *То есть на суде не подтвердились те обвинения, которые были выдвинуты против вас?*

– Не подтвердились. Было 113 свидетелей, и только один поддерживал обвинение в надежде, что они его освободят, если у него возникнут проблемы. Это генерал госбезопасности, которого я выгнал из Праги, когда началась перестройка. Но «выгнал» хорошо: он стал советником в нашем посольстве в ГДР, ответственным за вопросы безопасности. Видимо, его купили, и поэтому он говорил на суде, как плохо ему, бедному, было с этим злодеем Штепаном.

По иронии судьбы, когда я уже был на свободе, над ним тоже состоялся суд. Это был военный трибунал. Меня вызвали в качестве свидетеля, и я преподал ему маленький урок. Я сказал: «Господа, я за то, чтобы этот пан не получил наказания, чтобы он имел время дома подумать на досуге о том, что он сделал, как он себя вел». Они никаких личных претензий к нему не предъявили, просто привлекли к ответственности по профессиональному признаку. Поэтому я сказал: «Этот пан просто выполнял свой профессиональный долг, и, хотя то, что он сделал, невозможно принять, я прошу вас, господа, вынести решение, чтобы он был свободным и никогда не сидел в тюрьме. Это говорю вам я, который уже сидел в тюрьме. И он виноват в том, что я сидел».

– *Кстати, где вы отбывали срок? Что за тюрьма это была? И как вы провели эти четыре года?*

– Сначала – в пражской тюрьме, рядом с аэропортом, потом – в тюрьме «Панкрац», а кончил отбывать срок в городе Пиво – в самой известной тюрьме «Пльзень». Город знаменит заводом «Шкода» и пльзеньским пивом. Кстати, город имел побратимские связи со Свердловском, и в свое время туда часто наезжал с визитами дружбы Борис Николаевич Ельцин. Много пива там выпил этот господин. Я разговаривал с людьми, мне рассказывали. А тюрьма «Пльзень» интересна тем, что в ней сидели политические заключенные: Антонин Запотоцкий там сидел, бывший наш президент Клемент Готвальд там недолго сидел еще во время буржуазной республики. Это самая старая тюрьма со стенами толщиной два метра. Интересно, что она, если смотреть

сверху, имеет форму большой звезды. Там мне понравилось, если так можно сказать о тюрьме.

– *Вам везло с сокамерниками? Или вы находились в одиночке?*

– В пражской тюрьме у меня было четыре «соседа». Все отбывали срок за убийства. Особая публика! Но потом я с ними установил контакты. В тюрьме интересно: там все говорят, что они ничего не сделали. А я им говорил: «Коллеги, если кто-то из нас ничего не сделал, то это я». И спрашивал: «Что вы будете делать, когда станете свободными?» И слышал в ответ: «То же, что и до тюрьмы». «Нет, – говорил я, – из всех нас только я могу делать то, что я делал перед заключением. Вы же должны стать лучше в тюрьме». Вот такие бывали у нас разговоры. Но в целом жаль потерянного в тюрьме времени. Мне было сорок четыре, самый продуктивный возраст, а я был вынужден сидеть, смотреть в потолок и ничего не делать.

В августе 91-го года, когда в Москве проходили известные события, связанные с ГКЧП, я к ним относился с огромной, огромной надеждой, что это позитивно, что товарищи сделают все, о чем они сказали в своем заявлении, наведут порядок, и все будет хорошо. Я это чувствовал, интересно, что в тюрьме все полицейские и тюремщики ко мне сразу же стали относиться предупредительно, хорошо. В Праге эти все Гавелы сразу притихли, на всякий случай замолчали – никто не знал, чем это кончится. Еще был шанс сделать поворот к социализму. Если бы в СССР удалось отстоять социализм, это бы произошло во всех соцстранах. Заявления о ликвидации Варшавского Договора были бы квалифицированы как антиуставные отходные меры в законодательствах стран-союзниц, какими они и являются на самом деле, и начался бы очень интересный процесс. К сожалению, этого не случилось.

Ну, а в день выступления ГКЧП я попросил начальника моего отряда – не могу ли я взять три свободных от работы дня, я бы хотел следить за событиями дома по телевизору, чтобы потом успеть быстро постричься и побегать в свой кабинет? Тюремные начальники засмеялись и говорят: «Давайте сделаем так: вы будете смотреть телевизор здесь, но вы будете закрыты, а чтобы не выходили, охрана будет сидеть в коридоре». Но, увы, все окончилось так, как окончилось.

Расскажу один смешной эпизод из моей тюремной жизни. Когда я находился в Пльзеньской тюрьме, у меня были часы, которые Горбачев вручил мне во время своего визита в Чехословакию. В то время я был вторым секретарем Пражского горкома КПЧ. Горбачев побывал на заводе ЧКД – крупнейшем заводе, который выпускал локомотивы, мощные машины. Там 50 тысяч рабочих, там самые большие компрессоры типа «Байкал», «Енисей», которые на всех транссибирских газопроводах используются. Эти компрессоры использовались также на космодроме Байконур. На заводе Горбачев и вручил нам часы. Дорогие они или дешевые – неважно, главное – они от Горбачева. В то время каждый был рад, что получил такой красивый подарок. Одно мне там не нравилось: во время визита на этот завод Горбачев совсем не разговаривал с Густавом Гусаком. Гусак уже был старый, но он честный человек, порядочный. Горбачев же вел с ним точно так же, как с Хонеккером на годовщине ГДР в октябре 1989-го года. На глазах у народа он демонстративно держался в стороне от Хонеккера и всячески выказывал пренебрежение к нему.

Когда меня освобождали, ко мне подошел один человек по имени Ежи Кречик, с которым я долго сидел в

одной камере. Он уже 21 год отбыл в тюрьме и «дослужился» до бригадира отряда. На прощанье я подарил ему «горбачевские» часы.

Несколько месяцев спустя после моего выхода из тюрьмы мне позвонил домой какой-то человек. А я три года не мог устроиться на работу, все боялись взять меня. И тут этот звонок: «Я принес тебе привет от Ежи Кречика. Он сидит в Пльзене». «Как – сидит? Его же освободили, он уже был на свободе». «Ну, ты знаешь, там получилась история с твоими часами от Горбачева». «Так я ему их подарил!» «Ты подарил, а он вечером после выхода из тюрьмы пришел в ресторан, что рядом с тюрьмой. Он был слаб на алкоголь. Выпил и начал хвастать перед всеми: «Смотрите, вот у меня часы от Горбачева!» «Что ты врешь? Ты 21 год в тюрьме сидел, где ты мог видеть Горбачева?» – возмутились люди. Он ответил: «Часы мне подарил Штепан». Они знали мою фамилию. Тут Ежи говорит соседу по столику: «Хотите, я продам вам часы? Я готов!» И продал их за тысячу крон. Через два часа все были изрядно пьяны, он обвинил собутыльника в том, что тот украл у него часы. Вспыхнул скандал, началась драка, и Кречик в ту же ночь вновь оказался в тюрьме и получил три года.

Такова история с часами «от Горбачева». Я думаю, Горбачев должен знать, что только в тюрьме настоящие преступники рады часам, которые он мне вручил в те времена, когда он еще выдавал себя за коммуниста и был генеральным секретарем ЦК КПСС.

– *Свою книгу «Узник бархатной революции» вы писали в тюрьме и о тюрьме?*

– У меня было мало бумаги, но я писал, готовил рукопись к публикации, и через два дня после выхода из тюрьмы удалось ее напечатать. Я сохранил номер газеты «Руде право» – так она называлась в то время, сейчас – просто «Право». Слово «Руде» – «Красное» – убрали. Тираж ее был по нынешним временам просто огромный – 80 тысяч экземпляров, сейчас книги издают по 2 тысячи экземпляров. Из этого тиража я сам имею только одну книгу, вторую не могу нигде найти. Она разошлась сразу же.

Книга не совсем о тюрьме. Это не теоретический трактат, а разговоры, впечатления, анализ, беседы, которые я вел сам с собой, встречи, письма. Например, однажды получил письмо от Дубчека – это тоже интересный факт. Александр Дубчек, Михаил Горбачев и Владимир Млынарж – друзья, учились вместе в МГУ, они потом готовили Дубчека к выполнению его миссии. А в сентябре 1989 года Дубчек прислал мне письмо, где описывал события 1968 года. Содержание его – ноль, каждый у нас знал, как и что происходило в 1968-м. Тем не менее, я внес в Политбюро, в порядке информации, вопрос об этом письме.

Все товарищи посмотрели на меня с удивлением и спросили: «А что делать с этим письмом?» Я сказал: «Ну, во-первых, хочу, чтобы вы знали, что Дубчек обращается к нам, что он имеет своих сторонников, и чтобы Политбюро имело обо всем этом информацию. Во-вторых, у меня предложение: вечером пригласить Дубчека на телевизионную трибуну и устроить часовой разговор Штепан-Дубчек, поскольку Штепан получил его письмо, из которого явствует, что тот хочет с ним побеседовать. Пусть народ увидит, какой дуб этот Дубчек, какой это пустой человек, не имеющий ни одной светлой мысли. Я поговорю с ним в прямом эфире, и все точки будут поставлены без проблем».

И опять все смотрели и молчали. В Политбюро бытовала конкуренция, и поэтому, как всегда, все сидели и ду-

мали: почему он, а не другой? Один товарищ так прямо и сказал: «Товарищи, в партии некоторые бы не поняли, почему разговор с Дубчеком ведет Мирослав, а не кто-то другой?» Я ответил: «Дело в том, что ни с кем из вас Дубчек не вел такого разговора, хотя он с вами со всеми, кроме меня, уже сидел в Политбюро и в Секретариате. Только вы в 1968 году остались с помощью Советского Союза и Советской Армии, а Дубчек – не остался. И с вами он уже общался, а со мной еще никогда в жизни не говорил, поэтому хорошо бы мне с ним провести беседу. Я готов вечером, с 8 до 9-ти, вести разговор с Дубчеком». Все, однако, промолчали, ушли в сторону, и разговор в прямом эфире не состоялся. Сработали конкуренция и сомнения этих людей, которые думали, что перестройка поможет им удержаться. Они и хотели бы где-нибудь выступить, но, что поделаешь, их уже никто не приглашал. Вот такая проблема. И таких эпизодов, как с письмом Дубчека, в книге немало.

Когда меня освобождали, суд был прямо в тюрьме, он длился ровно пять минут, после чего было принято решение о моем освобождении. Мои товарищи организовали пресс-конференцию прямо в тюрьме. Было много журналистов, телевидение, и корреспондент чехословацкого телевидения спросил: «Как вы понимаете то, что вас сейчас отпустили в течение пяти минут, мы даже не успели поставить аппаратуру, а вас уже отпустили? Вы можете дать ответ?» «Я не могу дать ответ, – сказал я. – Ответ на вопрос, почему я здесь сидел, должны дать те, кто меня сюда посадил. А то, что меня освободили, я считаю нормальным, я ничего противозаконного и антиконституционного не сделал».

Возрождение

– *Вы начали возрождать Коммунистическую партию после выхода из тюрьмы, или это сделали ваши товарищи, пока вы отбывали срок?*

– Во-первых, – и я, к сожалению, должен сказать, что коммунистические партии умели это делать, – когда мне надели наручники, товарищи исключили меня из партии. Их аргумент: не может заключенный состоять в партии. Сделали это без какого-либо анализа. А я только благодарю телевидению узнал, что Штепан, Якиш и Васил Билак исключены из партии за очень серьезные, принципиальные ошибки в политической жизни и политической работе в прошлом. К тому времени я уже 17 месяцев находился в тюрьме и не знал, что за «принципиальные» ошибки я совершил.

Потом, когда вышел на волю, товарищи включили меня в Компартию Чехии и Моравии. Там была группа хороших людей, они-то и взяли меня в эту Компартию. А я сказал: «Для меня не составляет проблемы выйти из этой партии, потому что вы без консультации это сделали. Но вы там скажите, что я хочу быть только рядовым членом партии». Кроме нее, тогда не было никакой другой компартии. А через месяц съезд Компартии Чехии и Моравии исключил меня из партии и этих товарищей – тоже. Оказалось, что нам не по пути.

На основе этого я создал группу – платформа «За социализм». Ее основным документом стала декларация, в которой мы определили свою цель – восстановить социализм. Документ был хороший, в нем мы перечислили все страны, которые, несмотря на контрреволюцию, остались социалистическими и смогли обеспечить свое развитие. Это Китай, КНДР, Куба, Вьетнам. И к нам пошли те товарищи, что состояли в Компартии Чехии и Моравии. Против нас была развернута огромная кампания, чему я был очень рад, потому что это помогало: все

масс-медиа говорили о платформе «За социализм». Было интересно наблюдать, что критика, исходившая от правых сил и от руководства Компартии Чехии и Моравии, имела тот же самый подтекст. Стало очевидно, что и те, и другие, сознательно или нет, но работают над той же самой регуляцией. Из Компартии Чехии и Моравии были исключены все товарищи, которые разделяли платформу «За социализм», с формулировкой «за фракционность».

На следующем этапе мы создали организацию «Народная уния за национальное и социальное возрождение». В нее вступили 8-9 тысяч человек. Эту гражданскую организацию мы зарегистрировали в Министерстве внутренних дел – это была уже широкая платформа. Затем мы разработали программу «Чехословакия: труд и социализм», и все это стало основой для обновления партии. Два года спустя, в 1995 году, мы провели первый съезд Компартии Чехословакии. В нем приняли участие 230 делегатов из всех областей. На съезде была учреждена Компартия Чехословакии, и мы пришли в Министерство внутренних дел для ее регистрации.

Перед этим руководство Компартии Чехии и Моравии предупредило: «Если они эту партию регистрируют, наши юристы начнут активно работать и объяснять правительству, что министерство ошиблось». Дело в том, что после контрреволюции был принят закон, который обозначил Компартию Чехословакии как криминальную организацию, запрещено было использовать и ее название «Компартия Чехословакии». Органы государственной безопасности тоже приняли такой закон. Тем не менее, я сдал в Министерство внутренних дел все документы на регистрацию на основе закона о политических партиях и ждал, что они будут нажимать на нас, давить. И, действительно, в министерстве сказали, что регистрация нашей партии невозможна, ибо закон запрещает регистрацию конкретно этой партии, с этим названием, с этим названием.

Но один товарищ, который, наверное, уже собирался уходить на пенсию и потому ничего не боялся, вышел со мной в коридор и тихонько произнес: «Я бы вам подсказал одну деталь – поменяйте очередность букв и назовите: Партия чехословацких коммунистов. Это звучит по-другому, и в этом случае закон не нарушается». Я тут же зашел к директору департамента по регистрации политических партий и организаций: «Я бы хотел взять недельку на размышления, может, мы что-нибудь сделаем». Мы все сделали тем же вечером, а в МВД пришли через неделю с новым названием – «ПЧК», то есть Партия чехословацких коммунистов.

Два года назад на съезде в Праге, на котором у нас был председатель Совета СКП-КПСС Олег Семенович Шенин, мы сделали вторую попытку вернуть прежнее имя – название «Партия чехословацких коммунистов» заменили в Уставе на «Коммунистическую партию Чехословакии». Мы подгадали вовремя: накануне сняли министра внутренних дел, и там был такой бардак! Мы внесли свои документы в департамент МВД, и нашу партию зарегистрировали с новым, а точнее, с ее исконным названием. Потом, конечно, был скандал, тем не менее, название осталось, и сейчас мы действуем как легальная, зарегистрированная Компартия Чехословакии.

– *Какие цели и задачи ставит перед собой ваша партия?*

– В этом году состоится XX съезд нашей партии, и мы хотели бы сформулировать программу-минимум борьбы, потому что надо смотреть на происходящее с реальными позициями. Конечно, у партии есть Программа, которая

базируется на принципах марксизма-ленинизма. Мы поддерживаем наши фундаментальные цели: классовая борьба, диктатура пролетариата, принцип обновления, работа с опытом прошлого, работа на основе социализма. Программу мы имеем ту, которую давно выработали: «Чехословакия: труд и социализм». Ее суть – обновление Чехословакии.

Мы хорошо знаем, что разделение Чехословакии, как и Югославии, к чему приложили нечистую руку все эти шеварднадзе, произошло искусственно. Это не было желанием большинства людей, никакого референдума не проводилось. Это антиконституционно. В истории Чехословакии такое случилось всего дважды. Первый раз во время второй мировой войны, во время фашизма, когда Словакия перешла на сторону Гитлера. Там взяли верх радикальные фашисты, и в результате Чехословакия разделилась. Второй раз это произошло, как ни странно, в период демократизации.

Поэтому, я уверен, если бы не было Горбачева, была бы единая Чехословакия. Если бы не было Горбачева, был бы единый Советский Союз. Мне довелось познакомиться с одной запиской о встрече Шеварднадзе с вице-канцлером ФРГ Геншером. Там был интересный момент. Геншер спросил Шеварднадзе, что он думает о структурных изменениях в Европе, например, о том, что бы исчезла Чехословакия. Как бы к этому отнесся Советский Союз, если бы из одного государства возникло два – и в Чехословакии, и в Югославии? Это он спросил в контексте документа Бжезинского. И Шеварднадзе ответил, не задумываясь: «Со стороны Советского Союза проблем не будет». Поэтому мы все понимаем, откуда ноги растут. И я думаю, это фундамент для очень серьезного анализа того, что на самом деле случилось в Европе 11 лет назад.

О временном поражении социализма

– *Наши враги в конце XX столетия оказались сильнее и добились своей цели: уничтожена социалистическая система, расчленены социалистические Чехословакия, Советский Союз, Югославия, а Германия, наоборот, объединилась, и ФРГ фактически поглотила ГДР. Мы потерпели поражение по всем фронтам. Теперь бывшие лидеры – Горбачев, Ельцин, Шеварднадзе, Яковлев и другие заявляют, что коммунизм – это утопия, это мечта, мираж. Почему все-таки мы потерпели поражение?*

– Надо поставить вопрос в принципиальной плоскости: мы потерпели поражение от империалистов, то есть от нашего естественного, объективного противника, или это поражение, которое мы потерпели на основе известных данных, о чем мы с вами ведем разговор? Я думаю, это не победа империализма. Не было борьбы с ним, а империалисты не воевали с нами, я никого из империалистов не встретил, чтобы он воевал лично со мной.

– *То есть вы хотите сказать, что открытого, прямого столкновения между странами социализма и капитала в эти 50 послевоенных лет не было?*

– Я бы хотел упомянуть – прошли годы, и теперь я уже могу говорить об этом, – одно сообщение нашей разведки из Москвы. Оно имеет свой номер. Его мне передал наш человек, который в этих службах работал в Москве. В посольстве или других ведомствах, легально или нелегально – я не знаю. В сообщении три информации. Источник извещает, что 28 октября 1989 года в посольстве Чехословакии в Москве на улице Фучика идет прием по случаю очередной годовщины основания ЧССР, и туда приходит якобы пьяный Герасимов, пресс-секре-

тарь Горбачева (после него на этой должности был Андрей Грачев, тоже мразь порядочная). Так вот, Герасимов пришел как бы пьяный и говорил, как это бывает у большинства подвыпивших людей, более или менее правду. И он сказал: «28-го ноября в Праге много людей выйдет на улицы. Это не будет связано с желанием ухода Советской Армии с территории Чехословакии, нет. Это связано с внутренней борьбой в Компартии Чехословакии».

Далее Герасимов сказал: «По нашей информации, Штепан сменит Милоша Якиша (это генеральный секретарь после Густава Гусака). Но главное не это. Главное – другое: Михаил Сергеевич хотел бы, чтобы вопросы Чехословакии были решены еще до его официального визита в Италию». А вы помните, что после Италии Горбачев имел встречу на Мальте. К сказанному Герасимов добавил: «Я могу эту бумагу передать сейчас». Потом он сказал: «Что касается Германии, то концепция Михаила Сергеевича – это оптимальный вариант Никиты Сергеевича Хрущева: конфедерация Германия-Германия». И под конец сказал: «Что касается Штепана, то у него еще будут неприятности (но замечу в скобках, что это они создали такую проблему, я такой не имел) – он вступил в связь с какими-то германскими бизнесменами и сделал им предложение строить в Праге какие-то гостиницы. Это абсурд, глупость. И, может быть, это как-то повлияет на борьбу в Праге».

Что интересно, через три дня в посольстве ФРГ в Праге был ужин по случаю отъезда пресс-атташе по фамилии Штайнер. (А три года назад этот человек вновь появился в Праге – уже как посол Германии). В тот день ко мне в кабинет зашел старейший ветеран, корифей чехословацкой политики. Перед войной он социал-демократ, потом – коммунист, потом председатель Национального фронта, а под конец уже стал председателем Комиссии по международным вопросам в Палате народов и наций. А я в то время был председателем Комиссии народа в Федеральном парламенте. У нас были хорошие отношения. К моменту его прихода я уже имел бумагу из Москвы с сообщением о том, что сказал на приеме Герасимов.

Так вот, этот корифей и говорит: «Ты знаешь, я сейчас иду от Вацлава». Я понял, что речь идет о Гавеле, но переспросил: «Какого Вацлава?» Он: «Тсс! Вацлава». Я вновь громко переспросил: «Какого Вацлава? Ты скажи громко!» Он шепотом: «Гавел, Гавел!» Я сказал: «Ах, Гавел?» Он кивнул. «Ты имеешь хороших друзей, – с иронией сказал я. – Ну, и что он тебе сказал?» Ветеран ответил: «Нет, это я ему сказал, что пойду к тебе, и он попросил меня обсудить с тобой такой вопрос. Он приглашен вечером на ужин в посольство ФРГ по случаю отъезда Штайнера, но боится, что его задержит полиция и он не успеет на ужин». Я сказал: «Спасибо, что ты мне так помогаешь. Я ничего делать не буду. Я думаю, что Гавел не будет на этом ужине, но в этом я не виноват. И, тем не менее, он будет именно мне вменять в вину то, что не попадет на ужин. Зачем мне терять очки, когда борьба еще не началась? Это какие-то ваши планы, решайте их сами. Зачем вы ходите за мной?» Он говорит: «Ты знаешь, Прага – столица, но Гавел – не наш объект». «Что такое объект?» – уточнил я. «Объект – это не здание. Он сам один из объектов. Кто-то за ним следит».

Когда вечером Гавел вышел из дома – а жил он недалеко от Национального театра, – к нему подошел товарищ из органов госбезопасности и сказал: «Добрый вечер, господин Гавел, куда вы спешите?» «Я просто гуляю», – ответил он. «Тогда мы приглашаем вас в винный ресторан». Гавел был такой слабый, что не отказался.

Он мог бы сказать: «Не могу, я иду на ужин в посольство ФРГ, давайте встретимся завтра», но он этого не сделал, а пошел вместе с товарищами из госбезопасности в ресторан и сидел там до половины первого, так ничего и не сказав. На приеме же в посольстве ФРГ выступил Штайнер и сообщил: «Мы надеялись, что сегодня здесь у нас будет один очень-очень важный гражданин Чехословакии, но органы безопасности не дали ему возможности участвовать, иначе он был бы здесь. Им я хотел бы сказать: вы не радуйтесь, я только что получил из центра поручение выполнять здесь свою миссию еще один месяц и точно продолжать то, что я получил из Москвы: конфедерация Германия-Германия, как предлагает Горбачев. Мы имеем информацию, что Горбачев хотел бы решить вопрос с Чехословакией до своего отъезда с официальным визитом в Италию, после чего он отбудет на Мальту».

Анализ подтверждает, что у нас действовали и другие «преобразователи», не спросив, есть ли у нас желание работать под руководством Горбачева. Я думаю, Горбачев во всем этом играл решающую роль, что подтверждает и его «свадьба» с Германией. К сожалению, и Владимир Путин сейчас продолжает «танцы» с Западом, но это уже другая тема. Однако трудно отделаться от мысли, что всем навязывается одна мысль: русский народ должен иметь альянс с Германией. Горбачев как раз и проводил такую линию, но это не был подход суверенного руководителя страны-победительницы. Это был просто подход человека, который временно, не зная зачем, оказался на самом высоком посту этой большой страны, но свой мандат использовал так, как использовал. Сделал то, что сделал.

– А у вас не было подозрения, что Горбачев не просто сам предавал, а действовал по указке США, что во всем этом огромную роль сыграло ЦРУ?

– Это любимая тема разговора у нас дома с некоторыми людьми, которые знали Горбачева хорошо. Они всегда согласны со мной во всем, кроме одного. Например, Богуслав Хнёупек, который 18 лет, при социализме, занимал пост министра иностранных дел, а до того был в Москве корреспондентом чехословацкого радио. Мы с ним встречаемся иногда, и он говорит: «Я с тобой согласен во всем, кроме одного, – что Горбачев был агентом». А я говорю: «Откуда ты знаешь, что он не был агентом?»

Должен сказать, что в Международном отделе ЦК КПСС работали настоящие мастера и артисты своего дела. Хнёупек о них сказал: «Это категория людей, которые, конечно, хотят видеть Горбачева своим, поскольку он был их руководителем и давал им директивы, которые у нас потом выполняли все эти посольства, все эти люди из спецслужб, что танцевали мазурку под Горбачевым».

И все же, думаю, Горбачев начинал не как агент, а как любой молодой человек, комсомолец. Он неглупый человек, прошел нормально, как другие партийные деятели, все этапы – я имею в виду комсомольскую работу и начало партийной карьеры в Ставрополье. Но потом начался переломный период. Очень много ваших товарищей ездили туда отдыхать, и он стал использовать это обстоятельство в своих целях, начал ловчить. У нас тоже был в Карловых Варах первый секретарь, который хотел использовать то, что там много высокопоставленных людей отдыхает. Всегда возле них болтался, танцевал, делал все, что они хотели, вертелся на глазах.

Таким был и Горбачев в какой-то степени. Народ его не знал – в большой стране не многих людей знают лично. И, я думаю, он начинал, наверное, как активный человек, что по контрасту с самыми старыми дедушками в По-

литбюро было заметно еще сильнее. Но это хорошая ситуация для тех, кто работает на кадрах в плане перспективы. Я имею в виду, что в том же ЦРУ могли на основании всестороннего анализа сделать вывод, что этот человек, возможно, будет перспективным, и они начали с ним работать. Я думаю, вначале он, может быть, не понимал, что с ним работают. Я даже уверен, что он совсем не понимал.

Вспоминаю такой случай. В 1971-м или 72-м году тогда еще молодой Егор Лигачев побывал с делегацией Комиссии молодежи Верховного Совета СССР у нас в Праге. Лигачев как первый секретарь Томского обкома КПСС и депутат Верховного Совета возглавлял делегацию, и с ним был Горбачев как представитель комсомола. Они приехали в горком молодежи, где я был первым секретарем.

Гости, естественно, интересовались нашими делами. А у нас после 1968 года было много исключено людей из партии, потому что они стояли на стороне Дубчека и контрреволюции. Они не меняли своих позиций. Но никто бы их не исключил, если бы они в свое время не вступили в партию. И, конечно, перед нами стояла большая, сложная задача – набрать новых людей в партию. Поэтому молодежи, наряду с другими организациями, получила право рекомендовать. Если в партию вступал человек до 20 лет, то решающее слово имел комсомол. И нам удалось в короткое время вовлечь в ряды партии пять тысяч человек. Это была огромная цифра.

У меня сохранился номер газеты «Млада фронта», где говорится, что председатель Комиссии по делам молодежи Верховного Совета СССР Егор Лигачев и секретарь горкома комсомола Горбачев посетили горком молодежи Праги, и Лигачев высоко оценил успехи молодежи пражской организации. Я упоминал об этом, когда два года назад был у вас на съезде. Но Лигачев сейчас плохо ведет себя по отношению к партийным делам, очень плохо.

Когда заприметили Горбачева на Западе, я не могу сказать, но когда это все-таки случилось, дальше все развивалось уже просто. А когда он достиг вершин власти, – дверь Западу уже была открыта. Теперь уже действовал Бжезинский с его планом: «Когда будем иметь в Кремле своего человека, тогда все пойдет нормально». И они даром получили все. Случившееся не имеет аналогов в тысячелетней истории. Горбачев половину планеты передал противнику без борьбы. Это мог сделать только тот, кто уже работал как кадровый, подготовленный для этой цели агент, иначе бы это было совершенно невозможно.

Второе – это в какой-то степени влияние близких. Его жена тоже не помогала социализму. Сейчас все стало очевидно, поэтому не будем это обсуждать. Я думаю, что Горбачев окончил политическую жизнь как агент империализма, враг Советского Союза, противник социализма, настоящий последователь Гитлера. Это не фраза, это – правда.

О КПРФ и КП Чехии и Моравии

– Есть вопрос, который наших коммунистов очень интересует. В коммунистическом движении на территории Советского Союза сейчас очень сложное положение, и особенно в России. Вы имеете информацию, вы бывали у нас на мероприятиях. Как вы оцениваете процессы, идущие в нашем коммунистическом движении, и, конечно, позицию, стратегию и тактику самой крупной компартии – КПРФ?

– Все, что происходило в Советском Союзе и происходит сейчас, после его крушения, стало возможно толь-

ко потому, что в вашей стране были колебания центра. Парадоксально, но факт: **центр Всемирной социалистической революции стал на определенном этапе центром Всемирной контрреволюции.** Этого не могло бы случиться, если бы внутри страны, внутри Компартии Советского Союза, в которой, как я помню, состояло 16-17-18 миллионов членов, не было людей, которые, с моральной точки зрения, далеко не могли быть коммунистами. И у вас, и у нас сложилась странная ситуация, когда нормальному, беспартийному человеку компартия представлялась неким параллельным правительством, системой управления, но не идеологической организацией страны. И эти люди, многие из которых сейчас находятся в Компартии Российской Федерации, помогали тому, чтобы это продолжалось и крепло. Потому что таким путем рождалась почва для того, что случилось позднее.

Анализируя произошедшее в наших странах, прихожу к выводу, что все осуществлялось по одному сценарию. Кардинальная ошибка, кардинальный пункт, который просто никто не может, если он действительно коммунист, объяснить с коммунистической позиции – для чего создавалась, причем в спешном порядке, Компартия РСФСР в 1990 году? Так же, как у нас -Компартия Чехии и Моравии. Это то же самое. У нас была единая Компартия Чехословакии, как вдруг, в период разделения страны, учреждается Компартия Чехии и Моравии. Но у нас никто никогда в политической сфере не произносил слова «Моравия». Это так же нелепо, как я бы сказал: Компартия России и Подмосковья, Компартия России и Азовского моря. Та же самая модель, и это не случайно.

Все шло по одному плану и сценарию. Компартия РСФСР рождается в то же самое время, что и Компартия Чехии и Моравии, когда настоящие коммунисты уже начинают понимать все аспекты «демократических преобразований» в начале 90-х годов и их последствия. После развала Содружества и разделения Чехословакии на два государства, после падения Берлинской стены и исчезновения Германской Демократической Республики процессы пошли уже вокруг Советского Союза. Стали говорить, что он себя исчерпал и теперь будет какой-то другой Союз суверенных государств и прочее. И в это же самое время происходит рождение этих партий. Совершенно уверен, что **создание Компартии Российской Федерации и Компартии Чехии и Моравии, – это запланированный этап, без которого контрреволюции было бы невозможно пробиться дальше.** Авторы и вдохновители контрреволюционного плана требовали сделать это, что и было выполнено. Большинство из тех, кто участвовал в учреждении КП РСФСР, не были капиталистами, представителями буржуазии, но некоторые уже имели буржуазный подход к жизни. Эти настроения рождались не в один день, и они подтачивали устои Советского Союза. И так как мне многое известно из той информации, которую я имел в свое время, я сделал такой общий вывод: КПРФ – это союзник обновления, реставрации примитивного капитализма в России, как у нас Компартия Чехии и Моравии.

Это страшно звучит: капитализм в России сейчас, в наши дни, но, к сожалению, это уже свершившийся факт.

Согласно логике, можно четко определить – кто есть кто. Союзник этих партий является противником настоящих коммунистов. А они по той или иной причине – болезни, старость, проживание далеко от Москвы, коммуникации сложные и так далее, и тому подобное – оторваны от центра и источников правдивой, объективной информации. «Новые» же коммунисты, как они себя именуют нередко, злоупотребляют доверием рядовых

партийцев и обманывают не только их, но и трудящихся, которые отдадут им голоса: обещают на выборах золотые горы, но, пройдя в парламент, забывают обо всем. Пользуются тем, что большинство людей не имеют возможности анализировать и верить на слово, поскольку все мы были так воспитаны. Люди верят, а возможности объяснить им через телевидение, что происходит, – нет. Вот на этой почве только и может продолжаться свою жизнь зюгановская компартия. И, во-вторых, может продолжаться потому, что ей помогают. Такая партия нужна режиму, потому что она не опасна, она всегда пойдет на компромисс, какие бы революционные речи ни произносили ее руководители.

У нас то же самое. Компартия Чехии и Моравии, ее руководители постоянно кричат: «Будем делать все возможное, мы готовы и свою кровь отдать, мы включимся в эту борьбу». Через три дня читаю в газете, что Компартия Чехии и Моравии внесла предложение и готова дать в каждое министерство буржуазного правительства своего заместителя, что у них хорошие кадры, и они готовы взять ответственность на себя. Это страшные люди! Ведь благодаря им получается, что коммунисты берутся за капитализацию и хотят взять за нее ответственность. Само собой, никто им никакую ответственность не передал, но я хочу на этом примере показать, какой развал мысли в этой партии. А такое может быть только в той организации, где нет идеологии, нет идей, кроме одной: добиться сохранения своих кресел в Думе или в парламенте и иметь за это неплохие деньги. Если бы те, кто сидит у вас в Думе, а у нас – в парламенте, не могли, с помощью своего депутатского мандата весьма успешно устраиваться в жизни, никто бы из них идти в парламент не стремился.

Я работаю в акционерном обществе, потому что надо же иметь средства к существованию, но я бы не взял этих людей и не рекомендовал принять их на работу, потому что они ничего не умеют. Вот и у вас к руководству так называемой Компартии Российской Федерации пробилась третья лига, третий эшелон. Это люди, которых в прошлом никто не знал. Как же случилось, что они получили зеленую улицу во время самых сложных периодов, на крутых поворотах истории, при реставрации капитализма в России? И почему их поддерживают и к ним нормально относятся, как будто ничего не случилось? Наши так называемые коммунисты тоже иногда гуляют с портретами Сталина. Но если бы на второй день их спросили: «Вы что, приверженцы Сталина?» – они бы ответили: «Нет, с портретами были не мы. Это были другие». Это такой обман людей, что просто стыдно. Надо что-то делать.

В России есть ФСБ, у нас это Служба безопасности и информации. Ежегодно она делает доклад о государственной безопасности и ситуации в стране, и каждый может прочитать его в Интернете. Как-то я спросил зюгановских коммунистов в Компартии Чехии и Моравии: «Товарищи, я прочитал доклад и не нашел там, что вы представляете опасность для страны, хотя в нем названы ультралевые и ультраправые структуры, представляющие опасность для государства. Из левых назвали только одну партию – Компартию Чехословакии. Но если в докладе о безопасности страны, где идет процесс реставрации капитализма, Компартии Чехии и Моравии нет, это значит, что режим воспринимает ее как свою союзницу».

Власти глупы: они должны хотя бы иногда показывать у них что-то негативное – для камуфляжа своих связей с этой партией. Но ничего негативного я нигде не читал. Я думаю, что о Компартии Российской Федерации

тоже можно мало прочесть негативного. Они делают вид, что идет якобы борьба. Нет никакой борьбы! А если бы она была, Зюганов должен сказать, где проходит борьба – на какой улице, на какой баррикаде, в какой области или федеральном округе. Я в России не видел, чтобы они где-то в чем-то участвовали и организовывали.

Я один раз был у них в Думе, когда впервые после тюрьмы приехал в Москву. Был у Купцова. И после этого уже больше никогда туда не пойду. Увидев всех этих людей, я был просто удивлен. Филиппов, который раньше работал в КМО СССР – возглавлял какую-то секцию международных отношений, наш разговор начал с критики КМО. А Купцов стал рассказывать о том, каково ему было в 1968-1969 году, когда он работал на металлургическом комбинате в Кошице. Он туда был направлен от Коммунистической партии Советского Союза помочь товарищам против контрреволюции и находился там как инженер-металлург. И он все время только вспоминал Кошице. Я понял, что не было смысла вести разговор политический. Мы выпили кофейку, и я пошел восвояси.

Почему они против революции? Почему они не могут и не хотят делать революцию? Потому что это против их убеждений. Если его жизнь сейчас лучше, чем была прежде, зачем ему делать революцию? Ведь она была бы направлена и против него. Я всем говорю: если кто-то сейчас живет лучше, чем в прошлом, он не может быть сторонником революции.

– *Поэтому Зюганов и говорит, что лимит на революции исчерпан.*

– А демагоги из Компартии Чехии и Моравии говорят: «Посмотри на Ленина». Отвечаю: «Я знаю жизнь Ленина, знаю, что он не стоял на улице и не собирал деньги в шляпу. А я вам другой пример приведу. Маркс тоже не был из нижних социальных слоев. Энгельс тоже не был». «Это другое», – говорят они. Но это три жизни: Маркс, Энгельс, Ленин. А Сталин был выходец из низов.

Произожди революция в наших условиях, эти «коммунисты» сказали бы: «Это все могло случиться раньше, если бы эти Штепаны не мешали». Это был бы, наверное, первый случай, когда я захотел бы в эмиграцию, потому что эти люди потом захотели бы уничтожить каждого, кто не потерял память и кто знает, о чем идет речь.

В декабре 1989 года они имели возможность не дать надеть на меня наручники. Но они 16 декабря дали свое заявление во всех газетах, радио и по телевидению, и все СМИ, в том числе в «Голос Америки» и «Си-Эн-Эн», сообщили, что Мирослав Штепан с женой и детьми задержан в аэропорту Праги, когда он хотел сбежать на Кубу. А я в это время сидел дома и смотрел эту передачу. На следующий день я, хотя уже не был секретарем горкома, поехал в горком и сказал одному товарищу: «Ты напиши в прессу, что ты сегодня сидел и разговаривал со мной, а я при этом собирал не чемоданы на Кубу, а бумаги, чтобы сохранить для истории деятельность некоторых м-ков, которые обеспечили контрреволюционный переворот». Представьте, он это сделал и до сих пор, хотя занимает пост заместителя главного редактора газеты, являющейся органом Компартии Чехии и Моравии, имеет постоянные неприятности, а полного доверия – не имеет. И он никогда не будет главным редактором. Всегда, когда что-то вдруг меняется, там говорят: «Осторожнее, это штепановский кадр».

КПРФ и Компартия Чехии и Моравии очень похожи, у них все то же самое. От этих людей не только свою жизнь, но и пальто надо хранить, чтобы грязь от них не оставила бы на нем пятен. В будущем самое главное – очиститься от таких людей.

С кем идти?

– Видите ли вы в коммунистическом движении на территории Советского Союза те силы, тех коммунистов, которые близки вам по духу, по целям, по задачам?

– Я их вижу в индивидуальном плане, как отдельных лиц, как людей, потому что организаций в целом хорошо не знаю. Я полностью, детально вижу лицо номер один – это Шенин Олег Семенович. И я хорошо понимаю, почему он имеет столько сложностей. Очень-очень хорошо понимаю. То, что мне нравится, – это борьба, без конца пока, борьба вокруг Компартии Советского Союза. Сохранить КПСС как настоящую КПСС, а не какой-то инструмент, действующий в буржуазных целях из Москвы, – это вопрос не простой. Хорошо, что у Олега Семеновича есть много сторонников в бывших республиках Советского Союза, которые правильно понимают проблему, но, к сожалению, тоже имеют ограниченные возможности ездить, звонить по телефону, работать и издавать газеты. Знаю, что у вас имеются такие же сложности, как и в Чехословакии, и на этом спекуляцию ведут все, кто сидит от коммунистов в Думе и в парламентах. Вот они-то имеют достаточно денег. Пользуясь этим, они, к сожалению, иногда распространяют неверную информацию, искажающую картину процессов, идущих в коммунистическом движении, и бороться с их информацией и с их позицией довольно сложно.

Поэтому мы должны иметь крепкую КПЧ, крепкую КПСС. Как мне сказали, только шенинская мысль и стратегия имеют перспективу. Потому что без восстановления Советского Союза и единой Компартии не может быть никакого социализма. В этом я уверен.

Помню, во многих странах начали создавать Славянский союз. Они, оказывается, получили письмо от Ельцина когда-то. Но Славянский союз – это организация без принципиального классового подхода. «Мы будем сотрудничать». С кем вы будете сотрудничать? С новыми русскими, чтобы они еще больше украли? **Каждый союз должен иметь классовый подход.** Поэтому мы в такие союзы не вступаем. Не имеет смысла. Ну, они были немножко удивлены, что мы не поддержали Славянский союз. Но ведь на этой основе Ельцин разрушил Советский Союз, когда начали якобы славянскую идею развивать, и сделали это Шушкевич, Кравчук и Ельцин. Это типичное антиклассовое понимание вопроса, и это тоже был план, конечно. А Ельцин за его осуществление при поддержке США получил все. Он сделал колоссальные долги, и сейчас эти долги для России и будущего Советского Союза – как нож, которым Запад во главе с США хочет орудовать.

Великий русский народ проиграл, что позволил таким людям, как Горбачев и Ельцин, возглавлять такую древнюю страну и первую страну социализма.

Убежден, что объективные законы идут независимо от нас, и даже если мы ничего не будем делать, объективно процесс идет на пользу нашей партии. Но мы-то ставим вопрос по-иному: что делать, чтобы его ускорить, чтобы мы, наше поколение, еще смогли присутствовать и участвовать в этих процессах? Пока этот вопрос открыт. А главное – он не был бы таким принципиальным и сложным, если бы некоторые, используя звание коммуниста, не сотрудничали с центрами реставрации капитализма у нас, у вас или еще где-то в странах бывшего социалистического Содружества.

Еще раз подчеркну: разрушение наших стран и поражение социализма не было объективным процессом. Чехословакия и СССР строили социализм, и хотя усло-

вия были разные, но все, что произошло, имело во время проведения этой операции одну и ту же руку и один сценарий.

В этой связи весьма интересно вспомнить, как правые силы в руководстве КПСС вели себя в ноябре 89-го, когда у нас разворачивались известные события. 16 ноября в шесть часов вечера у меня был Кузнецов Марат Николаевич – это советник посольства СССР в то время, когда у нас послом был Ломакин Виктор Павлович. Последний работал первым секретарем Приморского крайкома и оттуда попал прямо в Прагу, поэтому обстановку немножко не понял. И вот Кузнецов пришел ко мне в кабинет. Я его знал с 1968 года, тогда он был первым или вторым секретарем посольства.

«Мирослав, – сказал Кузнецов, – к тебе просьба от старших товарищей». Зная хорошо Москву, я пошутил: «Со Старой площади, Марат Николаевич?» «Со Старой площади, – подтвердил мой гость. – Мирек, ты знаешь, мы тебе верим больше, чем самим себе». Я поставил вопрос ребром: «Товарищ Марат Николаевич, это комсомольские разговоры ни о чем. Это когда кто-то, выпив водки, говорит: «Ты нас любишь или уже не любишь?» Кто, конкретно, из старших товарищей? У вас, как я понимаю, старшие товарищи тоже разделены». Тогда Кузнецов сказал: «Я получил поручение сказать тебе, что хорошо, если бы ты был готов устроить завтра пресс-конференцию с премьер-министром Ладиславом Адамецом и заявить, что между тобой и Адамецом нет никаких разногласий, и вы вместе готовы идти путем перестройки и демократизации. Хорошо, если бы была такая возможность». Я ему сказал: «Передай «старшим товарищам», что такой возможности нет».

Наверное, это был первый случай, когда они получили отказ. «Скажи – почему?» – настойчиво добивался ответа Кузнецов. «Марат Николаевич, я знаком с вашей биографией, мне известно, что в МГУ в Москве вы изучали нашу чехословацкую историю и хорошо знаете всех председателей и премьеров в новейшей истории Чехословакии. Самый плохой из них, кто, помимо сомнительных моральных качеств, ко всему еще и ничего не умеет, – это Адамец. А вы, пользуясь хорошими отношениями со мной, хотите, чтобы я заявил, что очень рад, что могу с этим самым плохим в истории Чехословакии премьером идти путем перестройки?!»

В недрах контрреволюции родился замысел создать одну структуру в Чешской Республике, одну в Словакии, чтобы у нас было две республики в Чехословакии. Проект назвали «Искра» – название, сами понимаете, такое, что никто и подумать не мог, будто за этим кроется что-то против единства страны. Эти организации имели цели и задачи оказывать давление на Компартию Чехословакии, чтобы она с большей инициативой и активностью участвовала в ускорении процессов перестройки и демократизации. Интересно, что один из руководителей организации «Шмэрал» Ярослав Рамсдорф – ныне заместитель Компартии Чехии и Моравии. В Словакии в этом участвовал человек по имени Бецэн Йозеф Моравчик. Этот Моравчик после контрреволюции стал первым критиком периода социализма.

Они разработали программу разделения Чехословакии, а устав, то есть конституция переходного периода, был подготовлен министром иностранных дел Чехословацкой Федеративной Республики. Это тоже не случайно – человек проверяется в переломные моменты. Министр иностранных дел трудился не на благо, а на раздел Чехословакии и работал в «Искре» в составе какой-то группы подводников из Карловых Вар.

Много таких конкретных вещей, деталей, но это не мелочи: если из них составить мозаику, получим полную картину, а потом самый финал, очень яркий и четкий – **к сожалению, Москва неожиданно сыграла роль главного архитектора и руководителя развала социализма, социалистического Содружества и перспективы.** Поэтому сейчас должна вестись борьба не за обновление социализма завтра, а за формирование переходного периода, в котором начнется возрождение коммунистов, потому что во влиянии на процессы равных им нет.

Мы сожалеем, что многие из старших, опытных товарищей из Компартии Чехии и Моравии пока остались в ее рядах. Когда мы ведем переговоры с этой партией, с отдельными людьми, индивидуально, они говорят: «Ты прав, но ты знаешь, я уже не хочу никуда входить, я вступил в одну партию». Поэтому мы сейчас, поскольку зарегистрирована Компартия Чехословакии, мы ставим перед судом вопрос: «Здесь еще одна компартия, которая использует наш партийный билет. Дело в том, что они не обменяли членский билет Компартии Чехословакии, их партия имеет совсем другое название, это нарушение закона». Может, мы этим разбудим стариков, которые один раз вступали в одну партию и не хотят вступать в другую. Я им сказал, обратившись через газету: «Вы имеете наш билет – это хорошо, мы будем считать вас нашими членами».

Пиррова победа

– *Вся наша пресса, в горбачевские времена особенно и до сих пор, пишет о «пражской весне» 1968 года и вдобавила в головы наших сограждан, что трудящиеся, народ Чехословакии с радостью принял бархатную революцию и возврат к капитализму, который всех удовлетворяет. Как на самом деле живет население Чехословакии? Много ли у вашей партии сторонников? Не забыл ли народ прежнюю жизнь, не разуверился ли в коммунистической идее?*

– Что касается Компартии Чехословакии, то у нас нет таких людей, которые радовались бы событиям 1968 года. Конечно, немало людей под влиянием средств массовой информации считают, что все случившееся в 1989 году было успехом второй попытки 1968 года. Но жизнь показала, что это не так. Ведь в 1989 году контрреволюция осуществлялась под прикрытием лозунга «Больше социализма!», и люди поддержали его, надеясь, что все преобразования будут идти в рамках социализма. 89-й – это вовсе не повторение 68-го. Есть только один фиктивный «пароль», который они используют в своей пропаганде. Они говорят: когда советские люди не смогли помочь всем этим коммунистам, демократам удалась победить. Но «удалось» что-то другое. Это пиррова победа.

У нас совсем мало людей, признающих Дубчека, который был лидером выступлений в 1968 году. Но, к сожалению, никто не скажет того, что всегда разъянял я: «Товарищи, если бы он был настоящим коммунистом в 1968-м, если бы он верил в то, что говорил, он бы впоследствии не смог окончить свой жизненный путь тем, что стал первым председателем парламента, который принял первые законы о реставрации капитализма в Чехословакии. Он бы не смог подписывать законы о ликвидации Компартии Чехословакии, о том, что она должна все деньги и имущество отдать, как они говорили, народу». А я хотел бы познакомиться с тем народом, который получил все средства и все имущество Компартии Чехословакии. Такого народа нет. Никто ничего не получил. Поэтому 1968-й и 1989-й – это полностью этапы запланиро-

ванной контрреволюции. Нет более убедительного свидетельства, чем то, о котором я сейчас вам расскажу.

В 1999 году, когда исполнилось 10 лет контрреволюции, в Пражском граде состоялось по этому поводу большое заседание, болтал много. В качестве самых почетных гостей там присутствовали Гельмут Коль, Маргарет Тэтчер, Джордж Буш, Лех Валенса и Михаил Горбачев. Рейган сообщил, что он болен, но поручил его послание передать по дипломатическим каналам. Горбачев приехал под патронажем Гавела и имел там все, но в городе никто его не видел. Горбачев, Коль, Тэтчер, Рейган и Валенса получили высший чешский орден, и Горбачев в своем выступлении сказал: «Вы знаете, мои чешские друзья, я всю свою жизнь тоже пытался сделать все для того, чтобы и чешский народ жил свободно, в условиях демократии». Это он сказал в присутствии главного чешского руководителя Гавела – явного агента ЦРУ. И это говорил бывший генеральный секретарь ЦК КПСС, бывший президент Советского Союза! Страшное дело!

– *Как сейчас живут трудящиеся Чехословакии? Каков уровень жизни населения по сравнению с социалистическим периодом?*

– В обществе, как и у вас, идет процесс дифференциации. Процветают те, кто сумел украсть заводы. Правда, это называлось приватизацией, но кто мог купить завод? Никто не имел в кармане или в сберегательной кассе столько денег. Сейчас каждый человек, начиная с взрослого и до новорожденного, должен много-много лет выплачивать якобы долги социалистической Чехословакии. Они говорят, будто социалистическая Чехословакия сделала такие долги, что их будут платить еще внуки и правнуки. Но это ложь! Долг Чехословакии до ноября 1989 года был самым маленьким из всех стран социалистического Содружества, кроме Румынии, у которой вообще не было долгов. Чаушеску хотел полной независимости, поэтому страна не имела долгов. А мы были должны 2,5 миллиарда долларов. С точки зрения возможностей Чехословакии в то время, это не так много, мы могли выплатить и 10 миллиардов, потому что у нас была нормальная экономика.

Венгрия имела долг 10 миллиардов, Польша – 40 миллиардов долларов. Это было уже много. Однажды, когда я был у товарища Ярузельского, он сказал: «Все то, что мы сегодня сделаем, мы должны отдать тем банкам, которые дали кредиты Польше». Это уже страшный долг. Но сейчас у тех, кто сегодня у власти, долг в сто раз больше, чем был наш. Я думаю, что его будут выплачивать еще пра-пра-пра-правнуки. Но никто об этом уже не говорит.

Страна идет к Европейскому союзу, стремится в НАТО, и хотя она еще не член Евросоюза, но уже выполняет все его директивы. Например, объем производства сельскохозяйственной продукции сейчас составил всего лишь половину результатов, которых мы добились в 1988 году. Страна получает из Брюсселя деньги за то, что там, где была хорошая земля, теперь экологическая территория, то есть там будет просто трава. Чехословакия с 1985 года производила 13 миллионов тонн зерна самостоятельно, удовлетворяла свои потребности и еще могла его экспортировать. Сейчас у нас идет импорт зерна. Это все процессы, которые фиксируют победу контрреволюции в экономической и социальной области и продолжают развивать капитализм. Для этой цели они теперь имеют новые территории. В свое время Гитлер хотел завоевать восточные территории, где бы немцы имели свои резервы, свои возможности и запасы для дальнейшего

развития. Сейчас осуществляется нечто подобное в рамках Евросоюза.

В этих условиях народ придавлен к земле. Кто-то разбогател, но их очень мало, как и у вас, а большинству живется хуже, чем было. Некоторые хотели, чтобы был социализм, но что-то было бы и от капитализма. Например, им нравится, что если не приходят на работу, никто их не ищет. При социализме никого не выбрасывали на улицу, они и теперь не хотят, чтобы их выбрасывали. Но требуется время, чтобы они прозрели. 400 тысяч безработных – это не так мало на такую маленькую страну. Это 9-10 процентов в Чехии и 21 процент в Словакии, чего при социализме никто никогда не предполагал. В Словацкой республике так мало студентов, как сейчас, после социализма, профессоров в вузах. В Словакии к чешскому рабочему классу всегда относились как к старшему брату.

Очень глубокая разница между Прагой и страной, как раньше между Западным Берлином и ГДР. Прага сейчас – это своеобразный островок. Все деньги, которые идут из-за рубежа, остаются в столице. Народу нравится Прага – власти не строят микрорайонов, они там всё красят, наводят марафет. Парки немножко лучше выглядят, чем было при нас, это я откровенно хотел бы сказать.

О перспективе

– Вы уверены сейчас, на этом этапе, что будущее, несмотря на наше временное поражение, за социализмом и в Чехословакии, и у нас?

– Если я бы не был уверен, я бы не вел с вами разговор, я бы не был здесь в Пхеньяне и не делал бы того, что делаю. Я уверен в этом. Я уверен не только потому, что верю в наше дело, но я уверен на основе объективных законов. Логика очень четкая: когда капитал угрожает нормальному человеку, напряжение растет, и это чувствуется каждый.

Чехословакия имеет возможности возвращения социализма, потому что большинство людей понимают: их жизнь в прошлом была лучше. 83 процента населения два месяца назад выразило недовольство развитием политики в Чешской Республике. Вот сейчас 83 процентам не нравится, но потом, когда будут выборы, они снова проголосуют не так, как надо бы, исходя из своих интересов. Когда приезжаю на дачу, там меня всегда ждут люди и спрашивают: «За кого голосовать? Твоя партия заявила: «Нет выборам!» и объяснила, что участвовать в реставрации капитализма вы не будете. Так кого мы будем выбирать?» Наша партия, действительно, намерена бойкотировать выборы, и мы уже сделали заявление. Мы сказали: осенью – посмотрим. Товарищи, почему вас волнует, кого избирать? Никого! Давайте сделаем все, чтобы перед миром, перед Западом страна выглядела так, что на выборах контрреволюционеры конкурируют между собой. А если вы их поддерживаете и считаете обязательным участвовать в выборах, то у вас не будет денег даже на кружку пива. Поэтому позиция нашей партии – в выборах партии не участвовать и рекомендо-

вать не участвовать.

Объективно – будущее принадлежит социализму. Но сейчас вопрос в другом – что делать, чтобы эти объективные процессы набрали скорость, чтобы и сами трудящиеся увидели, что их спасение – в возрождении социализма. Это вопрос сложный, потому что, к сожалению, в мире нет крепких пунктов, которые могли бы в международном масштабе содействовать ускорению процессов. Китай – это Китай. Хорошие товарищи здесь, в КНДР, они делу социализма в огромной степени помогают самим фактом существования страны, тем, что им удалось преодолеть все трудности и обеспечить не только развитие, но и оборону страны. Куба держится – это тоже хорошо. Но с точки зрения международной, для того, чтобы мы могли сказать, что процесс обновления социализма начал свой первый этап, должны произойти главные изменения в первой стране социализма – в Советском Союзе. Произойдет революционное обновление Советского Союза – это очень сильно поможет всем нам в других странах.

Наш разговор мы начали с Бжезинского. Он хорошо знал, что если не будет Москвы, не будет Советского Союза, то вопрос уничтожения социализма в Центральной Европе – это только вопрос времени. Потому что был разделенный мир: за спиной – реставрация капитализма, с другой стороны – Запад, настоящий капитализм в развитии, а между ними – Содружество социалистических стран. Уничтожение Содружества было только вопросом времени. Однако некоторые товарищи говорили мне в Москве: «Если бы вы в то время что-нибудь сделали, это бы и нам помогло». Но это уже немного софистский подход: когда бы, где бы, если бы и т.д. На этом уровне я не хочу вести беседу.

Я думаю, все хорошо понимают, что первая страна социализма должна, просто обязана возглавить процесс обновления социализма и таким путем восстановить свой авторитет перед всем миром. Ведь все случившееся мы восприняли так, будто Советский Союз обманул нас. В Африке и других странах у людей нет возможности анализировать произошедшее, поэтому у них четкое убеждение: их обманули из Москвы. Думаю, так считают и в Аддис-Абебе, и в Могадिशе, и в Луанде, и в Гаване, и так далее. Интересная деталь: когда Путин в прошлом году был в Гаване, он с Фиделем обсуждал вопрос долга Кубы России. Но долг-то был Советскому Союзу, а не тем, кто сейчас реставрирует капитализм и пытается получить деньги, к которым они не имеют никакого отношения. Мне очень понравилось, что Фидель Кастро сказал Путину: «Вы знаете, мы не будем это обсуждать, потому что мы от развала Советского Союза потеряли больше, чем какой-то долг». Это очень принципиальное заявление. Мы, коммунисты, трудящиеся всего мира, действительно потеряли больше, чем они. И это обязывает нас вернуть утраченное. Во имя наших народов. Во имя будущего всей планеты.

*Вела беседу Надежда Гарифуллина
Пхеньян – Москва, апрель-июнь 2002 г.*

Контрреволюция в СССР

(социальный смысл, исторические особенности, движущие силы, последствия)*

В.А. Сапрыкин

«Самим своим развитием революция порождает контрреволюцию»

К. Маркс

«Представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно»

В.И. Ленин

I. Мифология на службе контрреволюции

XX век для народов России был особым историческим временем, насыщенным событиями и делами, не имеющими аналога в прошлом. В начале столетия победоносная Великая Октябрьская социалистическая революция свергла диктатуру капитала и впервые в мировой истории установила диктатуру труда. Это предопределило глубинную сущность социальных изменений не только в нашей стране, но и в масштабах планеты в течение всего последующего столетия¹.

В середине столетия Великая Отечественная война многонационального советского народа повергла фашизм – самую кровавую и хищную диктатуру международного империализма и отстояла свободу и независимость Родины, завоевания молодого, начинающегося социализма. Она закрепила победу пролетарской революции, углубила и расширила весь исторический процесс перехода к цивилизации нового типа, к обществу товарищеского способа производства, гуманного коллективизма и социальной справедливости.

В конце XX века этот революционно-созидательный процесс, имеющий непреходящее всемирно-историческое значение, был «внезапно» прерван: в могучем СССР «вдруг» победила буржуазно-криминальная контрреволюция со всеми вытекающими отсюда политическими, экономическими, социальными, духовными последствиями. Историческая беспрецедентность (никакие аналогии с прежними реставрационными поворотами не годятся!) происшедшего столь чудовищна и опасна, что о нем, как контрреволюционном, регрессивном, небывало реакционном процессе, оказались способными говорить лишь очень и очень немногие, наиболее смелые политики и ученые, да и то в последнее время и лишь фрагментарно. **Наоборот, подавляющая часть из них почти полтора десятилетия пользуется различного рода эвфемизмами, затуманивающими глубинный социально-классовый смысл данного буржуазно-реставрационного процесса.**

Социальная мифология, словно гигантская пелена густого тумана, накрыла все общественное, групповое и индивидуальное сознание. Мифы, один причудливее другого, стали править еще недавно самой просвещенной страной. Они, словно хищные и ядовитые спруты,

стягивают коллективный разум, и из-под их «сыромятных» тисков появляются уже не отдельные зомбированные индивиды, и даже не социальные слои, а целое – «новое» общество – манкурт.

Беспрецедентный и крайне реакционный процесс умело укутан в мистические бронжилеты, слова-перевертыши, ложные мифологемы: **«перестройка», «реформы», «кризис», «смута», «возрождение», «обновление»** и т.п. и т.д. Мифы, подобно прожорливому грифам, шествуют по бывшей советской земле, убивая исторически животворный процесс, наполняя его трупным зловонием. Вот они, подручные контрреволюции:

– **миф первый** – «перестройка есть эволюция в революции, продолжение дела Великой Октябрьской социалистической революции, создания гуманного, демократического социализма» (авторы – Горбачев, Яковлев, Медведев, Шеварднадзе и два состава Политбюро ЦК КПСС 1985-1991 гг.);

– **миф второй** – «реформы, которые приведут к разрушению авторитарно-бюрократической и партюкратической системы и переходу к новой модели общественного устройства, основными характеристиками которой станут свободная рыночная экономика, гражданское общество, права и свободы личности» (авторы – Ельцин, Гайдар, Чубайс и вся либерально-буржуазная интеллигенция);

– **миф третий** – «сама болезнь получила выразительное название – Смута. Как и всякий общественно-политический продукт, русская смута имеет свои закономерности. Понять их – значит получить шанс пережить нынешние беды» (авторы – Зюганов, Белов, Подберезкин и вся правооппортунистическая группировка КПРФ и НПСР);

– **миф четвертый** – «духовное возрождение – бытие историческое. В наше время происходит очищение России от духовных и нравственных пороков, насаждавшихся в течение семидесятилетнего господства тоталитарной системы. Мы переживаем время исторического оправдания и духовно-нравственного возрождения нашего Отечества» (авторы – Ридигер, Гундяев и вся антисоветская, антикоммунистическая часть РПЦ)².

И этот перечень социальных мифов, уводящих сознание народа в «туманные дали», можно было бы продолжать и далее. Обращение не только к сути мифоло-

* Статья подготовлена на основе доклада, сделанного в Институте философии РАН на Международной научно-практической конференции «Марксизм, обществоведческая мысль современности и социалистические тенденции человечества в XXI веке» 24 апреля 2002 года.

¹ См.: «К 80-летию Великой Октябрьской социалистической революции». Тезисы РУСО. М., 1997.

² См.: Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987; Яковлев А.Н. Реализм – земля перестройки. М., 1990; Ельцин Б.Н. Исповедь на заданную тему. Свердловск, 1990; Зюганов Г.А. Россия – родина моя. М., 1996; Подберезкин А. Русский путь. М., 1997; Алексий II (Ридигер). Россия. Духовное возрождение. М., 1999 и др.

гем, но в особенности к личностям их сочинителей, сразу убеждает: авторы мифологических поделок явно небескорыстны в своих «красивых» изобретениях. Ими совершенно очевидно движет их классовый интерес. И несмотря на внешнюю разносторонность сочинителей мифов – от Горбачева до Ридигера, – все они суть одна компания – антикоммунисты, наемные слуги капитала, продавшиеся ему с потрохами.

Увы, эти неофиты «золотого тельца» не одиноки в процессе мифологизации общественного сознания. Некоторые ученые, в том числе из академической среды, также предпочитают пользоваться мифологическими эвфемизмами, в том числе лишенным социально-классового смысла термином «*Смута*». «1991 года войдет в историю как год перерастания социально-экономического кризиса советского общества в национальную катастрофу, как начало смутного времени». – заявляет академик РАН Осипов Г.В.³

Ему вторят доктор экономических наук, действительный член четырех российских и пяти международных академий В.А. Лисичкин, доктор физико-математических наук Л.А. Шелепин. «Сходство между событиями в СССР в конце 80-х, – пишут они в своей коллективной монографии, – начале 90-х годов этого века (т.е. XX – В.С.) и Смутным временем в России на грани XVI-XVII веков выглядит поистине поразительным. Если попытаться описать в общих чертах (вот именно! – В.С.), то сразу и не разобрать (*особенно, если пренебречь методологией социально-классового анализа! – В.С.*), о каком времени идет речь...»⁴.

Если уж маститые ученые – представители различных отраслей знаний предпочитают представлять контрреволюционный, регрессивно-возвратный капиталистический процесс в столь «наивно-простодушных» дефинициях, то чего можно ожидать от «простого», «рядового» гражданина общества, не отягощенного академическим званием, а задавленного повседневными заботами? Даже начинающие студенты знают, что дефиниция, т.е. точное и сжатое установление понятия какого-либо явления, – это то же самое, что в медицине постановка верного диагноза. Давнишний постулат не случайно учит: «Учиться правильно употреблять понятия, и вы избавитесь от половины заблуждений...». А тут целая армия толкователей навязывает такие понятия-мифологемы, которые сознательно заводят в дебри социального невежества, суеверия. *Именно по этой причине массы людей – рабочих, крестьян, служащих (интеллигентов), сбитых с толку толкователями происходящего как «справа», так и «слева», совершенно не в состоянии осознать, осмыслить, понять, что в действительности происходит в стране, куда завели их поводыри – проходимцы – Горбачев и Ельцин, в какие такие «светлые дали» манит их Путин.*

Последний, взяв на вооружение эвфемистский метод Горбачева-Ельцина-Зюганова-Ридигера, умело «впаривает» мозги «дорогим россиянам», а, как выражается демпечать, «пипл хавает». «*Моя идеология*, – медленно, с растяжкой, чтобы лучше запомнилось, произносит очередейной «реформатор», – *просвещенный либерализм...*». Какие «умные», «благородные» слова! Звучат они многозначительно и даже в чем-то таинственно. А, прикрываясь камуфляжем слова «товарищ» (так Путин в армии обращается к «господам» офицерам), шелка

Красного Знамени (советский стяг иногда поднимается по особо торжественным случаям), звуков советского гимна (он тоже восстановлен в качестве политического камуфляжа), преемник Ельцина совсем запутал манкуртов «эпохи перестройки-реформ»: многие ждут чуда! Чуда в экономике, чуда в политике, чуда в культуре, науке, образовании...

В этом нашем тезисе, увы, нет ни грана преувеличения, тем более иронии или насмешки. Чуда ждут даже самые знающие и искушенные в деле сограждане России. Ярким образчиком ожидания чудного пришествия является открытое письмо к Путину, опубликованное в газете «Советская Россия» 7 марта 2002 года под заголовком «Объединимся!» Речь в нем идет о борьбе против преступности, захлестнувшей страну с началом ее насильственного порота к капитализму. Письмо подписали 112 без преувеличения самых авторитетных, наиболее известных не только в своих кругах, но и в стране деятелей науки, культуры, образования, парламентариев, военных, директоров крупных предприятий. Среди них: 23 ректора вузов; 19 академиков; 15 артистов; 14 вузовских профессоров и докторов наук; 8 депутатов Государственной думы; 7 писателей; 3 военных; 3 директора крупнейших предприятий страны и др.

Письмо, обращенное к президенту и одновременно к народу, требует покончить с преступностью. Вот, словно кричащие, строки из него:

– «Отечество наше в опасности! Россия на грани самоуничтожения. Враг у нашего дома, и имя ему – криминал»;

– «Преступность достигла сегодня такого размаха, что реально угрожает выживанию и самому существованию России»;

– «Криминал развязал открытый террор против каждого гражданина, держит общество в состоянии тотального страха»;

– «В России уже давно идет необъявленная война криминала против всего общества и каждого гражданина»;

– «Идущие в обществе процессы, если их не остановить, будут иметь катастрофические последствия»;

– «Решение о моратории на смертную казнь было не просто ошибочным, а пагубным»;

– «Обращаемся к Вам, уважаемый Президент: используйте Ваши полномочия для отмены моратория на смертную казнь (*это главное требование авторов обращения, ради которого оно и написано! – В.С.*) за особо тяжкие преступления против личности и государства; объявите народу конкретную программу борьбы с внутренним терроризмом – криминалом всех мастей»;

– «*И тогда мы добьемся мира и согласия в обществе, социального порядка...*»⁵.

Вот, оказывается, как все просто, даже «чудесно»: победим криминал – и наступит в обществе мир и согласие, социальный порядок! А откуда вылупилось на свет в ельцинско-путинской России это чудовище по имени «*Криминал*?!» Кто его родители? В письме об этом ни слова. Еще один миф, способный поразить лишь деформированное невежеством или демангажированностью сознание!

Главный враг всего народа не Криминал, а его «отец» – Капитал! Обрушенная в темное чрево капитализации Россия приобрела иммунодефицит правопорядка – на этой почве и возник *Криминал!* Именно «капитал» рождает ежедневно, ежечасно криминал, ибо, го-

³ Осипов Г.В. Социология и политика. М. 1995, с. 176.

⁴ Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья мировая информационно-психологическая война. М., 1999, с. 215.

⁵ См.: «Объединимся! Обращение к Народу и Президенту // «Советская Россия», № 26 (12222), 7 марта 2002, с. 1.

воря словами Маркса, «превращает верность в измену, любовь в ненависть, ненависть в любовь, добродетель в порок, порок в добродетель, раба в господина, господина в раба, глупость в ум, ум в глупость»⁶.

Нет преступления, на которое бы не пошел капитал во имя увеличения своего размера! И общество никогда не сможет прийти в равновесие, тем более к согласию, пока оно вращается не вокруг солнца труда, а вокруг дьявола по имени «капитал».

Почему же это увидел Маркс 150 лет тому назад, а нынешние мыслители России этого не видят? Когда Горбачев, Ельцин, Яковлев и все их обслуживающее окружение из различных «фондов» произносят не «капитал», «контрреволюция», а «перестройка», «реформы», «обновление», «возрождение» и проч. – удивляться не стоит: они уходят от исторической и уголовной ответственности.

Но ведь то же самое делают политологи, социологи, экономисты, философы и другие «властители» дум человеческих. Почему же? Фихте когда-то сказал, что философия такова, каков сам философ. Он знал, что говорил. Философия, т.е. мировоззренческая установка действительно избирается тем, кто философствует, но избирается ли она при этом орудием в поисках истины – это всегда большой вопрос. Как показывает вся история нашей Великой Революции и противостоящей ей подлой контрреволюции, эта позиция философов и всех других деятелей нации чаще всего определяется их социально-классовым интересом, их отношением к собственности.

Поэтому вопрос о том, что же произошло в СССР в 1985-2002 гг. и что будет происходить в ближайшие годы, – это отнюдь не академический и уж вовсе не риторический вопрос. Для марксистов-ленинцев, для подлинных коммунистов это сегодня главный вопрос их теоретической мысли и практической деятельности. Его нужно держать в центре внимания, на нем должны быть сосредоточены все коллективные интеллектуальные силы левого движения. Поймем, сможем ответить – сделаем первый шаг на тяжелом, но необходимом пути возвращения к социализму. Не ответим – процесс исторической деградации будет продолжаться: капитализм, как ядовитый туман, сожрет все живое.

II. Буржуазно-капиталистическая контрреволюция как социальный антагонист и исторический антипод социалистической революции

Переход от капитализма к строю социалистическому сопровождается долгой и упорной борьбой..

...Эту мелкобуржуазно-анархическую стихию мы не победили и от победы над нею сейчас зависит ближайшая судьба революции. Если мы ее не победим, мы скатимся назад, как французская революция. Это неизбежно, и надо смотреть на это, глаз себе не засоряя и фразами не отговариваясь.

В.И. Ленин

В ленинских словах, приведенных в качестве эпиграфа, содержится важная мысль: великий мыслитель и революционер не был наивным прожектером, как некоторые его поздние приемники, наоборот, будучи исключительно трезвым реалистом, он допускал мысль о возможности «откатиться назад»... Увы, мы и откатились

в конце XX столетия. Однако вскрыть феноменологическую «тайну» происшедших в СССР событий периода 1985-2002 гг. совершенно невозможно на основе горбачевско-яковлевского, ельцинско-путинского «обществоведения», зюгановско-беловской «теоретической мысли»: полнейший мрак и дикое невежество ждут в конце подобного «исследования» любого, прибегнувшего к их отравляющей сознание масс социальной мифологии.

Единственной наукой, остающейся еще в распоряжении капиталистически и оппортунистически ангажированных людей и партий, является марксизм-ленинизм. Именно его теория и методология позволяют понять социальную сущность, смысл и историческую устремленность таких феноменов как революция и контрреволюция. При подходе к ним наше великое учение формирует ряд обязательных императивов. **Императив первый.** Полагая, что критерий истины находится не в мышлении самом по себе и не в действительности, взятой вне субъекта, а заключается в **ПРАКТИКЕ**, марксизм-ленинизм требует обращаться именно к ней, как к главному «судье» наших представлений. В противном случае «спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто схоластический вопрос»⁷.

Применительно к данной проблеме это означает, что в нашем сознании истинно, объективно, т.е. правдиво то, что прямо или косвенно подтверждено на практике: произошли ли в обществе «перестройка» и «реформа», происходит ли в нем «смута» или социальная контрреволюция...

Императив второй. При оценке указанных явлений необходимо исходить из марксистского положения об их **РАЗВИТИИ**. А это значит: наши объекты (революция и контрреволюция), во-первых, должны рассматриваться с точки зрения их внутренней структуры, т.е. как системы, функционирующее, развивающееся целое: во-вторых, как определенный процесс, проходящий свои фазы; в-третьих, должно осуществляться содержательное выявление и оценка качественных изменений, преобразований этой системы.

Императив третий. При стремлении к адекватности употребления таких понятий как революция и контрреволюция марксизм требует исходить из того, что оба данных феномена – суть **СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ** – способ разрешения социальных проблем и противоречий, в основе которых лежит столкновение интересов и потребностей основных социальных сил данного общества⁸.

Императив четвертый. Проблема революции и контрреволюции не может рассматриваться вне содержания таких категорий, как **ПРОГРЕСС** (движение вперед) и **РЕГРЕСС** (обратное движение). Содержание того или иного общественного движения составляют либо процессы, характеризующиеся переходом от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному (прогресс), либо процессы, наполненные деградацией, возвращением к изжившим себя формам и структурам (регресс).

Императив пятый. История общества, те или иные его повороты делаются людьми, поведение которых мотивированно определенными потребностями, интересами и целями. Исследовать движущие силы и «движущие причины, которые ... непосредственно или в идеологической, может быть, даже в фантастической форме отражаются в виде сознательных побуждений в головах

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 150-151.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с.2.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с.410.

действующих масс и их вождей, так называемых великих людей, — **это единственный путь**, ведущий к познанию законов, господствующих в истории...»⁹.

Теория социалистической революции и буржуазно-капиталистической контрреволюции — важнейшая составная часть марксистско-ленинской науки об обществе. Ее фундаментальные положения были выдвинуты, научно разработаны и обоснованы К. Марксом, Ф. Энгельсом, В.И. Лениным, И.В. Сталиным. Они совершенно определенно и научно выверенно, что было подтверждено последующей практикой, доказали: революция и контрреволюция — это два взаимосвязанных, но совершенно противоположных по своему социальному содержанию и историческому движению общественных процесса. **Между революцией и контрреволюцией лежит целая пропасть, разделяющая их, разводящая по обе стороны классового фронта. Они различны во всем:**

- в целях и задачах, к которым они стремятся;
- в идеях и лозунгах, под которыми они осуществляются;
- в движущих силах, на которые они опираются;
- в организации, средствах, приемах и способах ведения борьбы;
- в гуманистическом восхождении от абстрактно-идеологического к конкретно-социальному;
- в выражении интересов народных масс и отдельных социальных слоев и людей и т.д. и т.п.

Закон социальной революции, открытый марксизмом, в концентрированно-обобщающей форме фиксирует коренной, качественный переход от одной общественно-экономической формации, исторически исчерпавшей и изжившей себя, к другой — более прогрессивной, поднимающейся на новую ступень социально-экономической структуры общества.

Социальная революция в классово-антагонистических формациях решает главные задачи этого перехода:

- устраняет реакционный эксплуататорский класс от власти и передает ее в руки нового, передового класса, выступающего выразителем новых, более прогрессивных экономических отношений;
- ломает и ликвидирует старую политическую систему надстройки, формирует новую, обеспечивающую восходящий общественно-экономический прогресс;
- устраняет старые и утверждает новые производственные отношения, соответствующие уровню развивающихся производительных сил;
- вносит качественные перемены в область культуры, духовной жизни общества, наполняя ее новым, гуманистическим содержанием!¹⁰

Великая Октябрьская социалистическая революция как акт революционного переворота, свершилась в 1917 году. Но как процесс качественного преобразования общества она развивалась в течение более чем 70 лет XX столетия, пока ее не прервала контрреволюция. Кстати, в этом утверждении, принципиально важном, нет ничего нового: именно так развиваются все социальные революции, пока не вызреет, окончательно не утвердится новый общественный строй. Не случайно основоположники марксизма ввели понятие **«эпоха социальной революции»**. Такой эпохой, отмечал Ф. Энгельс, была социальная революция в Англии в XVIII веке: «Эта социальная революция в Англии совер-

шается уже в течение семидесяти или восьмидесяти лет»¹¹. По оценке В.И. Ленина, «социальная революция не одна битва, а эпоха целого ряда битв по всем и всяческим вопросам экономических и демократических преобразований...»¹².

Составив целую эпоху, Великая Октябрьская социалистическая революция (**именно так, а не просто «переворот»!**) целиком отвечает всем указанным выше критериям социальной революции как смысла, генеральной линии общественного прогресса. В ней в полной мере воплотилась вся глубина марксовой мысли о том, что революции — это «локомотивы истории»¹³. Она дала столь мощное ускорение развитию общества во всех сферах его жизнедеятельности, какого не знала до тех пор мировая история. Все ее отличительные признаки говорят о глубинных, качественных преобразованиях, происшедших в течение «эпохи битв» (Ленин) в СССР.

Признак первый: политический. **«Переход государственной власти из рук одного в руки другого к л а с с а, — подчеркивал В.И. Ленин, — есть первый, главный, основной признак р е в о л ю ц и и как в строго научном, так и в практически-политическом значении этого понятия»**¹⁴.

Победа Октябрьской революции привела к свержению буржуазии с «мостика» политической власти в России и победе — впервые в мировой истории! — эксплуатируемого класса — пролетариата, к превращению его в г о с п о д с т в у ю щ и й класс. Говоря иначе, была установлена диктатура пролетариата — власть рабочего класса, осуществляемая в союзе со всеми трудящимися массами с целью построения социализма. «Диктатура пролетариата есть руководство политикой со стороны пролетариата»¹⁵. Руководя ею, пролетариат построил великое государство — Союз Советских Социалистических Республик, — невиданное до того в мире сообщество рабочих, крестьян, людей самых разных национальностей, живших в мире, согласии, дружбе.

Признак второй: экономический. «Установление коммунизма, — считали основоположники марксизма, — имеет по существу экономический характер»¹⁶. Революция в течение всех 70 с небольшим лет решала эту задачу, добивалась «во что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной...»¹⁷.

И эта задача, насколько позволили конкретно-исторические условия, была выполнена народом во главе со своим политическим авангардом — КПСС. За семь десятилетий наша Родина проделала огромный путь от экономической отсталости к могучему государству с второй в мире экономикой с развитыми отраслями народного хозяйства.

Признак третий: социальный. Социалистическая революция совершила коренной переворот в системе общественных отношений. Все члены общества были поставлены в одинаковые условия в главном — в отношении к средствам производства. Утвердилось полное и подлинное равноправие граждан независимо от их происхождения, социального положения, религиозных верований. На место былой вражды и недоверия между нациями в царской России пришли полное равноправие в

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 598.

¹² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 62.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 86.

¹⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 133.

¹⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 218.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 71.

¹⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 79.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 308.

¹⁰ Савин В.В. О сущности и исторических границах действия закона социальной революции. // «Философские проблемы общественного развития». М., 1971, с. 75.

сфере национальных отношений. Была ликвидирована дискриминация женщин, женского труда, они впервые стали достойными членами общества. Наконец, в ходе нашей семидесятилетней социальной революции было преодолено проклятое наследие прошлых эпох – безработица и уничижение Человека Труда: социализм обеспечил всем членам общества равное право трудиться и получать оплату труда, позволяющую им развиваться не как униженным и оскорбленным, а как главным субъектам культурно-исторического процесса.

Признак четвертый: духовно-культурный. **Составной частью социалистических преобразований стала культурная революция¹⁸ в обществе. Она означала преодоление векового отчуждения народа от культуры, от результатов его созидательной деятельности в сфере духовного производства. Культурная революция за годы Советской власти ликвидировала духовное господство и культурную монополию буржуазии и других эксплуататоров, превратила отчужденную от народа в условиях капитализма культуру в его главное достояние. Народное образование и просвещение, литература и искусство, наука и современное знание в полном объеме, безо всякого изъятия и ограничения стали впервые в мировой истории служить Человеку Труда – главному производителю материальных и духовных ценностей. И если прав Н.А. Бердяев, утверждавший, что «не в политике и не в экономике, а в культуре осуществляются цели общества»¹⁹, то советское общество доказало это в полной исторической мере. Не случайно даже антикоммунисты и антимарксисты называют советский период вершиной мировой цивилизации (А.А. Зиновьев и др.).**

Признак пятый: гуманистический. **Социалистическая революция впервые делает гуманизм, во-первых, реальным, практическим²⁰, а во-вторых, превращает его из узкоэлитарного, т.е. классово ограниченного, явления в достояние всего народа. Ликвидировала частную собственность, как источник эксплуатации человека человеком, и саму эту эксплуатацию, национальный гнет и расовую дискриминацию, социализм постепенно преодолевает все формы отчуждения и создает материальные, социальные и духовные условия для достойного человеческого существования и развития. Еще вчера, когда был жив социализм, эти утверждения казались кому-то банальными, кому-то надуманными. Сегодня, когда «псы и свиньи капитала» добивают социализм, эта «банальность» и «неочевидность» становятся страшной, неизбывной болью: поистине, что имеем, не храним...**

Мы назвали лишь самые главные, наиболее существенные признаки социальной революции, происшедшей в нашей стране в XX столетии. Разумеется, есть и другие важные отличия, разводящие революцию и контрреволюцию по разные стороны баррикад. Ну, например, лозунги той и другой, в которых концентрированно выражаются конечные цели и задачи данных общественных процессов:

– революция открыта, искренна, правдива, **она не только не скрывает своих истинных намерений, она сознательно обнажает их и мобилизует массы под**

этими знаменами. Так, призывы Великой Октябрьской социалистической революции были предельно ясны и конкретны: «Долой власть помещиков и капиталистов!»; «Вся власть трудовому народу!»; «Фабрики и заводы – рабочим, землю – крестьянам!»; «Долой империалистическую войну, мир – народам!» и т.д. и т.п.;

– **контрреволюция всегда, особенно на начальном этапе, скрыта от «посторонних глаз»,** она ползуча, как змея, и жалит тайком, подло, словно из-за угла, она насквозь лжива и до конца скрывает свои истинные намерения, а потому прибегает к огромному набору всяческих средств, затуманивающих, одурманивающих сознание людей. Так, нынешняя контрреволюция 1985-2002 гг. проходила и продолжает проходить под чужими лозунгами и призывами, скрывающими политическую, экономическую и социальную сущность регрессивно-возвратного, реакционного прогресса. Вначале контрреволюционное действие именовалось «перестройкой», затем – «реформами», а кое-кто и сейчас именуется «смутой», «кризисом» и даже «возрождением» России. Экспроприацию народной собственности назвали «приватизацией», введенную эксплуатацию – «либерализацией», разнузданную вседозволенность криминальных нуворишей – «свободой», власть хищных капитализаторов – «демократией» и т.д. и т.п. Либералы-контрреволюционеры обещали народу многое: власть передать Советам (затем их разогнали, а остатки расстреляли); собственность возратить народу, а землю – крестьянам (тех и других обманули – все оказалось в руках «новых русских»); свободу сделать такой же доступной, как воздух (в результате народ задыхается в тисках экономической, политической, духовной кабалы).

Ложь – наглая, безграничная, циничная – это оружие контрреволюции. Победив, контрреволюционеры сами признаются в этом. Так, очень мелкий деятель в литературе и крупный делец в «перестройке» – бывший главный редактор антисоветского «Огонька» Коротич В. разглагольствовал: «Безусловно, приходилось врать, но, скажем, Горбачев врал куда изысканнее»²¹.

Отчаянными вралями вошли в историю контрреволюции Яковлев и Шеварднадзе, Ельцин и Гайдар, Чубайс и Черномырдин, вся огромная толпа крупных и мелких «реформаторов». Не случайно люди, разобравшись, в качестве кличек своим псам дают имена этих людей, одна из самых распространенных – «Чубайс»...

Куда менее известна способность лгать другого контрреволюционера – низвергателя Советской власти – академика Сахарова А.Д., чье имя еще при жизни покрыли лаковой пленкой непорочной святости и бескорыстности. Вот один лишь исторический факт из его биографии. Вечером 20 июня 1989 г. в Лондоне в Королевском институте международных отношений перед журналистами он заявлял: «Политический лозунг настоящего момента – «Вся власть Советам», экономический – «Земля – крестьянам, фабрики – рабочим!». Это – лозунги Октябрьской революции. Мы сейчас должны вернуться к тому, с чего начали». И тут же, ничуть не смущаясь, заявил: «Эти изменения должны касаться политической системы страны. ...Первоочередная задача – ликвидация монополистического положения партии. Эта совершенно извращен-

¹⁸ Термин «культурная революция» был введен в оборот В.И. Лениным в 1923 г. в работе «О кооперации».

¹⁹ Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990, с. 162.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 169.

²¹ Шаповал С. Расплата за суету. Виталий Коротич признается в том, что много делал в жизни по-фарисейски. // «Независимая газета», 24 февраля 2000, с. 14.

²² Цит. по: «Вестник иностранной общеполитической информации ТАСС. 22 июня 1989 года, Серия «АД» –Лист 5-6».

ная система, которая должна быть ликвидирована»²².

Социальная революция и ее антипод контрреволюция диаметрально противоположны в своем организационно-субъектном выражении. Революция, выражая исторические надежды и чаяния народных масс, исходит из их коренных интересов, а потому считает, что именно массы творят историю: она опирается на народ. «Чем больше размах, чем больше широта исторических действий, – отмечал В.И. Ленин, – тем больше число людей, которые в этих действиях участвуют, и, наоборот, чем глубже преобразование, которое мы хотим произвести, тем больше надо поднять интерес к нему и сознательное отношение, убедить в этой необходимости новые и новые миллионы и десятки миллионов»²³.

Наша социальная революция смогла побеждать в течение 70 лет именно потому, что выражала интересы этих десятков миллионов, и они творили эту революцию, – она была их детищем.

Контрреволюция не выражает интересов народных масс, а потому их боится, сторожится, обманывает, она преуспевает лишь в одном – манипулировании общественным сознанием и поведением. Но главную свою ставку контрреволюция делает на заговорщиков и толпу как на сборище любопытных и обремененных низменными предрассудками – от физиологических до потребительских, частнособственнических, и даже экзотических. Не случайно «Белый дом» Ельцина в августе 1991 года защищали сборища проституток и проституттов – «голубых», фарцовщиков и спекулянтов, алкоголиков и наркоманов – все деклассированный, маргинальный элемент. Им везли ящики с водкой, обильной едой, сигареты и кое-что другое.

Революция и контрреволюция принципиально не схожи в одном из самых болезненных и волнующих людей вопросе – феномене насилия в ходе собственного осуществления. Вся мировая и отечественная история доказала, что систематическое применение насилия связано прежде всего с существованием антагонистических классов, со сменой конкретно-исторических форм отчуждения труда и способов принуждения к труду. Особенно в эпоху капитализма и его высшей стадии – империализма господствующие классы все чаще, все масштабнее применяют доступные им средства насилия, вплоть до массового террора. И весь исторический процесс удержания ими власти осуществляется на различных формах и средствах насилия: экономического, политического, духовного, военного.

Революция и ее сторонники – коммунисты руководствуются иными устремлениями. «В нашем идеале, – говорил В.И. Ленин, – нет места насилию над людьми»²⁴. Да, революция прибегает к насилию, но лишь в том случае, когда отживающие классы эксплуататоров применяют против народа террор, восстания, мятежи. В этом случае пролетариату и всем трудящимся не остается другого выбора. **Но во всем историческом процессе XX столетия проявилась одна явная закономерность: по мере укрепления позиций социалистической революции она все полнее претворяла всей идеал – «нет места насилию над людьми», все глубже и многограннее проявлялся ее гуманистический потенциал, насилие как таковое не имело места!** Поэтому нашу Революцию назвали Великой.

И, наоборот, контрреволюция в лице современного империализма и различных слоев эксплуататорского,

хищнического класса, как за рубежом, так и в нынешней России проявляет удивительную тягу и способность к насилию во всем его многообразии форм, методов и средств: насилуют грабежами, воровством и тотальной коррупцией; насилуют массовой эксплуатацией и бесправием народа; насилуют невыплаченными зарплатами и нищенскими пенсиями; насилуют алкоголизацией, наркоманизацией и проституцией; насилуют агрессивно-разлагающей рекламой и бездуховностью; насилуют ОМО-Ном, охранными структурами, бандитами, киллерами. Поэтому-то «горбаческо-ельцинскую» контрреволюцию назвали подлой, кровожадной, античеловеческой.

III. Эволюция внутренней и международной контрреволюции против СССР

«...Мы находимся сейчас только на первой переходной ступени от капитализма к социализму у нас, в России. ...Насилие неизбежно будет спутником краха капитализма во всем его масштабе и рождения социалистического общества. И это насилие будет всемирно-историческим периодом, целой эрой самых разнообразных войн – войн империалистических, войн гражданских внутри страны, сплетения тех и других...»

В.И. Ленин

Не смогли во время «ударить по миролюбивому оппортунизму ... и по бодро-скромно-весело-свободному «врастанию» старого свинства в «социалистическое общество».

Ф. Энгельс

Итак, происходящие в 1985–2002 гг. «преобразования» в России предстают перед нами как вполне очевидный в своей социальной, экономической, политической и культурной сущности процесс, а именно: **буржуазно-капиталистическая контрреволюция, означающая возврат страны к прежнему, исторически отжившим, порядкам классово-эксплуататорского строя.**

С точки зрения всемирной истории в самом реставрационном повороте страны вроде бы, т.е. на первый взгляд, ничего нового, необычного нет. Ведь контрреволюции, как свидетельствует мировой исторический опыт, происходили и раньше. Таковыми, в частности, были: реставрация Стюартов в Англии в XVIII веке; победа термидорианской реакции и реставрация Бурбонов во Франции; поражение революции 1848–1849 гг. в Германии; разгром Парижской Коммуны в 1871 г.; подавление Венгерской советской республики в 1919 г.; поражение демократической революции 1930-х годов в Испании; фашистский переворот в Чили в 1973 г.; контрреволюционные перевороты 1990-х годов в Восточной Европе: ГДР, Болгария, Польша, Румыния, Чехословакия.

И действительно, могучий СССР в этом смысле вроде бы не явился историческим исключением. И на основании уже одного этого, бесспорно свершившегося исторического факта, многие аналитики – от крайне «правых» и до последовательно «левых» – делают удивительный по схожести вывод о некоей, якобы, «закономерности» и даже «неизбежности» гибели Советской «империи».

Все «правые» – от Горбачева и Яковлева до Ельцина и Гайдара, а от них – до Путина-Павловского и К^О – единодушны в своей безапелляционной риторике: «система изначально была порочна и нежизнеспособна, а потому не подлежала ни перестройке, ни реформирова-

²³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 140.

²⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 122.

нию – она была обречена на исчезновение, как некий мутант». С «правыми» спорить по данному вопросу нет смысла: они защищают не исторический прогресс, а регресс, следовательно, аргументы, факты науки и социальной практики их попросту не интересуют, как и все антикоммунистические фальсификаторы, они ими пренебрегают – у них свои «факты», своя «теория». К тому же многие из них, сваливая ответственность за «развал» СССР на «объективные законы», элементарно спасают свою шкуру (Горбачев и Ельцин) как от суда юридического, так и от суда исторического.

Что же касается «левых», то тут дело обстоит сложнее: слишком пестра и неоднородна эта категория оценщиков гибели СССР. Одни искренне и даже с большой переживающей протекающую социальную драму; другие, сохраняя ученую респектабельность, выступают в роли отстраненно-беспристрастных описателей процесса исчезновения великого государства; третьи – предстают в роли неких «мудрых» оракулов: «мы же говорили, мы предупреждали, в свое время, но нас не слушали, нам затыкали рты...». Зюганов вообще договорился до того, что начал распространять байку о том, как он во времена Брежнев – отца «застоя»... отказался, якобы, идти в аппарат ЦК КПСС на должность инструктора... в знак протеста против политики застоя. Бедный, бедный Иван Александрович Хлестаков, если бы он знал, как спустя 166 лет будет посрамлен Геннадием Андреевичем...

При этом многие, очень многие «левые» в своих докладах, статьях, брошюрах, монографиях приводят «веские доказательства» в пользу того, что гибель СССР имела якобы «объективную основу», и тут они, увы, смыкаются с «правыми». **Вообще, порой складывается впечатление, что «левые» словно соревнуются и с «правыми», и друг с другом в том, кто больше найдет «доказательств» неизбежности поражения «тоталитарного» социализма в нашей стране. Приведем некоторые из них:**

– «В нашей стране, в других социалистических странах социализм как общественный строй – строй целостный во всем многообразии своих институтов, начал и проявлений – не сложился. Его практически не было!» (доктор юридических наук Алексеев А.А.)²⁵;

– «Сегодня преддрешенность коммунистического режима считается аксиомой. Официальная точка зрения, а такая теперь уже тоже существует, что крах системы был неизбежен. Я тоже думаю, что принципы коммунистического блока – нежизнеспособны» (академик РАН Моисеев Н.Н.)²⁶.

– «На 73-м году советской власти некоторые ученые вполне правомерно пришли к выводу, что созданное в СССР общество «не является социалистическим»... Эта модель социализма, будучи по природе своей искусственной (!? – В.С.) (мы остановились только на наиболее значимых ее элементах), могла функционировать лишь опираясь на неограниченное насилие» (академик РАН Осипов Г.В.)²⁷;

– «Советский проект потерпел поражение как выражение крестьянского мессианизма (?! – В.С.) в уже городском обществе «среднего класса» (?! – В.С.) (действительный

член АГН, доктор химических наук Кара-Мурза С.Г.)²⁸;

– «Анализ причин столь молниеносного (?! – В.С.) обвала (СССР – В.С.) показывает, что главная из них – бездуховность» (действительный член РАЕН, доктор экономических наук Гельвановский М.И.)²⁹;

– «Развал Советского Союза убедительно и отчетливо доказал, что денационализированная (?! – В.С.) идеология «застойных» времен не способна противостоять разрушительным антигосударственным воздействиям враждебных (?! – В.С.) России сил. ... Держава распалась потому, что были преданы забвению многовековые корни глубинных основ государственного, культурного, религиозного-всенародного-единства» (главный «теоретик» КПРФ, доктор философии Зюганов Г.А.)³⁰;

Перечень подобных «левых диагнозов» событий 1985-2002 гг. можно продолжать и продолжать до бесконечности: именно они и подобные «ученые премудрости» заставили поверить значительную часть народа в «конструктивную порочность советского проекта». Но хочется все же остановиться и вслед за Лениным воскликнуть: «О, ученость! О, утонченное лакейство перед буржуазией! О, цивилизованная манера ползать на брюхе перед капиталистами и лизать их сапоги!»³¹.

Сегодняшние мудрецы-лакеи лизут сапоги горбачевым и ельциным, всей своре погромщиков великой державы, окропляя елеем их преступные души! «Нет, нет, это не они уничтожили СССР, он – распался сам! Один человек не смог бы развалить такую махину!» – повторяют, словно заклинание, эту мифологему утонченные лакеи. «Советский Союз... был создан для холодной войны, которая была его естественной средой обитания. – пишет некто М.И. Кодин. – Советская модель была задумана, как антипод западной модели, и ее смысл и сила были в конфронтации. Сталин, как никто, понимал, что эта модель не выдержит сравнения и контактов с окружающим миром. «Железный занавес» был призван защищать советскую модель от разрушительных западных ветров, поэтому последовательно уничтожалось все (?! – В.С.), что несло какую-либо позитивную информацию о жизни там, « в мире капитала и насилия»³². Вот таков уровень рассуждений некоторых «левых» по поводу гибели Советского Союза.

Данные «концепции», призванные объяснить разрушение СССР, в своей политической основе есть прямое услужение реакционному классу – криминально-компрадорской буржуазии, а в теоретико-методологической и идеологической сущности есть не что иное как фатализм чистой воды, рассматривающий общественные явления в виде реализации изначального предопределения, исключающего всякий другой исход. В данном случае мы имеем дело с рационалистическим фатализмом, сливающимся с механистическим детерминизмом: оба гибель СССР объясняют сцеплением причин и следствий внутри его социального организма, сложившегося в том конкретном виде, в каком он подошел к 80-90-м годам XX столетия. Впрочем, этому удивляться не приходится: в современном российском обществе господствующими стали не только фатализм, но и волюнтаризм – фатализм «мыслителей» и

²⁵ Алексеев СС. Перед выбором. Социалистическая идея: настоящее и будущее. М., 1990, сс. 10-11.

²⁶ Моисеев Н.Н. С мыслями о будущем России. М., 1997, с.50.

²⁷ Осипов Г. Социология и политика. М., 1995, сс. 23, 33.

²⁸ Кара-Мурза С.Г. Поражение советского проекта и возможность новой социалистической программы // Современная Россия и социализм. М., 2000, с. 28.

²⁹ Гельвановский М.И. Размышления о социализме в XXI веке. // Современная Россия и социализм. М., 2000, с. 219.

³⁰ Зюганов Г.А. Уроки жизни. М., 1997, сс. 166-167.

³¹ Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. // Полн. собр. соч. т. 37, с. 54.

³² Кодин М. Россия в «сумерках» трансформаций. Эволюция, революция или контрреволюция?. М., 2001, с. 14.

волюнтаризм «господ».

Во-первых, вся эта псевдонаучная эклектика совершенно далека от осмысления реального исторического процесса возникновения, становления и развития Советского Союза как конкретно-исторического феномена. Между тем именно конкретный анализ конкретной ситуации – вот «живая душа» не только марксизма, но и вообще всякого научного (а не мифологического, иллюзорного!) познания. **Во-вторых**, фаталисты избегают ставить вопрос, а уж тем более отвечать на них: почему СССР, несмотря на то, что в течение 70 лет уступал капитализму по ряду важнейших позиций (более низкий уровень производительности труда, технической и технологической оснащенности производства, качества многих машин и изделий и т.д.), не проиграл ему ни одного сражения, сумел отстоять завоевания своей революции, достижения социализма? И «вдруг» в период своего наивысшего экономического, технического, научного, военного, культурного развития и могущества оказывается поверженным?! Не отвечают на данный вопрос, ибо честный ответ сразу же развеет все эти «объективистские» бредни! **В-третьих**, когда говорят, что СССР «пал сам», то при подобном подходе фетишизируются и даже демонизируются безличностные общественные структуры (экономика, политическая система, государство, армия, фискальные органы и т.д.). Между тем – и это научная аксиома, – давно известно, что все социальные структуры функционируют только посредством деятельности людей, находящихся в самых различных связях и отношениях и осуществляющих эту свою деятельность на основе удовлетворения собственных идеологических, политических, экономических, социальных интересов и потребностей. «Мы делаем нашу историю сами, – говорил Ф. Энгельс, – но ... при весьма определенных предпосылках и условиях. Среди них экономические являются в конечном счете решающими. Но и политические и т.п. условия, даже традиции, живущие в головах людей, играют известную роль, хотя и не решающую»³³.

Великой силой, движущей поступками и даже жизнями людей, выступает их интерес. «Если физический мир подчинен закону движения, то мир духовный не менее подчинен закону интереса, – считал еще Гельвеций К. – На земле интерес есть всемогущий волшебник, изменяющий в глазах всех существ вид всякого предмета»³⁴. (Заметим сразу, разве не ради интереса разбогатеть во чтобы то ни стало идут на смерть и «новые русские», и их киллеры – тысячи, десятки тысяч людей, зараженных блеском «золотого тельца» в контрреволюционной России?)

По мнению великого Гегеля, «ближайшее рассмотрение истории убеждает нас в том, что действия людей вытекают из их потребностей, их страстей, их интересов ... и лишь они играют главную роль»³⁵.

Если рассматривать «перестройку», «реформы» 1985-2002 гг. через призму социальных интересов, классовых потребностей, стяжательских страстей людей, становится ясным и понятным: никакой самоликвидации великой державы не было, это – результат контрреволюционной деятельности враждебных антисоциалистических сил, чьи социально-классовые интересы лежат в иной, противоположной социализму плоскости.

Откуда взялись эти силы? – спросит наивный читатель. 70 лет строили, побеждали всех врагов, как внут-

ренних, так и внешних, и вдруг откуда-то антисоциалистические силы? Ответ на этот вопрос надо искать в самой истории, в том историческом пути, который прошла наша страна в XX столетии. Контрреволюция против СССР – явление необычное, многогранное, обладающее целым рядом отличительных признаков.

Во-первых, она началась не в 1985 году с приходом к власти Горбачева и тех антисоциалистических сил, которые он олицетворял, а гораздо раньше – с 1917 года и длится и поныне. Иначе говоря, ей столько же лет, сколько прожила на свете первая в мировой истории Советская власть – власть рабочих и крестьян.

Во-вторых, в ней всегда были задействованы не только внутренние контрреволюционные силы, но и внешние – международные. В этом смысле реставрационные процессы XVIII-XIX веков не идут с ней ни в какое сравнение. Контрреволюция против СССР, длившаяся свыше 70 лет, опиралась на весь мир международного капитала, она использовала весь его могучий потенциал: интеллектуальный, экономический, научно-технический, военно-наступательный, информационно-пропагандистский, культурно-разлагающий. Такого тотального сопротивления народившемуся новому общественному строю мировая история не знала ни в одном из своих предыдущих периодов.

В-третьих, контрреволюция против СССР носила исключительно ожесточенный и злобный характер, она не выбирала средств и способов ведения борьбы со своим классовым противником, прибегая к самым изощренным методам его уничтожения. Здесь и прямые интервенции, и «горячая и холодная» войны, и экономические блокады, и санитарные кордоны, и тотальная шпионско-диверсионная деятельность, и разлагающая идеологическая работа, и дипломатический нажим. Словом, все чем располагал мир капитала, было брошено на уничтожение СССР. Эта контрреволюция носила и носит поныне всемирный, поистине планетарный характер. Таков на деле процесс перехода от капитализма к социализму. Нам еще предстоит осознать всю сложность, противоречивость, масштабность этого процесса.

В-четвертых, контрреволюция – внутренняя и международная, – объединившись выступила единым классово-историческим субъектом, она имеет ряд конкретно оформленных этапов, периодов, форм и средств своего осуществления. Выделим, хотя бы фрагментарно, главные.

Первый этап антикоммунистической буржуазной контрреволюции: 1917-1922 гг. После победы Великой Октябрьской социалистической революции против нее сразу же объединились представители свергнутых эксплуататорских классов: монархистские элементы из бывших помещиков и той части крупных промышленников и торговцев, которая была связана с монархией привилегиями, вытекавшими из сохранения в многоукладной экономике России феодально-крепостнических и патриархальных пережитков. Сюда же входили и высшее чиновничество, духовенство и генералитет, мечтавшие о реставрации царизма. Большую силу антисоветского лагеря составляла буржуазия и примыкавшая к ней буржуазная интеллигенция. Особую роль в монархистской контрреволюции играл генералитет старой армии, формировавший вооруженное ядро антисоветских сил.

На окраинах страны и в национальных районах в антисоветский лагерь входили, кроме общероссийских сил, разнородные буржуазные, мелкобуржуазные, а нередко и феодального типа автономистские, националистические партии и организации. Это были: Центральная рада на Украине, Белорусская рада в Белоруссии, курултаи в

³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 395.

³⁴ Гельвеций К.А. Об уме. М., 1938, с. 34.

³⁵ Гегель. Соч., т. 8, М.-Л., 1935, с. 20.

Крыму и Башкирии, «национальные советы» в Эстонии, Латвии, Литве, Грузии, Армении, Азербайджане, «Алаш-Орда» в Казахстане и т.д.³⁶

Внутренняя контрреволюция, не имея в стране широкой социальной базы, немедленно вступила в союз с международными империалистическими силами. Буржуазные правительства государств англо-французской коалиции и США, а также Германии, повели борьбу против Советов. Произошло, таким образом, соединение обеих сил контрреволюции – внутренней и внешней. И как покажет вся последующая история, это объединение будет долгим – в течение всего XX столетия, т.е. вплоть до уничтожения СССР. Впрочем, продолжается оно и сегодня, когда добивают останки Советской Цивилизации.

Второй этап антикоммунистической буржуазно-капиталистической контрреволюции: 1922-1940 гг. Победа молодой республики Советов в гражданской войне означала поражение внутренней и внешней контрреволюции в вооруженной борьбе. Но контрреволюционный лагерь перешел к иным – диверсионно-подрывным формам борьбы против СССР. Это будет длительный период вплоть до начала фашистской агрессии. Внешне спокойный, наполненный колоссальным созидательным трудом рабочих и крестьян, он будет изобиловать непрерывной чередой подрывных действий недобитой контрреволюции.

Обратимся к конкретной документальной странице этого периода. В 2001 г. начато издание много-томной публикации документов – информационных обзоров и сводок ОГПУ о социальной, политической и экономической жизни в СССР, начиная с 1922 года. В качестве издателей выступили Институт российской истории РАН, Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ, Научный совет РАН по истории социальных реформ, движений и революций, Академия Наук Финляндии, Ренвалл-Институт (Хельсинский университет), Александровский институт (г. Хельсинки). Кроме того, финансовую помощь «этому международному проекту», – говорится в аннотации – оказало и издательство Мэллэн-пресс – Соединенные штаты Америки.

Предпосланные пояснения и предисловия к архивным документам одного из сложнейших периодов молодой Советской страны совершенно очевидно раскрывают цель «международного проекта»: «документально показать историю насильственного проведения коллективизации в деревне», «деятельность различных партий, национальных движений в республиках», «состояние армии, положение церкви и формы ее преследования», «сопротивление трудящихся мероприятиям правительства, их борьбу за улучшение условий жизни».

Иначе говоря, поставлена цель развенчать (в который уже раз!) историческую закономерность и неизбежность Великой Октябрьской социалистической революции, гуманистическую направленность социалистических преобразований, доказать правомерность контрреволюции и способов ее осуществления.

Руководствуясь этим политическим и социальным «ИНТЕРЕСОМ», отечественные и зарубежные организаторы «проекта» (Г.Н. Севостьянов, А.Н. Сахаров, Я.Ф. Погоний, Ю.Л. Дьяков, В.К. Виноградов, Л.П. Колодникова, Т. Вихайainen, М. Кивинен, Т. Мартин и др.) замыслили ни много ни мало – «**концептуально по-новому осмыслить кардинальные проблемы истории советского общества и**

³⁶ См.: Голенков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1975, с. 8-11.

³⁷ См.: «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину О положении в стране (1922-1934 гг.). Том 1, часть 1. М., 2001, с. 5.

государства 20-30-х годов» (выделено мной – В.С.)³⁷

Что же, замах действительно большой, а «впервые вводимый в научный оборот исторический источник уникален по своей значимости, многоплановости и объему. Без преувеличения можно сказать, что он носит энциклопедический характер. Это – память эпохи, в нем отражены многие стороны жизни народа нашей страны». Может быть, ученые, получив доступ к этой «эпохальной энциклопедии», смогут действительно сказать нечто новое в исторической науке, покажут, как в конце II тысячелетия на Земле рождалась новая, уникальная цивилизация, как, продираясь через жуткое сопротивление и насилие эксплуататоров, через контрреволюцию внутренних и внешних врагов, освобожденные и малограмотные, униженные и оскорбленные рабочие и крестьяне строили свой социалистический дом?

Увы, «гора родила мышь»... Перед читателями предстает все тот же банальный, ублюдочный антикоммунистический, антисоветский замысел: опять «крушение Российской империи, развал экономики страны, резкое падение производства в промышленности и сельском хозяйстве, уничтожение многих памятников культуры и огромные человеческие жертвы»... в результате трех революций и трех изнурительных войн». О контрреволюции, о бездарности царской власти, ее преступном характере, – ни гу-гу...

Во всем, естественно, виноваты большевики. «Народы нашей многострадальной страны (**от чего и от кого она так много страдала – молчок! – В.С.**) надеялись на должное улучшение жизни. Большевики заверяли, что быстро справятся с бедностью и нищетой. Они провозгласили войну против частной собственности и богатых, обещали создать свободное, демократическое, справедливое общество – общество равных людей; намеревались революционно преобразовать не только Россию, но и все мировое сообщество, построить коммунизм. То была утопия, несбыточность которой показало последующее развитие всемирной истории»³⁸.

Вот и вся «концептуальность», о которой так важно заявили организаторы нового антикоммунистического проекта. Все на уровне интеллекта Горбачева-Яковлева-Ельцина-Бурбулиса-Гайдара-Немцова-Хакамады. Все призвано оправдать как начальный, так и заключительный этап контрреволюции 1918-2002 гг.

Но в многотомнике есть еще и архивные материалы, т.е. сами сводки и аналитические обзоры ОГПУ, которые действительно представляют большой научный и политический интерес. Правда, мы не знаем, сколь обеспечена репрезентативная достоверность документов, все ли они помещены в издание, или лишь те из них, которые «разоблачают» Советскую власть³⁹. Однако даже того, что есть, с лихвой хватит, чтобы увидеть главное: Советская власть трудно, кроваво, трагично рождалась в борьбе с контрреволюцией. **Контрреволюция в течение почти двух десятиле-**

³⁸ См.: «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину О положении в стране (1922-1934 гг.). Том 1, часть 1. М., 2001, с. 11.

³⁹ Теренс Мартин – профессор Гарвардского университета (США) в собственном пояснении «Обзоры ОГПУ и советские историки» так заявляет: «...Эти потрясающие материалы могут (или не могут) рассказать историку об истории общественной и политической жизни Советского Союза в ранние годы его существования», (Там же, с. 26). Однако о том, что Антанта, куда входили и американские вояки, оставила после себя Советской власти, Мартин помалкивает. Это не входит в его «научные» интересы, как впрочем, и его антикоммунистических друзей.

тий буквально в колыбели убивала нарождавшийся социализм. И об этом говорят многочисленные донесения. Экономика страны – промышленность и сельское хозяйство – были разрушены империалистической и гражданской войнами, развязанными буржуазно-помещичьи кругами царской России. Летом 1921 года на народ обрушилось стихийное бедствие – невиданная засуха. Голод охватил миллионы людей. В конце 1920 и в 1921 гг. по стране прокатились волны крестьянских выступлений, «мелкобуржуазная анархическая стихия» (Ленин) требовала устранения Советской власти. Участники выступлений выдвигали лозунги: «Советы без большевиков!», «Свобода для всех!»; «Долой продразверстку!»; «Да здравствует свободная торговля!» и т.п.

Эту атмосферу тех лет и передают донесения и обзоры ОГПУ, которые направлялись В.И. Ленину и И.В. Сталину, другим руководителям партии и государства – всего в начале 1923 г. в 36 адресов.

Вот документ № 1 за 1922 год под заголовком «Обзор политико-экономического состояния РСФСР за февраль 1922 г. (По данным Государственного политического управления). В Центральный Комитет РКП. Март 1922 г.»

«В январе месяце внутреннее положение Республики представляется в следующем виде.

Рабочие.

«Февраль дает некоторое ухудшение рабочих настроений сравнительно с предыдущими месяцами зимы 1921-1922 годов. Причиной этого является усиливающийся к весне, как и в прошлые годы, продкризис. ... Помимо указанного выше обострения продкризиса, обострения, естественно влекущего за собой уменьшение норм пайков, перебой их выдачи и пр., наиболее существенными причинами, влияющими на настроение рабочих и вызывающими вышеупомянутое ухудшение их настроений, являются: стремительный рост рыночных цен, срывающий все попытки установления твердого прожиточного минимума, и продолжающий усиливаться на местах денежный кризис, влекущий за собой почти поголовно повсеместную задержку выплаты рабочим жалованья...

Крестьяне.

В течение всего февраля центральными вопросами, волнующими деревню, продолжают оставаться сбор продналога и приготовления к весенней посевкампании.

Сбор продналога, включая сюда и обложение скрытой пашни и сбор дополнительного налога, подходит к концу на всей территории Республики. Число губерний, закончивших продкампанию, увеличивается с каждым днем. И, однако, с каждым днем усиливаются трудности, с которыми приходится заканчивать сбор продналога.

И это вполне естественно. Все то, что крестьяне «хотели» сделать, все то, что из них можно выжить без применения крайних мер, все это уже взято, и теперь приходится брать у крестьян то, чего они не хотят и фактически не могут дать. В силу этого сбор остатков проходит в атмосфере крайнего взаимного озлобления, приводящего порой к явлениям совершенно нежелательным.

...Положение в голодающих районах продолжает оставаться катастрофическим. Территория, пораженная голодом, увеличивается, число голодающих растет с каждым днем. Настроение голодающего населения отчаянное. В голодных районах отмечается развитие бандитизма, преимущественно уголовного характера»...⁴⁰

Приведенный сюжет из самого первого документа – пролог ко всей последующей 12-летней истории борьбы

Советской власти за выживание. Но это еще не вся документальная история этого периода. В ней есть «страница» борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией, которая, потерпев поражение в 1918 –1922 гг. в Гражданской войне, перешла к новой тактике. Самыми распространенными приемами, взятыми ею на вооружение, были: бандитизм, организация работы контрреволюционных подпольных организаций (анархистов, меньшевиков, правых эсеров, левых эсеров, монархистов, кадетов, реакционного духовенства), националистические группы.

Документы 1922-1934 гг. воссоздают не только саму атмосферу классового противостояния, но и сообщают нам имена «фигурантов» контрреволюционного действия: (1922 г.)

– в Западном округе отмечается оживление деятельности уголовных бандитских шайк, численно за отчетный период увеличивающихся. Наиболее активно бандиты действуют в Витебской губернии; в северной части Борисовского уезда Минской губернии появились зарубежные агитаторы, подготавливающие местное население к весеннему восстанию. Появились украинские банды: савинковская под командованием Дергачева-Грозного и анархическая – банда Медведова;

– в Волынской, Киевской, Подольской и некоторых других губерниях оперируют главным образом банды Петлюры;

– в Крыму среди белого офицерства заметно оживление, они распускают провокационные слухи о готовящемся восстании и падении Советской власти, формируют банды;

– в Северо-Кавказском округе бандитизм продолжает развиваться; в районе Махосhevской появился штаб Кубанской повстанческой армии; в состав штаба входят генералы Марченко, Лукоянов, хорунжий Лихбата, сотник Захарченко;

– в Шатоевском районе Горской республики ведется усиленная подготовка населения к восстанию, в этой работе принимают участие главарь прошлогодних восстаний шейх Аксалтинский и князь Дашинский. В Чечне белыми офицерами и турецкими агентами ведется усиленная антисоветская агитация;

– в Сибири бандитизм стоит на одном уровне с прошлым месяцем; за счет мелких банд формируются более значительные. В центре бандитских группировок Якутской губернии бандитизм принимает монархический характер, а на Алтае движением руководят белые офицеры и эсеры. Нередки случаи нападения банд на отдельно стоящие роты красных частей;

– туркестанские басмачи имеют своими руководителями Энвер-пашу и других турецких офицеров; в Хиве обращает на себя внимание шайка Джунаидхана.

«В общей картине бандитизма по РСФСР приходится констатировать рост повстанческого движения – говорится в обзоре, – особенно в Сибири, Крыму, Туркестане и на Северном Кавказе. Близость весны грозит усилением и развитием бандитизма и требует крайней зоркости и напряжения сил для борьбы с ними»⁴¹.

Приведенные документальные данные, вопреки субъективному желанию антикоммунистических авторов проекта «Совершенно секретно»: Лубянка-Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.), воссоздают объективную картину облика контрреволюции, ее социальных движущих сил, форм, способов, средств, использовавшихся в борьбе против Советской власти.

Документальная картина контрреволюционного под-

⁴⁰ «Совершенно секретно»: «Лубянка-Сталину о положении в стране (1924-1934 гг.). Том. 1, часть 1, М., 2001, с.89-90.

⁴¹ «Совершенно секретно»: «Лубянка-Сталину о положении в стране (1924-1934 гг.). Том. 1, часть 1, М., 2001, с. 91-93.

полья была бы неполной без упоминания различных антисоветских, антисоциалистических «блоков» 30-х годов: «объединенный троцкистско-зиновьевский центр»; «параллельный антисоветский троцкистский центр»; «антисоветский правотроцкистский блок» и др.⁴²

Третий этап антикоммунистической буржуазно-капиталистической контрреволюции: 1941-1945 гг. Великая Отечественная война стала крупнейшим военным столкновением развивающегося социализма с наиболее реакционной и агрессивной силой мирового империализма – фашизмом. То была на самом деле невиданная в истории схватка революции и контрреволюции. Это была всенародная битва против злого врага, посягнувшего на самое дорогое, что только было у советских людей, – на завоевания Великой Октябрьской социалистической революции, на Советскую власть⁴³.

Наша революция столкнулась с небывалой мощью не только одной фашистской Германии, но и, по сути, всем объединенным империалистическим лагерем. Это – агрессивная военная коалиция, основой которой был Тройственный пакт, заключенный в 1940 г. между Германией, Италией, Японией. К активному участию в агрессии против СССР были привлечены: Румыния, Финляндия, Венгрия. С фашистской Германией сотрудничали Испания, вишистская Франция, Португалия, Турция. Помощь ей оказывали реакционные правящие круги Болгарии, Словакии и Хорватии. На стороне фашистской коалиции был потенциал захваченных Германией стран: Австрии, Чехословакии, Албании, Польши, Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии, Люксембурга, Югославии, Франции, Греции.

Эта империалистическая, контрреволюционная по своей классовой и социальной сущности мощь была направлена против всех прогрессивных сил планеты, тянувшихся к СССР: пламя второй мировой войны полыхало долгих шесть лет и охватило территорию 40 стран Европы, Азии и Африки. В ней участвовали не только многомиллионные профессиональные армии, оснащенные новейшей военной техникой, но и различные отряды недобитых контрреволюционных сил как из числа белоэмигрантов, так и из числа «внутренних» предателей. Это – власовцы, бандеровцы, иностранный легион, составленный из кавказцев, литовские, латышские, эстонские «лесные братья» и т.д. и т.п. Предательство носило массовый характер, и об этом надо говорить прямо. Социальная база антисоветской контрреволюции никогда раньше не была столь многочисленной и могучей. Ее цель была в одном: лишить не только СССР, но и многие страны, бравшие пример с него, свободы и независимости, и опустить над всем человечеством мрачный покров варварства и мракобесия⁴⁴.

Четвертый этап антикоммунистической буржуазно-капиталистической контрреволюции: 1946-1985 гг. С середины 40-х и до середины 80-х годов XX столетия мировая контрреволюция в лице объединенного империалистического лагеря ведет тотальную «холодную» войну против СССР. То, что не сумели осуществить Гитлер и его коалиция, решили попытаться сделать США, используя силы и ресурсы по меньшей мере половины

планеты, находившейся под их военным и финансовым контролем. С лета 1945 г. в США постоянно разрабатывались конкретные планы уничтожения СССР:

– в 1948-1949 гг. предполагалось сбросить атомные бомбы на 70 городов и ведущих индустриальных центров нашей страны;

– в марте 1947 г. командование стратегических ВВС бралось обрушить со всех сторон света на СССР 750 бомб и в течение двух часов превратить его в «дымящиеся радиоактивные руины»;

– в 1956 г. это же командование уже намечало 2 997 целей на территории нашей страны; в 1957 г. – их было уже более 3-х тысяч, а в конце 1959 г. – 20 тысяч⁴⁵. Советский Союз со всех сторон был обложен военными базами США.

И только невероятное напряжение сил советского народа не позволило агрессору решиться на смертельную для всего человечества авантюру: был создан военно-стратегический паритет со всем блоком НАТО, и завоевания революции и социализма были сохранены. И надо подчеркнуть особо, что СССР, вопреки распускаемым политическим сплетням и фальсификациям, не проиграл «холодной» войны! Несмотря на многие проблемы в экономической и социальной жизни, его мощь была колоссальной и страшила любого классового противника. Вот ее-то и пытались подорвать со всех сторон различные контрреволюционные силы, в том числе и внутренние.

В 60-е годы в СССР с помощью западных спецслужб возникает новое контрреволюционное движение интеллигенции, известное под названием «диссидентства». 5 декабря 1965 г. на Пушкинской площади г. Москвы состоялась открытая демонстрация диссидентов – антисоветчиков. Возглавили это движение Сахаров А., Галансков Ю., Гинзбург А., Буковский В., Амальрик А., Богораз Л. Горбаневская Н., Вольпин А.⁴⁶ Диссидентство проникало за пределы столицы, возникали украинское, армянское, грузинское, литовское, эстонское националистско-диссидентские, антисоветские движения. Все они получают хорошую финансовую поддержку из-за рубежа: империализм в ходе своих подрывных центров поддерживал и взращивал внутри СССР свое контрреволюционное дитя.

Пятый этап антикоммунистической буржуазно-капиталистической контрреволюции: 1985-2002 гг. Он явственно распадается на три подэтапа: 1) горбачевский – скрытый, замаскированный, ползучий, предельно лживый; 2) ельцинский – открытый, пьяно-циничный, огромный, кровавый; 3) путинский – осторожный, претендующий на цивилизованность, откровенно капиталистический, узаконивающий и усиливающий позиции реставрации классово-эксплуататорского строя. Различие между ними лишь внешнее, выражающееся в определенных формах, способах, приемах ведения контрреволюционного действия, как говорят в театре, – разница лишь в режиссуре, а суть одна: низвержение завоеваний социализма и утверждение, – во что бы то ни стало – основ капитализма.

Данный этап в целом – это, с одной стороны, безусловно, логическое продолжение всей предшествующего многодесятилетнего развития контрреволюции против СССР, а, с другой – совершенно новый, необычный период в ее эволюции. Почему же? В чем новизна и своеоб-

⁴² «История Отечества: люди, идеи, размышления. Очерки истории Советского государства». М., 1991, с. 205.

⁴³ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. М., 1974, с. 441.

⁴⁴ См.: «История второй мировой войны. 1939-1945.» Том двенадцатый. М., 1982, с. 5.

⁴⁵ См.: «Страницы истории советского общества. Факты, проблемы, люди». М., 1989, с. 370-371.

⁴⁶ См.: «Наше Отечество. Опыт политической истории». Том 2, М., 1991, с. 493.

разие этого реакционного, регрессивно-возвратного этапа? Прежде всего в том, что, действуя против могущественной страны, находившейся в пике своего экономического, научно-технического, военно-оборонного, духовно-культурного развития, контрреволюционные силы – внутренние и внешние, – наконец, добились желанной победы. Причем, она досталась, что называется «даром», словно «манна небесная», свалившись «сверху». **Народ, как генеральный субъект исторического процесса, был ловко, с помощью социальной мифологии и демагогии, политико-организационных мероприятий штаба контрреволюции, выключен из данного процесса.** Его Вооруженные Силы, КГБ, МВД деморализованы и с помощью предателей (Шапошников, Грачев, Бакатин, Ерин и др.) разложены и практически уничтожены. В результате то, чего фанатично добивались классовые противники в течение многих десятилетий, развязывая «горячие» и «холодные» войны, ведя дорогостоящие, многомиллиардные диверсионно-подрывные операции, изматывая СССР в безумной гонке вооружений, – и все тщетно! – в конце XX столетия свершилось... **Существовавший в стране социалистический общественный строй демонтирован, ликвидирована власть трудового народа и установлена диктатура народившейся криминально-компрадорской буржуазии, восстановлена частная собственность на средства производства, введена открытая хищническая эксплуатация труда рабочих и крестьян паразитическим, преступным по своему происхождению капиталом, осуществляются другие формы социального и духовного угнетения большинства меньшинством.**

А это значит, что все мы, живущие в этой время, являемся непосредственными свидетелями и в той или иной мере соучастниками еще небывалого в истории процесса: реставрации капитализма в стране, шедшей до этого в течение 70 с лишним лет по пути строительства социализма – новой общественно-экономической формации и социально-духовной цивилизации. Причем этот реставрационный процесс происходит в исключительно диких, наиболее варварских, бесчеловечных формах и проявлениях. Происходит, говоря словами К. Маркса, стремительное накопление наворованного богатства на одном полюсе и одновременно накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, ограбления и моральной деградации на противоположном полюсе. Тотальное насилие – военное, экономическое, социальное, информационное, духовно-культурное, психологическое, дотоле невиданное в истории страны, обрушилось на народ, превращая его в социальную «глину» в котлах контрреволюционеров. «Глина, мрамор, бронза права голоса лишены, – заявляет чревоушительница дикой контрреволюции Новодворская В. – Может быть, глине хотелось мокнуть в карьере, мрамору – скрываться в толще горы, а бронзе было предпочтительнее пребывать порознь, а не в сплаве. Скульптор не спрашивает. ... Единственное, чего я хочу от Ельцина и Гайдара – это чтобы они перестали спрашивать у глины, желает ли она, чтобы из нее сотворили Адама. Бог не спрашивал»⁴⁷.

Кроваво-хищнический, варварско-дикий характер совершившейся контрреволюции теперь очевиден не только для многих ученых, но и для огромного числа граждан нашей страны. Однако, куда менее очевидны движущие силы, совершившие ее, и механизмы, позволившие по-

бедить дотоле непобедимую Советскую власть в период ее могущества. На этот счет написано уже немало, но тем не менее полной картины заключительного этапа контрреволюционного действия пока нет. Отнюдь не претендуя на оригинальность и тем более полноту ответа, как один из очевидцев, осмелюсь высказать следующую точку зрения. **Главная суть ее состоит в следующем:**

– вопреки расхожему мнению о том, что к середине 80-х годов XX столетия в социальном организме СССР накопились настолько острые, неразрешимые проблемы, которые и погубили его, скажу: это – большая ложь, запущенная в обиход классовыми врагами социализма и раздутая их спецслужбами. **Никаких неразрешимых экономических, социальных, политических, культурных проблем, неизбежно ведущих к гибели социалистической державы, не было.** Уже к началу 70-х годов в СССР был создан столь могучий интеллектуальный, промышленный, научно-технический, оборонный потенциал, который позволял решать любые задачи по защите страны, преодолению естественно возникающих трудностей на пути социально-экономического развития. Так называемые «кризисные» явления, о которых шумно возвещают противники социализма, во-первых, явно были для нас не «смертельными», а, во-вторых, не являлись основанием для уничтожения СССР. Капитализм за свою более чем 500-летнюю историю пережил не один спад и кризис, но его лидеры, в отличие от советских, не ставили вопрос о возврате к феодализму и уж тем более не выступали в роли агрессивных контрреволюционеров, наоборот, они все сделали для того, чтобы укрепить несущие конструкции капитализма;

– **решающую роль в контрреволюционном успехе сыграл субъективный фактор в прямом смысле этого исторического, философско-социологического и политологического содержания.** Вся история нашей Великой Революции учит: пока ее возглавляли Ленин и Сталин, пока КПСС оставалась сплоченным идейным, политическим и организационным авангардом рабочего класса и трудового крестьянства, даже в худших исторических условиях мы одерживали верх над контрреволюцией. Если же «революционная партия начинает упускать решающие поворотные моменты в революционном развитии, оставаясь в стороне, или если она вмешивается, но не одерживает победы, то ее можно с полной уверенностью считать на некоторое время похороненной», – писал Ф. Энгельс в письме к К. Марксу 11 декабря 1851 года⁴⁸.

Собственно, это и произошло с нашей партией в послесталинский период. С течением времени и в ходе классовых битв за социализм постепенно истончился социальный слой, несший революционный социалистический заряд: умерло поколение, совершившее революцию и вынесшее гражданскую войну, тяжесть первых пятилеток; состарилось и отошло от активной политической, социальной жизни поколение фронтовиков; ушли из жизни крупнейшие организаторы социалистического промышленного производства («сталинские наркомы»), знавшие толк и в людях, и в экономике; не стало полководцев Великой Отечественной войны. Показательно, что последним воевавшим генсеком КПСС был Брежнев Л.И. Ни Горбачев, ни Лигачев, ни Ельцин, ни Рыжков, ни Лукьянов не воевали, а некоторые даже не служили в Армии!

Истончился и идейно-политический и нравственный заряд КПСС. Были напрочь забыты принципиальные марксистско-ленинские теоретические положения о ре-

47 Новодворская В. «Эмигрант – это банкрот». // Ежедневная газета «Иностранец», 1994, 19 января, № 2 (30), с. 13.

48 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 347.

волюции и контрреволюции:

– «пока существует капитализм – существует и опасность реставрации капитализма»;

– «развитие вперед, т.е. к коммунизму, идет через диктатуру пролетариата и иначе идти не может, ибо *слоमितь сопротивление эксплуататоров* – капиталистов больше некому и иным путем нельзя»;

– «...не может быть успешной революции без подавления сопротивления эксплуататоров»;

– «эксплуататоры разбиты, но не уничтожены. У них осталась международная база, международный капитал...» и т.д. и т.п.⁴⁹

В этих условиях постепенно происходила идейная, политическая и нравственная эрозия партийных рядов, в КПСС проложили дорогу приспособленцы, ловкачи, карьеристы, взяточники, преследующие мещанские мелкобуржуазные, потребительские цели. В руководство партии проникают люди, не имеющие ничего общего с самоотверженным, революционным служением народу, для которых коммунистические фразы были не более, чем фиговые листки для прикрытия своей преступной сущности. Так постепенно к началу 80-х годов в стране складывается благоприятная социальная, политическая, идейно-психологическая ситуация для консолидации внутренних антисоциалистических, контрреволюционных по своей сути сил.

В середине 80-х годов происходит казалось бы совершенно невероятное: с избранием Горбачева на высший пост в партии именно ЦК КПСС превратился в «штаб контрреволюции».⁵⁰ Генсек – предатель начинает собирать вокруг себя таких же коммуно-перерожденцев: Яковлева, Шеварднадзе, Медведева, своих помощников, постепенно расширяя и расширяя этот круг сверху донизу. «Верхушечная» контрреволюция, точнее ее заключительный этап начался. В этот разрушительный процесс было втянуто все Политбюро ЦК КПСС, а также большая часть самого ЦК КПСС. **«В революции, – считал Ф. Энгельс, – всякий, кто занимая решающую позицию, сдает ее, ... всегда заслуживает того, чтобы к нему относились как к изменнику»**⁵¹. Два состава политбюро, многие члены ЦК КПСС оказались именно такими изменниками: вместо того, чтобы разоблачить генсека-предателя и его агентуру, судить их, они произносили «одобрямс» фантазиям «перестройки». В результате вся организационно-политическая сила и идейное влияние партии были использованы для разрушения СССР: его политической системы, экономики, оборонного потенциала, резкого снижения жизненного уровня народа, обострения национальных отношений, дискредитации социализма как идеи и социальной практики. Такого мировая история не знала никогда раньше: руководящее ядро политической партии и государства тайно стало разрушать созданный с таким жертвенным трудом новый общественный строй.

Это происходило не только по причине идейного, политического, социального и нравственного перерождения верхушки КПСС, но что важно подчеркнуть, – потому, что в организационно-политическом организме партии не было создано механизма, способного локализовать, а при необходимости и уничтожить контрреволюционный нарыв. **Генсек, Политбюро были не контролируемы на деле! Прикрытые камуфляжем политической ми-**

фологии и демагогии, они могли вытворять все, что угодно! Не было органа, инстанции в партии, способных прервать их контрреволюционный дрейф. Надежда была лишь на государственный ум, политическую пронциательность и личное мужество людей, возглавлявших оборонные ведомства. Но, увы, в середине 80-х годов таких фигур уже не было ни во главе Минобороны, ни во главе КГБ, ни во главе МВД СССР. Заговорщики знали, что делали: расчет был на безнаказанность. 20 июня 1989 года итальянская газета «Коррьере делла сера» опубликовала весьма примечательное интервью Ельцина: **«Вопрос газеты:** В некоторых московских кругах (антисоветских – В.С.) царит большой страх. Как только Горбачев куда-то уезжает, начинаются разговоры о государственном перевороте в пользу авторитаристов (т.е. в защиту Советской власти – В.С.). Об этих страхах упоминалось даже на Съезде народных депутатов. Имеется ли действительно опасность государственного переворота?

Ответ Ельцина: Нет, такой опасности не существует. Эти слухи не соответствуют реальным фактам. Послушайте, я слишком хорошо знаю ситуацию, внутренний механизм. Я два года состоял в Политбюро. Ни со стороны военных, ни со стороны отдельных членов Политбюро»⁵².

Об отсутствии реальной опасности быть разоблаченными, естественно, знали и Горбачев, и Яковлев, и Шеварднадзе, и вся шайка заговорщиков. Это необыкновенно вдохновляло, воодушевляло их. **Пользуясь неограниченной свободой действий, они выявляли, собирали, консолидировали все вызревшие, но до поры до времени затаившиеся и разрозненные антисоветские, антисоциалистические силы. Главные среди них:**

– обуржуазившееся, переродившееся партгосчиновничество;

– либерально-буржуазное и мелкобуржуазное крыло интеллигенции Москвы, Ленинграда, других столичных и крупных промышленных центров,⁵³

– уплотнившийся в годы правления Брежнева теневой капитал, превратившийся в период горбачевщины в мощный и агрессивно-нахрапистый «класс» кооператоров, предпринимателей, охранников, киллеров. К январю 1989 г. в стране возникло более 40 коммерческих банков, в 1990 г. их насчитывалось свыше 300, в том числе около 100 – «кооперативных». Уже к 1989 г. специалисты говорили о наличии в стране 100 000 пока еще подпольных миллионеров, которые получили возможность легализовать огромные денежные средства (теневой капитал тогда оценивался в 500 миллиардов рублей, что составляло сумму, близкую к годовому доходу государственного бюджета СССР);

– преступная часть хозяйственников, погрязшая во взятках, кумовстве, блате;

– маргинальная прослойка рабочего класса, в первую очередь из сырьевых отраслей (шахтеры, например), пропитанная анархо-групповыми, рваческими, паразитическими настроениями;

– морально и идейно незрелая прослойка городской, «урбанизированной» молодежи, со слабыми социальными связями, зараженная прозападными «ценностными» ориентациями («пофигисты», индивидуалисты, эгоисты, потребители);

– отсталая, невежественная и социально пассивная часть старшего поколения, жившая не знанием, а верой, для которой горбачевско-ельцинская мифология и дема-

⁴⁹ Ленин В.И. Пол. собр. соч., т. 33, с. 88; т. 37, с. 60; т. 39, с. 80.

⁵⁰ Яковлев А. Предисловие. Обвал. Послесловие. М., 1992, с. 4.

⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 81.

⁵² Цит. по: «Вестник иностранной общеполитической информации ТАСС». 20 июня 1989, Серия «АД»-лист 1.

гогия стали социальным и духовным ядом («болото», готовое качнуться в любую сторону);

– потомки бывших привилегированных семей в царской России: помещиков, капиталистов, купцов, священнослужителей (во времена Горбачева и Ельцина стремительно возникают «дворянское собрание», «ложа наследников монархии», «объединения детей репрессированных» и т.д. и т.п.).

Из этих социальных сил, потенциально несущих в себе антисоциалистический заряд, по существу, и были сформированы ударные отряды контрреволюции. **Первый отряд: журналисты, призванные с помощью информационной войны прорубить «просеки» как в теле политической системы, так и в особенности в общественном сознании для наступления сил классового противника.** На деле СМИ, управляемые из горбачевско-яковлевского штаба контрреволюции, стали работать по программе пятой колонны⁵⁴.

«Начштаба» контрреволюции Яковлев, прошедший на Западе переподготовку, хорошо знал роль средств массовой информации в современных условиях. Именно он с благославения Горбачева начал делать из них главный таран против КПСС и всего СССР. Была запущена идея о «партерстве» парткомов и средств массовой информации. Фролов И. получил газету «Правда» и обуздал ее; Коротич В. – «Огонек» и превратил его в кувалду против социализма; Яковлев Е. с «Московскими новостями» быстро выдвинулся на авансцену контрреволюционных действий. Во все республиканские, областные и многие крупные городские газеты были официально, от имени ЦК КПСС, Яковлевым А. направлены «уполномоченные». Их цель была одна – вывести средства массовой информации из-под контроля партии, а большой отряд журналистов, по возможности, сделать союзником контрреволюции. Главный идеолог «перестройки» внимательно следил за этим процессом, подстегивал ход событий, вмешивался в них, вносил коррективы. Вскоре после XIX партконференции в ЦК КПСС было созвано представительное совещание видных деятелей научной, художественной интеллигенции, публицистов, руководителей творческих союзов страны, ряда центральных газет и журналов. Вот что заявил о журналистах на том совещании Яковлев: «На предшествующих встречах мы, как правило, приходили к взаимному согласию. Но затем открываешь один журнал, другой, одну газету и другую, третью – и с удивлением обнаруживаешь: снова откат на те позиции, которые условливались преодолеть. ...Кому нынче это не по плечу иль не по нраву, пусть уступит место стойким, деятельным приверженцам перестройки»⁵⁵.

Ему, как потом покажут события, во многом удалось повернуть СМИ против социализма, сделать их тараном в борьбе против СССР. Тиражи антисоветских изданий приобретали невиданный масштаб: «Огонек» 1990 г. – 7,6 миллиона экземпляров; «Аргументы и факты» – 24 миллиона в 1991 г.⁵⁶ Даже воссозданный журнал «Известия ЦК КПСС» (редсовет в составе Горбачева, Яковлева, Медведева, Разумовского, Смирнова и др.) на 2/3 заполнялся антисоветским компроматом на всю историю партии и страны, начиная с 1917 года.

⁵³ См. подробнее: Сапрыкин В.А. Интеллигенция и контрреволюция. 1985-2002 гг. // «Диалог», 2002, №2.

⁵⁴ См.: Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья мировая информационно-психологическая война. М., 1999, с. 171.

⁵⁵ Цит. по: Стенограмма доклада Яковлева А.Н. «Перестройка и интеллигенция». С. 32 (Из архива автора).

⁵⁶ Там же.

Яковлев, прикрытый Горбачевым, в сущности создал мощный информационно-антикоммунистический фронт, который использовал все современные методы манипулирования общественным сознанием и поведением. СМИ, как электронные, так и печатные были на деле авангардом, «гвардией» контрреволюции, а медиаторы – штурмовиками клики Горбачева-Яковлева-Ельцина. Тотальная «медиатизация» общества – это новое, последнее слово капитализаторской контрреволюции. СССР потерпел поражение именно в этой, информационной войне⁵⁷.

Второй отряд контрреволюции: неформальные объединения интеллигенции. «Перестройка», внедрение «гласности» вызвали появление и бурное размножение множества самых различных общественных образований, в том числе политизированного характера. Уже к концу 80-х годов в стране насчитывалось свыше 60 тысяч различного рода «неформальных образований», немалое число которых занимало враждебные к социализму позиции. Особенно этим выделялись либералы – «неозападники», ориентировавшиеся на «либеральные» ценности: свободный рынок, парламентскую демократию, полный идеологический плюрализм, свободную ассоциацию субъектов Федерации и т.д. Среди них демократическая партия России, социал-демократическая партия России, республиканская партия Российской Федерации, партии конституционно-демократического направления (кадеты), либерально-демократическая партия, партия «демократический союз», межрегиональная депутатская группа и т.д. и т.п. Все они выступали против КПСС и за замену Советской власти «нормальной демократической республикой»⁵⁸.

Это они организовывали массовые собрания, митинги, шествия, призванные создать впечатление «народной революции». Как и СМИ, неформалы мощно подпитывались из источников западных подрывных центров: к ним шли огромные финансовые средства, поступала множительная техника, их материалы многомиллионными тиражами распространялись по всему миру.

Опираясь на поддержку из штаба контрреволюции – ЦК КПСС (**их специально курировал отдел ЦК КПСС по связям с общественными организациями!**), широкомасштабную подпитку Запада, неформалы уже в ноябре 1989 года издавали около 550 единиц периодических изданий, под влиянием которых находилось не менее 20 миллионов взрослого населения страны⁵⁹. В сущности они достигли главного: произошел раскол социально активной части общества на различные слои и группировки. Страна из социального монолита, который позволял противостоять контрреволюции в течение десятилетий, превратилась в «ноздреватый», раздираемый противоречиями, «кусоч глины». Контрреволюция лепила из него все, что хотела.

Третий отряд контрреволюции: националистическая интеллигенция, активно включившаяся в процесс дискредитации КПСС и Советской власти. Именно эта часть интеллигенции выступила в качестве активной силы по созданию «Народных фронтов» в рес-

⁵⁷ Реформирование России: от мифов к реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2000 году. В 2-х томах. Том 1. Под ред. Г.В. Осипова, В.К. Левашова, В.В. Локосова. М., 2001, с. 400.

⁵⁸ «Новейшие политические партии и течения в СССР (документы и материалы)». М., 1991, с. 23.

⁵⁹ Реформирование России: мифы и реальность. М., 1994, с. 27.

публиках СССР. Зарубежные подрывные центры США, Канады, ФРГ, Англии активно инициировали националистическое движение в СССР. Это – Институт украинских исследований при Гарвардском университете, при Индианском – Центр по изучению Средней Азии, Комиссия по проблемам национальной политики в СССР – всего только в США действовало в тот момент более 100 подобных подразделений.

За короткое время фронты, опираясь на финансовую и иную помощь со стороны Запада, превратились в массовое движение в республиках. Уже к началу 1989 года произошел переход к качественно новой социально-политической ситуации в стране. В ряде республик население оказалось почти полностью охвачено членством (или участием) в формальных и неформальных социальных организациях и движениях (Армения, Азербайджан, Эстония, Литва, Латвия, отчасти Грузия и Молдавия). В других республиках неформальные организации и движения также зарождались, распространяя свое влияние на население (Киргизия, Туркмения, Таджикистан).

Если до 1989 г. в целом население страны не было настроено националистически, то с конца этого года происходит обратный процесс. «Национальные» фронты сделали свое дело. Программы борьбы за выход из состава СССР были официально провозглашены в решениях съездов фронта народного Латвии, «Саюдиса» (Литва), Руха (Украина) и др. Начался процесс выхода отдельных республиканских компартий из состава КПСС, организация по национальному признаку альтернативных коммунистических партий и т.д. и т.п.⁶⁰

Развивался процесс националистического сепаратизма, созданные вооруженные отряды экстремистско-националистических боевиков инициировали по всему периметру Союза бесконечную череду вооруженных конфликтов, длящуюся до сих пор. Их деятельность не только не пресекалась, но и из штаба контрреволюции Горбачева-Ельцина поощрялась, одобрялась, подбадривалась. «Берите столько суверенитета, сколько проглотите!».

Четвертый отряд контрреволюции: ученые – монетаристы, либералы, западники. Именно из их среды в общественное сознание были запущены провокационные термины: «застой», «тоталитарная, командно-административная система», несшие сугубо отрицательный заряд плановой системы ведения народного хозяйства. Люди с учеными степенями и академическими званиями буквально поносили «неэффективность», «отсталость», «застойный характер» советской экономики. Имена Шаталина, Шмелева, Петракова, Бунича, Тихонова, Попова, Лисичкина, Гайдара, Селюнина, Гофмана, Перламутрова, а вместе с ними даже мелкотравчатых Явлинского и Пияшевой были на устах либеральной интеллигенции. Запущенный ими наукообразный миф о необходимости разрушения сложившейся плановой системы ведения хозяйства фактически означал уничтожение Советской государственности и государства как такового. Параллельный миф о скором переходе к рынку (*шарптанская программа «500 дней»!*), который всех накормит, напоит, все отрегулирует, усиливал эффект разрушительных действий в стране.

Пятый, давно испытанный, отряд контрреволюции: «диссиденты». Число этих противников СССР было всегда невелико, но политический шум они поднимали большой, разумеется с помощью западных СМИ и подрывных антикоммунистических центров. В 80-е годы,

с началом «перестройки» этот шум многократно увеличивается. Лидером среди диссидентского движения стал академик Сахаров А.Д. Вокруг этой фигуры начинает консолидироваться вся ярко выраженная антисоветская интеллигенция. Он объявляется, по существу, мессией всего антисоветского, антисоциалистического лагеря. Но академик был не одинокой фигурой на контрреволюционном небосклоне. Активно против советской власти боролись А. Солженицын, А. Гинзбург, А. Аксенов, В. Максимов, В. Синявский, В. Орлов, М. Растропович. И. Бродский, С. Каллистратова, Р. Медведев, Ж. Медведев и целый ряд других «инакомыслящих». Они внесли немалый личный вклад в уничтожение СССР.

Шестой отряд контрреволюции: антисоветски настроенные церковники и сектанты из числа разных различных конфессий. Еще в мирные 60-е годы XX столетия рядом с «правозащитной» идеологией диссидентства возникает идея «русского религиозного возрождения», инициируемая подрывными центрами Запада. Не получив тогда должного развития, с конца 80-х годов она перерастает в мощное клерикальное наступление на социализм. Церковники, во первых сразу же солидаризировались с соответствующими националистическими движениями и фронтами; во-вторых, стали поддерживать теневой капитал, а позже сами активно включились в «бизнес»; в-третьих, выступили на стороне Горбачева и Ельцина – главарей антисоветской контрреволюции. В период вооруженного выступления контрреволюции (октябрь, 1993 г.) РПЦ фактически оказалась не с народом, а с путчистом Ельциным. Патриарх Алексий II при инаугурации последнего «окормлял» его. А иерархи поменьше занялись «освящением» бизнеса, постепенно укрепляя и свои «нестяжательские» позиции. В 1996-1998 гг. Ельцин в знак благодарности предоставил РПЦ право беспогонной торговли табаком и водкой под видом гуманитарной помощи. Церковь, не жалея усилий, всячески клеймит советский период отечественной истории и благословляет нынешнюю власть. Так второй раз в течение XX столетия РПЦ выступила на стороне контрреволюции против Советов – власти рабочих и крестьян, всего трудового народа.

Седьмой отряд контрреволюции: маргинальная прослойка рабочего класса, в основном из сырьевых отраслей народного хозяйства. Начиная с января 1989 года в угольных регионах страны (Кузбасс, Донбасс, Караганда, Воркута и др.) прокатилась волна забастовок: требовали повышения заработной платы, улучшения жилищных условий, снабжения продуктами питания, ширпотребом. К забастовщикам немедленно пожаловали Ельцин, Попов, Станкевич и огромная армия дезинформаторов, провокаторов, в том числе «немало опытных разведчиков, которые начали отбирать наших, приглашать в Англию, во Францию на разного рода семинары, показывать свои достопримечательности. Принимали по высшему разряду, и некоторые ребята, возвращаясь, оказывались уже не те, –там им объяснили, что надо делать. Они начали работать по сути дела на развал всего государства: «Все – долой, все – к чертовой матери, все плохо, давай-давай!» – свидетельствует председатель забастовочного комитета Кузбасса Т.Г. Авалиани⁶¹.

Забастовки качественно меняли всю социально-экономическую и политическую ситуацию в стране: начались массовые перебои в работе и даже остановки предприятий, спад производства, разрушение целых отраслей народного хозяйства. (Именно этого и добивались контрре-

⁶⁰ Реформирование России: мифы и реальность. М., 1994., с. 29.

⁶¹ Авалиани Т.Г. Правда о шахтерских забастовках 1989 года. Л., 1999, сс. 6-7.

волюционеры во главе с Горбачевым и Ельциным). И, как результат всего этого, – резкий дефицит товаров первой необходимости, продовольствия, обнищание и широкое недовольство населения, которое в массе своей не понимало, что происходит в действительности.

С 1991 года буржуазная контрреволюция переходит от «мирных», т.е. скрытых, ползучих форм борьбы к открытым вооруженным. Уже были сформированы многочисленные отряды боевиков, сгруппированные по «сотням», они хорошо оплачивались и были вооружены. Сформировавшийся костяк криминальной буржуазии («новые русские») сделал выбор в пользу контрреволюционной тактики не Горбачева, а агрессивного и непредсказуемого Ельцина.⁶² Именно последний и расстрелял Верховный Совет РСФСР в октябре 1993 г., потопил в крови мирное выступление народа в Москве. Контрреволюция одержала свою самую значительную победу.

Возникает вопрос: неужели за все эти годы у коммунистов, всех широких социалистических сил в стране не было ни одной возможности сорвать замыслы контрреволюции, спасти завоевания Советской власти? События 1991-1993 гг. показывают: были! Народ отвернулся от болтуна и контрреволюционера Горбачева, он все меньше доверял пьянице и погромщику Ельцину. Не только в Москве, но и по всей России ходил лозунг – призыв: «Ельцин – пьяная свинья, убирайся из Кремля!»; «Банду Ельцина – под суд!». Власть валялась на московском «асфальте»! Большая и лучшая часть трудящихся, всего народа никогда не отворачивалась ни от социализма, ни от СССР! Воля народа, выраженная им 17 марта 1991 года на Всесоюзном референдуме, – лучшее и объективное тому доказательство!

Люди ждали: вот-вот появится либо «Минин и Пожарский», либо «Сталин и Жуков», и организуют их на отпор контрреволюции. Но появились ... Янаев и К? в августе 1991 г., а затем Хасбулатов и Руцкой в октябре 1993 г., и дело спасения социализма было окончательно загублено. Правда, кроме них, был еще и Зюганов со товарищи, который, однако, просил народ «разойтись по домам». Он и теперь бахвалится этим: «Если бы не я, то половина России сидела бы в окопах». Теоретическое невежество, политический оппортунизм и личная трусость «вождя» КППРФ давно переплавились в открытое ренегатство и предательство дела социализма в СССР. **Именно мне, автору этих строк, в мае 1994 года, т.е. вскоре после вооруженной победы контрреволюции в Москве, Зюганов заявил: «Социалистическая идея себя исчерпала!». И все, что время от времени пишет сей «вождь» (на самом деле он ничего не пишет, за него это делают «писарчуки», с которыми он расплачивается синекурой) вроде бы в «защиту» социализма, на самом деле есть не что иное, как политический камуфляж: оппортунист, маскируясь, напяливает маску коммуниста и чуть ли не марксиста... Прием, использованный Горбачевым, с успехом для себя теперь применяет и Зюганов.** И под этой личиной он делает главное дело: защищает «отечественных товаропроизводителей, национальный капитал, сильное (т.е. буржуазное – В.С.) государство»⁶³, т.е. он вместе с Путиным строит капитализм в России.

Таким образом, как ни посмотри на заключительный этап контрреволюции против СССР, совершала его интел-

лигенция. Она выступила главным субъектом антиисторического, регрессивно-возвратного, реакционного процесса, точнее – ее многочисленное мелкобуржуазное, либерально-демократическое крыло, которое ради собственного сытого благополучия продаст и землю свою, и мать родную, и крест натальный, если, конечно, он у нее есть. И вот теперь эти интеллигенты вместе с нуворишами и у кормила власти, и у обильной кормушки. И все они юродствуют, фанфаронствуют, бахвалятся каким-то своим особым «умом», невероятной «честностью», редкой «порядочностью» и историческими заслугами в освобождении народа от «тоталитарного режима». Это о таких, как они, в свое время сказал Ф. Бэкон: «Себялюбивая мудрость гнусна во всех видах своих. Это мудрость крыс, покидающих дом, которому суждено завалиться; мудрость лисы, выгоняющей барсука из вырытой им норы; мудрость крокодила, проливающего слезы перед тем, как пожрать свою жертву»⁶⁴.

Контрреволюционная интеллигенция, сделавшая грязное дело в 1985-2002 гг., показала свое истинное лицо, не оставив камня на камне от хваленых «советливости», «доброты», «альтруизма», «способности проникать в будущее», «предвидеть его», «жертвовать собственным благополучием во имя блага народа». Все эти понятия забрызганы теперь грязью потребительства, стяжательства, страшной корысти и жуткого себялюбия интеллигентствующих контрреволюционеров. Они прочно приковали сами себя к позорному столбу истории – okay эти вечны, и их не изотрет не только время, но и оголтелая либерально-буржуазная пропаганда.

Все больше осознавая свою позорную роль в антикоммунистической контрреволюции, либеральные интеллигенты буквально вопят, что боролись только за «свободу» – против насилия «тоталитарного режима»; это порой напоминает непрерывный вой стаи волков, вышедшей из леса и окружившей деревню. Это о них, об их вое сказал В.И. Ленин: «Корысть, грязная, злобная, бешеная корысть денежного мешка, запуганность и холопство его прихлебателей – вот настоящая социальная основа современного воя интеллигентов... против всякого насилия со стороны пролетариата и революционного крестьянства. Таково объективное значение их воя, их жалких слов, их комедиантских криков о «свободе» (свободе капиталистов угнетать народ) и т.д. и тому подобное. Они «готовы» были бы признать социализм, если бы человечество перескочило к нему сразу, одним эффективным прыжком, без тренировок, без борьбы, без скрежета зубами со стороны эксплуататоров, без многообразных попыток с их стороны отстоять старину или вернуть ее обходом, тайком, без новых и новых «ответов» революционно-пролетарского насилия на такие попытки. Эти интеллигентские прихлебатели буржуазии «готовы» вымочить шкуру, по известной немецкой пословице, только с тем, чтобы шкура все время оставалась сухою»⁶⁵.

IV. Последствия буржуазно-капиталистической контрреволюции для нашей страны и для всего мира

15 лет назад, в 1987 году, когда только-только еще разгоралось ядовитое пламя криминально-буржуазной контрреволюции, на прилавках магазинов появилась книжонка Горбачева М.С. под претенциозным названи-

⁶² Новейшие политические партии и течения в СССР (документы и материалы). М., 1991, с. 162.

⁶³ Зюганов Г. «Реформы» в порочном кругу. // «Правда», 2-3, 4 апреля 2002 года, № 36 (28357), № 37 (28358).

⁶⁴ Бэкон Ф. Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические. М., 1962, с. 82.

⁶⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 35, сс. 191-194.

ем «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира». Много чего напел в ней жуликоватый «Хлестаков и Нарцисс» в одном «флаконе», но среди многочисленных пассажей обращает на себя внимание один, заключительный. «По моему глубокому убеждению, – болтает он, – книга не закончена, – да и не может быть закончена. Дописывать ее надлежит работой, действиями ради достижения тех целей, о которых я стремился откровенно (!!! – В.С.) рассказать на ее страницах»⁶⁶.

Об «откровенности» этого контрреволюционного жульи мы уже сказали выше. А вот как они – Горбачев, Ельцин и вся многочисленная рать погромщиков-контрреволюционеров – «дописали» этот «манифест перестройки» работой? «Работа» ими действительно проделана немалая, и результаты ее налицо. Причем, они настолько впечатляющи, что их действительно можно разделить на две самостоятельные группы: 1) для нашей страны; 2) для всего мира.

Итак, результаты криминально-буржуазной капиталистической контрреволюции для нашей страны:

– уже в начале 90-х годов произошел разгром великой державы, носившей в течение 70 с лишним лет гордое имя – Союз Советских Социалистических Республик. 24 февраля 1994 года в «Послании Федеральному собранию» Ельцин объявил о том, что «тотальное разрушение прежней системы завершается». **Разрушена была прежде всего политическая система СССР, выражавшая и воплощавшая в себе исторические чаяния трудового народа многонациональной державы. На ее месте насильственно, обманным, жульническим путем был установлен реставрационно-буржуазный политический строй и новый экономический уклад, образующие в совокупности криминально-капиталистическую, авторитарно-олигархическую систему государственного управления.** Старый советский аппарат управления был разогнан, а на его месте, как ядовитый гриб, вырос новый, беспрецедентно многочисленный, аппарат, слившийся с криминалитетом, преступным капиталом. Главная его функция – защита преступно нажитого капитала, выколачивание любыми способами налогов из населения. Общество фактически оказалось беззащитным перед диким произволом новой власти: как бюрократических, так и криминальных структур.

Не имея объективной опоры в народе, политический режим все время балансирует между различными парадигмами возможного своего жизнеустройства: в одном случае – копирование западной модели; в другом – реанимирование эсеровского варианта народного капитализма; в третьем – шараханье в сторону либерально-кадетской формулы; в четвертом – апологетика царской триады «самодержавие – православие – народность»⁶⁷. Все это свидетельство того, что политический режим не имеет будущего:

– **уничтожен экономический строй социализма, заводы и фабрики – «приватизированы», т.е. обманым путем украдены у народа и отданы в частную собственность криминальной «буржуазии» (у государства осталась лишь примерно 9%), идет насильственный процесс передачи земли в руки нуворишей.** Насильственно-волюнтаристские, жульнические спосо-

бы внедрения криминально-монопольного «рынка» привели к тотальному отчуждению всех без исключения трудящихся как от собственности, так и от продуктов своего труда. Уголовные правила ведения «бизнеса» стали общественной нормой контрреволюционного режима. В стране, в сущности, господствует криминальный капитал – власть его безгранична. В результате диктат криминального капитала определяет спекулятивный, а не производственный характер экономики контрреволюционной России. Она превращается в полукOLONIALный придаток мирового империализма. Идет деиндустриализация, деинтеллектуализация, десоциализация страны. В стране с 1990 г. по 2000 г. уровень падения промышленного производства составил свыше 50%. Неуклонно разрушаются производительные силы и в сельском хозяйстве. Миллионы гектаров сельхозугодий выведены из оборота, в основном пашни. Резко составляет поголовье крупного рогатого скота. Урожай собирают около 70% того, что получали в советское время на территории РСФСР. По существу, в стране происходит установление нового «помещичьего землевладения»;

– **катастрофически выглядит положение в области социальных отношений неокapиталистической и помещичьей России.** Произошло резкое снижение производительности труда, а сам труд как средство существования и нравственная ценность человека, резко обрушился в шкале ценностей контрреволюционного мироустройства россиян. Безработица стала обычным явлением. По данным специалистов, она составляет не менее 15% трудоспособного населения. Социальное расхождение общества по источникам жизни превысило всякие допустимые нормы. Разрыв в уровнях зарплаты 10% самых высокооплачиваемых и 10% самых низкооплачиваемых работников достиг 40 раз! Основная масса населения превращена в бедных и нищих. По уровню питания Россия с 6-7 места, которое она занимала в советское время, контрреволюцией отброшена на 49-е. Капиталистический режим, в сущности, ведет политику геноцида против собственного народа. За годы контрреволюции (1985-2001 гг.) Россия лишилась 15 млн. своего населения. При дальнейшем укреплении дикого капитализма к середине столетия население страны может сократиться наполовину;

– **не менее трагичным выглядит положение науки, культуры, образования в капитализируемой России.** Резко сократилось инвестирование фундаментальной науки и НИОКР. Доля государственных ассигнований в науку сегодня в России 0,34% (в США – 2,75%; Японии – 3,05%; Израиле – 3,5%). Объем финансирования отечественной науки в расчете на одного сотрудника от 50 до 100 раз ниже, чем в развитых странах. Только в 1985 – 1997 гг. из Российской науки ушло более 2,4 миллиона человек. В настоящее время вынашиваются проекты вообще прекратить прямое бюджетное финансирование Академии Наук.

Буржуазное государство не лучше относится и к образованию народа. В 1999 г. по сравнению с 1991 г. финансирование образования из госбюджета сократилось на 48 %, т.е. почти вдвое. Удельные расходы на одного учащегося школы снизились на 38%. Потребность в финансовых средствах образовательных учреждений обеспечивается из бюджетных источников менее чем на четверть. Полным ходом идет коммерциализация образования – и это подается общественному мнению как вполне «естественное» явление «цивилизованного» общества. Между тем в неокapиталистической и непомещичьей России не учатся в школе около 6 миллионов (!) де-

⁶⁶ Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира, М., 1987, с. 268.

⁶⁷ Староверов В.И. Российская социология на перепутье: проблемы и перспективы. // Россия накануне XXI века. Выпуск II. М., 1995, с. 28.

тей школьного возраста. **А это значит, что в Россию вновь возвратился прежний процесс отчуждения трудящегося человека – основного производителя материальных и духовных благ – от образования и культуры. В стране начато обратное движение в состоянии полуграмотности и неграмотности, полудикости и самой настоящей дикости.** Варваризация и одичание массы населения – это прямой продукт насильственной капитализации России, он будет воспроизводиться столько, сколько будет протекать сам контрреволюционный процесс.

Результаты криминально-буржуазной капиталистической контрреволюции для всего мира:

– Контрреволюционные силы – внутренние и внешние – уничтожили СССР как могущественный субъект геополитического пространства, страна расчленена на 15 «независимых» государств, над большинством из которых установлен контроль США и НАТО. **Это стало началом: а) перераспределения стратегического соотношения сил в пользу мирового империализма; б) нового этапа неокOLONIALИЗМА в конце XX-XXI веков.** Уже 25 октября 1995 года, т.е. спустя всего 4 года после уничтожения СССР, Клинтон – президент США на закрытом совещании Объединенного комитета начальников штабов заявил: «...Последние 10 лет политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность взятого нами курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока. Используя промахи советской дипломатии (**действия Шеварднадзе – это не «промахи», а прямое, сознательное предательство! – В.С.**), чрезвычайную самонадеянность Горбачева и его окружения (**также и предательство! – В.С.**), в том числе и тех, кто откровенно занял проамериканскую позицию (**вот именно! – В.С.**), мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием – мы получили сырьевой придаток, не разрушенное атомом государство, которое было бы нелегко создавать»⁶⁸;

– уничтожен оборонительный Варшавский договор и контрреволюция имплантирована в страны Восточной Европы, блок НАТО – агрессивный и отмобилизованный – в «мирное» время открыто осуществляет оккупацию этой части земного шара. Уничтожив дружественную Россию Югославию, НАТО открыто угрожает Белоруссии как верному союзнику нашей страны. Настойчиво и последовательно империализм размещает свои войска в Средней Азии (Киргизия, Таджикистан, Узбекистан), окружая со всех сторон Россию и создавая плацдарм против социалистического Китая. Идет открытое установление мирового господства США;

– происходит лавинообразный рост милитаризма, шовинизма, расизма в странах НАТО, но в первую очередь – в США. После 11 сентября 2001 года (терракты в городах Америки) резко обнажилась тенденция фашиза-

ции всей внешнеполитической стратегии США. Пытаясь замаскироваться, принять новое обличье, американский фашизм демонстрирует все ту же идею военной экспансии, расового превосходства, тотального насилия. Американский империализм разбомбил Югославию, Афганистан, перманентно бомбит Ирак, готовится к войне с Ираном, Сирией, Ливией и многими другими странами планеты. Вновь публично заявлено о возможности применения ядерного оружия против России. **Американский фашизм на деле начал осуществлять идею мирового господства.**

Таковы лишь главные результаты контрреволюции против СССР как для нашей страны, так и для всего мира, о которых возможно сказать в рамках одной статьи. На самом деле их значительно больше, они – масштабнее и опаснее, чем это кажется на первый взгляд. Все они в своей совокупности могут быть выражены одной формулой: **в результате антисоветской, антисоциалистической контрреволюции мировая цивилизация, то есть вся материальная и духовная структура человеческого общества на данной стадии его развития, обращена вспять. В глобальном масштабе произошел небывалый регресс человеческой истории. Сколь долго он будет продолжаться – покажет уже недалекое будущее.**

Для нас же, коммунистов, марксистов-ленинцев, вновь возникает как теоретическая и одновременно социально-практическая проблема диалектики объективных условий в историческом процессе и активной и подчас решающей роли субъективного фактора. Сегодня это, возможно, проблема номер один: ибо «освобождение рабочих может быть только делом самих рабочих; без сознательности и организованности масс, без подготовки и воспитания их открытой классово-борьбой со всей буржуазией о социалистической революции не может быть и речи»⁶⁹. Коммунисты, если они марксисты, не могут рассчитывать на «счастливый случай», думать, что все обойдется само собой, или, как утверждал в течение нескольких лет приватизатор КПРФ Зюганов, – «режим Ельцина настолько слаб, что скоро упадет сам», – полагать так, – означало бы уповать на стихийный ход событий, в сущности, на деле укреплять контрреволюцию. В этом случае общество неизвестно сколько продолжало бы «гнить», ибо подобное «гниение затягивается иногда на целые десятилетия»⁷⁰. **Субъективный фактор, который может и должен противостоять нынешнему контрреволюционному капиталистическому гниению – это силы сознания трудящихся, которые в процессе практики обязательно превратятся в материальные силы и через практику останутся контрреволюционный процесс. Если мы сегодня разбиты, «нам не остается ничего другого, как начинать сначала»⁷¹: соединять социалистическое сознание со стихийным рабочим движением.** Мы должны с улыбкой делать эту работу: маховик Истории неумолимо движет ее в сторону Социализма. Так не останемся, товарищи, на обочине этого Великого Движения!

⁶⁸ Цит. по: «Россия: преодоление национальной катастрофы» Под ред. Г.В. Осипова, В.К. Левашова, В.В. Локосова. М., 1999, с. 12.

⁶⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 16.

⁷⁰ Там же, с. 367.

⁷¹ Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 8., с.6.

Результаты парламентских выборов на Украине

А.Глебов

31 марта 2002 года в Украине состоялись очередные парламентские выборы. По Конституции 1996-го года, закрепившей результаты буржуазного контрреволюционного переворота конца 80-х-начала 90-х годов (переход от общенародной собственности к частной, от системы Советской власти к президентско-парламентской республике), парламент Украины – Верховная Рада – является однопалатным и состоит из 450 депутатов. Одна половина его состава – 225 депутатов – избирается по партийным спискам, другая половина – по одномандатным округам.

В списки избирателей было внесено 37,2 млн. граждан, из которых в голосовании приняло участие 25,8 млн. (69,31%). 633 тыс. избирателей не поддержали ни одну из партий (блоков), 1,9 млн. не поддержали ни одного кандидата. 955 тыс. бюллетеней (3,69%) для голосования в многомандатном округе и 1,45 млн. бюллетеней для голосования в одномандатных округах были признаны недействительными.

В парламентских выборах 2002 г. участвовало 33 партии и политических блока. Из них только 6 партий (блоков) преодолели 4% барьер и теперь могут сформировать свои фракции в парламенте.

Объективно, прошедшие парламентские выборы не играли и не могли играть той решающей роли в жизни страны, которую им приписывали как сами партии, так и средства массовой информации. Никакого «перехода власти» в результате народного волеизъявления быть не могло хотя бы потому, что сегодняшняя Украина является президентско-парламентской республикой. Основные властные полномочия сосредоточены в руках президента.

Ценность этих выборов состоит в другом. По большому счету, именно парламентские выборы являются тем настоящим социологическим опросом, о котором любой социолог может только мечтать. Они показали реальное состояние политического сознания масс, а также те изменения, которые произошли в нем за последние четыре года. Вот почему результаты состоявшихся выборов требуют самого внимательного изучения.

Учитывая, что парламентские выборы в Украине проходили по смешанной пропорционально-мажоритарной системе, следует в первую очередь рассмотреть результаты голосования по партийным спискам (сравнивая их с результатами предыдущих парламентских выборов 1998 г.). Результаты выборов по партийным спискам дают наиболее ценный материал для понимания нынешнего состояния политического сознания трудящихся Украины.

Итоги выборов по партийным спискам

Состоявшиеся выборы принесли значительный успех избирательному блоку политических партий «Блок Виктора Ющенко «Наша Украина», за который в 2002 г. проголосовало 6 млн. граждан. В состав этого блока вошли Народный Рух Украины (Г.Удовенко), Украинский народный Рух (Ю.Костенко), а также Партия «Реформы и

порядок» (В.Пинзенык). «Наша Украина» в политическом спектре Украины заняла то место, которое раньше занимал небезызвестный Народный Рух, возглавляемый В.Черноволом.

В течение последних 12-15 лет черноволовский Народный Рух был авангардом буржуазно-националистической контрреволюции. (Не случайно, слово «руховец» в Украине стало нарицательным, оно воспринимается как синоним слова «националист»). На парламентских выборах 1998 г. Рух получил 2,5 млн. голосов (в основном за счет западных областей). Но последние четыре года были для него не самыми лучшими годами в его истории: в конце 1998 г. группа молодых руховцев во главе с бывшим министром экологии Ю.Костенко создает Украинский народный Рух; в 1999 г. в автомобильной катастрофе погибает В.Черновол – главой Народного Руха становится бывший министр иностранных дел Украины Г.Удовенко. Два процента голосов, набранные лидером УНР Ю.Костенко, и один процент голосов, набранные лидером НРУ Г.Удовенко на президентских выборах 1999 г. звучали как погребальный звон по былому величию этой одиозной организации.

Второе дыхание руховщине придал В.Ющенко, в 1992-1999 гг. занимавший кресло председателя Национального Банка Украины, а после повторной победы Кучмы на президентских выборах 1999 г. ставший премьер-министром страны. Альянс с Ющенко принес руховцам как минимум 3,5 млн. дополнительных голосов. Причиной небывалой популярности среди украинских избирателей этой весьма заурядной в политическом отношении личности стало то обстоятельство, что пребывание Ющенко на посту премьер-министра совпало по времени с начавшимся в конце 1999 г. (после более чем десятилетнего катастрофического падения) оживлением украинской экономики, которое позволило правительству выплатить долги по пенсиям (1,3 млрд. грн.) и уменьшить задолженность по заработной плате (на 1,4 млрд. грн.). Для миллионов граждан Украины, деморализованных нечеловеческими условиями жизни за чертой бедности, выплата пенсий и погашение части долгов по зарплате стали серьезным аргументом в пользу Ющенко. Повышение в 2000 г. уровня цен в Украине на 28% (в т.ч. почти в два раза были повышены тарифы на проезд в общественном транспорте и цены на хлеб), повышение тарифов на жилищно-коммунальные услуги на 39%, ликвидация льгот различным категориям граждан – эти явления, имевшие место при правительстве Ющенко, мало кого удивляли. Такая политика проводилась все десять лет существования независимой Украины. Но выплата долгов по пенсиям и зарплатам была новым, доселе невиданным явлением в жизни «незалежной» Украины. На этом фоне даже борьба правительства Ющенко с близкими к президенту Кучме украинскими финансово-промышленными группами на ниве приватизации электроэнергетического сектора страны в пользу западного капитала, закончившаяся в апреле 2001 г. отставкой прави-

тельства, многими гражданами воспринималась как борьба Ющенко против олигархов.

В западных и центральных областях Украины количество избирателей, голосовавших за Рух образца 2002 г. – «Нашу Украину», – увеличилось в 2-3 раза. В восточных – традиционно «красных» – областях этот рост был не столь значителен, но он все же был: Луганская область – +16 тыс., Харьковская – +38 тыс., Донецкая – +13,7 тыс., Крым – +28 тыс. Только в Николаевской области руховцы ослабили свои позиции, потеряв по сравнению с 1998 г. 4,4 тыс. голосов.

Второе место в выборах по партийным спискам заняла Коммунистическая партия Украины (КПУ), за которую 31 марта 2002 г. отдали свои голоса 5,1 млн. избирателей – 20,01%. В 1998 г. КПУ получила 6,5 млн. голосов – 24,65%, заняв первое место среди партий. Потеря 1,4 млн. голосов дала политическим противникам Компартии основание говорить о парламентском поражении коммунистов в Украине.

Голоса были потеряны практически во всех областях, как на востоке, так и на западе Украины. В самой «красной» – Луганской области – потеря составила 115 тыс. голосов, в Харьковской – 87 тыс., Донецкой – 117 тыс., в Крыму – 58 тыс. Единственным исключением стала Днепропетровская область, добавившая по сравнению с выборами 1998 г. 96 тыс. голосов. 362 тыс. голосов отняла у Компартии Украины созданная на деньги олигархов и при содействии режима Кучмы малочисленная и неизвестная в обычные времена, но настойчиво рекламируемая накануне выборов, КПУ (обновленная). 106 тыс. голосов получила Коммунистическая партия рабочих и селян (КПРС), созданная в 2001 г. двумя бывшими членами КПУ А.Яковенко и В.Моисеенко.

За Коммунистическую партию Украины голосовала основная масса избирателей, выступающих за возврат Украины на социалистический путь развития. КПУ ратует за немедленную ликвидацию поста президента и превращение Украины в чисто парламентскую республику; национализацию крупных стратегических предприятий; разрыв контактов с международными финансовыми организациями и максимальное развитие отношений с Россией и другими странами СНГ; придание русскому языку статуса государственного языка. КПУ предполагает добиваться смены существующего ныне политического курса конституционными, парламентскими средствами.

Третье место занял блок «За единую Украину!», созданный под непосредственным патронатом президента Кучмы и потому располагавший огромным финансовым и административным ресурсом. В его состав вошли созданные высокопоставленными чиновниками или близкими к власти предпринимателями пропрезидентские партии: «Трудовая Украина», Партия регионов, Народно-демократическая партия, Аграрная партия, Партия промышленников и предпринимателей. В состав партийного списка блока «За единую Украину!», возглавляемый главой Администрации Президента В.Литвиным, был командирован целый ряд министров, включая и премьер-министра А.Кинаха.

«За единую Украину!» проголосовало 3 млн. (11,79%) избирателей. Тогда как четыре года назад за «партию власти» – Народно-демократическую партию – проголосовало лишь 1,3 млн. (5%) граждан. Наибольший процент голосов «заедисты» получили в Донецкой (36,8%), Сумской (17%), Харьковской (15,4%) областях (причем, например, в Донецкой области количество голосов, отданных за «партию власти», увеличилось по сравнению с

1998 г. в 11 раз!). Наименьший – в Тернопольской, Ивано-Франковской, Львовской областях.

«Блок Юлии Тимошенко» занял четвертое место. Он набрал 1,8 млн. (7,25%) голосов избирателей, прибавив 630 тыс. голосов по сравнению со своим прототипом образца 1998 г. – «Громадой» — детищем бывшего премьер-министра Украины П.Лазаренко, находящегося под следствием в американской тюрьме. В состав этого блока вошли «Батькивщина» (Ю.Тимошенко), Украинская республиканская партия (Л.Луцькяненко), Социал-демократическая партия Украины (В.Онопенко), «Собор» (А.Матвиенко). Малочисленность и организационная слабость этих партий была с лихвой компенсирована финансовыми возможностями самой Юлии Тимошенко, входящей в число крупнейших украинских олигархов.

По отношению к основным вопросам собственности и власти «Блок Юлии Тимошенко» мало чем отличался от «Нашей Украины» или даже «За Единую Украину!». Это типичный буржуазный блок. Но его отличительной характеристикой была ярко выраженная оппозиционность по отношению к нынешней власти в лице президента Кучмы и приближенных к нему олигархических кругов. «Блок Юлии Тимошенко» без преувеличений можно назвать блоком лиц и партий, проигравших в конкурентной схватке за власть и собственность и уже не надеющихся на возможность помилования нынешней властью. (Сама Ю.Тимошенко провела несколько недель в следственном изоляторе, будучи обвиненной в финансовых преступлениях). За «Блок Юлии Тимошенко» голосовали граждане, желающие сохранения и дальнейшего развития буржуазных порядков в Украине (без каких-либо социалистических оттенков), но решительно выступающие против Кучмы. Наибольший процент голосов этот блок набрал в Тернопольской (18,8%), Львовской (17,1%), Винницкой (13,47%), Волынской (13,31%) областях.

Пятое место заняла Социалистическая партия Украины, относящая себя к числу левоцентристских партий. Как и коммунисты, социалисты понесли на этих выборах значительные потери. В 1998 г. Соцпартия шла на выборы в блоке с Селянской партией и получила 2,27 млн. голосов – 8,56%. В 2002 г. социалисты шли отдельно от селян и получила 1,77 млн. голосов – 6,87%. (Таким образом, общее количество голосов, поданных за социалистов, уменьшилось по сравнению с 1998 г. на 496 тыс. И даже если к голосам, отданным на этих выборах за социалистов, добавить голоса, отданные Селянской партии (100 тыс.), то общий вывод от этого не изменится. В парламент социалисты прошли, но голоса они потеряли).

В политическом спектре Украины Соцпартия занимает промежуточную позицию между правыми буржуазными партиями (блоками) и коммунистами. Это типичная социал-демократическая партия, партия «демократического социализма», не скрывающая своего заветного желания вступить в Социнтерн. В области государственного устройства СПУ выступает за некоторое расширение полномочий парламента при сохранении поста президента. Переход к чисто парламентской республике социалисты видят лишь «в перспективе». Считая недопустимой приватизацию стратегических предприятий и отраслей, социалисты тем не менее стыдливо умалчивают о необходимости национализации этих предприятий. Они выступают за развитие отношений с международными финансовыми организациями при условии, что «их требования не будут разрушать экономику и социальную сферу» (не объясняя, как такое сотрудничество возмож-

но и возможно ли оно вообще). Непоследовательность СПУ проявляется даже в языковом вопросе – она за придание русскому языку статуса не государственного, а «официального» языка.

Главным лозунгом социалистов во время избирательной кампании был лозунг «За Украину без Кучмы!». Именно Социалистическая партия стала инициатором так называемого «кассетного скандала», во время которого лидер СПУ А.Мороз обнародовал записи, сделанные сбежавшим в США майором государственной охраны Н.Мельниченко в кабинете президента Кучмы.

Как и четыре года назад, последней в числе партий (блоков), преодолевших 4% барьер, стала Социал-демократическая партия Украины (объединенная), за которую отдала свои голоса 1,62 млн. избирателей (6,27%). По сравнению с парламентскими выборами 1998 г., объединенные социал-демократы получили на 555 тыс. голосов больше.

Несмотря на название, СДПУ(о) является чисто буржуазной и к тому же пропрезидентской партией. Свое политическое место в украинском обществе эта партия обеспечивает за счет финансовой мощи олигархической группировки Суркиса-Медведчука, контроля над двумя ведущими телеканалами страны («Интер» и студия «1+1») и популярности ведущего футбольного клуба «Динамо», президентом и хозяином которого является Г.Суркис.

В числе партий (блоков), не сумевших преодолеть 4% барьер, первым оказался избирательный блок политических партий «Блок Наталии Витренко», созданный на базе Прогрессивной социалистической партии и набравший 833 тыс. (3,22%) голосов. (В 1998 г. за ПСПУ проголосовало 1,07 млн. граждан). Вне парламента оказались и имевшие свои парламентские фракции в Верховной Раде прошлого созыва Партия Зеленых Украины и партия «Яблуко», возглавляемая олигархом М.Бродским.

Результаты голосования по партийным спискам свидетельствуют, что левые партии потеряли значительное количество голосов, тогда как правые партии получили весьма ощутимую прибавку. «Парламентское поражение» левых партий было бы не столь заметным, если бы выборы проходили по чисто пропорциональной системе. Но по партийным спискам была избрана лишь половина депутатов украинского парламента. Другая половина была избрана по одномандатным округам, где ситуация для левых кандидатов сложилась еще более плачевная.

Итоги выборов по одномандатным округам

Бесспорным лидером выборов по одномандатным округам стал политический блок «За Единую Украину». Кандидаты, выдвинутые или поддержанные этим блоком, одержали победу в 142 одномандатных избирательных округах из 225. Результаты выборов по одномандатным округам для президентско-правительственного блока «За Единую Украину!» стали своего рода «реваншем» за относительно невысокий (по сравнению с затраченными усилиями и средствами) результат в общегосударственном округе.

Кандидаты от блока Виктора Ющенко «Наша Украина» победили в 49 одномандатных избирательных округах. Кандидаты от СДПУ(о) – в 11 округах. Кандидаты от Коммунистической партии – в 5. Кандидаты от Социалистической партии – в 3-х избирательных округах, но результаты выборов в 18-м избирательном округе Винниц-

кой области, где победу одержала социалистка С.Мельник, были признаны недействительными.

Результаты выборов в одномандатных округах внесли существенные коррективы в общую картину выборов. Они обеспечили значительный количественный перевес блоку «За единую Украину!». Исходя из этого, становится понятным то упорство, с каким президент Кучма накладывал вето на вносимые парламентом изменения в Закон о выборах, предусматривавшие переход на чисто пропорциональную избирательную систему.

Нынешний состав парламента

На сегодняшний день в Верховной Раде Украины на базе политических партий и блоков, преодолевших 4% барьер, сформировано 6 фракций. По численности депутатов самой большой фракцией является фракция «Единая Украина», созданная на базе блока «За Единую Украину» и насчитывающая 177 народных депутатов. В состав этой фракции вошли не только депутаты, избранные по партийному списку блока «За Единую Украину!» – 35 человек, и депутаты, избранные при поддержке этого блока в одномандатных округах, но и некоторые «независимые» депутаты-самовыдвиженцы и даже депутаты, избранные по спискам других партий (блоков). После того как с ними провели соответствующие беседы в Администрации Президента, многие из них, опасаясь за свой бизнес или свою жизнь, приняли решение о вступлении во фракцию «Единая Украина». (Например, 21 мая 2002 г. на пленарном заседании Верховной Рады было объявлено о переходе Л.Гадяцкого из фракции Социалистической партии Украины во фракцию «Единая Украина». Комментируя этот переход, лидер СПУ А.Мороз сообщил, что как сказал Л.Гадяцкий, он был вынужден написать заявление о переходе, чтобы спасти себя и своих близких).

Вторая по величине фракция «Наша Украина» насчитывает 119 депутатов. Фракция Коммунистической партии Украины – 64 депутата. Фракция Социал-демократической партии Украины (объединенной) – 31 депутат. Фракция блока Юлии Тимошенко – 23 депутата (22 депутата, избранных по партийному списку, плюс победивший в 121 округе член УНА А.Шкиль). Фракция Социалистической партии Украины – 21 депутат.

11 депутатов, избранных в одномандатных округах (в том числе 1 депутат-член КПУ – Панасовский О.Г., избранный по 47 избирательному округу Донецкой области) пока что не подали своих заявлений о вступлении в какую-либо фракцию.

28 апреля 226-ю голосами депутатов от «Единой Украины», СДПУ(о), внефракционных, а также «нарушителей фракционной дисциплины» из «Нашей Украины» и КПУ было избрано новое руководство парламента. Председателем Верховной Рады стал №1 в партийном списке избирательного блока «За единую Украину», бывший глава Администрации Президента В.Литвин. После этого Верховная Рада Украины не только по существу, но и по форме стала послушным орудием в руках президента Кучмы.

Глядя на партийный и персональный состав вновь избранной Верховной Рады Украины, можно смело утверждать, что такого буржуазного парламента Украина еще не видела. «Такого наплыва людей из бизнеса украинский парламента еще не знал... Ознакомление со списком новоизбранных депутатов потрясает. Он пестрит почетными именами руководителей и хозяев крупнейших отечественных предприятий. Причем некоторые структу-

ры делегировали в парламент сразу по несколько своих достойнейших сынов. Можно сказать, что весь цвет отечественного делового мира, за немногими исключениями, словно сговорившись, собрался под куполом здания на Грушевского», – писала газета украинской буржуазии «Бизнес».

Имея такой парламент, где две крупнейшие буржуазные фракции «Единая Украина» и «Наша Украина» имеют почти конституционное большинство голосов, буржуазия может рассчитывать на то, что процесс реставрации капитализма в Украине отныне пойдет семимильными шагами.

Уроки выборов

Таким образом, парламентские выборы в Украине показали, что за прошедшие четыре года симпатии значительного числа украинских избирателей, основная масса которых едва-едва сводит концы с концами, сместились вправо. В одномандатных округах подавляющая масса избирателей голосовала за банкиров, предпринимателей, высокопоставленных чиновников. Голосуя по партийным спискам, многие отдали свои голоса за «Нашу Украину» и «За единую Украину». Это – парадоксальный, но очевидный факт, который нуждается в объяснении.

Конечно, нельзя исключать, что определенную роль в этом неблагоприятном «сдвиге симпатий» сыграли некоторые тактические просчеты, допущенные левыми партиями за прошедшие четыре года. (Например, Компартия Украины, идя на выборы, включила в свой партийный список кучмовского Генерального прокурора Украины М.Потебенюко. Присутствие этой одиозной фигуры в избирательном списке вряд ли добавило голоса КПУ). Но не они сыграли здесь решающую роль. Ведь тактика, которую использовали КПУ, СПУ и ПСПУ в политической борьбе последних четырех лет, была различной. Социалисты в союзе с националистами боролись «за Украину без Кучмы», тогда как у коммунистов и прогрессивных социалистов была несколько иная позиция. Казалось бы, если позиция той или иной левой партии не отражает симпатии левого электората, то голоса должны были бы перераспределяться между самими левыми партиями. Но нынешние выборы показали, что и Коммунистическая партия, и Социалистическая партия в марте 2002 г. потеряли около 22% от числа голосов, полученных на выборах 1998 г. (Примерно такой же процент голосов потеряли и прогрессивные социалисты Витренко, не сумевшие поэтому преодолеть даже 4% барьер). Перераспределение голосов произошло не внутри левого политического спектра, а между левым и правым спектром.

Как бы заранее предвидя это грядущее поправление электората, КПУ значительно смягчила (подправила) свою предвыборную программу. Последняя, например, наряду с утверждением о том, что «стратегически важные предприятия должны принадлежать государству», гарантировала «равные правовые условия функционирования предприятий и хозяйств различных форм собственности, приобретенной законным путем», и обещала «всячески... поддерживать честную предпринимательскую деятельность». (О позиции социалистов вообще говорить не приходится. Они давно, открыто и, судя по всему, безвозвратно ушли с марксистско-ленинских позиций в сторону социал-демократии).

Но, как показал опыт выборов, никакие уловки, направленные на расширение электората и привлечение на свою сторону части административного ресурса, Ком-

партии Украины не помогли. По сравнению с прошлыми парламентскими выборами голоса такие были потеряны. Почему же ушли вправо многие наши вчерашние сторонники, проголосовавшие на этих выборах «За единую Украину» или блок Ющенко?

Объективным основанием этого процесса стала окончательная победа капитализма в Украине. До недавнего времени капитал, добиваясь господства, разрушал остатки социалистических производственных отношений в Украине, будучи вынужденным при этом разрушать и производительные силы страны. Это сопровождалось катастрофическим снижением жизненного уровня основной массы населения Украины и соответствующим ростом протестных настроений. Последние никогда не принимали в Украине форму массовых, уличных выступлений трудящихся. Они реализовывались в процессе выборов, когда, несмотря на антикоммунистическую истерию, значительная часть граждан стихийно отдавала свои голоса Коммунистической партии, протестуя таким образом против наступления на свои жизненные интересы. В условиях глубокой деморализации трудящихся масс Украины, слабости их классового сознания, обусловленной целым рядом факторов, политические симпатии масс основывались не на их классовом положении, а на уровне их материального благосостояния.

На сегодняшний день раздел собственности в основном завершен – свыше 85% некогда общенародной собственности перешло в частные руки. Теперь, завоевав господство над обществом, капитал заинтересован в подъеме производства, т.к. для него это производство есть производство прибыли. Если вчера капитализм закрывал заводы и фабрики, снижал и не выплачивал зарплату, то сегодня он стремится действовать в обратном направлении. На смену эксплуатации в форме открытого грабежа приходит эксплуатация в ее современных капиталистических формах. Незначительное улучшение экономической ситуации в стране, связанное с укоренением капитализма в Украине, после 10 лет катастрофического падения стало объективным основанием нынешних неблагоприятных изменений в политическом сознании масс.

Но это изменение создавало лишь возможность, предпосылку для оттока голосов. В пользу буржуазных партий реализоваться оно могло лишь при том условии, что качество протестного сознания трудящихся остается неизменным.

Так случилось. Поскольку главная задача Коммунистической партии состоит в воспитании трудящихся масс, в развитии их классового сознания и собственной политической активности, то нужно признать, что в этом деле были допущены стратегические просчеты, которые рано или поздно должны были о себе заявить.

Для многих трудящихся, отдававших в 1994 и 1998 гг. свои голоса коммунистам, последние восемь лет стали доказательством того, что таким путем изменить ситуацию в стране нельзя. Коммунисты, имея в парламенте многочисленную фракцию, голосовали против многих антинародных решений. Да, они отстаивали интересы трудящихся. Но буржуазная контрреволюция, тем не менее, шла своим чередом. Ее иногда удавалось замедлить, но остановить не удалось. В результате капитал окреп, его власть над обществом стала гораздо сильнее, чем в 1994 или 1998 гг. В условиях политической пассивности трудящихся масс другого результата ожидать было нельзя. Упрекать коммунистов в том, что они не ликвидировали буржуазную контрреволюцию, т.е. не сделали то, что мо-

гут сделать только поднявшиеся на борьбу массы трудящихся, было бы неправильно.

Но, к сожалению, мысль о том, что нельзя остановить вооруженного грабителя, взывая его к совести или закону, не стала доминирующей ни в партийном сознании, ни в сознании трудящихся. Многие с надеждой взирали на парламент и с гордостью говорили о том, что у коммунистов самая большая фракция... Мол, еще немного и нас будет большинство. Парламентские иллюзии не были развеяны. Наоборот. Но, поскольку «победы» коммунистов на парламентских выборах не могли подорвать реальную власть капитала, то очарование этими победами рано или поздно должно было уступить место неизбежному разочарованию. Причем, разочарованию не в парламентаризме, а в состоятельности самой Коммунистической партии. Все время оставаясь на почве парламентаризма, коммунисты вместо роста собственной активности трудящихся масс, получили отток голосов в пользу буржуазных партий.

Парламентский крен в деятельности партии имел и другие последствия. Нередко депутаты-коммунисты вели себя как державники, а не как революционеры. Вместо использования возможностей, предоставляемых парламентом, для ведения революционной агитации за свержение буржуазной власти в парламенте и за его стенами, они нередко увлекались «конструктивной» законотворческой работой. Стоит ли после этого удивляться, что многие избиратели-трудящиеся, которых и власть, и оппозиция воспитывали в таком «конструктивном» духе не один год, на выборах отдали свои голоса той самой

власти, которая хотя и создала в Украине рай для богатых и ад для трудящихся, но, тем не менее, в последнее время стала немного заниматься и «конструктивной работой», выплачивая мизерные пенсии, повышая зарплаты и т.д.

Коммунисты критиковали экономическую политику режима. Но критиковали, не разъясняя систематически трудящимся, что причиной их экономических бед является капиталистический строй как таковой. В результате многие трудящиеся, страдая от капитализма, этого так и не поняли. Они так и остались во власти идеи построения «нормального», «цивилизованного» капитализма. А потому многие из них, не доверяя Кучме, отдали свои голоса блоку Ющенко или Тимошенко, предлагающим лишь другую буржуазную экономическую политику.

В условиях укрепления капитализма эти просчеты в многолетней воспитательной работе были с лихвой использованы буржуазными партиями. Проигрывая в течение целого ряда лет идейно, увлекаясь парламентскими формами борьбы, пытаясь быть тоже немножко державниками, демократами, рыночниками и пр., коммунисты не решили своей главной задачи – не подняли свой электорат до уровня борющегося класса, и, как результат, потеряли на выборах значительную часть голосов.

Из горького урока выборов-2002 можно сделать только один вывод: Коммунистическая партия не может победить, используя буржуазные идеи и буржуазные методы борьбы. У нее должна быть своя идеология и свои методы. Революции политической должна предшествовать революция идейная и организационная.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА

НАТО – угроза человечеству!

*В. В. Терещук**

После известных заявлений секретаря Совета национальной безопасности и обороны (СНБОУ) Е. Марчука и Президента Украины Л. Кучмы об окончательном выборе пути, ведущему к вступлению Украины в НАТО, сделанных в конце мая 2002 года, украинские средства массовой информации подхватили высказанные этими политиками безапелляционные утверждения о том, что альтернативы вступлению Украины в НАТО и ЕС нет и что только этот путь гарантирует безопасность украинского государства.

Оба эти утверждения основываются на определенном искажении сути и роли НАТО в мировой системе безопасности. Самое главное, не дается ответ на вопрос: чему нет альтернативы, куда вталкивают Украину и действительно ли это создание системы безопасности? Для ответа на эти вопросы важно четко понимать, что из себя представляет эта международная организация.

1. Создание Североатлантического договора – реакционный шаг мирового империализма

После завершения второй мировой войны, разгрома фашистской Германии и империалистической Японии силами антигитлеровской коалиции **в мире впервые за всю историю возникла ситуация, когда в результате завершения войны не усиливается один империалистический хищник (или блок хищников) за счет другого, а возникает действительно коллективная система международной безопасности.** Такую систему представляла в тот момент антигитлеровская коалиция во главе с СССР, США, Англией и Францией. Механизм этой коллективной системы международной безопасности, гарантирующей от повторного возрождения фашизма, был создан решениями Ялтинской и Потсдамской конференций. Этот механизм мог стать основой постоянной политики мирного сосуществования государств с различным социальным строем, мог дать многим народам мира гарантии равноправного сотрудничества, утверждение своей государственной независимости и суверенитета.

Именно импульс коллективной безопасности, рожденный решениями Ялтинской и Потсдамской конференций, привел к рождению Организации Объединенных Наций, Устав которой, утвержденный 26 июня 1945 года, содержит в себе положения о коллективной ответственности за международную безопасность.

Дальнейший шаг по этому пути был сделан на Парижской мирной конференции 1946 года, закрепившей, благодаря настойчивым усилиям СССР, демократические принципы мирного урегулирования, открывшие для группы стран, входивших в фашистский блок, возможность демократического развития. Это был действительно новый шаг, резко отличавшийся от того, которому под-

верглись страны, проигравшие в первой мировой войне, в результате Версальского 1918 года мирного договора.

В то же время разгром мирового фашизма, рост международного авторитета СССР – главного фактора этого разгрома, стали толчком к развертыванию во многих странах мира борьбы трудящихся против капитализма, порождающего фашизм, привели к подъему народно-демократического и национально-освободительного движений. Усиление этих прогрессивных тенденций, ослабляющих империалистические государства, вызвало с их стороны ответные шаги, которые не только поставили под сомнение созданный механизм международной безопасности, но и фактически разрушили его.

25 января 1946 года новый Президент США Г. Трумэн выступил с меморандумом, положившим начало противостоянию США и СССР. 5 марта 1946 года Фултонская речь Черчилля, произнесенная в присутствии Президента Трумэна и одобренная им, фактически стала объявлением «холодной войны» против СССР. Она положила начало ревизии англо-советского договора и стала краеугольным камнем англо-американского военно-политического блока, направленного против СССР и всех прогрессивных демократических сил.

3 декабря 1946 года США и Англия заключают секретное соглашение о слиянии американской и английской оккупационных зон в Германии, т.е. фактически отказываются от решений антигитлеровской коалиции, ведут к расколу Германии и создают условия для ее ремилитаризации. 12 марта 1947 г. Г. Трумэн призывает США поддержать действия против революционно-демократических сил в Греции и Турции, предложив Конгрессу США выделить для этого 400 млн. долл. США. Начинается период реакционной политики империалистических держав во главе с Соединенными Штатами Америки, получившей название «доктрины Трумэна».

5 июня 1947 г. госсекретарь США Дж. Маршалл объявляет о планах экономической помощи для экономического восстановления Европы («план Маршалла»). Причем эта помощь предлагается на строго оговоренных со стороны США политических условиях и в виде так называемых «связанных товарных кредитов». По сути, **этим «планом» США стремились решить двуединую задачу: во-первых, спасти и стабилизировать европейский капитализм, который уже был не в состоянии сопротивляться росту борьбы трудящихся за социализм, во-вторых, усилить позиции американского монополистического капитала в Европе для установления, в конечном счете, мирового господства США.**

17 марта 1948 года Англия, Франция и страны Бенилюкса подписали Брюссельский договор о коллективной обороне сроком на 50 лет, который подрывал принципы международной коллективной безопасности, заложенные в решениях Ялтинской и Потсдамской конференции, стал практическим шагом к военному противостоянию с

* Руководитель отдела зарубежных межпартийных связей ЦК Компартии Украины.

СССР, стал основой для формирования Североатлантического договора. 10 декабря 1948 г. в Вашингтоне начинаются переговоры о заключении Североатлантического договора с участием государств Брюссельского договора, США и Канады, а 4 апреля 1949 года в Вашингтоне правительство Бельгии, Дании, Исландии, Италии, Канады, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии, Португалии, Соединенного Королевства (Англии), США и Франции подписывают этот договор. Несколько позже в него были включены Греция, Турция и Западная Германия. Нужно обратить внимание на то, что **агрессивный характер этого блока проявлялся и в том, что в его состав были включены фашистская Салазаровская Португалия и Западная Германия, не только отколота вопреки решениям антигитлеровской коалиции, но и активно вооружаемая, чей бундесвер со временем составил костяк сухопутных войск НАТО в Европе.**

Так возникает НАТО (North Atlantic Treaty Organisation) – Организация североатлантического договора. Вместо организации коллективной международной безопасности в рамках ООН появляется военная организация, которая противопоставляет интересы крупных империалистических государств во главе с США интересам всего остального человечества, и в первую очередь СССР, который участники НАТО обвиняют в агрессивности. Но за пять послевоенных лет наша страна сократила свою армию с 6,5 млн. человек до 2,6 млн., то есть почти втрое. В то же время объединенные вооруженные силы стран НАТО превысили 6 млн. человек. За это время со стороны СССР и образовавшихся в Центральной и Восточной Европе стран народной демократии не делалось никаких организационных шагов, идущих вразрез с решениями Ялтинской и Потсдамской конференций.

На самом деле создание этой военной организации облегчало империалистической буржуазии западноевропейских стран борьбу против демократических движений в своих собственных странах и национально-освободительного движения в колониях. Ради этого монополистическая буржуазия пошла даже на предательство интересов своих стран, на потерю части своего суверенитета и независимости.

2. Подчинение европейских империалистических стран диктату США

Начало такому подчинению положило осуществление «плана Маршалла», который вел к подчинению европейского капитала американскому, позволял последнему вмешиваться во внутренние дела стран Европы. «Империализм США стремится подчинить своему господству многие государства, используя в качестве главных средств политику военных блоков и экономической «помощи». Он нарушает суверенитет и развитых капиталистических государств. **Господствующая монополистическая буржуазия высокоразвитых капиталистических стран, вступившая в союз с американским империализмом, приносит в жертву суверенитет своих стран, рассчитывая при поддержке империалистов США подавить революционные освободительные силы, лишить трудящихся демократических свобод, воспрепятствовать борьбе народных масс за социальный прогресс»** – говорилось в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве в ноябре 1960 года. Буржуазия стран Западной Европы в борьбе против рабочего класса стала возлагать надежды на иностранную помощь и иностранные войска.

По сути, «план Маршалла» продолжал ту же политику, которую провозгласила «доктрина Трумэна», но, учи-

таявая резко негативное восприятие последней в Европе да и в США, этой политике была придана видимость «чисто экономической программы». Механизм осуществления этой политики сводился к следующему: государственные органы США за счет ежегодных средств федерального бюджета закупали по высоким ценам, преимущественно у американских монополий, производимую ими продукцию и передавали ее государственным органам европейских стран. Полученные товары продавались в этих странах по высоким рыночным ценам, а деньги, вырученные от продажи товаров, накапливались на специальных счетах в центральных эмиссионных банках, причем распорядиться ими можно было лишь с согласия американской администрации.

При таком механизме финансирование этого «плана» покрывалось за счет налогов и неизбежно вело к усилению налогового ограбления американских трудящихся и ценовому ограблению европейских трудящихся, но дальнейшему обогащению американских монополий.

В то же время открытие европейских рынков для товаров американских монополий открывало также для них путь на рынки колоний европейских стран, позволяло укрепиться и там. Используя механизм «плана Маршалла», американский капитал установил свой контроль над богатыми месторождениями никеля в странах «Французского союза», олова – в голландских колониях, урановой руды – в Конго, каучука – в Малайе, хрома – в Турции и т.д.

Контроль за расходованием средств позволял определять, каким отраслям экономики развиваться, а каким нет, позволял расчищать путь американским товарам, защищая их от европейской конкуренции. К тому же, под предлогом «стабилизации» денежного обращения западноевропейских стран и сбалансирования их бюджетов, США получили также право на вмешательство в валютно-финансовую политику этих стран, что вело к подчинению западных валют американскому доллару.

Самое главное, предоставление «помощи» позволяло США диктовать политические условия для странам-получателям: сохранение свободного рынка, частной собственности, демократии американского образца. Помощь оказывалась не тем странам, которые наиболее пострадали от войны и фашистской агрессии, а тем, где правительства поддерживали агрессивную политику со стороны США. Одной из целей «плана Маршалла» была попытка принудить народно-демократические страны Европы, ставшие на путь социализма, к реставрации капиталистического строя посредством оговаривания таких условий получения кредитов, которые привели бы к отказу от проведения социалистических преобразований. Неслучайно и СССР, и страны народной демократии от такой «помощи» отказались.

В то же время осуществление этого «плана» вело к милитаризации экономик этих стран. Всего для осуществления этого «плана» США выделили 13,3 млрд. долл. США. Из них на прямые военные расходы было израсходовано более 2,5 млрд. долл. США, сооружено и расширено 135 военно-промышленных объектов. Постепенно администрация по осуществлению «плана Маршалла» стала превращаться в экономический орган Североатлантического блока, пока в 1950 году не было принято решение о передаче главных функций «Организации европейского экономического сотрудничества» органам НАТО.

Таким образом, чисто экономический инструмент превратился в военно-политический и позволил решить ряд военно-стратегических задач:

- 1) милитаризация западноевропейской экономики;
- 2) создание агрессивного военного блока НАТО;
- 3) строительство многочисленных военных баз США.

Начиная с 1952 года, «военная помощь США странам НАТО стала превышать «экономическую» более чем в 3 раза. США и НАТО развернули ускоренную подготовку к новой войне.

3. История НАТО – история гонки вооружений и агрессии

За полувековой период своего существования блока НАТО ярко продемонстрировал свою агрессивную милитаристскую сущность. Империалистические страны во главе с США превратили этот блок в военную дубинку мирового империализма, развернув для этого немислимую гонку вооружений.

Тон в этой гонке задавали США, давшие ей старт 6 августа 1945 года взрывом атомной бомбы над Хиросимой. Для этого только за первые три года военные бюджеты стран НАТО были увеличены с 18,7 млрд. долл. США до 42,2 млрд. долл. США, а к 1953 году превысили 64 млрд. долл. США, то есть возросли более чем в три с половиной раза.

Американская интервенция в Корею в 1950 году была активно поддержана другими странами НАТО и открыла длинный перечень агрессивных действий стран Североатлантического альянса, направленных не только против СССР и стран, ставших на путь социалистического развития, но и против национально-освободительного движения. За полувековой период страны НАТО развязали 53 военных конфликта, в ряду которых войны во Вьетнаме, Камбодже, Конго, Алжире, Египте, интервенция против КНДР, оккупация Тайваня, интервенция против Гватемалы, Кубы и многие другие.

Особую угрозу блок НАТО представлял для системы безопасности в Европе. В 1950 году, в мирное время, создаются объединенные вооруженные силы НАТО, что означало создание сильного ударного кулака, находящегося в состоянии полной боевой готовности. Начиная с этого периода, военная доктрина НАТО рассматривает в качестве своей главной цели СССР и страны, ставшие на социалистический путь развития. **Согласно этой доктрине армия США брала на себя функции ядерного «меча», а вооруженные силы стран Западной Европы – сухопутного «щита». В этой доктрине наглядно проявилась зависимость от империализма США европейских империалистических стран, которым отводилась роль «пушечного мяса».**

Создание объединенных вооруженных сил вело к обострению международной напряженности. Усиление гонки вооружений и нарастание прямой угрозы интервенции НАТО в Европе вынудили страны Восточной и Центральной Европы пойти на создание оборонительного Варшавского договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который был подписан 14 мая 1955 года между СССР, Албанией, Болгарией, Венгрией, ГДР, Польшей, Румынией и Чехословакией. Только благодаря тому, что СССР выдерживал напряжение навязанной гонки вооружений, что его авторитет в мире значительно вырос, мировые империалистические круги во главе с США не решились развязать новую мировую войну ни в пятидесятые, ни в шестидесятые, ни в последующие годы. Но империалистические державы несут всю ответственность за развязывание «холодной войны».

Создание военного блока НАТО стало той основой, на которой выросло новое объединение всех основных империалистических государств, включая США, Англию,

Францию, Италию, а затем и Западную Германию и Японию, которые подчинили со временем потенциал всего капиталистического мира через создание сети военных блоков. В сентябре 1951 года был создан военный блок АНЗЮС в составе США, Австралии и Новой Зеландии. В 1954 году создается военный блок СЕАТО в составе США, Англии, Франции, Австралии, Новой Зеландии, Филиппин и Пакистана. В 1955 году создается военный блок СЕНТО на Ближнем и Среднем Востоке в составе Англии, Турции, Ирана, Пакистана и Ирака. В 50-х годах США добились также усиления военной направленности Организации американских государств. Таким образом, на основе НАТО и системы военных блоков создавалась единая военно-политическая система, распространяемая на весь капиталистический мир, управляемая американским империализмом и ему послушная. Мир все ближе подходил к грани войны.

Учитывая опасность противостояния и стремясь возродить коллективную систему международной безопасности, **СССР в 1954 году обратился с официальным предложением о присоединении страны к Североатлантическому договору. 7 мая 1954 года сессия совета НАТО отклонила это предложение**, подтвердив тем самым его агрессивную направленность против СССР и других социалистических стран.

Попытка представить НАТО в качестве «миротворческой» организации, позволяющей не допускать межгосударственные и межнациональные конфликты, опровергается самой историей стран, входящих в этот блок. За весь период существования НАТО США более десяти раз осуществляли военные интервенции в Центральной и Латинской Америке. Великобритания уже более столетия не может решить незатухающий межнациональный конфликт, связанный с оккупацией Северной Ирландии. А также запятнала себя Фолклендской войной с Аргентиной. Испания, ставшая членом НАТО в 70-х годах, никак не может решить межнациональный конфликт с басками. Франция запятнала себя не только войной в Алжире, но и до сих пор не может решить проблему с корсиканским сепаратизмом. **А чего стоит тщательно замалчиваемая всеми восхвалителями НАТО как гаранта мира война в 70-х годах между двумя членами этого блока – Грецией и Турцией и возникшая незаживающая рана Кипрской проблемы?** Нельзя также назвать образцом для подражания периодическое установление военных режимов с странах НАТО, как это было в тех же Греции и Турции.

Остановить угрозу войны было возможно лишь активной борьбой за мир. В этих условиях по инициативе СССР развернулось международное движение в защиту мира, которое вскоре превратилось во всемирное. Первый Всемирный конгресс сторонников мира состоялся в 1949 году одновременно в Париже и Праге с участием более двух тысяч делегатов из 72 стран мира. В пятидесятых годах наша страна провозглашает политику, основанную на принципах мирного сосуществования, инициирует переговоры с США о запрещении испытаний оружия массового поражения, о сокращении вооружений. И это не смотря на преимущества СССР и в разработке ядерного оружия, и в создании космической техники, и выходе в космос. Эта политика давала свои успехи.

В июле 1963 г. СССР, США и Великобритания подписывают соглашение о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космическом пространстве и под водой, а в октябре вступает в силу соответствующий Московский договор. В 60-х годах начинает работать Женевская конференция по разоружению. В 1970 году вступил в силу Догово-

вор о нераспространении ядерного оружия и начались переговоры между СССР и США об ограничении стратегических вооружений (ОСВ). В 1975 году вступил в силу процесс постоянного Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в результате подписания в Хельсинки Заключительного акта СБСЕ.

Но НАТО не спешило отказываться от агрессивных намерений. В декабре 1976 года Североатлантический совет отклонил предложения стран Варшавского договора об отказе от применения первыми ядерного оружия и об ограничении членства в НАТО. Несмотря на это мирный процесс требовал дальнейшего сокращения вооружений, который НАТО пыталось обходить. Так в 1979 году в Вене подписывается Договор ОСВ-II (который США в последствии не ратифицировало), и в том же году НАТО принимает решение о развертывании в Европе американских крылатых ракет наземного базирования и ракет «Першинг II». С 1983 года НАТО разворачивает в Европе ядерные силы средней дальности.

В целом следует сделать вывод, что Европа не пережила за этот период НАТО-вской агрессии только потому, что СССР и Варшавский договор их сдерживали тем, что были готовы дать достойный ответ. Но ситуация изменилась коренным образом после разрушения СССР и социалистического лагеря.

4. Разрушение социалистической системы и СССР и переход НАТО к «новой доктрине»

Мы не будем в этой статье анализировать причины развала СССР и социалистического лагеря, но рассмотрим последствия для международной системы безопасности исчезновения того фактора, который сторонники НАТО приводили в оправдание существования этого военного блока.

Начало 90-х годов XX века привело к прекращению существования не только СССР, но и Варшавского договора. Но за этим не последовала ликвидация НАТО. Переход к монополярному миру не привел к уменьшению агрессивных устремлений ведущих империалистических государств. Постепенно складывающаяся система их мирового господства во главе с США после исчезновения противовеса стран социализма в Восточной Европе резко ускорила свое утверждение. **В мире утверждался «новый порядок», в котором группа империалистических стран, так называемый империалистический Центр («золотой миллиард»), поставил в полную зависимость от своих интересов остальную капиталистический мир – все более превращающийся в капиталистическую Периферию, теряющую право на развитие.** Военному блоку НАТО в этой поляризации отводилась особая роль, которая быстро проявилась и в политике и на практике. В политике она воплотилась в новой Стратегической концепции Североатлантического союза, принятой советом НАТО в Риме, а на практике – во время войны против Ирака («Буря в пустыне» с участием войск НАТО), а затем против Союзной Республики Югославии.

«Новая доктрина», зафиксированная в Стратегической концепции Североатлантического союза, исходит из того, что у НАТО исчезли в Европе противники, но, несмотря на это, настаивает на развитии «Особого характера европейской безопасности и оборонной роли» (п. 2 и 3). Суть «Особого характера» проста – НАТО будет определять необходимые меры по безопасности, выбирать врагов этой безопасности. Если исчезла прямая угроза безопасности для Североатлантического союза, то сохраняется «довольно большая неопределенность в от-

ношении будущего и некоторая угроза безопасности» (п. 6), которая «многогранна и имеет многостороннюю направленность» (п. 9). За этой расплывчатой формулировкой скрывается право НАТО судить и наказывать любого, кто ему покажется неудобным и опасным.

При этом главную опасность НАТО усматривает в такой агрессии, которая появляется «в результате неблагоприятных последствий нестабильности, которая может быть вызвана серьезными экономическими, социальными и политическими трудностями» (п. 10). То есть **главный противник теперь – трудящиеся собственных стран, которые могут возмутиться своим собственным экономическим, социальным и политическим положением, резко ухудшаемся в условиях очередного кризиса мировой системы капитализма.** Дальше в этом пункте прямо говорится, что кризисы могут вести к вооруженным конфликтам. Таким образом, «Новая доктрина» НАТО прямо заявляет о том, что этот блок есть орудие реакционной империалистической буржуазии против трудящихся как собственных стран, так и других стран мира, которое необходимо для подавления революционного сопротивления трудящихся в условиях появления революционных ситуаций.

Но империалистическим странам мало господства на своей собственной территории. Вслед за заявлением США о том, что весь мир является зоной их «жизненных интересов», аналогичную позицию занимает и НАТО. Пункт 13 Стратегической концепции четко определяет глобальные интересы этого блока: 1) распространение оружия массового поражения; 2) нарушение потока жизненно важных ресурсов; 3) акты терроризма и саботажа. То есть ресурсы всего мира должны служить процветанию стран НАТО, а если кто будет сопротивляться такому порядку, саботировать его, или, тем более, бороться против него, то для таких и сохранена военная дубинка блока.

Не снимается и подозрительность со стран, переставших противостоять идеологически, но имеющих мощный военный потенциал, в том числе и СССР (а теперь Россия), как об этом говорится в п. 14. При этом Стратегическая концепция сохраняет подчиненное положение европейского империализма перед американским, отмечая в п. 37, что присутствие североамериканских обычных вооруженных сил, а также ядерных сил США в Европе сохраняет свое жизненно важное значение для европейской безопасности».

«Новая доктрина» по сути, подтверждает агрессивную сущность НАТО, но теперь уровень претензий достигает всемирного масштаба. Оставалось только устранить последних «непокорных» в Европе.

В этот период военные расходы стран НАТО достигают астрономических величин: в 1980 году 255 млрд. 122 млн. долл. США, в 1985 – 327 млрд. 949 млн. долл., в 1990 – 503 млрд. 906 млн. долл., в 1992 – 509 млрд. 142 млн. долл. США.

5. Агрессия против СРЮ – практика «Новой доктрины»

Благодаря идеологическим, пропагандистским и экономическим усилиям страны НАТО провоцировали гражданский конфликт внутри Союзной Республики Югославии после чего было развязано вооруженное вмешательство. В 1994 году впервые после второй мировой войны войска НАТО открыто участвовали в военных действиях на территории Европы с участием военно-морского флота, авиации и наземных войск. Политики стран НАТО активно стимулировали сепаратизм внутри СРЮ, а потом всеми средствами добивались выполнения требо-

ваний сепаратистов.

Но особо разрушительной и кровавой стала агрессия против СРЮ в 1999 году, которая по интенсивности и военной мощи уступала только второй мировой войне. Эту агрессию непосредственно осуществляло НАТО, союз 19 наиболее развитых стран, причем 10 из них активно участвовали в агрессии.

За период с 24 марта по 24 апреля в боевых действиях участвовали 1100 самолетов НАТО, которые совершили более 25200 боевых вылетов над территорией Югославии, сбросив при этом более 25 000 тонн взрывчатых веществ. Те страны НАТО, которые непосредственно в боевых действиях не участвовали, способствовали агрессии, предоставляя агрессорам свою территорию и инфраструктуру, содействуя войскам НАТО в тылу.

Боевые действия были начаты при вопиющем нарушении положения Статьи 2 Устава ООН, в отсутствие резолюции Совета Безопасности ООН. Это свидетельствовало о том, что страны НАТО во главе с США почувствовали свою безнаказанность и стали на путь игнорирования ООН как инструмента международной политики и международной безопасности.

В результате систематических ежедневных интенсивных бомбардировок военных и гражданских объектов на территории Югославии от бомб, снарядов и ракет, пострадали жилые районы, учреждения здравоохранения и образования, культурные и культовые сооружения, промышленные объекты, дороги, мосты, автобусы и поезда. В ходе этих бомбардировок пострадали сотни тысяч мирных жителей. Дети составляют 30 % убитых мирных жителей и 40% раненых. Повреждение электростанций и линий электропередачи на территории Югославии привели к полному прекращению снабжения водой и электричеством, вызвали настоящую гуманитарную катастрофу. А загрязнения окружающей среды в результате применения зарядов, содержащих уран, а также разрушения химических и нефтеперерабатывающих заводов нанесли непоправимый урон жизни и здоровью населения не только Югославии, но и их соседей, всей Европе.

Этими действиями НАТО нарушило международное гуманитарное право, основы прав человека, включая право на жизнь, а также положения международного права, по транспорту и охране окружающей среды.

Разрушение страны в центре Европы – вот последнее применение НАТО для «умиротворения» Югославии. И эти последствия являются вопиющим обвинением агрессивности НАТО.

Война против Югославии является в настоящее время наиболее полной реализацией **новой доктрины деятельности НАТО**. Первый пример новой доктрины, которая испробована на Балканах, в войне против Боснии-Герцеговины, завершившейся подписанием империалистического Дейтонского договора. В новых условиях новая доктрина НАТО отвечает усилиям империализма во главе с США и ЕС забронировать и застраховать мировую капиталистическую систему в западном полушарии от тех опасностей, которые ей угрожают.

На встрече в Кельне 10 июня 1996 года государствами-членами ЕС, США, Россией, другими государствами юго-восточного региона Европы (кроме Югославии), а также крупными империалистическими организациями (ОБСЕ, МВФ, ОЭСБ, Мировым банком, и т.д.) был подписан так называемый **“Пакт стабильности в юго-восточной Европе”**. Пакт о стабильности предусматривает, в сущности, создание **регионального империалистического механизма** (“рабочими столами”: о демократии, об экономическом развитии, и о безопасности), благодаря

которому ЕС, США и НАТО **будут прямым образом вмешиваться во все сферы жизни балканских стран, от способа правления страной и экономической политики, до вопросов национальной обороны и безопасности**. Этот механизм, согласно 10 статье пакта, принимает на себя обязанности: о создании активных капиталистических “рыночных экономик”; о сохранении многонационального состава региона и защите меньшинств.

В п. 8 обязанности описываются следующим образом: “... страны региона, участвующие в Пакте стабильности обязуются продолжить демократические и экономические реформы..., двухстороннее и региональное сотрудничество между ними, чтобы способствовать их интеграции на индивидуальной основе в Евроатлантическую структуру”.

К тому же, в **статье 7** уточняется, что защита прав человека не является исключительно внутренним вопросом заинтересованных государств, а является вопросом прямого и дозволенного интереса всех государств, участвующих в Пакте через их членства в ОБСЕ. Таким образом, открыто сформулировано право империалистического вмешательства и упразднения национального суверенитета.

Эти действия империалистов включены в более обширную попытку установить новое мировое право, чтобы **не считаться с нынешним международным правом**, чтобы лучше добиться следующих своих целей:

– Утвердить и организовать капиталистическую эксплуатацию и капиталистическое господство в регионе, в котором имеется множество природных ископаемых, а также десятки миллионов трудящихся – потребителей.

– Проверить новые формы империалистической экспансии в регионе, модели реализации новой доктрины НАТО, а также практическое утверждение нынешнего баланса сил между крупными державами в мировом масштабе.

– Сформировать новые протектораты (например: Босния, Косово).

– Сохранить зоны постоянного напряжения между балканскими государствами, позволяющие империалистическое “судейство” (например: Воеводина, Фракия и т.д.).

– Ограничить суверенные права балканских стран в экономическом, политическом и военном уровнях.

– Ослабить Россию, оторвав ее от исторических союзников и отлучив от природных источников Каспия и Кавказа.

– Развалить Югославию и свергнуть ее избранное руководство.

Этим же пактом открывается новый период вмешательства империалистов. И это потому, что государства, подписавшие этот пакт не просто обязаны продолжить реформы так называемой “рыночной экономики” и “демократизации”, а потому что они **согласились с тем, что вопрос защиты так называемых “прав человека” не является “исключительно внутренним вопросом данного государства”**.

6. Расширение НАТО и его последствия

Одним из элементов «новой доктрины» НАТО стал процесс расширения этой военной организации. В конце 1993 года с целью развития Стратегической концепции разрабатывается программа «Партнерство ради мира», которая утверждается в начале 1994 года. Согласно этой программе НАТО намечает ряд мероприятий, направленных на установление сначала контроля со стороны НАТО за состоянием обороны и вооружений тех стран

Европы, которые не входят в блок, в первую очередь стран Варшавского договора. Затем посредством ряда мероприятий планируется установление зависимости этих стран в военных вопросах от НАТО. Главная цель этой зависимости – лишить эти страны возможности ведения самостоятельной военной политики.

Установление такого контроля и зависимости предполагает в первую очередь ликвидацию в этих странах собственной оборонной промышленности – военно-промышленного комплекса. В Программе это направление было утверждено как оказание помощи государствам – партнерам в осуществлении конверсии оборонного сектора. Главный рычаг осуществления – приватизация, выведение оборонных предприятий из под контроля государства. Основные формы реализации: перепрофилирование, закрытие, прекращение обучения специалистов в военной промышленности.

Вторым важным для НАТО моментом создания системы зависимости этих стран в военных вопросах стал вопрос о рассекречивании важнейших научных разработок в военной области, скупке или получении в ходе «научных обменов», «курсов повышения квалификации» и др. соответствующих разработок. Следующим шагом стало переманивание ведущих научных специалистов в военной сфере на работу в страны НАТО – организация «утечки мозгов».

Третьим элементом установления контроля и зависимости стали программы «оптимизации» государственных бюджетов стран – партнеров в соотношении расходов на военные и невоенные нужды. Военные бюджеты этих стран начинают строиться по «рекомендациям» экспертов НАТО.

В условиях колоссального развала экономик бывших социалистических стран вследствие реставрации капитализма США и другие страны НАТО как непосредственно, так и посредством международных финансовых институтов, предлагают финансовую помощь и кредиты на таких условиях, которые позволяют сначала поставить под контроль финансовую политику страны, а потом и в целом экономику и военные расходы в особенности.

Для осуществления такого контроля и создания системы зависимости Программа предполагает создание на территории стран – партнеров системы «Информационных Центров» НАТО с институтом экспертов по различным направлениям. Одновременно задачей этих Центров становится формирование положительного имиджа НАТО и его действий среди местного населения с целью облегчения процесса подчинения этих стран и уменьшения протестного потенциала.

В области стратегии Программа «Партнерство ради мира» осуществляет ряд мероприятий по привитию национальной политике стран-партнеров НАТОвского видения и понимания сути миротворческих процессов, закрепленного в «новой доктрине». В первую очередь миротворческие мероприятия переориентируются на решение вопросов по «преодолению кризисов» внутри этих стран. **Происходит перенацеливание военной доктрины на внутренние задачи, создание механизмов подавления возмущения собственного народа результатами капиталистических реформ.** Вторым моментом становится борьба с распространением оружия массового уничтожения, что позволяет НАТО взять под свой контроль всю торговлю оружием в этих странах, использовать этот контроль для устранения конкуренции на рынке вооружений и техники. Третьим моментом стратегии становится подчинение внешней политике НАТО в вопросах определения и наказания «Неугодных» стран

и народов под видом борьбы с терроризмом. Четвертым – **использование стран-партнеров для установления контроля НАТО за основными мировыми потоками сырьевых, энергетических и прочих ресурсов в интересах стран НАТО.**

В военной сфере программа открывает доступ НАТО в воздушное пространство стран-партнеров, позволяет установить контроль за средствами ПВО, контроль за состоянием мобилизационного резерва, состоянием перевооружения. Благодаря Программе для НАТО открывается возможность сначала навязать свои стандарты вооружений и техники, а потом и саму технику, вынуждая страны – партнеры покупать оружие НАТО.

Только в контексте перечисленных выше задач можно понять суть и направленность тех совместных учений, которые проводятся в рамках Программы «Партнерство ради мира».

В течение 1994 года 23 страны подписывают Рамочный документ программы «Партнерство ради мира» в такой последовательности: Румыния, Литва, Польша, Эстония, Венгрия, Украина (8 февраля), Словакия, Болгария, Латвия, Албания, Чехия, Молдова, Грузия, Словения, Азербайджан, Швеция, Финляндия, Туркменистан, Казахстан, Кыргызстан, Российская Федерация (22 июня!), Узбекистан и Армения. Для ряда стран подписываются Индивидуальные программы партнерства, которые становятся подготовкой этих стран к вступлению в НАТО.

Вскоре три страны: Чехия, Польша и Венгрия становятся членами НАТО, увеличив состав блока до 19 стран. Это расширение никак не повлияло на изменение агрессивной сути этого блока.

Хотелось бы обратить внимание на то, что втягивание бывших социалистических стран в Программу «партнерства» происходит на фоне начала первой агрессии НАТО против Югославии и служит формой нейтрализации возможного протеста со стороны этих стран.

7. Усиление мировой реакции после террористических актов в США 11.09.2001 г.

Через год после террористических актов 11 сентября в США стало предельно ясно, что они сыграли на пользу международному империализму, самым реакционным кругам внутри США. Перефразируя известное высказывание можно сказать: если бы Бен Ладена не было, то его следовало бы придумать. Борьба народов и движений за социальное освобождение от классового гнета, борьба за национальную независимость не связана с террористическими представлениями и практикой. Народы не ищут повода, для того чтобы действовать, так как за ними право. Повода ищут империалисты и угнетатели, для того чтобы придать «законность» своим действиям.

Объявленная война с терроризмом, по сути, стала превращаться в произвол США в отношении остального мира. С этого момента становится нормой единоличное принятие США решений о том, что соответствует, а что нет мировой безопасности. Само понятие мировой безопасности стало отождествляться с безопасностью США и интересов американских транснациональных корпораций.

То, что во время агрессии против Югославии было эпизодом, теперь становится нормой. В сторону отодвигается не только ООН, но и Совет безопасности. США самостоятельно определяют врага и способы его наказания. Именно так принимается решение о начале войны в Афганистане, последствия которой никак не связаны с устранением угрозы терроризма. Именно так выдвигают

ся обвинения в отношении других стран, объявляемых «осью зла» или «изгоями». США все больше действуют в роли мирового жандарма, а НАТО быстро превращается в послушный инструмент американской агрессивной политики.

В колеснице политики США временно оказывается и Россия, хотя внутри страны все громче голоса о том, что последствия американских действий на Среднем Востоке иные, чем борьба с терроризмом. **Американцы создали на территории стран Средней Азии и Грузии свои военные базы, которые позволяют непосредственно вмешиваться в события и фактически взять под свой контроль стратегически богатый ресурсами прикаспийский регион, оттесняя Россию от влияния в этом регионе.**

Именно США в течение тридцати лет вооружали Пакистан и поддерживали самые реакционные режимы в этой стране. Они способствовали созданию в Пакистане ядерного оружия и сделали все для обострения отношений между Индией и Пакистаном, подталкивая эти страны к войне, чреватой применением ядерного оружия. Легко усматривается прямой интерес введения после начала войны «миротворческого» контингента войск НАТО для полного подчинения этого региона своей политике и своим интересам. Самое главное, на этой волне можно успешно создать мощный плацдарм для будущей войны с Китаем.

США своей агрессивной политикой все сильнее подталкивают человечество к новому атомному кошмару третьей мировой войны. И НАТО стала, по сути, главным инструментом этой политики. НАТО новой доктриной и так называемым его «расширением» на Восток и Средиземноморье, созданием сил быстрого реагирования и так называемых «гуманистических» войн, старается не дать народам свободно выбирать свой путь развития. НАТО попирает существующее международное право и утверждает право сильнейшего.

8. Роль Украины в НАТО – «пушечное мясо»

Украина за последнее десятилетие стала зоной особого внимания со стороны внешней политики США и стран НАТО. Она одной из первых была включена в программу «Партнерство ради мира» и реализация всех задач этой программы, о которых говорилось выше, осуществлялась здесь с особой тщательностью. Ведь именно на территории Украины в СССР были сосредоточены важнейшие предприятия военно-промышленного комплекса и научно-исследовательские институты в военной сфере. Все это было подвергнуто конверсии самым глубоким образом под пристальным присмотром американских и натовских экспертов. Из нашей страны была организована самая массовая «утечка мозгов», работавших в ВПК.

После того, как вступление в НАТО Польши и Венгрии вплотную придвинуло этот блок к границам Украины, стране была предложена не индивидуальная программа (как это делалось в отношении будущих кандидатов в НАТО), а программа «особого партнерства». 9 июля 1997 года была подписана Хартия об особом партнерстве Украины с НАТО. Особенность этого партнерства заключалась в необходимости решения со стороны НАТО двух взаимоисключающих задач: максимально поставить Украину в зависимость от политики НАТО и, в то же время, сохранить лицо перед предостережением России о недопустимости включения в НАТО стран, входивших в СССР. Особенно это касалось Украины.

Хартия об особом партнерстве привела к тому, что те

принципы НАТО, которые были сформулированы в «новой доктрине» применялись к Украине самым активным образом. Не случайно наша страна вышла на первое место по количеству совместных учений с участием воинских подразделений стран НАТО.

Последним шагом стало заявление секретаря Совета национальной безопасности и обороны Е. Марчука и Президента Украины Л. Кучмы о необходимости пересмотра внеблокового статуса Украины и официального обращения с заявкой на вступление нашей страны в НАТО. Под давлением прозападных, национал-экстремистских сил, поддерживаемых Западом, сделан новый опасный шаг на пути к полному подчинению внешней и оборонной политики Украины диктату заправил Северо-Атлантического альянса и Вашингтона.

Решение СНБОУ основывается на обмане ответственности, что будто бы НАТО является инструментом европейской коллективной безопасности, и утверждено с демонстративным игнорированием того бесспорного факта, что, как указывалось в Постановлении Верховной Рады Украины от 23 апреля 1999 года: «Организация Северо-Атлантического Договора является агрессивным военным блоком, руководство которого присвоило себе право осуществлять суд и расправу над любым суверенным государством, на считаясь ни с Уставом Организации Объединенных Наций, ни с нормами международного права и человеческой морали». Об этом свидетельствует вся деятельность альянса и особенно его недавние насильственные действия против Ирака, суверенной Союзной Республики Югославия и другие, которые мировая общественность квалифицировала как преступные, неоправданные и антигуманные.

Утвердив стратегию сближения с НАТО, украинские властьюмущие умалчивают о том, что вступление в НАТО будет требовать, кроме всего прочего, переоснащения Вооруженных Сил Украины военной техникой и вооружениями по натовским стандартам. Для этого будет необходимо направить огромные средства, исчисляемые десятками миллиардов долларов при мизерном (около 700 миллионов долларов в год) оборонном бюджете Украины. Это ляжет непосильным грузом на до конца истощенную, разрушенную кравчуковско-кучмовскими псевдореформами, отечественную экономику, еще более подчинит ее диктату международных финансовых олигархий, болезненно ударит по жизненному уровню нашего обездоленного народа.

Вступление в НАТО приведет к дальнейшему наступлению на демократические права и свободы внутри Украины под видом «антикризисных мероприятий, борьбы с терроризмом и саботежем».

Поскольку НАТО в соответствии с новой Доктриной все больше превращается в военный инструмент политики в интересах Соединенных Штатов Америки, используемый по указанию из-за океана в любой точке мира, и служит средством удушения «неугодных» стран и народов, постольку втягивание Украины в НАТО угрожает тем, что украинские солдаты будут использоваться как «пушечное мясо» для защиты интересов мирового капитала, транснациональных корпораций, но никак не интересов Украины.

Решение СНБОУ принято при игнорировании того, что большинство граждан Украины не поддерживают идею вступления Украины в НАТО. Авторитетные исследования, проводимые в течение десяти лет Институтом социологии НАН Украины, свидетельствуют о том, что положительное отношение к этой идее выразили в начале 2000 года 27,9%, а в марте нынешнего года – 18,96 % оп-

рошенных, негативно – соответственно 33,5% и 38,14%. Еще более 40% респондентов каждый раз не могли дать ответ. Откровенным цинизмом является заявление секретаря СНБОУ Е. Марчука о том, что плавное втягивание Украины в НАТО теперь будет реализовываться легче, поскольку «в Верховной Раде Украины уменьшилось влияние коммунистов, и к тому же ежегодно в Украине стают взрослыми 700-800 тысяч человек». Таким образом, делается ставка на приход в сознательную жизнь молодежи – не закаленной, неопытной, сбитой с толку националистической, прозападной, антикоммунистической пропагандой.

Решение СНБОУ игнорирует требование Верховной Рады Украины, сформулированное в Постановлении от 23 апреля 1999 года, о необходимости пересмотра этого комплекса взаимоотношений Украины с НАТО с оглядкой именно на агрессивный характер новой Доктрины и практики действий Организации Северо-Атлантического Договора.

Крайне опасным является решение об отказе от внеблокового, нейтрального статуса Украины. Этим разрушаются Основы, закрепленные в Декларации о государственном суверенитете Украины, что вносит нестабильность во внешнюю политику Украины, ее отношения с соседними государствами, прежде всего с Российской Федерацией, руководство которой неоднократно заявляло, что рассматривает расширение НАТО как политику, не содействующую укреплению безопасности ни стран, входящих в НАТО, ни ее новых членов. Не принимать во внимание это было бы неосторожным и опасным для интересов Украины.

Согласно Конституции Украины определение основ внутренней и внешней политики, и следовательно, принятие таких решений как вхождение Украины в международные союзы, является исключительной прерогативой Верховной Рады Украины. К сожалению, Президент, Правительство Украины систематически нарушают конституционные требования, в том числе при предоставлении воздушного пространства Украины для многомесячного использования авиацией США, и при принятии решений об участии воинских подразделений стран – членов НАТО в учениях на территории Украины.

Коммунисты Украины последовательно разоблачали агрессивную сущность НАТО и высупали против втягивания Украины в ее структуры. В предыдущих созывах Верховной Рады Украины активно действовало возглавляемое коммунистами депутатское объединение «Анти-НАТО». Несомненно вопросы обеспечения взаимопонимания стран – участниц НАТО и стран, не входящих в эту военно-политическую группировку, могут решаться только в контексте формирования Общеввропейской системы коллективной безопасности, начатой Хельсинским процессом, базирующейся на политических, а не военных факторах, на балансе национальных интересов государств-участников, при условии безоговорочного соблюдения в отношениях между ними, как и в отношениях с неевропейскими субъектами международного права, общепринятых норм и в первую очередь требований Устава Организации Объединенных Наций.

Таким образом, вступление Украины в НАТО не только не гарантирует страну от участия в международных военных конфликтах, но предполагает его. Кроме того, это участие готовит страну к внутренней войне, направлено на дальнейшее сворачивание социально-политических прав и свобод.

9. Альтернатива империалистической концепции

«безопасности» и новой мировой войне есть. Мировое коммунистическое и рабочее движение в авангарде антиимпериалистической борьбы

Агрессивная сущность НАТО стала понятной мировой прогрессивной общественности еще с момента создания этого военного блока. Потому сразу же в качестве альтернативы этой политики и как общественное противодействие ей стало формироваться всемирное движение защиты мира.

Постоянным ядром этого движения было мировое коммунистическое и рабочее движение. По инициативе коммунистических и рабочих партий созывались всемирные конгрессы борьбы за мир, безопасность и сотрудничество. На международных встречах представителей коммунистических и рабочих партий последовательно разоблачались все агрессивные действия мирового империализма и созданные им системы военных блоков во главе с НАТО.

Особо следует отметить, что коммунистические партии всех стран – членов НАТО постоянно и последовательно выступали против агрессивной политики, проводимой правительствами своих стран в рамках этого блока, требовали выхода своих стран из него, роспуска этой агрессивной структуры.

Особенно остро эта борьба развернулась, начиная с 90-х годов XX века, когда в условиях превращения мира в монополярный принятое «новой доктрины» НАТО наглядно продемонстрировало, что этот блок во главе с США все больше превращается в мирового жандарма, несет угрозу всему человечеству. В этот период разрушается миф о том, что всемирная борьба за мир инспирирована СССР. После разрушения союза эта борьба не только не прекратилась, но стала нарастать перед лицом новых угроз со стороны политики США и НАТО.

Ярким примером такой борьбы стало создание Балканского антинаатовского Центра в период военной агрессии против Югославии. Сразу же после начала агрессии (13.04.1999) 16 коммунистических, рабочих и левых партий стран – членов НАТО выступили с Призывом к народам, молодежи, движениям за мир, профсоюзам и остальным общественным движениям:

Осудить всеми способами и усилить свои акции протеста против агрессивного вмешательства НАТО и бомбардировок гражданского населения;

Потребовать срочного прекращения преступных бомбардировок и восстановления мира в регионе;

Выразить свой категорический протест против «нового НАТО», против его «новой стратегической роли», которая разрешает чтобы НАТО действовал за рамками его стран-членов, за его оперативными границами, известными до сих пор, превращая его в инструмент утверждения нового империалистического мирового порядка.

По всей Европе прокатилась волна антинаатовских акций протеста. На встрече коммунистических и рабочих партий Балкан, состоявшейся 20 ноября 1999 года в Белграде были определены следующие задачи борьбы:

А. БОРЬБА ПРОТИВ ПАКТА СТАБИЛЬНОСТИ – информированность и организация борьбы Балканских народов против Пакта стабильности, т.е. против самого последнего инструмента империалистического вмешательства на Балканах.

Б. ЗАЩИТА ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРАВ И ЗАВОЕВАНИЙ: – В Румынии, Турции, Боснии и Хорватии, находясь под запретом существование и деятельность Компартий. Одновременно, в ряде других странах принимаются серьезные карательные меры против рабочего и коммунистического движения. Часто такие меры прини-

маются под видом “борьбы с терроризмом”. В этом направлении работает и Шенгенское соглашение.

В. ПОДДЕРЖКА МИРОЛЮБИВОГО ДВИЖЕНИЯ И КООРДИНАЦИЯ СИЛ ЖЕЛАЮЩИХ СОПРОТИВЛЯТЬСЯ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИМ ПЛАНАМ:

– способствовать развитию, а также координации многообразных акций этих движений за мир, и сопротивлению империалистическим планам в каждой стране.

Г. СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ СПОСОБОВ ВЗАИМНОЙ ИНФОРМИРОВАННОСТИ О СИТУАЦИИ В КАЖДОЙ СТРАНЕ И О ПОЗИЦИИ КАЖДОЙ ПАРТИИ;

Д. ПОМОЩЬ КООРДИНАЦИИ КЛАССОВЫХ СИЛ РАБОЧИХ СОЮЗОВ И ДРУГИХ ПРОГРЕССИВНЫХ МАССОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В НАШИХ СТРАНАХ;

Е. ОБСУЖДЕНИЕ, РАЗРАБОТКА И ПОИСК РЕШЕНИЙ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ, С КОТОРЫМИ СТАЛКИВАЕТСЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.

После событий 11-го сентября в Нью-Йорке и Пентагоне над всеми народами нависла опасность установления мировой диктатуры монополистического капитала при лидирующей роли США. Другие страны – члены НАТО, активизируя 5-ю статью (впервые в истории этой агрессивной организации со времен ее создания), участвуют также активно в агрессивной политике империализма, направленной против всего человечества. ЕС, принимая генеральную линию США, в то же время требует своей доли в мировом господстве. Не смотря на противоречия между ними, их стратегия остается общей.

**10. Задачи коммунистов Украины по сплочению антиимпериалистических сил.
Нет – втягиванию Украины в НАТО!**

Коммунисты Украины совместно со всеми прогрессивными силами всего мира должны противостоять агрессивной политике империализма и осудить всеми силами:

– Новую кампанию США против «оси зла», которая направлена на кровопролитие всего человечества.

– Преступную ядерную доктрину США, которая направлена даже против стран, которые владеют ядерным оружием.

– Невиданное попираание демократических прав и свобод, осуществляемое во имя борьбы с терроризмом.

– Империалистическую войну против народа Афганистана, повлекшую за собой жертвы тысяч невинных людей.

– Преступные действия израильской оккупационной армии против палестинского народа, борющегося за свою независимость.

Проявить солидарность с его справедливой борьбой за приобретение независимости и суверенитета палестинским государством со столицей в Восточном Иерусалиме.

В качестве внутренних задач в первую очередь необходимо сосредоточить усилия на противодействии попыткам торпедировать внеблоковый статус Украины и втянуть страну в НАТО. Для это необходимо решить ряд задач:

1) развернуть по всей стране информационную кампанию по раскрытию агрессивной сущности военного блока НАТО как инструмента империалистической политики мирового капитала;

2) подготовить и провести антинатовскую конференцию всех политических сил и движений, выступающих против втягивания нашей страны в этот блок, с целью создания Антинатовского фронта в Украине;

3) инициировать создание в Верховной Раде Украины депутатского объединения «Анти-НАТО»;

4) совместно с другими прогрессивными силами вернуть в стране волну акций протеста против политики криминально-олигархической буржуазии направленной на втягивание Украины в НАТО, главные из которых должны быть приурочены к проведению 9 июля 2002 года в Киеве заседания, посвященного 5-летию подписания Хартии об особом партнерстве и ноябрьскому саммиту Украина – НАТО;

4) активно включиться во всемирную борьбу против реакционной политики империалистических сил во главе с США, антиглобалистское и антинатовское движение. Принять участие в европейской антинатовской конференции, которая состоится в сентябре 2002 года в Праге, а также в акциях протеста во время проведения Саммита НАТО в Праге в ноябре этого года.

Мировой империализм не всесилен, потому что он исторически обречен и потому что собственными действиями порождает как губительные для него кризисы, так и выступающие против его господства общественные силы. Нам только необходимо быть на высоте выдвигаемых задач.

Литература

1. Международные отношения после второй мировой войны. В 3-х томах. М., 1962-1965.
2. НАТО. Справочник. Брюссель, 1995.
3. Преступления НАТО в Югославии. Белград, 1999.

Эпизоды героической борьбы коммунистов в годы фашистской оккупации и гражданской войны в Греции (К 50-летию расстрела народного героя Греции, члена ЦК КПГ Никоса Белоянниса и его товарищей)

«Мы верим в самую правильную теорию, которую когда-либо разработали самые прогрессивные умы человечества. И наши усилия, наша борьба состоит именно в том чтобы эта теория стала реальностью как в Греции, так и во всем мире. Мы любим Грецию и ее народ больше, чем наши обвинители. Мы это доказали, когда была в опасности ее свобода, независимость и территориальная целостность, и поэтому мы боремся за то, чтобы в нашей стране пришли лучшие дни, без голода и войны. Мы для этих целей боремся и, если понадобится, сможем пожертвовать и нашей жизнью. Я утверждаю, что вы сегодня, приговаривая меня, приговариваете борьбу за мир, приговариваете Грецию».

Никос Белояннис. Отрывок из защитительной речи в трибунале.

Никос Белояннис родился в 1915 г., в селе Амальяс (Пелопоннес), в семье бедного ремесленника. Будучи учащимся гимназии, а затем студентом Афинского университета, участвовал в прогрессивном движении молодежи. Вступил в Организацию коммунистической молодежи Греции (ОКНЭ), в 1934 г. – в Компартию Греции (ККЕ). За революционную деятельность был изгнан с юридического факультета Афинского университета. В 1934-1936 гг. стал организатором и руководителем ряда партийных организаций на Пелопоннесе. В марте и августе 1936 г. за революционную деятельность подвергся арестам. В июле 1937 г. бежал из тюрьмы, в мае 1938 г. был снова арестован и приговорен к 5 годам тюрьмы и 2 годам ссылки.

Профашистские власти Греции, после оккупации страны, передали Никоса Белоянниса и других заключенных коммунистов немецким и итальянским фашистам. Нужно отметить, что из 17 тысяч коммунистов к началу немецкой оккупации уцелело не более 4 тысяч, причем 2 тысячи человек находились в тюрьмах и концлагерях на островах Эгейского моря. Несколько сотен коммунистов, воспользовавшись замешательством властей, смогли бежать еще в 1941 году из мест заключения, но Н. Белояннис тогда бежать не смог.

Еще до начала оккупации король и лидеры буржуазных партий уехали из Греции. Несмотря на то, что в рядах ККЕ было всего несколько тысяч человек и большинство из них находились в тюрьмах и в лагерях, партия взяла на себя инициативу по созданию первой национально-освободительной организации «Национальная солидарность», которая ставила своей целью оказывать помощь жертвам войны и фашистской оккупации. В нее вошла греческая организация Красного Креста, прогрессивная интеллигенция, часть духовенства, большое число женщин. Игнорируя строжайшие приказы оккупационных властей и марионеточного правительства, члены организации помогали раненым греческим солдатам, спасали людей и прежде всего — детей, от голода. До конца войны на добровольные пожертвования были созданы сотни медицинских пунктов, свыше 1200 народных аптек, 90 отделений для выздоравливающих, 73 народные больницы, большое число детских садов и яслей,

детских домов. Свыше 1 млн. человек получили помощь от организации «Национальная солидарность». 31 мая 1941 г. ЦК ККЕ призвал к созданию народного фронта против оккупантов. Крупные греческие буржуазные партии сразу же отказались от призыва ККЕ и объявили, что лучше всего для народа сохранять «выжидательную» позицию. Первыми на призыв компартии откликнулись массовые организации рабочего класса – профсоюзы. 16 июля 1941 г. был создан Рабочий национально-освободительный фронт (ЭАМ), а 28 сентября 1941 года, с участием ККЕ и ряда маленьких партий, создан Национально-освободительный фронт (ЭАМ). В течение нескольких лет, ЭАМ превратился в самую массовую организацию, которая когда-либо была в Греции. Несмотря на запреты и на сотни жертв ЭАМ организовал во времена фашистской оккупации ряд крупных забастовок и массовых демонстраций, подобных которым не было ни в одной стране, находящейся под немецко-фашистской оккупацией.

В январе 1942 г. ЦК ККЕ и ЦК ЭАМ обнародовали решение о создании регулярной партизанской армии – Греческой народно-освободительной армии (ЭЛАС).

ЭАМ и ЭЛАС вели борьбу против немецких, итальянских и болгарских фашистов (последние действовали на севере Греции).

В сентябре 1943 г. Никос Белояннис совершил побег. В 1943-1944 гг. он был на партийной и партизанской работе в районе г. Патры, политическим комиссаром 3-й дивизии Народно-освободительной армии Греции (ЭЛАС). В этот период (до 1944 года) ЭЛАС освободил многие горные районы страны, там же было создано Народное правительство (ПЕЕА), действовали органы народной власти – Комитеты и Суды. В августе и начале сентября 1944 г., когда Красная Армия победоносно продвигалась по Балканам, ЭЛАС перешла в генеральное наступление против фашистских сил. В то время регулярная армия ЭЛАС насчитывала в своих рядах 78 тысяч бойцов и офицеров, закаленных в боях. Наряду с этими силами существовала организация резервистов, примерно 50 тыс., и национальная милиция – 6 тыс. человек. Свыше 1,5 млн. организованных членов ЭАМ, из которых более 400 тыс. были членами ККЕ и около

400 тыс. членами молодежной антифашистской организации ЭПОН.

ЭЛАС полностью освободила Грецию. После освобождения страны Никос Белояннис является заведующим отдела идеологической работы партийной организации ККЕ в Пелопоннесе. Он издает журнал «Свободный моряк» и работает над двумя книгами «Иностранный капитал в Греции» (издан только в 1998 г. издательством «Синхрони Эпохи») и «История новогреческой литературы».

В Греции начался ввод иностранных, в первую очередь, английских войск. В стране вспыхнула гражданская война, навязанная греческому народу империалистическими кругами Англии и США, а также реакционными силами Греции, с целью сохранить политический, и социально-экономический порядок, который был в Греции до Второй мировой войны. Она имела тяжелейшие последствия для страны.

Народные силы в этой неравной схватке представляла Демократическая армия Греции (ДСЭ). Демократическая армия Греции была создана в октябре 1946 года в ответ на кровавый террор, который развязали с декабря 1944 года буржуазные реакционные силы и иностранные войска против борцов национального антифашистского движения.

До конца 1947 года ДСЭ сохраняла инициативу в боевых акциях. Летом 1947 г. провалилась операция «национальной» армии по уничтожению ДСЭ. Силы ДСЭ отбросили противника и нанесли по нему ряд серьезных военных ударов. В целом «национальная армия» была вынуждена занять оборонительную позицию. Господствующий класс обеспокоился, что его планы могут провалиться, так как Англия не была готова продолжать свою интервенцию в Греции. На помощь режим призвал США.

20 июня 1947 г. было подписано соглашение между Грецией и США. Согласно статье 8 этого соглашения, высшая власть в Греции фактически передавалась Президенту США, так как греческое правительство брало на себя обязательство реализовать любую просьбу Президента США (конечно, во имя безопасности страны).

В Грецию начали прибывать сотни кораблей с современной военной техникой для перевооружения «национальной армии». 24 февраля 1948 г. в Афины приехал американский генерал Ван Флит, который и стал главнокомандующим «национальной армии». 5 тыс американских офицеров и советников начали курировать «национальную армию», в рядах которой прошла чистка офицеров и солдат.

В регионах, где действовала ДСЭ, создалась «мертвая зона», так как около одного миллиона крестьян был насильственно изгнаны с обжитых мест, чтобы партизаны ДСЭ не могли воспользоваться их помощью. Было проведено перевооружение и обучение «национальной армии», подготовлены специальные части для «горной войны». К середине лета 1948 г., когда шли главные бои, соотношение сил ДСЭ и «национальной армии» было 1 к 10, что касается живой силы, и 1 к 50, что касается военной техники, в пользу противника. ДСЭ вообще не имела авиации и танков. Там же американцы впервые использовали бомбы с напалмом, которые стали более известными в годы войны во Вьетнаме. Только в одном бою в Граммосе на позиции ДСЭ было сброшено 338 таких бомб.

Несмотря на неравенство сил, окончательные бои (в местах Граммос и Вици) были жестокими, и не зря изучаются сегодня в военных академиях Греции и США.

Никос Белояннис, когда еще шел бой, написал: «Основным отличием боя в Граммосе была большая разница в живой силе и технике между двумя противниками. Иностранные империалисты передали монархо-фашистам громадное количество пушек и самолетов ... но эта разница была аннулирована морально-политическим превосходством бойцов и командиров ДСЭ, которые сегодня в Граммосе пишут одну из самых блестящих страниц нашей истории, воюя за новую Грецию, за Народную Республику».

Во время гражданской войны (1946-1949 гг.) Никос Белояннис занимался политической работой в войсках Демократической армии Греции. В 1947 г. он становится заведующим отдела пропаганды ДСЭ. В 1948-1949 гг. — Политический Комиссар 10-й дивизии ДСЭ. В 1948 г. был ранен в бою.

В гражданской войне, которая длилась до августа 1949 г., героическая борьба ДСЭ стала первой антиимпериалистической борьбой в мире после Второй мировой войны. Несмотря на героизм бойцов ДСЭ, в конце концов неравномерность сражающихся сил сказалась на результате войны, которая закончилась поражением народной армии.

В период гражданской войны в боях погибло 50 тыс. человек. Были расстреляны по приговорам военных трибуналов 6500 коммунистов и демократов. В тюрьмах и ссылках оказались 50 тыс. антифашистов, которые подвергались чудовищным пыткам. 100 тыс. греков — бойцы ДСЭ и члены их семей — после поражения были вынуждены покинуть родину, основная их часть получила политическое убежище в СССР и других европейских социалистических странах.

Н. Белояннис в сентябре 1949 г. вместе с тысячами вооруженных бойцов сумел уйти в социалистические страны Центральной и Восточной Европы.

В Греции был установлен жестокий антидемократический режим, находившийся в полной политической, экономической и военной зависимости от англо-американского империализма.

В 1950 г. Н. Белояннис стал членом ЦК Коммунистической партии Греции (ККЕ).

6-й и 7-й пленумы ЦК ККЕ, которые прошли в том же году, приняли решение о приспособлении тактики партии к новой ситуации, т.е. после поражения в гражданской войне.

В резолюциях пленумов отмечалась необходимость перенести центр работы партии с вооруженной борьбы на мирную массовую политическую деятельность. Выдвигались политические задачи примирения, борьбы за народный хлеб, против втягивания Греции в новые империалистические оковы США и НАТО. Одновременно подчеркивалось, что партия должна создать мощный подпольный механизм в Греции и в тоже время использовать все возможные легальные способы борьбы.

В июне 1950 года Никос Белояннис по решению ЦК Коммунистической партии Греции нелегально прибыл в Грецию. Он должен был проинформировать партийные силы в Греции о новой линии партии и реорганизовать подпольную сеть партийных организаций в Греции.

Белояннис был не единственным партийным работником, который прибыл тогда нелегально в Грецию. Сотни коммунистов нелегально прибывали в тот период в Грецию. Часть их после выполнения заданий выезжали из страны, но многие были арестованы властями.

Такие миссии считались в партии почетными, и было множество заявлений в ЦК партии с просьбой отправить на подпольную работу на Родину.

В одном из первых сообщений, которое Никос Белояннис отправил руководству партии, написано: «Я чищу и реорганизирую то, что уже есть, и одновременно создаю новое. Много возможностей, перспектива – оптимистичная».

В декабре 1950 Никос Белояннис был арестован. В его аресте особую роль сыграла новая в то время американская организация – ЦРУ. О его аресте полиция объявила только 5-го января 1951 г., неслучайно накануне она запретила выход единственной тогда легальной левой газеты «Демократ», которая выходила с помощью подпольной Компартии.

Несмотря на арест, работа Белоянниса, и в целом работа подпольной партийной организации принесла плоды: в стране ширилось движение за объявление всеобщей амнистии, ликвидацию «лагерей смерти», отмену «чрезвычайных» законов. Начало подниматься и рабочее – забастовочное движение.

100 тыс. сторонников мира Греции поставили свои подписи под Стокгольмским воззванием Всемирного Совета Мира, несмотря на террор и убийство 5 марта 1951 г. в Салониках коммуниста Н. Никифоридиса, собиравшего эти подписи.

В июле 1951 г. по инициативе работавшей в подполье ККЕ была создана Единая демократическая левая коалиция (ЭДА). Характерно, что на состоявшихся 9 сентября 1951 г. парламентских выборах из 10 депутатов парламента, избранных по спискам ЭДА, семь были политическими заключенными и ссыльными демократами, в том числе командующий ЭЛАС генерал С. Сарафис, известный профсоюзный лидер-коммунист А. Амбатьелос и др. Однако власти аннулировали депутатские мандаты политзаключенных-демократов.

19-го октября 1951 г. в чрезвычайном трибунале начался первый судебный процесс против Н. Белоянниса. Вместе с ним на скамье подсудимых находились еще 92 члена Коммунистической партии Греции (ККЕ). Всех обвиняли в том, что они нарушили закон № 509 от декабря 1947 г., по которому запрещалась ККЕ и «коммунистическая пропаганда». Нужно отметить, что в это время в правительстве Греции находились не правые, а «центристы». 16-го ноября чрезвычайный трибунал (в составе которого находился и Г. Пападопулос – будущий главарь «хунты черных полковников» периода 1967-73гг.) приговорил Н. Белоянниса и еще 11 коммунистов к смертной казни. Но приговор не был исполнен, потому что всем было ясно: процесс и приговор чисто политические.

Властям нужно было «поставить» новый судебный фарс, с новыми обвинениями, показывая «вредитель-

ство» коммунистов, то, что они якобы работали против интересов Греции и предавали ее интересы «третьей» силе.

Подпольная ККЕ использовала, в том числе для связи с руководством партии, находящимся за рубежом, сеть радиостанций. Полиция раскрыла две такие радиостанции в Афинах и таким образом, направила «дело Белоянниса» в новый суд, на этот раз в регулярный трибунал, с ложным обвинением «в шпионаже» (нарушение закона №375 от 1936 г.). Второй судебный фарс начался 15 февраля 1952. 1 марта 1952 года был вынесен приговор суда, который приговорил Никоса Белоянниса и еще 7 коммунистов к смертной казни.

В Греции и во всем мире поднялось широкое движение против новых расстрелов. Адвокаты приговоренных просили короля помиловать своих подзащитных. В то же время США требовали от правительства и короля привести приговор в исполнение. В субботу 29 марта 1952 г. поздно вечером король Павлос отклонил просьбу о помиловании Н. Белоянниса и его товарищей. После полуночи в воскресенье 30 марта десятки людей, которые «дежурили» у входа тюрьмы, чтобы препятствовать отправке приговоренных к месту расстрела, не зная о решении короля и правительства, решили разойтись; ведь даже немецкие фашисты не проводили запланированные расстрелы по воскресеньям. Чуть позже в тюрьму прибыли палачи, которые повели четырех человек на расстрел. Это были Никос Белояннис, Димитрис Бацис, Никос Калуменос, Илиас Аргириадис. Их отвезли к месту исполнения приговора и расстреляли при свете фар военных грузовиков и джипов, пока было темно. Каратели торопились, чтобы завершить свое черное дело, пока весть об этом не распространилась по Афинам.

В 50-ю годовщину расстрела Никоса Белоянниса и его товарищей их память почтила Коммунистическая партия Греции (ККЕ). Многие партийные организации провели мероприятия, посвященные этому событию. 30 марта митинги прошли в селе Амалияс, где родился Н. Белояннис, на нем выступил Орестис Колозов – член Политбюро ЦК ККЕ; в городе Никеа (Пирей), где похоронен Н. Белояннис, выступил Теодорос Джяджис – член Политбюро ЦК ККЕ, а также в г. Патра (Пелопоннес), где жил и работал Н. Белояннис, выступил Димитрис Арванитакис – член Политбюро ЦК ККЕ. В Салониках на митинге в честь Н. Белоянниса и его товарищей выступил Христос Коффас – секретарь парторганизации города, были вручены почетные грамоты родственникам расстрелянных коммунистов.

Ведь и сегодня, спустя десятилетия, товарищ Никос и его товарищи в строю бойцов своей партии.

Ангажированное искусство: вклад Латинской Америки

Е.А.Козлова

“Даже ошибки, которые мы совершали, были полезны. Была прорвана рутинна, покончено со множеством предрассудков. Живопись увидела социальные проблемы с новой точки зрения. Она покончила с художником-богемой, который жил отшельником в “башне из слоновой кости”. Тогдашние художники и скульпторы были людьми действия, сильными, здоровыми, знающими, готовыми трудиться как хороший рабочий - по 8-10 часов в сутки. Хотевшими все узнать и понять, и найти свое место среди строителей нового мира. Они надевали комбинезоны и поднимались на леса.”

Х.К.Ороско. “Автобиография”

В данной статье речь пойдет о социальной ангажированности изобразительного искусства в странах Латинской Америки, хотя известно, что эта тенденция способна заявлять о себе повсеместно и во всех видах художественного творчества.

В 1951 году в Каракасе проходила персональная выставка венесуэльского живописца Габриэля Брачо, ученика и единомышленника Давида Альфаро Сикейроса, главы школы мексиканской монументальной живописи, известной изначальной и стойкой приверженностью к социальной тематике. Выставка проходила в период, когда реализм начал сдавать позиции в искусстве Латинской Америки и в противовес ему широко распространялось увлечение абстрактной живописью. В контекст происшедших перемен логично вписалась дискуссия о творчестве Брачо, в центре которой оказалось предложенное Ж.П.Сартром понятие “*l’engagement*”. “Ангажированным” французский философ-экзистенциалист предлагал называть искусство, декларирующее свою связь с окружающим миром, что принципиально отличало его от искусства авангарда, провозгласившего своим содержанием создание независимых миров, рожденных свободным воображением художника. В испанском языке французскому слову “*l’engagement*” в данном случае соответствует испанское слово “*compromiso*”. Соответственно, то, что по-русски принято называть “ангажированным искусством”, в испанском варианте звучит как “*arte comprometido*” - “искусство” + прилагательное, производное от глагола “*comprometer*” в его значении “брать на себя обязательства”.

Двумя десятилетиями позже аргентинский авангардист Хулио Ле Парк распространил определение “обязующегося” искусства за пределы реализма, заявив: “Все художники и те, кто циркулирует рядом с искусством, ангажированы. Большинство находится на службе буржуазии, на службе власти”¹. Под псевдонимом “ангажированность” в данном случае выступала жесткая экономическая зависимость художника от заказчика, ибо от умения удовлетворить его, в очередной раз блеснув новизной замысла, зависят профессиональное реноме и, в конечном итоге, благосостояние творца.

Однако, мексиканский наставник Габриэля Брачо и его единомышленники, в самом начале творческого пути именовавшие себя “художниками-солдатами”, не только декларировали прямую и непосредственную связь свое-

го искусства с действительностью переживающей глубокие общественные потрясения родины, не только называли его “государственным” и искали материальной поддержки в коридорах власти. Они намеревались не просто опереться на покровительство государства с целью решения своих профессиональных и житейских проблем в рамках художественного рынка. Откровенно заявляя о своей, как правило, левой идейной ориентации, они жаждали достойного места для своего искусства в процессе построения нового общества, основанного, как им верилось, на идеалах социальной справедливости. Они апеллировали к исторической традиции общественного служения искусства – от древности до революционных потрясений недавнего прошлого, и заявляли: “Искусство поменяло хозяина. Теперь оно – для трудящихся.” Требуя от государства материальной поддержки, они не стремились во что бы то ни стало угодить этому влиятельному и, пожалуй, единственному более-менее платежеспособному заказчику, какого можно было обрести в разоренной затянувшейся на два с лишним десятилетия гражданской усобицей стране. Более того, с самого начала между представителями власти, выступавшими от лица “коллективного мецената”, и “государственными” живописцами стали возникать трения и противоречия, как эстетические, порожденные непривычным для заказчика языком нового искусства, так идейные, вызванные его прямым антибуржуазным радикализмом.

Монументальная живопись Мексики, пережившей в 1910-1917 годах буржуазно-демократическую революцию, сделала первые шаги в начале 20-х годов и вскоре стала ярчайшим, классическим примером ангажированного искусства Латинской Америки: утверждающего свою неразрывную связь с объективной реальностью, обладающего откровенно выраженной идейной ориентацией и намеренного адресоваться широкой народной аудитории.

Не удивительно, что в XX веке, богатом социальными конфликтами, в странах Латинской Америки, где острота внутренних противоречий усугубляется внешней зависимостью, многие серьезные художники склоняются к левой политической ангажированности. Латиноамериканский художник, не равнодушный к окружающей его действительности, “обречен” на ангажированность, констатирует классик ангажированного искусства Х.К.Ороско. Он пишет из Нью-Йорка Жану Шарло, другому члену дручества революционных живописцев Мексики, о “радости

на весь оставшийся день”, овладевшей его душой после посещения выставки импрессионистов. Но тут же добавляет: “Такие живописцы - люди, которые живут в саду и ждут подружек к пятичасовому чаю, для них - салоны, хорошее общество, хорошая выпивка и мягкая постель. А мы – революционеры, проклятые и мрущие с голоду”².

Но, как это доказывает и творческая практика вышеупомянутого корифея мексиканского монументализма XX века, не следует напрямую отождествлять идейно-нравственное содержание искусства с той или иной политической идеологией, поскольку искусство как самостоятельная форма общественного сознания по-своему осмысливает и преобразует реальный мир.

В советском искусствознании за всяким искусством, противостоящим реализму, укрепилось название “модернизм”, под “авангардом” же подразумевались его течения, возникшие в первой четверти нашего столетия, на этом этапе пока еще заряженные пафосом протеста против существующего порядка вещей. Общность ключевого принципа модернизма как “последовательного и открытого эстетического субъективизма”³ – признание произведения искусства не отражением реальности, а самостоятельным миром со своими проблемами и ценностями, весьма слабо соотносящимся с тревогами и надеждами реальной жизни. Этот вывод вытекает как из анализа трудов теоретиков, упомянутых в данной статье и близких им по духу, так и из самой художественной практики. В модернизме обычно вычлняются частные формы – помимо “авангарда”, это и “неоавангард” и “поп-культура” и “контркультура” и многие другие.

Первые 15 лет XX века рассматриваются как переходные годы, связанные с рождением новых форм реализма и трансформацией стиля модерн в “модернизм”. 1910-1920-е гг. – период похода за обновление всех художественных форм, а заодно и самой жизни, пора оформления и размежевания художественных школ с претензией на обладание уникальной истиной. Как характеристика 1920-30-х гг. выступает противостояние реализма и размножившихся “школ” модернизма. Середина века, годы после второй мировой войны, ознаменовались мировой экспансией модернизма, включая территории за пределами Европы. Последние десятилетия XX в. рассматриваются в этой схеме как триумф предельного индивидуализма, экспериментаторских крайностей – вплоть до ликвидации художественной формы – в сочетании со стандартизацией (массовая культура). В первом из двух названных случаев место искусства может занимать сама жизнь, куски грубой неоформленной реальности, которые могут трактоваться как новые художественные формы, что приводит к неразличимости искусства и неискусства, в конечном же итоге - к потере выработанных гуманитарной культурой человечества критериев художественного творчества и восприятия⁴.

Утрата опоры в виде канона стала компенсироваться в искусстве модернистов личным усилием творца. “Короткое дыхание” таких индивидуальных стилей из-за постоянной потребности в новизне во что бы то ни стало повлекла за собой “замену проникновенности изобретательностью, человеческого пафоса – скандалом”⁵.

Однако на волне популярности революционных идей авангардизм первой четверти XX века внес свой вклад в становление языка революционного искусства. И хотя, по замечанию Г.А. Недошивина, он “не есть непосредственное детище революционных событий, хотя он и возник в обстановке ожидания мощных общественных потрясений и зафиксировал в своих метаниях грозную атмосферу эпохи”, он искал взаимопонимания с революционны-

ми общественными силами, пусть далеко не всегда его находил. Но когда оно возникало, такие художники “переставали быть, в строгом смысле слова, ортодоксальными “авангардистами”⁶, надменно сторонящимися “масс”.

С другой стороны, пишет тот же автор, для самого реализма XX века характерно, “тяготение к философскому размышлению, лирической медитации, сопровождающееся ослаблением роли эпико-повествовательных и особенно предметно-описательных форм в живописи и других видах изобразительных искусств”⁷.

То есть в реальном художественном пространстве идет диффузия форм между субъективистским авангардизмом и искусством, отстаивающим традицию отражения объективной реальности. Учитывая это, трудно говорить о четкой стилистической границе между “модернизмом” и уже далеко не тождественным “натуральной школе” первой половины XIX столетия “новым реализмом”, на который ориентированы представители ангажированного искусства. Отражая на практике эту особенность современного искусства, заявляющие о своей социальной ангажированности художники пользуются отнюдь не только традиционно реалистическим языком. Было бы натяжкой назвать “реалистом в чистом виде” хотя бы Сикейроса, вопреки его юношеским инвективам против европейских “измов”. (Уже в зрелые годы мексиканский мастер скажет, что в Пикассо он ценит “призыв к борьбе за свободу искусства и свободу человека”, и назовет как пример этой борьбы такие работы корифея европейского авангарда, как “Уличные музыканты”, “Герника”, “Мечты и ложь генерала Франко”, “Резня в Корее”). Далека от привычного представления о реализме творческая манера эквадорца О.Гуаясамина. А чилиец Р.Матта, упрямо называющий себя художником революции, начинал как сюрреалист и по сей день остается создателем фантастических абстрактных полотен, монументальных композиций и скульптур, чрезвычайно далеких от того, что принято считать образцами “пропагандистского” искусства.

Ангажированное искусство, вызванное к жизни внутрихудожественными причинами (поскольку, как мы уже говорили, вопрос о социальной роли искусства имеет давнюю историю), получило в XX веке, начиная с его первой четверти, мощный стимул к развитию в силу обстоятельств “внеэстетического” порядка, а именно – обострившихся до крайности социальных и межгосударственных противоречий, разрешавшихся в ходе войн и революций. И точно так же, как общественные потрясения этого столетия продолжают собой цепь затяжных войн и кровопролитных буржуазных революций предшествующих веков, историческими предтечами современных “художников-проповедников” были Калло, Гойя, Давид, Делакруа, Домье... Ближе по времени стоят к ним западноевропейские художники конца XIX века, в творчестве которых пробуждается интерес к жизни и борьбе рабочего класса. В Бельгии это Менье, во Франции – Стейнлен, в Германии – Цилле и Балусшек. Их “критический реализм” в своей оппозиционности существующему порядку вещей был органически связан “с далеко еще не изжившей себя буржуазно-демократической революционностью”⁸. Тенденция защиты буржуазно-демократических ценностей не исчерпала себя до конца и в XX веке, однако в обстановке революционного подъема социально ангажированные продолжатели дела “критического реализма” пойдут и дальше, высказав намерение связать свое творчество с борьбой эксплуатируемых классов против утвердившейся у власти буржуазии.

В разгар первой мировой войны немецкая художница Кэте Кольвиц записала в дневнике: “Хочу служить богу

более сурово, чем когда-либо, то есть быть вполне правдивой и безыскусной... Гений может, пожалуй, уйти вперед и искать новые пути, но хорошие художники, которые пойдут за гением..., должны восстановить утраченную связь. Чистое искусство ателье бесплодно и дряхло, ибо, если нет живых корней, зачем тогда ему существовать?"⁹ Внучка Юлиуса Руппа – богослова, философа, проповедника, выступавшего за социальное переустройство, организовавшего по образцу раннехристианских общину "Друзья света" и отлученного за это от официальной церкви, она с самого начала творческого пути задавалась вопросом о высшем смысле искусства, не могла, по семейной традиции, не вспоминать ностальгически об эпохе его религиозного служения, и, как многие ее современники, сознавала безвозвратность ее ухода. В поисках поприща для общественного призвания, она с начала XX века сотрудничает в сатирическом журнале "Симплициссимус", объединившем на своих страницах лучших графиков Европы. Здесь впервые увидела свет ее знаменитая серия офортов "Крестьянская война".

Созданная ею через два десятка лет, уже непосредственно по следам мировой войны, серия ксилографий "Война" (1919) – эмоциональное свидетельство о человеческом жертвоприношении во имя цели, оказавшейся ложной. Молодые добровольцы, уподобленные К.Кольвиц стаду, ведомому на убой, внутренне сродни героям "Образов мексиканской революции", графической серии Х.К.Ороско, исполненной в те же годы, – с той разницей, что у немецкой художницы нет и следа горькой иронии, присущей мексиканцу, ее гравюры – безутешный материнский плач над убитыми сыновьями и вопль гнева в адрес нажившихся на их смерти губителей.

Мировая война способствовала резкой политизации европейского искусства по обе стороны линии фронта. В первую очередь это коснулось многотиражной графики – в силу ее жанровой специфики. Начальный ура-патриотический пафос листовок, плакатов и карикатур в ходе затянувшегося кровопролития тут и там сменяется пафосом антивоенным: недаром как родные братья похожи друг на друга охваченные ужасом близкой гибели персонажи графических листов бельгийца Ф.Мазерееля и немца О.Дикса.

Война активизировала революционный процесс в Европе. Первым было Дублинское восстание (1916 г.), за ним последовали Февральская и Октябрьская революции в России; падение династий Габсбургов и Гогенцоллернов (1918); Баварская, Словацкая и Венгерская Советские республики (1919 г.)...

Но идеальные устремления левой художественной интеллигенции разбивались о стену суровой реальности: "После стопудовой тяжести военных лет, после полного крушения старого, когда Германия предстала голой, новой, без всяких штемпелей и печатей, – ожидали всего. Самого дерзновенного, совершенно нового. Люди жаждали правды, братства, мудрости. Это были дни революции. То, что получилось, имеет несколько иное лицо, чем мечталось. Ребенок не стал вундеркиндом, он что-то слишком похож на своих родителей. И вместе со всем прочим остались и прежняя ложь, и прежняя ненависть, прежний закон силы против силы..." – негодует К.Кольвиц. И продолжает со смешанным чувством надежды и тревоги: "И вот приходит коммунизм, в котором бесспорно есть идея, – и увлекает за собой людей именно благодаря этой идее. ... Мне страшно трудно определить свою позицию..."¹⁰. Как и "дитя" революции российской или мексиканской, "дитя" революции германской, которому оказалась суждена недолгая жизнь, тоже формирова-

лось среди отнюдь не дружелюбно настроенных к нему "взрослых", представлявших противоположную тенденцию, что не прошло для "малюток" даром, так или иначе отразившись на их "психике". Бросающаяся в глаза разница между утопическими мечтаниями левых художников и противоречивой, во многом неприглядной действительностью не могла не породить в их среде новых тяжелых разочарований. И все же, настаивает Кольвиц, "каждый работает, как может. Я согласна с тем, что искусство имеет цель. Я хочу действовать в это время, когда люди так растеряны и так нуждаются в помощи"¹¹. В том же духе еще в 1919 г. высказался М.Пехштейн, один из "отцов" немецкого экспрессионизма: "Искусство – не игрушка, но долг перед народом. Оно – общественное служение."

Тот же путь, от разочарования, вызванного войной, обесмыслившей патриотический порыв, к надеждам и утратам революционных лет проходит их соотечественник Г.Грос, входивший в число создателей дадаизма. "Мы осмеивали все. Для нас не было ничего святого, мы на все плевали, и это была Дада, – вспоминает он о художественных акциях, имевших место в 1916 году. – Это не были ни мистицизм, ни коммунизм, ни анархизм. Все названные направления имели какую-либо программу. Мы же держались полного, чистого нигилизма, и нашим символом было ничто, пустота, дырка"¹². А в начале 1920-х годов он уже сотрудничает с Кольвиц, Диксом, Нагелем, Фелькером, Цилле в "Комитете художников по оказанию помощи голодающей России", работает в тиражной графике и выпускает антивоенные и антибуржуазные альбомы: "С нами Бог" (1920), "Лицо господствующего класса" (1921), "Разбойники" (1922) и "Расплата придет!" (1923).

В течение двух десятилетий в пережившей войну и революцию Германии одно за другим возникают объединения социально ангажированных и близких им по устремлениям художников: 1918 г., Берлин – "Ноябрьская группа" (М.Пехштейн, Ц.Клейн, Г.Тапперт и др.), наиболее массовое и устойчивое объединение; более скромные по масштабам и менее стабильные по составу – "За новое искусство и литературу" (Магдебург), "Бросок" (Билефельд), "Группа художников Галле", "Дрезденский Сецессион", "Группа 1919". В Берлине открывается "левое" издательство "Малик" братьев Херцфельде и складывается объединение вокруг сатирического журнала "Кнюпель" ("Дубинка"); одноименное объединение появляется в Дрездене. А в 1928 году возникает Ассоциация революционных художников Германии¹³.

Манифест "Ноябрьской группы" гласил: "Нас взрастила плодотворная почва революции. Наш пароль: свобода, равенство, братство! Мы объединились благодаря общности взглядов на жизнь и искусство. Наша главная обязанность – посвятить лучшие силы духовному возрождению молодой свободной Германии"¹⁴. Словно продолжал его манифест "Ассоциации революционных художников Германии", начинавшийся словами: "Искусство – оружие, художник – боец в освободительной борьбе народов против обанкротившейся системы." "Содействовать классовой борьбе", "соответствуя как по стилю, так и по содержанию потребностям трудящихся"¹⁵. В те же 1920-е годы теоретики архитектурного объединения Баухауз бились над все той же проблемой "бесполезности" искусства и предпринимали практические усилия для его возвращения в лоно ремесла. Они мечтали об "объединении всех искусств под крылом великой архитектуры" и сокрушались по поводу того, что "общественные утопии оказались слишком далеки от реальности, чтобы повлиять на повседневную жизнь"¹⁶.

В 1925 г. выходит книга Г.Гросса и В.Херцфельде “Искусство в опасности”, в которой авторы обрушиваются на “чистое” искусство мастеров “парижской школы” не менее яростно, чем это было сделано двумя годами раньше в манифесте мексиканского революционного монументализма, вожди которого, Ривера и Сикейрос, также не понаслышке были знакомы с проблематикой европейской художественной жизни предвоенных и первых военных лет. “Париж как город искусства” (таково название одной из глав книги) представляется Гроссу и его соавтору безнадежно филистерским городом, а попытки авангардистов эпатировать обывателя – обреченными на провал, так как “добрый буржуа” научился находить в них удовольствие, как в острой приправе: “Молодому купцу все по нутру”, скептически замечает Г.Гросс, предлагая в качестве альтернативы искусству, ублажающему филистера, искусство – орудие преобразования общества: “Современному художнику, если он не хочет быть пустоцветом или отсталым от века неудачником, приходится выбирать одно из двух: технику или пропаганду классово-борьбы. И в том и в другом случае он должен отказаться от “чистого искусства”. Либо он в качестве архитектора, инженера, рисовальщика реклам вступает в ряды армии..., которая собирает индустриальные силы и эксплуатирует мир; либо этот художник, став отобразителем и критиком нашего времени, примкнет в качестве пропагандиста, защитника, сторонника революционной идеи к армии угнетенных, которые борются за свою законную долю мировых ценностей, за жизнь с разумным государственным устройством”¹⁷.

Союзы революционных художников создаются в 1920-е годы в Чехословакии (“Союз современной культуры “Деветсил» и “Группа социальной живописи”), в Венгрии (“Социалистическое общество литературы, искусства и науки”; Объединение вокруг журнала “Ма”, в которое входят Б.Уитц и другие мастера; журналы “Эк”, “Единство”), в Болгарии (организация Пролеткульт).

Идеолог “Деветсила” И.Волькер в книге “Пролетарское искусство” так формулировал его задачу: “Революционное искусство – это прежде всего освобождение от инерции старого искусства и тяготение к новому, пролетарскому искусству”¹⁸.

Манифест венгерского “нового искусства” провозглашал борьбу за массовость аудитории. Старое искусство “не может творить чудес, ибо оно уже не передает дыхания масс, оно сгнило изнутри, – констатировали авторы. – Художник изменил себе с тех пор, как стал украшать лампами сады для торговцев рыбой. Художник изменил себе с тех пор, как перестал слышать людские стоны и взялся сажать розы для старых полудев, строить декорации для фабрикантов салями... Такое искусство нам не нужно!”¹⁹

В Германии, той западноевропейской стране, где искусство оказалось самым политизированным, ответом на консолидацию левых художественных сил стало объединение правых. В органы “агитискусства” буржуазно-либерального крыла превратились популярные журналы “Симплициссимус” и “Югенд”, со страниц которых авторы карикатуры (О.Гульбрансон, Т.Т.Хайне, К.Арнольд) нещадно атаковали “спартаковцев”.

Но решительному разгрому “левое” немецкое искусство подверглось с приходом к власти национал-социалистов. Идеологи режима, по воле которых из музеев в ходе кампании по борьбе с “вырожденческим” искусством (в 1937 году в Мюнхене состоялась печально знаменитая выставка “Дегенеративное искусство”), были изъяты полотна Ван Гога, Гогена, Матисса, Пикассо, подверг-

ли травле не только политически активных левых, но и вполне мирных авангардистов, выбрасывая их работы из музеев и угрожая самой жизни. Скульптор Э.Барлах, духовный наследник традиции германской готической скульптуры, был доведен до смерти фашистскими властями, престарелый живописец-реалист М.Либерман подвергся антисемитской травле. Предпочитая, как и всякая власть, утилитарное искусство (Геринг заявил, что Германии нужно искусство, которое способен воспринимать и понимать простой человек из народа), нацисты ратовали за искусство, воспевающее стихии “крови и почвы”, “чистоты расы” и помогающее утверждать “высший порядок” – по-казарменному жестко выстроенную всемирную национальную и социальную иерархию, вершина которой – арийская “раса господ”. Эти меры возбудили протест не только у людей оппозиционно настроенных, но даже у аполитичных деятелей искусства, вынудив многих из них эмигрировать.

Тем не менее, в 1930-х – 50-х годах, уже в ходе и после войны, возникают и действуют новые объединения сторонников социально ангажированного реализма в разных странах и частях света: это объединения немецких художников-антифашистов “Свободный немецкий союз художников” и “Свободная немецкая лига культуры”, “Международная организация художников” в Англии, “Корренте” в Италии, реалисты Греции, “Японская лига пролетарских художников”, “Джон Рид Клуб” в США, и, конечно, объединения сторонников ангажированного искусства в Странах Латинской Америки – от Мексики до Чили.

В условиях Латинской Америки, испытывающей хронические трудности, связанные с экономической зависимостью, правая художественная ангажированность “нацистского типа” отсутствует, поскольку отсутствует ее необходимая предпосылка: идеология борьбы за мировое господство. Что же касается представлений о “мессианской” избранности латиноамериканских народов, они имеют либо охранительную этно-культурную (индигенизм, афро-американизм), либо интегрирующую (“космическая раса” Х.Васконселоса) направленность, что коренным образом отличает их от агрессивных намерений “расы господ” зачеркнуть культуры объявленных “неполноценными” наций и этносов.

Вслед за европейским, изобразительное искусство латиноамериканских стран переживает в первой четверти столетия бурный процесс стилистического обновления. Зарождающийся национальный авангард все решительнее наступает на позиции академического искусства: художественное новаторство становится лозунгом таких объединений, как мексиканский “Барбизон”, бразильские “Антропофагия”, “Пау Бразил” и “Неделя современного искусства”, чилийский “Монпарнас”, “Мартин Фьерро” в Аргентине и т. п.

Переменам в художественной жизни континента безусловно способствовали непосредственные контакты латиноамериканских художников с авангардистами Европы. В первой четверти века мы застаем в Европе тех, кто вскоре окажется в числе пропагандистов и творцов латиноамериканского ангажированного искусства. Это Херардо Мурильо (1875-1964 гг.) – будущий Доктор Атль, наставник студентов Академии Сан Карлос, завтрашних революционных монументалистов. С 1896 по 1903 год он объездил почти всю Европу, а часть ее обошел пешком; побывал также в Египте, Индии и Китае, а 1911-1914 годы снова провел в Париже. Это гватемалец Карлос Мерида (1891 -1984), отправившийся в 1910 году в столицу Франции, где он сблизился с Ван Донгеном, Англадой, Модильяни. В 1919 году в Мехико он делается

одним из учредителей революционного Синдиката живописцев, скульпторов, граверов, рабочих и техников. Это Диего Ривера, проживший в Европе с недолгими перерывами с 1908 по 1921 год и превратившийся в полноправного члена интернациональной “парижской школы”, но наряду с новаторскими течениями пристально изучавший в Италии ренессансные фрески. Это Давид Альфаро Сикейрос, участник мексиканской революции и армейский стипендиат, прошедший в Европе бурные не только в художественном отношении 1919-1921 годы и написавший в Барселоне вместе с Риверой манифест (1921 г.), который по замыслу авторов был призван указать путь обновления мексиканскому искусству. Основоположник перуанского индеанизма Хосе Сабогаль Диегес (1888-1956 гг.) путешествовал по Европе и Северной Африке. В непосредственном контакте с европейским искусством идет становление боливийского индихениста Сесилио Гусмана де Рохаса (1900-1951 гг.). В Европе учатся эквадорский индихенист-марксист Х.А.Москосо (1896-1936 гг.) и его земляк К.Эгас (1895-1962 гг.).

И так же, как в странах Старого Света, наряду с вопросами “чистой формы” художники обсуждают вопросы общественной миссии искусства. Для этого им служат страницы таких изданий, как созданные в Мексике силами революционных художников газеты “Мачете”, “Мартильо” и “Сембрадор”, а также журналы: выходивший в Перу под редакцией Х.К.Мариатеги “Амаута” и “Ревиста де Авансе”, основанный на Кубе Хуаном Маринельо. Начиная с 20-х годов в Мексике и других странах Латинской Америки появляются объединения художников, провозглашающих лозунг сочетания новаторской формы с социально заостренным содержанием. В 1922 году организован мексиканский Синдикат живописцев, скульпторов, граверов, рабочих и техников; в 1933 г. – Лига революционных писателей и художников Мексики, легализованная лишь через год с началом президентства Л.Карденаса; в 1937 г. – основание Мастерской народной графики, продолжившей дело Синдиката и активно работавшей до 60-х годов. Тогда же и несколько позже (1940-е – начало 50-х гг.) создаются аналогичные мексиканской Мастерской объединения графики в других латиноамериканских странах: “Боздо” (Аргентина); “Клубы друзей гравюры” в Порту Алегри и других городах Бразилии и в Уругвае; реалистические школы аргентинской и чилийской графики; “Художественный центр” Пуэрто-Рико. Графики – реалисты работают в Боливии (М.Эхидо), Сальвадоре (К.Минеро), Гондурасе (А.Каналес).

Поездки Сикейроса, Риверы и Ороско по Латинской Америке и США усиливали влияние идей ангажированного искусства. В Аргентине формируется течение “нового реализма” (А.Берни (1905-1982 гг.), Д.Урручуа, Л.Э.Спилимберго, Х.К.Кастањино (1909-1972 гг.)). В Бразилии идейно близко мурализму мексиканцев творчество К.Портинари (1903-1962 гг.), Л.Сегала (1881-1957 гг.), Э.ди Кавалканти (1897-1976 гг.), Т.ду Амарал (1894-1973 гг.); в Эквадоре – Х.А.Москосо, Д.Паредеса, Э.Кингмана, Б.Мены, Л.Техады; в Чили – К.Эрмосильи Альвареса (1905 гг.). Под влиянием Х.К.Ороско формируется художественный мир эквадорца О.Гуаясамина, под влиянием Риверы – художников из США Хастингса и Барнеса.

Распространению революционных настроений среди художников Латинской Америки способствовала и сама действительность их родного континента, лицо которой определяла экспансия более мощных держав не только в экономике, но и в сфере идеологии и культуры. Реакцией на нее стали подъем националистических настроений и популярность лозунгов социального и расово-

го равноправия, усиленная влиянием идей революции в России. В первой четверти столетия политические страсти кипят не только в Европе. Мексику в 1910-1917 годах сотрясает буржуазно-демократическая революция, за которой следует осложненный вооруженными конфликтами период “каудильизма”; в 1918 году вспыхивает вооруженное восстание в Рио-де-Жанейро; 1925-1927 годы в Бразилии – это антидиктаторский партизанский поход “Колонны Престеса” через внутренние районы страны; на Кубе с 1923 года под руководством Х.-А.Мельи разгорается национально-освободительное движение, направленное против вмешательства США во внутреннюю жизнь страны; в Эквадоре в результате вооруженного выступления “Лиги молодых офицеров” принимаются законы, направленные на защиту национальных интересов... В этой обстановке в латиноамериканских странах от Мексики до Чили одна за другой возникают коммунистические и идейно близкие им партии. Под давлением слева в этот период во многих странах континента для правящих режимов становится характерна популистская политика. Лидеры возникшего в 1925 году “Латиноамериканского союза” также придерживаются левой политической ориентации. А это значит, что облик латиноамериканского ангажированного искусства формируется в такой атмосфере, специфику которой можно охарактеризовать словами Х.К.Мариатеги: “Невозможно быть действительным националистом и революционером, не будучи социалистом”²⁰.

В искусстве латиноамериканских стран ярчайшими примерами национально и социально ангажированного искусства стали мексиканская монументальная живопись нескольких послереволюционных десятилетий и связанная с нею в идейном и формальном отношениях политизированная графика. Это лидерство, без сомнения, обусловлено атмосферой, созданной революцией 1910-1917 годов, и последующим периодом вызванных ею общественных преобразований, завершившимся в общих чертах в 50-е годы.

Воздействия примера левых художников Западной Европы и Советской России на искусство революционных художников Мексики и шире – всей Латинской Америки – в первой четверти XX века нельзя не замечать. О намерении наладить контакты с единомышленниками в Советской России свидетельствует, к примеру, открытое письмо Д.Риверы “АХРР и стиль пролетарского революционного искусства”, напечатанное в №6 за 1926 год советского журнала “Революция и культура”. Как в Старом, так и в Новом Свете появление ангажированного искусства было обусловлено одними и теми же социально-историческими условиями; революционный процесс способствовал политизации художников по обе стороны Атлантики.

Наступивший XX век принес с собой новые веяния, и на страницах артистического журнала “Ревиста Модерна” в 1902 году появилась декларация писателей и художников Мексики, включающая такие слова: “Артисты, писатели, художники, музыканты добровольно отрекаются от бесплодного и легковесного искусства и хотят отныне вдохновляться той сложной и ярчайшей эпопеей, суть которой состоит в продвижении человечества к лучшему будущему; своими произведениями они постараются ускорить приближение общества к свободе и гармонии, которые восторжествуют при коммунизме, когда наконец искусство сможет радовать мир как источник чистого удовольствия”²¹. Впрочем авторы манифеста, интеллектуалы-либералы, оппозиционные по отношению к правящему диктатору П.Диасу, не вкладывали в крамольное слово “коммунизм” конкретного политического смысла. Они просто использовали его для обозначения “лучшего буду-

щего”, к которому, как им хотелось надеяться, движется человечество. То существенное, что стоит отметить в связи с этой публикацией, заключается в стойком стремлении представителей творческой интеллигенции Мексики утвердить искусство в жизнестроительной роли.

Социально-критические мотивы в манифесты, а потом и в создания мексиканских художников внесла революция. Собравшиеся в 1918 году на съезд в г. Гвадалахара “художники-солдаты”, участники не отгремевших еще боев, сформулировали намерение “всем красноречием, всей убедительной силой своего искусства способствовать развитию мексиканской революции... Мы поможем нашим рабочим и крестьянам в преобразовании Родины. Поможем поборникам идей свободы создать новое национальное государство, или, вернее, впервые в истории Мексики сплотить ее народ в единую нацию. Своим искусством мы должны бороться за независимость Мексики, наши произведения должны быть исполнены высокого агитационного пафоса, должны поднимать народные массы на освободительную борьбу”²². Унаследованная от идейных предшественников, буржуазных просветителей и либералов, доминанта – национально-культурное самоутверждение и самовыражение – в творчестве ангажированных художников Мексики XX века будет накрепко связана с социальным пафосом.

Образованный в 1922 году в Мехико “Синдикат революционных живописцев, скульпторов, граверов, рабочих и техников” объединил в своих рядах сторонников различных взглядов на предназначение искусства. Наряду с горячими сторонниками национальной и политической ангажированности в него вошли и члены группы “Контемпоранеос” (“Современники”): С.Ново, Х.Торрес Бодет, Х.Вильяуррутия, Э. Гонсалес Рохо и др. Это были прежде всего новаторы формы, “изысканные” художники, как обозначил их Сикейрос. Его же и его товарищей эти живописцы квалифицировали как “неотесанных, с “любовой” эстетикой” энтузиастов утопии²³.

Тогда же наряду с “Контемпоранеос” возникла и группа художников, которые с первых шагов, сначала в завуалированной форме, а потом и откровенно противопоставили себя представителям “политического искусства”. Многие из них (Мануэль Родригес Лосано, Абраам Анхель, Хулио Кастельянос, Руфино Тамайо) уже в 1923-1925 годах выражали свое стремление покинуть страну и обосноваться за границей. У них, как они говорили, вызвало отвращение “искусство для туристов Диего Риверы и вся эта демагогия на стенах”²⁴. “Независимые” мексиканские живописцы расценивали социально ангажированное монументальное искусство как некое подражание авангардизму, считали его недостойным внимания провинциальным течением.

Лидеры же этого течения, напротив, намеревались сделать его глубоко национальным движением как в эстетическом смысле, так и по способам обращения к явлениям идеологии и политики; движением особым, которому, как считал Сикейрос, по самой своей сути следовало послужить основой для развития аналогичных движений во всем мире. То есть, в мурализме они видели не меньше, чем универсальную антитезу авангардизму. При этом всемирной универсальности своего искусства мексиканские энтузиасты монументальной живописи хотели достичь на скрещении национальной и социально-критической координат: присоединить свой голос к голосам всех, кто выступает за мир, где исчезнет эксплуатация человека человеком, они хотели не потеряв “собственного выражения лица”.

В период подъема революционных настроений в об-

ществе и в искусстве молодые мексиканские художники презрительно именовали музеи “кладбищами искусства”. Здесь они были заодно и с К.Кольвиц, удрученной скукой мало кого интересующих выставок; и с вождем итальянских футуристов Маринетти, взывавшем в “Первом манифесте футуризма” (1909 г.): “Отведите течение воды в каналах, чтобы наводнить склепы музеев..! О! Пусть вода унесет вдаль славные полотна!”; и с их российскими единомышленниками; и даже, отчасти, с апологетами “производственного искусства” из Советской России, морально изничтожавшими, подобно радикально настроенным сторонникам “проповеднического” монументализма, “социально бесполезную” станковую живопись за то, что “Деляккруа, написавший баррикаду, так же мало помог французскому революционному движению, как и Жерико с его скаковыми лошадьми”²⁵.

Но, что касается последней из вышеприведенных аналогий, следует подчеркнуть, что латиноамериканские сторонники функциональности искусства никогда не призывали “отменить” независимость этого “бесполезного” рода деятельности. Полезность функциональности для искусства виделась им двояко: искусство способствует “самоусовершенствованию человеческого рода”, решая в ходе этого процесса и эстетическую задачу обретения содержательного смысла своего существования. То есть, решение противоречий общественного развития должно было, с их точки зрения, привести и к устранению противоречий, касающихся самого искусства. Под “самоусовершенствованием человеческого рода” уже сен-симонисты имели в виду “улучшение общественной организации в интересах наиболее многочисленной части населения, т.е. его трудящейся производительной части”²⁶. Ангажированное искусство адресуется именно к ней, но не как к “массам”, понятым, на ортеговский манер, как обыватель, на всех социальных уровнях генетически неспособный к восприятию художества. Ангажированный художник считает своим адресатом представителя классов и социальных слоев, все еще ограниченных в возможностях эстетического развития; поэтому его идеальная цель – достижение полноты возможностей развития для всех людей. Для него быть на стороне исторического прогресса означает разделить со своим адресатом его заботы вплоть до отождествления себя с ним. Поэтому в манифесте Синдиката мексиканских революционных художников появляются строки: “В эпоху яростной классовой борьбы, эпоху, когда империализм подавляет наш народ, крестьян, коренных обитателей страны, для работников интеллектуального труда и тех, кто занимается живописным ремеслом, нет иного пути, кроме объединения по образцу объединений революционного пролетариата...”²⁷

Случалось и так, что художники революции откладывали кисти, чтобы непосредственно вмешаться в общественную жизнь. И тогда члены мексиканской Мастерской народной графики (ее основатель Л.Мендес, А.Брачо, А.Сальсе, М.Хименес и др.) становились участниками “культурных миссий” в провинции – школьными учителями и пропагандистами. График Л.Ареналь в 1933 году был избран первым секретарем мексиканской Лиги борьбы с войной и фашизмом; А.Пухоль в 1936 году представлял свою страну на первом всеамериканском антифашистском конгрессе, а в 1937 году уже воевал в Испании на стороне Республики; Ф.Досамантес председательствовал в профсоюзе учителей; О.Фриас входил в руководство мексиканского Комитета сторонников мира... Особенно показателен в этом отношении пример Сикейроса: от профсоюзной работы среди шахтеров в 30-х го-

дах до политической деятельности – вплоть до причастности к организации убийства в Мексике (1940 г.) высланного из СССР Л.Троцкого. В 1960 году маститый художник оказывается в тюрьме по политическому обвинению в связи с событиями, развернувшимися вокруг кубинской революции; осужденный на восемь лет заключения, на свободу он выходит три года спустя. Летом 1968 года он выступает в поддержку студенческого движения за отмену конституционных статей, предусматривающих преследование за “подрывную” деятельность.

Сама специфика послереволюционной мексиканской и мировой действительности заставляла художников, готовых разделить заботы своего времени, выходить за границы профессиональной компетенции. Этого, как уже было сказано, никто не в праве вменить художнику в обязанность, но если он действует по собственной воле, то политический активизм наверняка, более или менее опосредованно наложит отпечаток на его творчество. Так случилось уже на раннем этапе существования мексиканского монументализма, когда его творцы сочли нужным повысить коэффициент полезной деятельности, дополнив свою стенопись тиражируемой графикой. Однако, Пуиг Касаурранг, сменивший Васконселоса на посту министра просвещения и культуры, расценил политическую направленность иллюстрированной газеты Синдиката “Мачете” как слишком радикальную и пригрозил художникам разрывом контрактов на росписи (1924 г.). И тогда газета превратилась в полулегальное издание, которое расклеивалось на стенах как плакат. Позже ее наследницами стали газеты “Мартильо” и “Сембрадор”.

Программные документы объединений ангажированных художников свидетельствуют об отчетливом осознании ими противоречия между смелостью творческих замыслов и спецификой возложенной ими на себя пропагандистской миссии. “Синдикат предполагает, поставив себя на службу народным классам в их борьбе, создавать искусство, великое и в эстетическом и в техническом отношениях...” – декларируют свое намерение в 1923 году начинающие революционные монументалисты. Это положение прямо перекликается с задачей, сформулированной четырнадцатью годами позже основателями Мастерской Народной Графики (1937 г.): “Мастерская Народной Графики будет стремиться к тому, чтобы ее продукция помогала мексиканскому народу в деле защиты и обогащения национальной культуры. МНГ считает, что искусство на службе народа должно отражать социальную реальность своего времени и добиваться единства содержания и реалистической формы... МНГ будет стремиться к постоянному повышению профессионализма своих членов, сознавая, что успех искусства на службе народа может быть обеспечен только высшим пластическим качеством работ.”²⁸

Богатство содержания, определяющееся способностью иметь несколько уровней возможного прочтения, всегда свидетельствовало о высоких достоинствах произведения искусства. Но существуют виды и жанры, в которых особенно ценится определенность и однозначность содержания. Агитационный плакат или сатирический рисунок тем совершеннее, чем нагляднее и точнее доносят они до зрителя заданную идею. Дебютом Мастерской стал именно плакат – приветствие созданной в 1938 г. Конфедерации трудящихся Мексики. Затем год за годом выходили индивидуальные и коллективные графические альбомы: “Во имя Христово” (Л.Мендес, 1938 г.), “Черная книга нацистского террора в Европе” (коллективный, 1939 г.), серия гравюр “Франкистская Испания” (Р.Ангиано, Л.Ареналь, Л.Мендес, 1938 г.), “Образы мексиканской рево-

люции” (85 гравюр, 16 авторов, 1947 г.). На мировую войну художники Мастерской откликнулись антифашистскими плакатами. В рамках кампании по ликвидации неграмотности (1940-е гг.) ими иллюстрировались учебники на языках индейцев (А.Бельтран).

Признанный глава Мастерской Леопольдо Мендес учительствовал в составе культурных миссий и пережил, находясь в провинции, эпопею восстания “кристерос” (1926-1929 гг.). Но, по собственному его заявлению, он всегда считал себя в первую очередь художником, для которого главное оружие – искусство, и потому оно нуждается в постоянном совершенствовании. Верность заявленному принципу подтверждают его гравюры на линолеуме, которые свидетельствуют о виртуознейшем владении этой техникой. Его работы отмечены монументальностью – можно сказать, родовой чертой мексиканского изобразительного искусства, свойственной ему с древнейших времен. Так же как небольшие произведения индейской пластики не утратили бы названного свойства, будучи увеличены во много раз, линогравюры Мендеса, выполненные для проецирования на киноэкран (под титры), органично превращались при этом в своеобразные подобию муралей (“Рио Эскондидо” – 1947 г., “Pueblerina” – 1948 г., “День жизни” – 1950 г., “Белая роза. (Эпизоды из жизни Хосе Марти)” – 1953 г., “La Rebellion de los colgados” – 1954 г., “Un Dorado de Pancho Villa” – 1966 г.). Рисунки же раскрывают перед нами лирическую грань дарования мексиканского мастера графики.

Но наряду с “высшим пластическим качеством работ” члены Мастерской обязаны были не терять из виду назначения своей продукции. Это условие изначально отсекало эксперименты, ему противоречащие: “С самого начала мы не стремились выдвинуть эстетическую программу, направленную на то, чтобы совершить революцию формы. Наши намерения были таковы, что нам важнее был конечный результат к которому мы стремились. Графика, выражающая социальную тематику, требовала принять во внимание доступность форм массовому зрителю, народу; и потому в нашей Декларации Принципов мы сделали упор на реалистические тенденции и рассмотрели документы, касающиеся реализма, чтобы наилучшим образом сфокусировать свою работу. Мы откликались на злобу дня; никогда мы не работали специально для выставок, как это делают многие объединения художников, наши произведения всегда были функционально нацелены”²⁹.

Заметим, что, упрощая выразительный язык, порой болезненно “наступая на горло собственной песне”, серьезные творцы ангажированного искусства при этом отчетливо дистанцировались от самонадеянного дилетантизма – от той “простоты хуже воровства”, когда беспомощность формы дискредитирует содержание. Хотя порой практика участия в общественных акциях требовала жертвовать качеством в пользу оперативности. Так произошло, к примеру, в случае, упомянутом одним из ветеранов “Мастерской”, А.Бельтраном. Когда летом 1959 года в Мексике началась всеобщая забастовка учителей, солидарность художников с бастующими выразилась в создании огромного, в 420 м², панно, полностью закрывшего одну из стен трехэтажного здания Министерства просвещения, занятого учителями. Монументальный плакат “Борьба бастующих учителей” (авторы – А.Бельтран, А.Мехиак, А.Гарсиа Бустос) имитировал технику линогравюры. Сам плакат не сохранился, нет и репродукций с него, как с вещи, выполненной “на случай”. Характерна оценка этого творения, данная А.Бельтраном: поспешность исполнения, безусловно, не лучшим образом

отразилась на качестве работы, но это не уменьшило степени воздействия транспаранта на общественное мнение. То есть, здесь художественное качество сознательно было принесено в жертву оперативности – выбор естественный для короткоживущего образца публицистической продукции.

В 70-е годы художники-самоучки из общины Солентина вошли в состав Союза никарагуанских художников, объединившего 150 человек. Члены никарагуанского творческого союза поставили перед собой задачу создать “революционную, демократическую, народную, национальную и антиимпериалистическую культуру”, к которой, как и ко всей совокупности мировой культуры, могли бы приобщиться широкие массы народа. При этом народ должен получить возможность стать не только потребителем культуры, но и ее творцом. Министр культуры Э.Карденаль утверждал, что вместе с тем художественный уровень искусства не будет снижен во имя его доступности, напротив – речь идет о том, чтобы поднять народ до высот самой совершенной культуры. Он проводил смелую параллель между творчеством никарагуанских самоучек и “примитивами” итальянского Проторенессанса. Однако в связи с приобщением к искусству его подопечных-крестьян стоит отметить гораздо менее отдаленное по месту и времени родство, а именно – аналогичную деятельность революционных художников Мексики, открывавших перед одаренными выходцами из низов возможность приобщиться к настенной живописи в составе бригад монументалистов и к графическому искусству – в стенах Мастерской народной графики. А в Европе, в Германии 20-х годов, центром вовлечения непрофессионалов в художественное творчество, в том числе в изобразительное искусство, был “Рабочий совет по искусству” при “Ноябрьской группе”.

Идея социальной справедливости должна была вдохнуть жизнь в “большой революционный стиль” XX века, видевшийся в мечтах творцам ангажированного искусства. В 1927 году Д.Ривера, обращаясь со страниц журнала “Революция и культура” к советским художникам, ратует за создание “стиля, соответствующего пролетарской революции”, и призывает формировать “новый, пролетарский вкус”, но тут же предостерегает коллег от узко утилитарного подхода к искусству, который непросто обедняет его, лишая зрителя-пролетария “эстетической радости” – “правильной и высочайшей награды за его труд”. Такая эстетическая радость, продолжает мексиканский художник, совсем не обязательно должна иметь умиротворяющий, расслабляющий характер, напротив – должна заражать бодростью, прибавлять силы. Ривера представляет себе пролетарское искусство как шаг вперед в развитии искусства мирового, на этом направлении “его стиль сделает из живописи прекрасный, точный, ясный и синтетический язык... Пролетарское искусство должно заговорить языком, понятным для всех пролетарских масс мира и могущим одновременно проникнуть в наиболее культурную среду стран капиталистических, являясь таким образом оружием исключительной силы в руках коммунистов”³⁰.

Ривера видит сверхзадачу пролетарского искусства в соединении богатого содержания, способного привлечь внимание “самой культурной среды”, с доступностью формы для человека, эстетически неискушенного в силу его долгого отчуждения от мира высокой культуры. Но, поскольку попытки практически решать эту задачу повсеместно упираются в реальное противоречие, решение которого лежит за пределами возможностей искусства, художник, обращающийся со своей “пластической пропо-

ведью” к эстетически неискушенным “широким массам”, вынужден во имя понимания идти на самоограничения. На этом пути искусству потенциально угрожает обеднение выразительного языка вплоть до превращения живописи и графики в некое подобие рисуночного письма, оперирующего штампами “революционной иконографии”. То есть благородное стремление к демократизации творчества может поставить творца на грань профессионального самоустранения.

Проблема отличия “социального заказа” как голоса определенной социальной группы от “госзаказа” с его материальной обеспеченностью, но и с сопутствующими ей уступками, перед ангажированными живописцами Мексики встала еще в период существования Синдиката. После кончины этого профсоюза художников, вызванной скандалом вокруг коммунистической газеты “Мачете”, лишь Диего Ривера сумел надолго сохранить стабильные отношения сотрудничества с властью. “Д. Ривера продолжал занимать официальную должность платного художника. Это обстоятельство нанесло значительный ущерб творчеству Диего и внесло еще большую сумятицу в его идеологию. Его муралы свидетельствовали о том, что он поддался на обман правительства. Его фрески не отражали реальную жизнь пролетариата. Пролетариат выглядел у него как абсолютный хозяин своей судьбы. Пролетариат, с оружием в руках воспевающий свою победу. Единство рабочих и крестьян, жаждущих воспользоваться своей победой. Для оправдания своей позиции Ривера пускался в софистику. Своим друзьям он говорил, что “остался, дабы бороться с противником на его собственной территории”. Он утверждал, что все мы, то есть члены неофициальной фракции профсоюза, мечтатели и романтики, ничего не смыслящие в тактике. А вот он “на деньги правительства будет создавать произведения, подрывающие изнутри государство, идущее по пути реакции”. Однако государство ничуть не беспокоили хитроумные маневры Риверы, оно даже поощряло избранный им путь. Кроме того, революционное красноречие Риверы не выходило за стены здания, где он работал. Его живописные воззвания не доходили до народа. Он откупился дорогой ценой... На смену традиционным коллективным принципам Синдиката в отношении работы и защиты профессиональных интересов художников пришла личная монополия Риверы на выполнение официальных заказов... “Я – сапожник, – говорил он, – и в современном обществе у меня не остается другого выхода, как тачать сапоги для тех, кто их носит. Я – художник-муралист, и пока вы, воители, не создадите новое общество, мне приходится страдать под гнетом нынешних хозяев”³¹.

Ангажированность рождалась на основе личной убежденности или через вовлеченность художника в коллективную идеологию – национальную, политическую, культурную. Но в ходе политической борьбы и борьбы идей заказчик, естественно, отдавал предпочтение тем способам художественной деятельности, которые могли наиболее успешно решать поставленные им идеологические задачи. В подобной ситуации художник, ангажированный революцией и имевший свой взгляд на события, свои представления о пути страны к будущему, волей-неволей становился глашатаям официоза.

Не только в Мексике “революционные каудильо” и президенты в стремлении укрепить позиции своих режимов и правительств санкционировали поддержку полезного им искусства. Но все они отнюдь не приветствовали расхождений с официальной идеологией. Известны акты мести негодным художникам, заключавшиеся в разрушении прежде написанных работ. Ее жертвами

пали настенные композиции Д.А.Сикейроса “Рабочий митинг” и “Тропическая Америка” (Лос Анджелес, США, 1932 г.), “Смерть захватчику”(г.Чильян, Чили, библиотека школы имени Мексики, 1941-1942 гг.; роспись была замазана в 1973 г. по распоряжению захвативших власть военных). Вокруг работы Сикейроса в вестибюле столичного Театра Хорхе Негрете на тему “Сценическое искусство в общественной жизни Мексики” (1959-1968 гг.) разгорелся затяжной скандал, сопровождавшийся “заключением” ее результатов за ширму на несколько лет. В 1937 году были уничтожены “Антифашистские аллегории” Х. О’Гормана, написанные на стене одного из столичных общественных зданий. Из-за идейных разногласий не была закончена, а потом и подверглась уничтожению фреска Диего Риверы в Рокфеллеровском центре (Нью-Йорк, 1933 г.); его же роспись “Видение воскресным вечером на Центральной Аламеде” в столичной гостинице Дель Прадо подверглась нападению экзальтированных католиков по причине вписанной в нее крамольной фразы мексиканского философа-атеиста XIX века: “Бога нет”. А в Боливии, придя в 1964 году к власти, генерал Баррьентос свел счеты с художником-монументалистом Аландиа Пантохой, расправившись с его росписями 50-х годов...

Наиболее ортодоксальными выразителями идей ангажированного искусства среди течений, возникших в этот период, выступают боливийские живописцы, принадлежащие к так называемому “поколению 52 года”. Вторая половина столетия начинается здесь Национальной революцией апреля 1952 года. Выразителями ее идей в искусстве и выступают эти художники. Ориентиром для их творчества, которое они провозгласили “социальным”, становится мексиканский монументализм. Точно так же, как в послереволюционной Мексике, главными образами монументалистов Боливии становятся индеец, крестьянин, рабочий. Точно так же боливийцы жаждут найти именно в них адресатов своего искусства. Мигель Аландиа Пантоха, виднейший представитель ангажированного реализма, центром которого становится столица страны, Ла-Пас, пишет здесь и в шахтерском городе Кавати на стенах общественных зданий яркие, исполненные драматизма муралы. В городе Сукре в том же направлении действует группа “Атенео”, которую возглавляет В.Солон Ромеро, испытывавший, как и многие другие ангажированные художники Латинской Америки, во время учебы в Мексике влияние Сикейроса. Вместе с другими членами “Атенео”, Х.Иманой и Л.Вакой, он работает над многочисленными росписями: на стенах городского Университета, Школы учителей и других общественных зданий. Течение социального ангажированного искусства в Боливии привлекает к себе в это время множество сторонников.

В то же время в Венесуэле, столица которой стала одним из центров латиноамериканского авангардизма, активно работает группа художников – социальных реалистов “Паракатос”, виднейший представитель которой Г.Брачо формировался под влиянием Сикейроса, что отразилось в тематике и на манере его живописи. Тем же путем продолжают идти О.Гауясамин в Эквадоре, К.Портинари в Бразилии, их единомышленники в Чили и в Перу. На Кубе в обстановке победившей революции возникает оригинальная школа политического плаката.

В 1955 году Сикейрос посещает Польшу и СССР. Сделанное им в это время заявление – “Открытое письмо советским живописцам, скульпторам и графикам” (“Carta abierta a los pintores, escultores y grabadores sovieticos”) – повторяет аналогичное обращение к молодым польским художникам. Критикуя “формализм”, он

анализирует особенности “социалистического реализма” и не скрывает трудностей, стоящих перед социально активными художниками Мексики.

“С притоком американских туристов, – напишет он позже об этом времени в “Воспоминаниях”, – усиливался национализм. ...Живопись становится все более “приятной на вид”, и нападки буржуазии на творческие эксперименты нашего первого периода сменились безмерным восхвалением”. Многие молодые “польстились на должность учителей рисования и обюрюкратились самым жалким образом. Так были морально уничтожены по-настоящему талантливые художники. Конечно, возродилась станковая живопись. Конечно, возродилось искусство ради спекуляции искусством. Многочисленная группа молодых художников объявила себя “вольными художниками”. Вновь усилилось европейское влияние. Опять вернулись к выставкам картин. Открылись картинные галереи. Туристский рынок все расширялся, а вместе с ним росло и производство художественных поделок, отвечавших невзыскательным вкусам покупателей. Имитация заменила собой былые плодотворные поиски”³².

К началу наступления на позиции ангажированного искусства в Латинской Америке по-своему были причастны силы, формировавшие политический климат в мире после окончания второй мировой войны, хотя они и не имели профессионального отношения к искусству. В 1947 году заключается “Межамериканский договор о взаимной помощи” под лозунгом спасения от “угрозы международного коммунизма” – событие, за которым следует политическое “поправление” многих режимов. Примеры пытающегося отстаивать суверенитет национальной экономики правительства Мексики, популистской политики Х.Д.Перона (1946-1955 гг.) в Аргентине и Ж.Варгаса (1930-1945 гг.) в Бразилии с его лозунгом построения “государства справедливости” представляют собой исключения, подчеркивающие общую тенденцию. “Холодная война” в экономике и политике сочеталась с наступлением “по всему фронту” на позиции “промосковского” искусства.

Поворот в международной политике сочетался с популяризацией в прессе и материальной поддержкой частными и правительственными фондами США художников, ориентированных на “парижскую школу”. Тому же способствовала культурная политика Музея современного искусства в Нью-Йорке. Выступая от имени своих коллег, член его руководства, искусствовед кубинского происхождения Х.Гомес Сикре призывал покончить с “орудием международного коммунизма” – ангажированным мурализмом, которому он предъявлял обвинения в академичности, анекдотичности и фольклоризме. О.Пас, выступая в защиту “универсальных ценностей” в живописи, высказывался за необходимость “достичь в пластике универсальности нового типа, не прибегая на сей раз к “идеологии”, и в то же время не отступая от заветов предшественников: источником вдохновения должна быть душа нашего народа”³³.

Правая политическая пропаганда, ставившая под вопрос право на существование в Латинской Америке “промосковского” искусства, умело воспользовалась перемнами, происходившими в недрах “твердыни социалистического реализма”. Позиции “государственного искусства” в Латинской Америке, ослабевают по мере того, как с середины 50-х годов идеологи советского “реального социализма” сдают позицию за позицией, постепенно переходя от противостояния к соревнованию с формально критикуемым ими “обществом потребления”. Идейный кризис “реального социализма” способствовал кризису связанного с ним проекта искусства, альтерна-

тивного мировому авангардизму. В то же время топорные методы советской цензуры вроде бульдозеров, брошенных против выставки неформалов, и публичных “разносов” неугодных власти художников придавали выставкам оппонентов соцреализма заманчивый “подпольный” колорит, создавали ауру притягательности вокруг бунтарей и рикошетом били по авторитету официально признанных советских мастеров и их зарубежных коллег, стоявших на тех же позициях.

С утратой представителями “мексиканской школы” лидирующего положения в национальном искусстве ангажированное искусство в Латинской Америке постепенно перестает быть течением, объединяющим усилия коллективов творцов, исповедующих сходные взгляды не только на содержание изобразительного искусства, но и на его широкие пропагандистские возможности. В этом отношении пример классика чилийского искусства Р.Матты, называющего себя революционным художником, но не ставящего перед собой проблемы общедоступности формы, можно считать характерным и типичным для многих его более молодых коллег. Откликаясь, как и прежде, на политические события и перипетии идейной борьбы, они практически пользуются тем же пластическим языком, что и представители современных авангардистских течений.

Один из примеров названного явления – творчество канадца А.Белкина (р. 1932 г.), с 1948 г. активно участвовавшего в художественной жизни Мексики. Здесь он завершил начатое в Польше художественное образование и был в числе художников, сотрудничавших с Сикейросом в период работы мастера над грандиозным ансамблем Полифорума “Марш человечества на земле и в космосе” (начало – 1965 г., общая площадь произведения, исполненного в сложной смешанной технике – 4 600 м²). Через четыре года после смерти Сикейроса (1974 г.) Белкин организует мастерскую монументальной живописи при Национальной школе изящных искусств Сан Карлос. В индивидуальной манере этого художника желание максимально приблизиться к реальности заявляет о себе широким использованием фотодокументов, технических чертежей и иллюстраций из анатомических атласов, где человек представлен лишенным даже природных защитных покровов.

Художник заявляет, что главный его интерес – исторический процесс как последовательность событий, часто как бы повторяющихся в разных местах Земли и в разное время. Излюбленный герой Белкина – жертва, принесенная на алтарь общественной борьбы, поскольку в жертвенности, считает он, наиболее ясно проступает смысл исторического процесса. На первой гаванской Биеннале (1984 г.) он представил панно памяти Э.Сапаты, получившее там главный приз центра имени В.Лама. Через два года, на очередной Биеннале, он выставляет в кубинской столице семь крупных панно, посвященных вооруженной борьбе латиноамериканских партизан. Социально-политическая тематика занимает важнейшее место в творчестве этого художника, по-своему продолжающего традиции мексиканского социально ангажированного искусства. На двух его персональных выставках в Мехико (1976 г., Музей современного искусства) экспонировались живописные серии “Марат” и “Марат и гибель Че Гевары”, названия которых говорят сами за себя. В то же время у Белкина, как и у многих других латиноамериканских художников, продолжающих считать социальный протест важной темой своего искусства, заметна тенденция к переносу акцента с политического пафоса предшественников на защиту “человека как такового”. Возможно,

именно это и есть причина обилия “биологических” мотивов в его картинах и панно.

Другой мексиканский живописец, Г.Чавес Вега (р.1931 г.), также оспаривает точку зрения Л.Кардосы-и-Арагона на социальный реализм в Латинской Америке как на явление исторически ограниченное и к настоящему времени исчерпанное. Хотя, касаясь практики современных живописцев-монументалистов, Чавес Вега вынужден признать их склонность к самодовлеющей декоративности, он утверждает, что при работе с группой единомышленников в штате Халиско старается развивать лучшие традиции мексиканского мурализма. Созданная этой бригадой художников в столице названного штата роспись “Гвадалахара – поклонение человечеству” посвящена всем борцам за свободу человечества – от вождей Великой французской буржуазной революции до революционеров наших дней³⁴.

Г.Нуньес в Чили, в условиях военного режима, работает над серией картин памяти его жертв “Мы не забудем эти лица” (1974 г.). Его выставка, открытая в мае 1975 года в Сантьяго, в тот же день закрыта военными, а художник арестован и выслан из страны. В 70-е годы представители чилийской левой художественной эмиграции активно сотрудничают с единомышленниками в Европе. Настенные росписи членов бригады им. Пабло Неруды “Сопrotивление фашистскому режиму” в одном из рабочих кварталов Рима делаются ими в соавторстве с молодыми итальянскими художниками. В университете Бремена чилийцы работают рядом с немецкими художниками.

На события 1973 года в Чили откликаются сериями работ венесуэлец Г.Брачо (картины “Футбол”, “Волейбол”, “Баскетбол”, “Теннис” – о расправе над противниками переворота на стадионе в Сантьяго) и эквадорец О.Гуаясамин (триптих “Реки крови”).

В Боливии 80-х годов продолжают активно работать члены распавшейся к этому времени группы “Атенео”: Солон Ромеро, Имана, Вака. Действуя теперь индивидуально, они продолжают, тем не менее, сохранять прежнюю идейную общность. Боливийская художественная критика отмечает в их поздней манере ту же “догматизацию” формы, которую мексиканские искусствоведы считают характерной для позднего мурализма. Промежуточную позицию между “чистым” авангардом, тяготеющим к абстракционизму, и социально ангажированным направлением занимает в Боливии конца столетия группа более молодых художников: Э.Ареналь, Ф.Монтес, Г.Риверо и др. Их главная тема – “труженик земли” как часть природы и ее преобразователь.

При известном снижении на сегодняшний день уровня социальной ангажированности латиноамериканского искусства престиж его национальной ангажированности продолжает оставаться заметно высоким. Более того, эта тенденция начинает претендовать на “трансконтинентальный” размах. Ее популяризации способствуют акции, подобные II Биеннале в Гаване, объединившей в экспозиции произведения художников из стран Латинской Америки, Азии и Африки, называемых обычно “развивающимися” – в противоположность экономически высоко развитым странам Запада. “Нам следует отдать себе отчет в том, – пишет по этому поводу венесуэльский искусствовед П.Эрмини, – что не существует причин ни эстетического, ни какого-либо другого порядка, чтобы продолжать признавать пресловутое превосходство художников Нью-Йорка, Парижа, Лондона и Рима, и, тем более, принимать во внимание абсурдное мнение, будто художественная продукция всего остального человечества имеет более низкое качество”³⁵. Он настаивает на необходи-

мости обретения формы сотрудничества, “в которой можно было бы заявить о художественной и культурной общности” народов трех континентов, по-прежнему нуждающихся, как он считает, в утверждении собственной независимости. Этому процессу препятствует, по его мнению, разобщенность художников, причем не только представляющих “все остальное человечество”, но даже соседей по континенту – латиноамериканцев: “Мы лучше информированы (и это отнюдь не случайно) о происходящем в искусстве Северной Америки и Европы, продолжающим играть роль гегемона на мировом рынке культуры”³⁶.

Однако, теоретически постулируя необходимость равноправия и независимости, в стилистическом отношении искусство латиноамериканцев следует в настоящее время в общем русле, не предлагая ничего подобного тому альтернативному “контрпроекту”, каким пыталось стать в свое время искусство мексиканских революционных монументалистов. Даже такую исполненную местного колорита акцию, как афро-кубинский перформанс “Жизнь. Смерть. Возрождение.”, представленный в рамках той же II Биеннале талантливейшим представителем кубинского “ученого примитивизма” Мануэлем Мендиве, при всей захватывающей экзотичности этого зрелища, нельзя не признать локальным вариантом этого направления интернационального авангарда. И в этом отношении рассуждения латиноамериканских философов-неопозитивистов 80-х годов о кризисе “культурного национализма”³⁷ заслуживают внимания.

Но кризис вовсе не обязательно заканчивается смертью. “Я не думаю, что наше движение вступило уже в период смертельного кризиса. Его значение слишком велико для того, чтобы думать о его окончательной ликвидации... Это направление, которое может заглухнуть здесь, но с необходимостью должно проявить себя с еще большей силой, большей мощью, в другом месте”³⁸, – заметил Сикейрос почти полвека назад. У социально ангажированного искусства как феномена современной мировой художественной культуры глубокие исторические и социальные корни. Проблемы, его породившие, по-прежнему не сняты с повестки дня в культуре и в общественной жизни в целом. А это значит, что у него есть шанс заявить о себе в будущем – вопреки всем попыткам дискредитировать его как эстетически несостоятельное и потому не вписывающееся в схему “единственно возможного” рыночного механизма функционирования искусства явление. Новые попытки откликнуться художественными средствами на зов противоречивой действительности будут осуществляться в том или ином месте планеты в тех формах, продиктованных временем и востребованных обстоятельствами. Однако в любом случае опыт латиноамериканских представителей ангажированного искусства наверняка сможет стать полезным наследникам их дела.

Список литературы

1. Шелешнева Н.А. Латиноамериканская живопись XX века. – М., Наука. С. 1990, – С.183.
2. Orozco J.C. El artista en Nueva York. (Cartas a Jean Charlot, 1925-1928). – Mexico, (1971). – P.38.
3. Недошивин Г.А. Теоретические проблемы современного изобразительного искусства. – М. 1972 г. – С.91
4. Художественная культура в капиталистическом обществе. Структурно-типологическое исследование. Научн. Ред. Проф. М.С.Каган. – Л., ЛГУ, 1986. №3. Художественная культура XX в.: Духовно-содержательный аспект. – С.164-167.

5. Самосознание европейской культуры XX в. Изд. Полит. Лит., 1991. Гл. П. Ответственность художника перед миром гуманного. Вступ. статья Р.А.Гальцевой и И.Б.-Роднянской. – С.155.

6. Недошивин Г.А. Теоретические проблемы современного изобразительного искусства. – М. 1972. – С.101.

7. Там же. – С.269.

8. Там же. – С. 45.

9. Кольвиц К. Указ соч., – С. 59.

10. Там же. – С. 166.

11. Там же. – С. 91.

12. G. Grosz. Ein Kleines Ja und ein grosses Nein. - Hamburg, 1955, S.121. – Цит. по: Недошивин Г.А. Указ. соч. – С. 163.

13. См. :Искусство революцией призванное. Великая Октябрьская Социалистическая революция и искусство стран Восточной Европы. – М., 1969.

14. Хелен Адкинс. Создавайте новые выразительные формы! Немецкое политическое искусство 20-х годов – пример для СССР. – Цит. по: Москва-Берлин... Москва-Берлин / Berlin-Moskau, 1900-1950... – С.233.

15. Там же. – С. 237.

16. Там же.

17. Г.Грос, В.Херцфельде. Искусство в опасности. - Цит. по: Г.Грос. Мысли и творчество. М., 1975. – С. 46.

18. Виноградова Е.К. Воинствующее искусство. По: Искусство революцией призванное. – С.250.

19. Гершкович А.А. В дни венгерской коммуны. Искусство революцией призванное. – С.304.

20. Цит. по: Шелешнева Н.А. Указ. соч. – С. 28.

21. Fernandez J. El Hombre. Estetica del arte moderno y contemporaneo. – Mexico, 1962. – P.114.

22. Д.А.Сикейрос. Меня называли Лихим полковником. Воспоминания. – С.142.

23. Д.А.Сикейрос. Меня называли Лихим полковником. Воспоминания. – С.125.

24. Там же.

25. Б.Арватов. “Искусство и классы”. М.– П. 1923. – С. 35.

26. Плеханов Г.В. Искусство и общественная жизнь. – Указ. изд. – С.336.

27. Манифест Синдиката живописцев, скульпторов, техников и рабочих. Цит. по: Claves... , lam.4.

28. Декларация Мастерской народной графики. Claves... , lam.15.

29. Ривера Д. АХРП и стиль пролетарского искусства. – “Революция и культура”, 1926 г., №6. – С. 54.

30. Цит. по: Leopoldo Mendez. Dibujos, grabados, pinturas. – Mexico, 1984, prologo por R. Carrillo Azpeita. sin p.

31. Сикейрос Д.А. Меня называли Лихим Полковником. Воспоминания. – С. 310.

32. Сикейрос Д.А. Указ.сочинения – С. 141.

33. Цит. по: Suarez O.S. Inventario del muralismo mexicano. – P.40.

34. Чавес Вега Г. “...Развивать традиции монументальной живописи”. Интервью журналу “Латинская Америка”, 1981, №1. – С.110-115.

35. P.Erminy. Nuestra America y La Segunda Bial de la Habana. Segunda Bial de la Habana’ 86. Catalogo general. – La Habana, 1986, – P. 430.

36. Ibidem.

37. Из истории философии Латинской Америки. – С. 204-205.

38. Siqueiros D.A. A un joven pintor mexicano. Mexico, 1951, – P.14.

Кара-Мурза как зеркало русской контрреволюции Полемиические заметки по поводу книги С.Г.Кара-Мурзы «Советская цивилизация»

В.Д.Пихорович

«Противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого – действительно кричащие. С одной стороны, гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы. С другой стороны – помещик, юродствующий во Христе. С одной стороны, замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши, – с другой стороны, «толстовец», т.е. истасканный, истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом... С одной стороны, беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс; с другой стороны, – юродивая проповедь «непротивления злу» насилием. С одной стороны, самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок; – с другой стороны, проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии, стремление поставить на место попов по казенной должности попов по нравственному убеждению, т.е. культивирование самой утонченной и потопу особенно омерзительной поповщины. Поистине:

*Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная
– Матушка Русь!»*

*В.И. Ленин. Лев Толстой, как зеркало русской революции.
Полн. собр. соч., т. 17, с. 209-210*

Нужно признать, что среди марксистов сегодня нет публицистов, равных С.Г.Кара-Мурзе. Книги, которые он выпускает в течение последнего десятилетия едва ли не каждый год, становятся не только все толще и толще, но и все интереснее. Пожалуй, главной отличительной чертой этих книг, что, наверное, больше всего и привлекает к ним интерес читателя, является их живость и оригинальность, то есть непохожесть как на, может быть, очень правильные, но нередко скучные статьи представителей революционного крыла нашего движения, так и на такие же скучные, но при этом еще и пошло-реакционные писания тех писателей, для которых лимит на революции уже исчерпан.

С.Г. Кара-Мурза демонстративно не солидаризуется ни с теми, ни с другими, хотя обоим течениям в какой-то мере сочувствует. Критикует он больше правое, зюгановское крыло, чем левое. Но при этом именно в правом крыле он пользуется большей популярностью и почти что непререкаемым авторитетом. И именно издания КПРФ охотней всего предоставляют свои страницы этому талантливому публицисту.

Итак, цель рецензируемой книги – апология советского строя, демонстрация его превосходства над западной культурой. В этом деле автор демонстрирует совершенно изумительную наблюдательность, изобретательность, тонкость анализа. Как и остальные книги С.Г.Кара-Мурзы, «Советская цивилизация» вобрала в себя основные идеи опубликованных им ранее в различных изданиях материалов и отличается теми же качествами, что и его газетные статьи. Это беспощадная критика капитализма и гневный протест против разрушения советской науки и культуры, это невероятная масса переработанного материала и блестящая публицистика.

«Советская цивилизация» состоит из двух книг, одна из которых имеет подзаглавие «От начала до Великой Победы», а вторая – «От Великой Победы до наших дней». Что касается первой книги, то на ней я бы хотел остановиться несколько позже. Вторая же представляет собой настолько захватывающее повествование о советской жизни 40-х, 50-х, 60-х годов, что далеко не каждая художественная книга может сравниться с ней в этом отношении. Еще более убедительны и страстны страницы, посвященные уничтожающей критике той части советской интеллигенции, которую автор считает главной виновницей перехода к капитализму. А сколько восхищенных страниц посвящено социалистической Кубе, где автор жил и работал несколько лет! Кара-Мурза пишет, что он провел там счастливые годы. И считает, что и для Кубы 60-е годы были счастливыми.

Надо сказать, что в описании виденного и пережитого им лично С.Г. Кара-Мурза вполне может быть поставлен в один ряд с самыми талантливыми русскими писателями. В то же время, книгу отличают не только тонкие наблюдения в сфере становления советской культуры и формирования нового человека, но и правильное и очень остроумное решение множества вопросов, о которых идеологи «официальных компартий» предпочитают вообще не вспоминать. Возьмем, скажем, вопрос об «уравниловке» в Советском Союзе. С.Г. Кара-Мурза не только не видит ничего плохого в уравнительном распределении, но и буквально поет ему хвалебную песню. Да и впрямь, только перевернутые набекрень перестройкой мозги интеллигента могут увидеть что-либо плохое в том, что в Советском Союзе и простой рабочий, и мастер, и директор завода получали абсолютно одинаковые квартиры в одном и том же доме. Что детям рабочих, колхоз-

ников старались создать такие же условия для развития, что и детям ученых, артистов, руководителей любых рангов. Что все наши граждане, независимо от дохода, могли читать одни и те же книги, журналы, газеты, смотреть те же фильмы и спектакли, учиться в одних и тех же вузах. Здесь вслед за автором «Советской цивилизации» нам остается только сожалеть, что такой уравниловки у нас было мало. Примечательно, что С.Г. Кара-Мурза абсолютно точно чувствует и то, почему в нашей, в общем-то бедной, стране была возможна такая роскошь, как обеспечение равного доступа не только к основным материальным благам (жилье, питание, одежда), но и равные возможности для развития личности, и то, почему они недоступны при капитализме и исчезли у нас, как только исчез социализм. Причина – в характере экономики. Там, где экономика ориентирована на получение наивысшей прибыли, никого не может интересовать человек и его развитие. Автор посвящает множество страниц книги, чтобы показать, что товарно-денежные отношения и развитие человека несовместимы.

Книгу пронизывает ненависть к пробуржуазной интеллигенции, особенно столичной. Но эта ненависть не слепая. Кара-Мурза тщательно исследует процесс ее перерождения. Он восхитен интеллигенцией послереволюционной. Он слагает гимн скромному подвигу советских учителей, врачей, инженеров, ученых, который они совершали все годы Советской власти. Но в то же время он ясно видит и зародыш будущего предательства интеллигенции. По мнению Кара-Мурзы, перестройка в умах московской интеллигентской верхушки началась еще в 50-е годы. Поэтому хрущевская «оттепель» легла на уже подготовленную почву. Особо опасными оказались последствия этой «интеллектуальной перестройки» для экономической сферы социализма. Кара-Мурза не забывает упомянуть о реформе, как он ее весьма удачно называет, «Либермана-Косыгина», сыгравшей особую роль в скатывании Советской страны к катастрофе. Правда, по его мнению (которое, к слову, вряд ли можно считать обоснованным), она тогда была быстро свернута, поскольку руководство страны увидело разрушительный характер рыночных преобразований.

Тем более становится неловко, когда этот блестящий публицист вдруг ударяется в не совсем удачные теоретические изыски (именно теории в основном посвящен 1 том «Советской цивилизации»). Фабула этой «теории», как на сегодняшний день, проста до неприличия: Маркс не прав, а Ленин – и подавно. А если Ленин и бывал прав, то только в той мере, в которой он хитрил перед партией и под видом марксизма протаскивал нечто противоположное. Конечно, такая «теория» не стоила бы разбора, если бы этим привычным для сегодняшней демократической интеллигенции делом занялся кто-то другой, а не Кара-Мурза – страстный защитник всего советского и коммунистического.

В основании претензий Кара-Мурзы к Марксу лежит какая-то смешная, как для нормального (не испорченного никакой «философией») человека, идея: Маркс, мол, евроцентрист, а Россия, она – самобытная. Для нее законы общественного развития, которые открыл Маркс, не писаны. Эдаким способом недолго договориться и до того, что российские яблоки падают не на землю, а чуть-чуть в сторону. Ведь закон земного тяготения Ньютон открывал явно без учета русской специфики. Конечно, над всем этим можно смеяться сколько угодно, но, к сожалению, С.Г. Кара-Мурза вовсе не шутит. Еще в 1997 году он писал в вошедшей в книгу «Опять вопросы вождям» статье «Россия как традиционное общество» буквально сле-

дующее: «И для осмысления нашей истории и бытия мы применяли аппарат евроцентризма, со всеми его понятиями, идеалами и мифами. Особенно когда господствовал истмат с идеей «правильной» смены формаций». (С.Г. Кара-Мурза. Опять вопросы вождям. С.52). Сразу неприятно поражает общепринятый в среде демократов, но совершенно не принятый в науке, способ критики, когда какая-то идея критикуется не по первоисточнику, а посредством ерничанья по поводу карикатуры на эту идею. Если вам не нравится идея объективно обусловленного развитием производительных сил смены производственных отношений, то будьте добры опровергнуть Маркса, а не сваливать все на какой-то там «истмат», к которому Маркс (сегодня это, согласитесь, стало очевидно) не имеет никакого отношения. И к чему это взятое в иронические кавычки слово «правильной»? Но, ладно, это так, к слову. Чем же предлагается заменить ненавистный «евроцентристский» истмат?

«Поведение России оказывается совсем не аномальным и даже нисколько не странным, а вполне правильным, если глядеть на нее не через очки евроцентризма, а применить хорошо уже разработанное в науке представление о двух разных типах общества: современном и традиционном». (там же. С.53). Вы, наверное, думаете, что это представление «разработано» в какой-нибудь посконно русской науке? Ничего подобного. Апологет западноевропейского капитализма, «классик» антикоммунизма Макс Вебер, исследователь патологий сознания деятелей фашистского рейха Эрих Фромм, Леви-Стросс и т.д. и т.п. – вот они – «знатоки» русской специфики. Да еще М.Бахтин, изучавший карнавальную культуру Средневековья. Оказывается, со средневековой Западной Европой и племенами каменного века, которые изучал Леви-Стросс, у нас куда больше общего, чем с современной индустриальной Западной Европой.

Впрочем, ссылки на эти западные авторитеты – не более чем обычный в ученой среде риторический прием. Что, мол, какой-то там Маркс, которого «знают все»?! Со всем другим дело экзотические и в то же время модные Вебер, Фромм, Леви-Стросс! Само собой разумеется, что читатель не читал ни одного из них, но кто же в этом признается. Все будут согласно кивать головой: кто не знает Леви-Стросса? Вот Маркс и посрамлен. В силу этого автор получает право будто бы от имени этой самой науки, в которой «разработаны» только что им придуманные «понятия», нести любую околесицу.

Суть «теории» С.Г. Кара-Мурзы в том, что он запрещает рассматривать нашу историю с точки зрения открытых Марксом законов исторического развития и старается вывести советскую историю не из революции пролетариата, а из развития русской крестьянской общины.

Посмотрим, в чем же видит С.Г. Кара-Мурза особенность советской истории. Очень характерно, что он постоянно употребляет очень непривычное для воспитанного на марксистской терминологии уха, такое, я бы сказал, «несоветское» выражение как «советский проект». Думается, что непривычность такого значения слова проект не только в том, что его к нам принесли демократы и употребляется оно сегодня где не попадая, но и в том, что оно с ушами выдает идеалистическое и даже телеологическое понимание истории тем, кто его применяет в отношении этой самой истории.

«Взяв в качестве знамени постулаты марксизма, он («советский проект» – В.П.) представлял собой совершенно иную цивилизационную траекторию, нежели социал-демократический проект Запада. Причина известна: Россия была крестьянской страной с традиционным об-

ществом, в культуре которой сохранились многие структуры аграрной цивилизации. Западная социал-демократия – продукт гражданского общества, в котором крестьяне как класс и как культура сохранились лишь в реликтовом состоянии (в сельском хозяйстве они заменены фермером» (С.Г. Кара-Мурза. Советская цивилизация. От великой Победы до наших дней. С. 90).

В этих двух предложениях – целая программа понимания советской истории. Их стоит разобрать подробно. Уже сам стиль (в целом эта книга написана хорошим, живым русским языком) выдает надуманность и неестественность этого псевдотеоретического построения: «Взяв в качестве знамени постулаты марксизма, «проект» представлял собой совершенно иную цивилизационную траекторию». Как «проект» может взять постулаты? Да еще в качестве знамени? И при этом «представлять собой траекторию»? Что-то совсем негладко получается.

Но давайте разберемся по содержанию.

Начать нужно было бы с «постулатов марксизма». Согласитесь, что очень важно узнать, какие именно «постулаты марксизма» взял «советский проект» «в качестве знамени». Автор их не называет. И не назовет никогда. По той причине, что их нет и никогда не было. Дialeктика, которую Ленин называл «живой душой марксизма», тем и отличается от привычного для большинства ученых (не исключая уважаемого С.Г. Кара-Мурзы) метафизического метода мышления (самое обидное, что в «нетеоретической», так сказать, художественной своей части «Советская цивилизация» нередко является образцом диалектического видения предмета), что для нее «нет ничего святого», никаких постулатов.

«Для диалектической философии нет ничего раз и навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему» (Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 276).

Диалектика не действительность выводит из каких-то невесть откуда взявшись «постулатов», принципов («проектов»), а наоборот, сами принципы выводит из анализа соответствующей действительности.

Спору нет, что работа это весьма трудоемкая. Значительно легче «взять в качестве знамени» какие-нибудь «постулаты», как, скажем, постулат о вечности и неуничтожимости русской общины, и подбирать для его «доказательства» удобные исторические примеры, аккуратно обходя примеры неудобные. Допустим, вот так: «Как и в Японии, индустриализация в СССР проводилась не через возникновение свободного рынка рабочей силы, а в рамках государственной программы. В Англии крестьяне в ходе «огораживаний» были превращены в пролетариев, которые вышли на рынок свободной силы как свободные индивидуумы. В СССР после революции 1917 г. в селе была возрождена община (мир), лишь частично подорванная в 1906-1914 гг. реформами Столыпина. Необходимые для индустриализации (и избыточные для села) трудовые ресурсы были получены посредством «коллективизации» – насильственного создания сельских кооперативов (колхоз) и государственных ферм (совхоз), которые государство снабжало машинами и другими средствами интенсивного сельскохозяйственного производства. Вытесненные при этом из села, крестьяне не «атомизировались» и не стали пролетариями. Они организованно были направлены на учебу и на стройки промышленности, после чего стали рабочими, техника-

ми и инженерами. Жили они в общежитиях, бараках и коммунальных квартирах, а потом – в рабочих кварталах, построенных предприятиями. Это был процесс переноса общины из села на промышленное предприятие. Получилось так, так что основные черты общинного уклада на предприятии проявились даже больше, чем в оставшемся на селе колхозе» (там же. С. 91).

Прочитав это, можно подумать, что до революции в России рабочие жили в особняках, а не в бараках и «общежитиях», или что в бараках и в общежитиях жили крестьяне в селе. Или что они «миром» решали, в какую сторону лучше строить Турксиб и в каком месте возводить Днепрогос.

Если и принесли крестьяне с собой что-то в город в годы индустриализации, то вовсе не принципы крестьянской организации быта или, тем более, производства, а свой крестьянский способ мышления (метафизический по причине ограниченности крестьянского способа деятельности, ограниченного пределами деревенского «мира»). Но даже этот крестьянский способ мышления смог сохраниться в условиях социалистического производства (вплоть до того, что даже сегодня Кара-Мурза пытается с помощью этого интеллектуального «молотка, зубила и какой-то матери» разобраться в причинах поражения социализма в СССР) только потому, что нашел подходящую почву в ограниченном характере труда интеллигенции в той мере, в какой обязательное для коммунизма стирание различий между умственным и физическим трудом у нас зашло с определенного времени в тупик.

Что касается «принципов» организации производства, то они диктовались в годы индустриализации теми мощными «европейскими» и «американскими» средствами производства, которые пришли на смену доброй «общинной» сохе. И для того, чтобы овладеть этими новыми производительными силами, приходилось разрушать эти «структуры аграрной цивилизации», а вовсе не переносить их в промышленность. К счастью, большевики тогда еще не были знакомы с теориями наших ученых «деревенщиков» и разрушали эти «структуры» безжалостно: начиная с того, что они буквально насильно усадили за парты всю деревню, чтобы покончить с ее «самобытной», «космической» безграмотностью и заканчивая тем, что они всячески поддержали инициативу сначала изотовского, а потом стахановского движения, острие которых как раз и было направлено против «общинной» расхлябанности миллионов крестьян, пополнивших ряды рабочего класса. Мы привыкли, что стахановское движение – пример коммунистического отношения к труду. Но ведь прежде чем оно таким стало, оно было всего лишь применением в советских условиях самой, что ни на есть западной и нерусской «потогонной системы Тейлора». Но в том и состоит сущность социализма как первой фазы коммунизма, что он превращает труд из проклятия в первую жизненную потребность, из средства его закабаления и отупления в условие его гармоничного универсального развития. Спору нет, что крестьянин тоже является по-своему универсально развитой личностью, но предел его «универсума» весьма и весьма ограничен, и до коммунистической безграничной универсальности отсюда значительно дальше, чем от «ограниченности» и односторонности городского рабочего. Не замечать этого во имя деревенской «универсальности» может только тот ученый, который ничего не понял в истории, или сознательный городской лицемер.

В противовес марксизму Кара-Мурза выдвигает свою классификацию человеческого общества. Он различает

сельское (традиционное) и городское. Советское общество он видит в первую очередь как традиционное сельское. Соответственно, экономика советского общества у него оказывается «семейной» экономикой.

Скорее всего, апелляция к деревенщине у Кара-Мурзы связана с незнанием реального, а не выдуманного «патриотическими» писателями советского села, точно так же как и критика марксизма связана с поверхностным знакомством с этим учением.

В результате индустриализации, коллективизации и культурной революции от старого российского общинно-лапотного крестьянства ничего не осталось. Крестьянский «мир» с его патриархальной, почти что первобытной общностью был взломан «смычкой» с городом, крестьянскими Советами, которым, наряду с Советами рабочих и солдат, принадлежала власть в стране. Его внешние границы, нередко в «космическом» крестьянском сознании обозначенные «железными столбами», поддерживающими небо, были до бесконечности раздвинуты школой, газетами, радио. Его внутренние границы (а внутренней границей общины всегда оставалась межа между наделами) были распаханы тракторами. Между сельским трактористом эпохи коллективизации и дореволюционным русским крестьянином общего не больше, чем между крестьянской лошастью и трактором СТЗ, сделанным по американской лицензии. Бесспорно, были на селе и отсталые элементы, которые упирались в своей заскорузлости. Но можно смело говорить, что уже после войны фетишизируемое Кара-Мурзой общинное крестьянское самосознание если и сохранилось где-то, то разве что в головах городских писателей и профессоров, которые в свободное от основной работы (вовсе не на ферме и не на поле) время, наслаждаясь всеми удобствами городских квартир, расписывали прелести хоть и неустроенной, но такой «самобытной» и «духовной» крестьянской жизни.

Суть русской деревни советского периода, как ни парадоксально это звучит, уже составлял город: его отношения, его культура. Новый, колхозный крестьянин все больше жил той же жизнью, теми же целями и интересами, что и рабочий социалистического города – целями и интересами всей страны и трудящихся всего мира. В этом смысле русская деревня совершенно не отличалась от украинской, или, скажем, если можно так выразиться, казахской. Впрочем, на уровне эмпирии, а, точнее, я бы сказал, на художественном уровне, когда ему не приходится подгонять факты под свою вымученную теорию, Кара-Мурза мастерски демонстрирует это явление советской жизни. Эпизод из «Советской цивилизации», который я сейчас приведу полностью, фантастичен и глубоко правдив одновременно.

«Был 1957 г., многие семьи жили еще в землянках...

Подъехал молодой казах-пастух на лошади. Хоть и лето, а в шапке-ушанке и полушубке на голое тело. Мы еще ночи казахстанской не хлебнули, и в жару его наряд казался странным. Он явно залюбовался на наших девушек, но разговаривать стал с ребятами. Разговор был такой замечательный, что в память врезался до мелочей – и в то же время не верится.

Парень тот кончил местную десятилетку и работал пастухом. Узнав, что мы из МГУ, он обрадовался – у них, мол, таких никогда не бывало. И спрашивает нас: «Над чем сейчас Виктор Шкловский работает, что нового пишет?» Я лично имя Шкловского отдаленно слышал, но ничего не читал, так что промолчал. Нашелся среди нас один знающий, что-то сказал пастуху о космологии. Пастух проявил полное знание предмета. Я, говорит, стара-

юсь все книги Шкловского покупать, да не уверен, что все к нам доходят. Потом спрашивает: «А что Бонифатий Михайлович Кедров написал? Вы с химфака, наверное, знаете». Б.М.Кедров был философ и историк химии, но тогда я и имени его не слышал, это потом я его слушал на первом собрании, где открыто громили Т.Д.Лысенко (кстати, я с Лысенко рядом сидел на том собрании). А позже с Кедровым мне пришлось работать в одном институте. Но тогда пастуху никто не смог ничего ответить. Девочки наши вообще отвернулись, их смущали косматая лошаденка и тулуп на голое тело. Захохотал пастух и уехал» (С.Г.Кара-Мурза. Советская цивилизация. Книга вторая. С 78).

И дело здесь было не только в равном образовании, как для городских, так и для сельских детей, что само по себе характерно только для социализма, но в стирании различия между городом и деревней вообще, что и было настоящей целью коллективизации. Дело было не только в образовании и в том, что деревня тянулась к городской культуре, не только в газетах, радио, телевидении, а и в том, что сельское хозяйство переставало быть изолированным, общинным, а становилось частью общественно-хозяйства, отраслью промышленности. Уже другой вопрос, что с определенного времени этот процесс не только затормозился, но и пошел вспять, в смысле того, что городские жители начинают вести сельский образ жизни. Кара-Мурза замечает это. Но ему кажется, что это все та же община, обычаи которой перевозили в город вчерашние крестьяне. На самом деле – это уже обратный процесс, который имел свое основание в экономическом регрессе, связанном с усилением товарных начал в социалистической экономике. В конечном счете, это приводит к тому, что горожане начинают производить продукты питания патриархальным способом – на личных огородах.

На самом деле, социализм – это намного более высокая форма связи между людьми, чем сельская община. Бесспорно только одно, что это не индивидуализм капиталистического города. Но это и не шаг назад по отношению к буржуазному городскому индивидуализму, а шаг вперед. И производится этот шаг вперед на основе общественной собственности на средства производства, а не на основе общинной собственности на землю. Он снимает индивидуализм не потому, что этот индивидуализм городской, а потому, что он буржуазный. В этом смысле социалистический коллективизм есть не сельский, а городской коллективизм. Другое дело, что главное в нем было не то, что он был городской, а то, что он был социалистическим, и от городского капиталистического уклада жизни он отличался гораздо больше, чем от сельского социалистического.

Впрочем, вряд ли стоит отрицать, что очень долгое время в советском селе сохранялись многие элементы общинности. При очень большом желании можно даже говорить о том, что именно элементы общинности были положены в основу колхоза. Но это ведь ничего не объясняет. При таком «общинном» подходе неясным остается не только вопрос о том, почему во времена нэпа община себя не проявляет, а разложение крестьянства на классы, такое нехарактерное, по мнению Кара-Мурзы, для общины, очень даже себя проявляет, но и вопрос, почему не прижились культивируемые и поощряемые в начале двадцатых годов коммуны. Ведь они были такие «общинные». В то время как колхозы очень даже прижились.

А дело в том, что дело не в общине как таковой. Дело еще и в условиях существования этой самой общины. Ме-

нялась ведь не только община, но и исторические условия ее существования. Вот Кара-Мурза говорит, что Маркс, мол, в отличие от Ленина, «увидел именно в сельской общине зерно и двигатель социализма, возможность перейти к крупному земледелию и в то же время избежать мучительного пути через капитализм» (С.Г. Кара-Мурза. Советская цивилизация. Книга первая. С 16).

Для доказательства своей мысли Кара-Мурза употребляет такие приемы: он цитирует книгу Т.Шанина (почему-то не указав ни ее выходных данных, ни страницы): «Впрочем, эти взгляды о русской крестьянской общине (взгляды о... – Кара-Мурзу всякий раз подводит стиль, как только он собирается схитрить в теории – В.П.) настолько противоречили ортодоксальному марксизму, что и сам Маркс не решился их обнародовать – они остались в трех (!) вариантах его письма В.Засулич, и ни один из этих вариантов он ей и не послал»(там же).

У читателя сразу возникает вопрос: что же послал Маркс Вере Засулич? Наверное, нечто противоположное тому «тайному знанию» о русской общине, которое открыл у него с помощью Т.Шанина Кара-Мурза. На самом деле Маркс послал вот такой текст:

«Анализ, представленный в «Капитале», не дает, следовательно, доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины. Но специальные изыскания, которые я произвел на основании материалов, почерпнутых мной из первоисточников, убедили меня, что община является точкой опоры социального возрождения России, однако для того чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия развития» (К. Маркс. Письмо В.Засулич. К.Маркс, Ф.Энгельс, соч, 2-е изд. Т.35, с.137). Разумеется, напечатанное во 2-м издании сочинений Кара-Мурза не цитирует, точно так же, как не указывает, откуда он процитировал «секретное знание» о русской общине, «скрытое» Марксом от общественности. Иначе ведь вся детективная история о взглядах Маркса, которые «противоречили ортодоксальному марксизму» и о «тайных» выводах Маркса насчет русской общины, «к которым Ленин пришел только в 1920-х годах», рассыпалась бы в прах. Точно так же нельзя было бы морочить голову читателю тем, что Энгельс тоже виновен в сокрытии истины в угоду «ортодоксальному марксизму», поскольку он в письме Даниэльсону пишет, что инициатива преобразования русской общины может исходить не от нее самой, а исключительно от промышленного пролетариата Запада.

Тогда бы стало ясно, что Энгельс, ставя возможность преобразования первобытно-коммунистической русской общины в коммунистическую, о чем мечтали народники, говорит всего лишь о том, как обеспечить ей эти самые «нормальные условия».

Впрочем, если вести речь о колхозах, то здесь мы как раз имеем то, о чем говорили Маркс с Энгельсом, и против чего не возражал Ленин. Просто революция на Западе немного опоздала. Зато русская революция свершилась раньше. И поэтому диктатура пролетариата в России выполнила ту функцию, которую должен был, согласно мнению Маркса и Энгельса, выполнить западный пролетариат – обеспечить общине условия для ее «нормального развития». Разумеется, ни о чем подобном не могла идти речь, если бы диктатуры пролетариата в России не было или если бы она не была достаточно крепка.

Большое место в своей книге Кара-Мурза уделяет истории русских революций. Его взгляд на Великую Октябрьскую революцию весьма своеобразен:

«По сути, никакой революции в Октябре не было, был просто закреплён факт: временное правительство иссякло, его власть перешла к Советам» (с.103).

Согласитесь, что такое заявление немного удивляет. Ведь таким способом можно заявить и, скажем, такое: «По сути никакой Победы не было, был просто закреплён факт: Гитлер иссяк, его власть перешла в руки антигитлеровской коалиции». Разумеется, такое утверждение было бы просто кощунственным в отношении миллионов людей, которые эту Победу «приближали как могли», и многие из которых отдали свои жизни ради того, чтобы свершился факт перехода власти в руки антигитлеровской коалиции.

Задача Кара-Мурзы – скрыть, замазать всю ту многолетнюю «подготовительную работу» многих поколений русских революционеров, достойными наследниками которых оказались исключительно только большевики и результатом которой стал Октябрь. И в выполнении этой задачи писатель неистощим на выдумки.

«Сегодня, когда мы почти освободились от официальной мифологии истмата, можно уже серьезно подойти к истории, не теряя слов на преодоление сказок об Октябрьской революции и триумфе марксизма. Восстановление реальной истории – это герменевтика, интерпретация слов и действий» (там же. 104с.).

Такой вот «серьезный подход к истории»! Доказывая неприменимость к русской истории марксизма, как учения, возникшего на западноевропейской почве, наш автор апеллирует к герменевтике. Можно подумать, что она возникла на российской почве. Прямо обидно становится за хорошего человека (а Кара-Мурза, несомненно, человек хороший). Напала на человека блажь профессорская, что он умнее Маркса, Энгельса и Ленина вместе взятых, (а как же, они ведь не были «системными аналитиками»), и он, не задумываясь, ставит на карту веру читателя даже в те способности, которые у него и на самом деле есть.

Для того, чтобы доказать несостоятельность марксизма, Кара-Мурза не брезгует ничем. Вот посмотрите, как он излагает основы этого учения:

«Марксизм, в общем, исходил из принципов *«философии бытия»* (исторический процесс как состояние равновесия), а Ленин ввел в партийную мысль принципы *«философии становления»* (исторические изменения как неравновесные состояния). Это придало партии высокую способность к «обучению у реальности» и отказу от догм. На полвека опередив западную философскую мысль, Ленин ввел в политическое мышление представление общественного процесса как перехода «порядок-хаос-порядок» и как большой системы» (с.156-157). Не только любой специалист в области философии, но и просто сдававший экзамен по философии в вузе, без труда заметит, что все эти «философии бытия» и «философии становления» есть бессмысленный набор слов и не имеют никакого отношения ни к марксизму, ни к философии, ни к мышлению вообще (чего стоит одно выражение «процесс как состояние»?). Но так было бы, если бы Кара-Мурза Маркса и Ленина критиковал. Он же их, наоборот, хвалит. Ленин, видите ли, даже «ввел в политическое мышление представление общественного процесса как перехода «порядок-хаос-порядок» и как большой системы». То есть был такой же умный как Илья Пригожин. Что касается писателей типа Ильи Пригожина, то в их авторитете (в отличие от авторитета Маркса, Энгельса, Ленина) современному интеллигенту сомневаться не позволено, хотя никто его особо и не читал. Впрочем, именно на такую аудиторию в основном и рас-

считывает Кара-Мурза, опровергая марксизм – на тех, кто никогда серьезно не изучал ни Пригожина, ни Ленина, ни Маркса.

Иначе разве рискнул бы он пересказывать идеи марксизма вот так:

«Ключевыми идеями, воспринятыми советской идеологией из марксизма, были следующие: справедливость (уничтожение эксплуатации человека человеком), всеединство («Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»), нестяжательство («каждому – по труду», возврат к истокам, к братству в общине), построение светлого царства счастья и воли (прогресс, неисчерпаемые силы науки, ликвидация государства). Понятия и термины марксизма наполнялись при этом своим, часто существенно иным, нежели на Западе, смыслом?» (С.173). Согласитесь, что было бы исключительно интересно узнать, когда и при каких обстоятельствах произошло это непривычное для нас «наполнение». Из каких источников почерпнул наш «системный аналитик» эту сенсационную информацию? Ведь никому из нас никогда не приходилось встречать подобного толкования «ключевых идей марксизма» ни в учебниках, ни в партийных документах, ни в речах советских руководителей. Оказывается, весь этот поповский бред о «справедливости», «всеединстве», «нестяжательстве», «братстве» и т.п. приписывается Ленину. Прямо невозможно понять, как это все уживается у нашего автора с проникновенными призывами к научной добросовестности.

Кара-Мурза буквально поет оду советскому школьному образованию, посвятив целую главу сравнению его со школой в различных западных странах и показав, что наша школа находилась была выше западной, в первую очередь потому, что она воспитывала универсально развитого человека для общественно полезного труда, в то время как западная школа продуцировала «послушных субъектов», «добропорядочных граждан и работников и потребителей», закладывая при этом непроходимую пропасть между представителями разных классов. Но самое смешное то, что автор «Советской цивилизации» видит причины такого успеха советской школы вовсе не в заложенной Лениным в ее основу идеи политехнизма и связи обучения с живой практикой: не только практикой производства, но и практикой коммунистического строительства, а в том, что «Советская власть сделала огромный шаг – порвала с капиталистической школой как «фабрикой субъектов» и вернулась к доиндустриальной школе как «воспитанию личности», но уже с наукой как основой обучения» (там же, с. 135). А на 124 странице мы читаем, что имел в виду автор под «доиндустриальной школой»: «Добуржуазная школа, основанная на христианской традиции, вышедшая из монастыря и университета, ставила задачей «воспитание личности» – личности, обращенной к Богу (шире – к идеалам). Вот тебе и «огромный шаг». Оказывается – это шаг назад. К воспитанию «личности, обращенной к Богу». Не такой ли случайно, «личности», какие в изобилии изображены в знаменитых повестях Гоголя и Помяловского?

Но совершенно бесплодной была бы критика Кара-Мурзы, если бы его писания были просто отброшены в сторону как антимарксистские и, по большому счету, просто антинаучные и недобросовестные. На самом деле, даже самые нелепые идеи этого писателя несут в себе зародыши очень глубоких мыслей. Другое дело, что в своем неприятии марксизма он не в состоянии их развить. А вне марксизма развить диалектические идеи сегодня невозможно. Скажем, его идея о решающей роли крестьянства как «традиционного класса» в русской революции и в современных революциях вообще. В том виде, в каком

ее дает Кара-Мурза, она непродуктивна, поскольку исходит не из анализа действительности, а из определенной догмы, «постулата», для подтверждения которых тщательно подбирает факты и фактики, так же тщательно избегая анализировать факты, их не подтверждающие.

Крестьянство сегодня и впрямь играет серьезнейшую роль в революционном движении. Об этом свидетельствует опыт и китайской революции, и вьетнамской, и кубинской. Но противоречит ли этот опыт марксизму? Нисколько. Даже наоборот. Именно опыт этих революций говорит о том, что победа может быть сколько-нибудь прочной только при условии поддержки их со стороны пролетарских государств – во-первых, и при условии ускоренного развития собственной индустрии, а соответственно усиления роли рабочего класса – во-вторых. Почему во Вьетнаме социализм приживается, а в Кампучии – нет? У них что, общины очень разные были? Да нет. Просто во Вьетнаме начали строить социализм, руководствуясь идеями марксизма и опираясь на рабочий класс, на опыт и поддержку «западных» соцстран, а в Кампучии – с опорой на крестьянскую общину.

Марксизм настаивает на том, что крестьянство под влиянием капитализма будет расслаиваться на противоположные классы – пролетариат и буржуазию. Ничего странного, что именно этот, только что появившийся пролетариат оказывается самым революционным. Точно так же было и с буржуазией. Пока буржуазия молода, она революционна. Революционной она оказывается нередко не только по отношению к феодалам, но и по отношению к буржуазии империалистических стран, которая суть не что иное, как старая, довольная своим положением и поэтому реакционная буржуазия. Но, находясь на стадии разложения крестьянство является движущей силой социалистической революции в основном на разрушительной ее стадии. Что касается созидательной стадии революции, то крестьянство оказывается ее движущей силой только в той мере, в какой оно не только перестает быть крестьянством, но уже и фактически перестало им быть. Да это и неудивительно. Ведь крестьянство идет в революцию вовсе не для того, чтобы законсервировать свое отнюдь не прекрасное общественное положение, а чтобы покончить с ним. В этом смысле, идеализируя если не крестьянский быт, то крестьянское «мироощущение» (как будто можно одно оторвать от другого), Кара-Мурза очень похож на остальных крестьянствующих интеллигентов, которые, сидя в теплой городской квартире, умиляются сельским образом жизни, но не спешат сменить свой городской уют на те суровые условия, которые одни только и формируют «крестьянское мироощущение».

Мы привыкли к антисоветчикам-антикоммунистам. После перестройки мы увидели, что есть очень много интеллигентов-приверженцев Советского строя, но при этом антикоммунистов (впрочем, лозунг «Советы без коммунистов» был сформулирован далеко не вчера). С.Г. Кара-Мурза горячий приверженец Советского строя и вовсе не антикоммунист. Он только антимарксист. Если разобраться, то это явление – не просто немарксистский, а антимарксистский коммунизм – является такой же болезнью советской интеллигенции, как и обычный антикоммунизм-антисоветизм.

Кара-Мурза и сегодня любит щегольнуть тем, что он, видите ли, «системный аналитик». Но не в том ли кроется одна из причин нашего поражения, что, начиная с определенного времени, марксизм, который служил для нашей партии руководством к действию, был заменен этим самым «системным анализом»?! Сила марксизма

была в первую очередь в том, что он был непосредственно связан с практикой коммунистического строительства, – имел ее не только критерием своей собственной истинности, но и основанием для собственного развития. Но Сталин был фактически последним марксистом в полном смысле этого слова. После него марксизм потихоньку уходит в «теорию» (а марксизм как «теория», вне связи с практикой действительного движения, быстро превращается в обыкновенную схоластику), а вожди руководствуются чем бог на душу положил. При Брежневе, например, модным стал «системный анализ». Это словосочетание произносили шепотом и с придыханием, видя в нем какое-то тайное знание, недоступное простым смертным и способное разрешать на самом высоком уровне (и в прямом и в переносном смысле) самые сложные вопросы. Куда там какому-то там марксизму! На проверку «системный анализ» оказался скорее «бессистемным синтезом», а точнее «сборной солянкой» из отрывков самых разнообразных буржуазных теорий, из которых с помощью естественнонаучных методов после оформления в псевдомарксистскую терминологию пытались лепить наукообразное обоснование для постепенного демонтажа заложенных в первые десятилетия Советской власти основ коммунизма. Часть «системных аналитиков» ориентировалась на Запад, часть (среди которых и Кара-Мурза) – оказались «почвенниками». Часть – были откровенными антикоммунистами, часть – не знали, чего им хотеть. Но все они сходились в одном – в высокомерном и пренебрежительном отношении к марксизму.

Сегодня подавляющее большинство бывших партийных «аналитиков» перебежало на сторону буржуазии вслед за партийными начальниками, которых они обслуживали. «Флаг им в руки, топор в спину», как говорится. Плакать по ним не станем. Печальней то, что среди перебежавших партначальников коммунисты так же редкостны, как и марксисты среди неперебежавших спичрайтеров. Вот и С.Г. Кара-Мурза, бескомпромиссно выступая против капитализма и безоговорочно защищая социализм, никогда не забывал хотя бы легонько, но пнуть ногой марксизм, относясь к нему в лучшем случае высокомерно-снисходительно. Именно такое отношение к марксизму оказалось сущей находкой для некоторой части КПРФ, лидеры которой, а особенно Г.А. Зюганов, с самого основания партии только тем и занимаются, что пытаются заменить учение марксизма чем-нибудь более «русским», «патриотическим», более православным, более «демократическим», а самое главное – более рыночным, то есть капиталистическим, но при этом так, чтобы никто не мог поймать за руку и обвинить напрямую в антикоммунизме и пособничестве режиму. Словом, очень им хотелось и коммунистическую невинность соблюсти, и «государственный» капитал приобрести. В этом смысле творчество С.Г. Кара-Мурзы для них – сущая находка.

На почве отрицания марксизма возник и существует

до нашего времени крайне неестественный и уродливый компромисс между слепой искренностью талантливого писателя Кара-Мурзы и расчетливой неискренностью партийной верхушки КПРФ.

Если попробовать найти теоретические источники теорий Кара-Мурзы, то кроме Льва Толстого, на которого указывает сам Кара-Мурза, к его теоретическим предшественникам бесспорно необходимо отнести Н.К. Михайловского – пожалуй, самого видного идеолога русского народничества. Кстати говоря, одной из главных сюжетных линий первой книги «Советской цивилизации» является критика Ленина за то, что он якобы недооценил учение народников и поэтому минимум на двадцать лет опоздал с правильным пониманием российской действительности, все это время пытаясь безуспешно подогнать ее под «евроцентристскую» модель марксизма. И правда, сторонников «самобытности» российского крестьянства Ленин не жаловал. Но при этом претензия Кара-Мурзы к Ленину насчет того, что он их недооценивал, безосновательна. Возле кремлевской стены находится обелиск (говорят, это был первый каменный памятник, поставленный при Советской власти), на котором высечены имена самых крупных революционеров мира. Список составлялся Лениным. Предпоследней стоит фамилия Михайловского. Да, того самого идеолога позднего, уже далеко неревolutionного народничества, к которому мы привыкли как к объекту беспощадной ленинской критики в книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Как видите, критика вовсе не мешала высокой оценке заслуг.

Основной недостаток Кара-Мурзы, точно так же как и основное его достоинство в том, что он тоже всего лишь «друг народа». Для нынешней интеллигенции, и особенно московской, особенно высокопоставленной (а Кара-Мурза занимал весьма серьезные посты), это настоящий подвиг – не перебежать на сторону угнетателей, а всей душой болеть за простой народ. Но Кара-Мурза в своей позиции так и остается интеллигентом, посторонним по отношению к трудящимся и по отношению к коммунистическому движению человеком. Именно поэтому он – не марксист. Марксизм не нужен наблюдателю, даже сочувствующему. Марксизм – «оружие, огнестрельный метод», как писал Маяковский. Оружие необходимо бойцам.

Однако нет сомнения в том, что бойцы будущей русской, точнее советской революции, ставя памятник революционерам последней волны, высекут на нем и имя Кара-Мурзы. И эта честь будет вполне заслуженной.

Но произойдет это тем скорее, чем скорее коммунисты поймут необходимость отмежеваться от любых попыток заменить марксизм как теоретическое оружие революции, любыми, даже самыми блестящими теоретическими суррогатами, которые вполне годятся для того, чтобы самым лучшим способом объяснить то, что произошло, и на этом успокоиться, но совершенно не годятся для того, чтобы служить руководством к боевому, революционному действию.

К десятилетнему юбилею «Правды»

В. И. Ленин

Десять лет исполнилось со времени основания легальной «Правды», легальной – по царским законам – большевистской ежедневной газеты. А перед этим десятилетием стоит еще, примерно, десятилетие: девять лет (1903–1912), считая со времени возникновения большевизма, а если считать со времени основания вполне «большевистской» по направлению старой «Искры» (1900), то тринадцать лет (1900–1912).

Десятилетний юбилей ежедневной, в России издаваемой большевистской газеты... Только десять лет прошло с тех пор! А прожито по содержанию борьбы и движения за это время – лет сто. Быстрота общественного развития за последнее пятилетие прямо-таки сверхъестественная, если мерить на старые мерки, на мерки европейских филистеров, вроде героев II и II^{1/2} Интернационалов, – этих цивилизованных филистеров, которые привыкли считать «естественным», чтобы сотни миллионов людей (свыше миллиарда, если быть точным) в колониях, в полузависимых и совсем бедных странах соглашались терпеть обращение с ними, как с индусами или китайцами, – терпеть неслыханную эксплуатацию, и прямой грабеж, и голод, и насилия, и издевательства – все ради того, чтобы «цивилизованные» люди могли «свободно», «демократично», «парламентски» решать вопрос, мирно ли поделить добычу или перебить десяток-другой миллионов для раздела империалистской добычи – вчера между Германией и Англией, завтра между Японией и Америкой (с тем или иным участием Франции и Англии).

Основная причина этого громадного ускорения мирового развития есть вовлечение в него новых сотен и сотен миллионов людей. Старая буржуазная и империалистская Европа, которая привыкла считать себя пупом земли, загнила и лопнула в первой империалистской войне, как вонючий нарыв. Как бы ни хныкали по этому поводу Шпенглеры и все способные восторгаться (или хотя бы заниматься) им образованные мещане, но этот упадок старой Европы означает лишь один из эпизодов в истории падения мировой буржуазии, обожравшейся империалистским грабежом и угнетением большинства населения земли.

Это большинство теперь проснулось и пришло в движение, которое не в силах остановить самые сильные и «могущественные» державы. Куда им! Теперешние «победители» в первой империалистской войне не в силах победить даже

маленькой, ничтожно маленькой Ирландии, не в силах победить даже той путаницы, которая создалась между ними самими в финансовых и валютных вопросах. А Индия и Китай кипят. Это – свыше 700 миллионов человек. Это, с добавлением окрестных и вполне подобных им азиатских стран, большая половина населения земли. Там надвигается, неудержимо и все быстрее надвигается, 1905 год, – с тем существенным и громадным отличием, что в 1905 году революция в России могла еще пройти (по крайней мере, сначала) изолированно, т. е. не втягивая сразу в революцию другие страны. А растущие в Индии и в Китае революции уже сейчас втягиваются и втянулись в революционную борьбу, в революционное движение, в международную революцию.

Десятилетний юбилей ежедневной легальной большевистской «Правды» показывает нам наглядно одну из вех великого ускорения величайшей мировой революции. В 1906–1907 годах царизм разбил революцию, казалось бы, наголову. Большевистская партия сумела через немного лет продвинуться – в другой форме, по-иному – в цитадель врага и ежедневно «легально» начать работу взрыва проклятого царского и помещичьего самодержавия изнутри. Прошло еще немного лет, и организуемая большевизмом пролетарская революция победила.

Когда основывалась старая «Искра», в 1900 году, в этом участвовал какой-нибудь десяток революционеров. Когда возникал большевизм, в этом участвовало, на нелегальных съездах Брюсселя и Лондона в 1903 году, десятка четыре революционеров.

В 1912–1913 годах, когда возникла легальная большевистская «Правда», за ней стояли десятки и сотни тысяч рабочих, своими копеечными сборами победивших и гнет царизма, и конкуренцию мелкобуржуазных предателей социализма, меньшевиков.

В ноябре 1917 года на выборах в учредилку голосовало за большевиков 9 миллионов из 36. А на деле, не в голосовании, а в борьбе, за большевиков было в конце октября и в ноябре 1917 года большинство пролетариата и сознательного крестьянства, в лице большинства делегатов II Всероссийского съезда Советов, в лице большинства самой активной и сознательной части трудящегося народа, именно тогдашней двенадцатимиллионной армии.

«Правда», 5 мая 1922 г.

К десятилетию «Правды»

И. Сталин

1. Ленские дни

Ленские дни явились результатом столыпинского режима «успокоения». Молодые члены партии, конечно, не испытали и не помнят прелестей этого режима. Что касается стариков, то им, должно быть, памятна проклятой памяти карательные экспедиции, разбойничьи набеги на рабочие организации, массовая порка крестьян и, как прикрытие всего этого, – черносотенно-кадетская Дума. Скованность общественной мысли, общая усталость и апатия, нужда и отчаяние среди рабочих, забитость и за-

пуганность крестьян при общем разгуле полицейско-помещичье-капиталистической своры – таковы характерные черты столыпинского «успокоения».

Поверхностному наблюдателю могло показаться, что эпоха революций канула в вечность, что наступил период «конституционного развития» России на манер Пруссии. Ликвидаторы кричали об этом открыто, проповедуя необходимость организации столыпинской легальной рабочей партии. А некоторые старые «большевики», сочувствуя в душе такой проповеди, заблаговременно покида-

ли ряды нашей партии. Торжество кнута и темноты было полное. «Мерзость запустения» – так характеризовалась тогда политическая жизнь России.

Ленские дни ворвались в эту «мерзость запустения» ураганом и открыли для всех новую картину. Оказалось, что столыпинский режим не так уж прочен. Дума вызывает в массах презрение, а рабочий класс накопил в себе достаточно энергии для того, чтобы ринуться в бой за новую революцию. Достаточно было расстрела рабочих в далекой сибирской глуши (Бодайбо), чтобы Россия покрылась забастовками, а питерский пролетариат, выйдя на улицу, одним взмахом смёл с пути хвастливого министра Макарова с его наглым лозунгом «Так было, так будет». Это были первые ласточки начинающегося мощного движения. «Звезда» была тогда права, восклицая: «Мы живы, кипит наша алая кровь огнем неистраченных сил!» Подъем нового революционного движения был налицо.

В волнах этого движения и родилась массовая рабочая газета «Правда».

2. Основание «Правды»

Это было в середине апреля 1912 г. вечером на квартире у тов. Полетаева, где двое депутатов Думы (Покровский и Полетаев), двое литераторов (Ольминский и Батурин) и я, член ЦК (я как нелегал сидел в «бесте» у «неприкосновенного» Полетаева), сговорились о платформе «Правды» и составили первый номер газеты. Не помню, присутствовали ли на этом совещании ближайшие сотрудники «Правды» – Демьян Бедный и Данилов?

Технические и материальные предпосылки газеты были уже даны благодаря агитации «Звезды», сочувствию широких масс рабочих и массовым добровольным сборам денег для «Правды» на заводах и фабриках. «Правда» была поистине результатом усилий рабочего класса России, и прежде всего Питера. Без этих усилий она не могла бы существовать.

Физиономия «Правды» была ясна: «Правда» была призвана популяризовать в массах платформу «Звезды». «Кто читает «Звезду», – писала «Правда» в первом номере, – и знает ее сотрудников, являющихся также сотрудниками «Правды», тому нетрудно понять, в каком направлении будет работать «Правда». Разница между «Звездой» и «Правдой» состояла лишь в том, что аудиторией «Правды», в отличие от «Звезды», служили не передовые рабочие, а широкие массы рабочего класса. «Правда» должна была помочь передовым рабочим сплотиться вокруг партийного знамени проснувшиеся к новой борьбе, но политически отсталые широкие слои русского рабочего класса. Именно поэтому ставила тогда «Правда» одной из своих задач выработку литераторов из среды самих рабочих и вовлечение их в дело руководства газетой.

«Мы бы желали, – писала «Правда» в первом же номере, – чтобы рабочие не ограничивались одним сочувствием, а принимали активное участие в деле ведения нашей газеты. Пусть не говорят рабочие, что писательство для них – «непривычная» работа: рабочие литераторы не па-

дают готовыми с неба, они вырабатываются лишь исподволь, в ходе литературной работы. Нужно только смелее взяться за дело: раз-два споткнешься, а там и научишься писать».

3. Организационное значение «Правды»

«Правда» появилась на свет в такой период развития нашей партии, когда подполье находилось целиком в руках большевиков (меньшевики бежали оттуда), а легальные формы организации – думская фракция, печать, больничные кассы, кассы страхования, профессиональные объединения – не были еще вполне отвоеваны у меньшевиков. Это был период решительной борьбы большевиков за изгнание ликвидаторов (меньшевики) из легальных форм организации рабочего класса. Лозунг «снятия с постов» меньшевиков был тогда популярнейшим лозунгом рабочего движения. Страницы «Правды» пестрели сообщениями об изгнании из страховых организаций, больничных касс и профессиональных объединений засевавших там одно время ликвидаторов. Все шесть депутатских мест рабочей курии были отвоеваны у меньшевиков. В таком же или почти в таком же безнадежном состоянии находилась меньшевистская пресса. Это была поистине героическая борьба большевистски настроенных рабочих за партию, ибо агенты царизма не дремали, преследуя и уничтожая большевиков, а без легальных прикрытий партия, загнанная в подполье, не была в состоянии развиваться дальше. Более того, без завоевания легальных организаций партия не смогла бы при тогдашних политических условиях протянуть щупальца к широким массам и сплотить последних вокруг своего знамени, она оторвалась бы от масс и превратилась бы в замкнутый, варящийся в своем собственном соку, кружок.

В центре этой борьбы за партийность, за создание массовой рабочей партии стояла «Правда». Она была не просто газетой, подводившей итог успехам большевиков в деле завоевания легальных рабочих организаций, – она была вместе с тем организующим центром, сплачивающим эти организации вокруг подпольных очагов партии и направляющим рабочее движение к одной определенной цели. Тов. Ленин писал еще в «Что делать?» (1902 г.), что хорошо поставленная общерусская боевая газета должна быть не только коллективным агитатором, но и коллективным организатором. Именно в такую газету превратилась «Правда» в период борьбы с ликвидаторами за сохранение подполья и завоевание легальных рабочих организаций. Если верно то положение, что без победы над ликвидаторами не было бы у нас той партии, сильной своей сплоченностью и непобедимой своей преданностью пролетариату, которая организовала Октябрь 1917 года, – то столь же верно и то, что упорная и самоотверженная работа старой «Правды» в значительной мере подготовила и ускорила эту победу над ликвидаторами. В этом смысле старая «Правда» была несомненно предвестницей будущих славных побед русского пролетариата.

«Правда», №98, 5 мая 1922 года.

Детище рабочего класса

М.И.Калинин

Трудно переоценить роль «Правды» в оформлении и закреплении нового подъема революционного рабочего движения в 1912–1914 гг. Пережив мрачную реакцию, рабочее движение, особенно после Ленского расстрела, быстро шло вверх, расширяясь территориально, поднимая все новые пласты пролетариата. Пролетариат, последним уступивший реакции боевой фронт борьбы во время революции 1905 г., первым занял боевые позиции против самодержавия и капитализма.

Рождение «Правды» было вызвано уже вновь накопленной революционной энергией рабочего класса. Этим и объясняется, что идея создания ежедневной рабочей газеты нашла столь глубокий и быстрый отклик в рядах пролетариата, и в первую очередь среди петербургских рабочих. В пропаганде этой идеи огромную роль сыграла газета «Звезда», последовательно и настойчиво разъяснявшая политический смысл создания популярной ежедневной рабочей газеты.

5 ноября 1911 года «Звезда» писала:

«Вопрос о ежедневной рабочей газете... является самым насущным, очередным вопросом рабочего движения.

Ежедневная рабочая газета должна привлечь к общему делу широкие неорганизованные массы рабочих, вынужденных теперь довольствоваться «Копейками» и «Современниками».

Она может и должна расширить самые задачи движения, связывая временные задачи отдельных разрозненных групп с постоянными общими задачами рабочего класса...»

Но вместе с предложением об организации рабочей газеты среди некоторых групп петербургского пролетариата раздавались голоса в защиту создания «рабочего дома». В связи с этим «Звезда» разъясняла:

«Отложите, товарищи, до более благоприятных времен мечту о «рабочем дворце», направьте всю вашу энергию на создание рабочей газеты, идейного дворца, который теперь же объединит широкие массы рабочих не одного только Петербурга, но и всей России. При дружном духовном и материальном содействии рабочих масс репрессии над газетой не страшны. Газета не дворец. Закроют на Выборгской стороне, перенесем редакцию на Васильевский остров. Призывайте на собраниях, в рабочих журналах к созданию фонда для рабочей газеты, используйте влияние думской фракции, агитируйте словом и делом, пустите в ход всю вашу энергию, и газета будет создана в самое ближайшее время!!»

Идея создания «рабочего дворца» быстро уступила свое место предложению о создании рабочей газеты...

Так шла подготовка выпуска «Правды». Руководство этой подготовкой принадлежало Центральному Комитету нашей партии, Ленину, точно так же, как им принадлежала и сама идея организации рабочей большевистской газеты.

5 мая (по новому стилю) вышла «Правда». Это была большая победа рабочего движения, победа нашей партии.

Недаром враги нашей партии и рабочего класса встретили появление «Правды» злобными нападками и клеветой. Ликвидаторы травили «Правду», обвиняя ее в «раскольничестве», в «блестящей изоляции» от «общества». Отвечая на это, «Правда» писала:

«Только с одним классом связала свою судьбу «Правда»: с рабочим классом. Только от него, от его героической борьбы, от его великого движения, от его терний и роз, от его побед и поражений не хотела «изолироваться» «Правда» сама, в буквальном смысле слова, – детище рабочего класса».

Я тогда работал на заводе «Айваз» и хорошо помню, какое изменение внес выход «Правды» в нашу внутрипартийную жизнь. Заводская организация сразу же получила огромную нагрузку практической революционной работы. Часть партийцев занялась доставкой газеты. Это очень трудная работа. Как правило, с часу ночи надо было быть в типографии и прямо с машины нести газету на завод. Цензура часто конфисковала номера газеты, и наши товарищи должны были захватывать первые оттиски. Это делалось так: первый отпечатанный лист шел в цензуру, машина же продолжала печатать, не дожидаясь разрешения, а пришедшие за газетой люди забирали и уносили ее к себе. Когда приходил приказ о конфискации номера, часть тиража газеты уже была на квартирах у разносчиков. Утром, бывало, читаешь сообщение о конфискации номера и одновременно видишь его в руках рабочих.

Распределение газеты среди подписчиков завода производилось другой группой членов партии. Принесенные кипы газет распределялись по цехам, а там, в свою очередь, уже среди подписчиков. Разумеется, все это делалось полулегально и для постороннего человека незаметно. В каждом цехе был уполномоченный по подписке на газету. Его задача заключалась в том, чтобы как можно больше рабочих охватить подпиской, собирать подписные деньги и все это сдавать особому уполномоченному, который от имени всей партийной организации завода имел дело с редакцией газеты.

Важнейшим делом являлась агитация за газету. На заводе тогда шла ожесточенная борьба между большевиками, ликвидаторами и эсерами за влияние на рабочую массу. И, конечно, содержание газеты, ее политические установки на заводе постоянно подвергались обсуждению. «Правда» вела беспощадную борьбу с оппортунизмом и, разумеется, свои наиболее острые стрелы направляла против меньшевиков, эсеров, троцкистских организаторов августовского блока.

Большевики всемерно защищали, доказывали правильность правдивских установок, черпая аргументы из самой же «Правды», громили местных оппортунистов.

«Правда», уже в то время фактически являвшаяся центральным органом нашей партии, представляла для царизма силу опасную и «крамольную». И царизм ее преследовал как только мог. Штрафы, конфискации, аресты редакторов и сотрудников сыпались на «Правду» как из «рога изобилия». Накануне объявления войны, т.е. 8 июля 1914 г., «Правда» была закрыта. Но, временно сломив газету, царизм оказался бессильным сломить те идеи, за которые самоотверженно боролась «Правда». Меньше чем через три года вспыхнула Февральская революция, возвратившая нашей партии ее боевой орган, а трудящимся – любимую газету.

1937 г.